

А. Г. Брикнер

История Павла I

А.Г. БРИКНЕР

**ИСТОРИЯ
ПАВЛА I**

АСТ • АСТРЕЛЬ • 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О положении дел перед переворотом
1801 года 25

Жалобы государственных деятелей 26

Военные 44

Императорская семья. 54

Ухудшение положения вещей, ... 64

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Происхождение кризиса 77

План регентства 78

Перемена лиц 98

Павел и Александр 108

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 11—12 марта 1801 года 117

▲ Вечер перед катастрофой 118

Последние дни и часы Павла 128

Ночь	138
Утром на другой день	148

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Заключение...... 161

Впечатление, произведенное событием	162
Александр и Панин	176

Послесловие к первому изданию. *В.И. Семевский* 201

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 257

Хроника царствования Павла I	258
Примечания	273
Именной указатель	284

Введение

Насилие, которым был положен конец царствованию императора Павла, — явление в истории России не единичное. Событие это представляет собой скорее завершение целого ряда переворотов, происходивших в течение XVIII столетия и имеющих много сходного между собой. В их основе нет борьбы политических партий, и они отличаются отсутствием какой бы то ни было политической программы; претенденты, ведущие борьбу за престол или за власть, большей частью даже не выступают защитниками династических прав. На первом плане стоят чисто личные интересы.

Отсутствие закона о престолонаследии без сомнения содействовало неправильной смене царствований. Ввиду этого в любой момент могли предъявить свои права многие претенденты и могла начаться агитация их приверженцев. Постановления, издаваемые время от времени относительно порядка престолонаследия, не достигали цели. Вместо женщин или несовершеннолетних, царствующих номинально, бразды правления захватывают в свои руки временщики. Наряду с императорами либо императрицами тот или другой министр является диктатором, причем его власть, не имеющая прочного основания, легко может быть подвергнута сомнению со стороны его противников. Желания монархов, назначающих себе наследников, нередко

*На стр. 5:
В.Л. Боровиковский.
Император
Павел I*

Н. Верколье.
Портрет Петра I.
1717 г.

кой его в Сибирь. Вместо него и мальчика Петра II в течение короткого времени господствовали Долгорукие. Несколько семей распорядилось затем короной в пользу племянницы Петра Великого герцогини Анны Курляндской, словно Россия подобно Польше была государством с выборным главой. Предполагалось — отчасти с целью воспрепятствовать господству Бирона, любимца Анны, — ограничить власть императрицы олигархической конституцией; но произведенный *coup d'état* привел к противоположному результату: Бирон в течение десяти лет являлся настоящим властелином. Чтобы Бирон и после смерти императрицы Анны не мог удержать власть в своих руках, императором был провозглашен внучатый племянник императрицы Иван, родившийся за два месяца до

сталкиваются с дворцовыми революциями. Напомним некоторые из таких явлений.

После смерти Петра Великого образовалась смелая фракция, утверждавшая, будто он хотел оставить престол своей супруге Екатерине. Никакого указа, определявшего порядок престолонаследия, не было, и так как князь Меншиков и несколько других лиц находили для себя выгодным возвести на престол подругу царя, то дело и было решено в этом смысле; кто в надлежащий момент имел в своем распоряжении войска, провозглашавшие имя кандидата на престол, тот и выигрывал. Но царствовала не Екатерина, а Меншиков. Ему удалось затем возвести на престол малолетнего Петра II, обойдя дочерей императрицы, рожденных, правда, вне брака. Цель князя обеспечить себе власть и после смерти Екатерины была достигнута лишь на несколько месяцев. Диктатура Меншикова, присвоенная им себе произвольно, закончилась ссылкой

ее кончины, а Бирон — регентом. Через несколько недель последний был низвергнут. Номинальное царствование Ивана также было эпизодическим: по истечении года его устранили переворотом, совершенным в пользу Елизаветы Петровны. В последнее время царствования Елизаветы кандидатура Петра Голштинского на русский престол, по-видимому, подвергалась сомнению. Если бы было выполнено намерение императрицы передать корону своему малолетнему внучатому племяннику Павлу, то, наверное, произошло бы то же, что и с несчастными брауншвейгцами, малюткой Иваном, его родителями и их другими детьми. Но и царствование Петра III было лишь коротким антрактом. Он был свергнут своей супругой Екатериной II. Наследником считался Павел. Мать, как полагают, в последнее время своей жизни хотела лишить его права на престол и решила оставить корону внуку Александру. Ее намерение не осуществилось, и Павел вступил на престол, быть может, вследствие того, что было скрыто распоряжение Екатерины. И если она считала Павла неспособным царствовать, то злополучное четырехлетнее царствование этого деспота блистательно подтвердило мнение гениальной императрицы. Устранение Павла стало исполнением ее воли. Ее завещание было осуществлено лишь через четыре года и иначе, чем она того желала. Она хотела избавить страну от безумств и терроризма царствования Павла. Если бы ее желание было исполнено, то не совершилось и одно из самых ужасных насилий, известных истории.

Не столько принципиальные разногласия, сколько интересы отдельных лиц были причиной подобных драм в русской истории, причем миллионы русских подданных играли роль лишь пассивных зрителей. Так как большей частью дело касается устранения неприятной личности, то инициативы нескольких головорезов бывает достаточно для переворота. Если в обществе и в народе обычно никто не становится на сторону низверженного, изгнанного, заключенного или убитого, это объясняется пассивным отношением масс к таким явлениям и слабостью политических и социальных организмов. Правда,

*Ж.М. Наттье.
Портрет
Екатерины I.
1717 г.*

иногда то здесь, то там проявляются симпатии и антипатии. Но ни малейшей склонности к действию у публики не замечается. Да и нельзя было подыскать для такого действия никакой формы. Проявления общества отличаются крайней сдержанностью.

Таким образом, в этих внезапных и неожиданных переворотах деятельную роль играют лишь немногие лица. Незначительное количество заговорщиков, располагающих некоторыми военными силами, решает все в несколько часов. При этом политические учреждения не принимаются во внимание. Они совершенно механически санкционируют происшедший переворот, преклоняясь подобно массе подданных перед властью данной минуты. Готовность признать свершившееся — вот их обычный образ действия. Отдельные случаи несогласия, отказа от присяги, сопротивления наказываются или усмиряются без труда и пощады. Хор в трагедии отсутствует.

Часто в подобных случаях народ совершенно лишен возможности узнать подробности событий. Сущность этих катастроф такова, что они разыгрываются как бы за кулисами. Лишь случайно и по частям выясняется, как при этом обстояло дело. Известным становится факт устранения высокопоставленных лиц; детали же события остаются окутанными мраком. Место заключения или изгнания бывших властели-

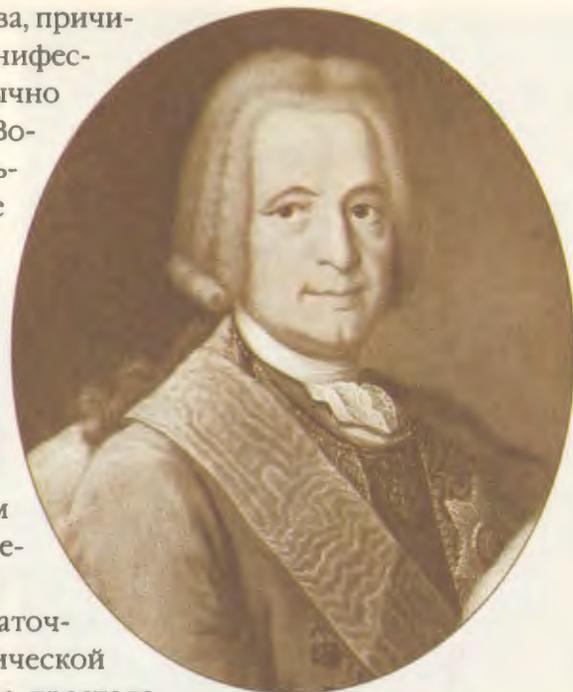
Г.Д. Молчанов. Портрет Петра II. (Фрагмент)

Неизвестный художник. Портрет А.Д. Меншикова

нов не всегда известно; когда совершаются убийства, причиной смерти в основном объявляются болезни. Манифесты, в которых сообщается о происшедшем, обычно скрывают и искажают истинное положение дел. Воображению современников предоставляется большой простор, тем более что чаще всего подобные трагедии разыгрываются в ночном мраке. Об этих таинственных событиях люди шепотом сообщают друг другу верные и неверные сведения. Вследствие недостаточной скрытности участников подобных событий там и сям приподнимается покрывающая их завеса. Процессуальные акты застенков показывают, как опасно было быть осведомленным относительно происшедшего, а тем более выражать свое мнение о нем и занимать определенную позицию по отношению к событиям.

Тем не менее народ и общество узнавали достаточно для того, чтобы прийти к заключению о трагической превратности судьбы. Те, кого сегодня видели на престоле или около, в блеске и роскоши, завтра оказывались на богато убранном смертном одре, в темнице, в ужасной бедности или на пути в снежные поля Сибири. Маленький император Иван Антонович из царской колыбели в Петербурге попал в тюрьмы в Холмогорах и Шлиссельбурге, даже не сохранив в памяти своего детства на престоле. Его родители и их дети, родившиеся в пурпуре, целые годы и десятки лет изнывали в темнице. Меншиков, Долгорукие, Бирон, Остерман, Миних и другие, управлявшие судьбами России, были отправлены в изгнание на далекий восток как преступники, в крайне жалких условиях. Иван был убит в тюрьме; Петр III умер насильственной смертью через несколько дней после своего низложения с престола; еще быстрее произошла катастрофа с Павлом. Чем меньше было достоверно известно об этих насильственных переменах, тем легче верили всяким басням о местопребывании жертв дворцовых революций. Этим объясняется успех самозванцев, которых было больше, чем обычно полагают. Одно за другим появлялись лица, выдававшие себя за сына Петра Великого царевича Алексея, умершего во время пытки, а может быть, и казненного; Петром III именовали себя целые дюжины авантюристов; в лице самозванца поднялась и тень Ивана, после того как он был убит в Шлиссельбурге своими тюремщиками, и т.д. Появление и временный успех таких обманщиков указывают на известную симпатию народа к жертвам насильственных переворотов, а еще более — на недовольст-

*Эрнст Иоган
Бирон*

*Андрей Иванович
Остерман*

Императрица Анна Иоанновна

В.И. Якоби. Арест Бирона

во правительством данного момента. Однако никто не слышал о появлении лже-Павла.

Сама насильственность устранения великих мира сего нередко заключала в себе возможность или вероятность утраты жертвами не только свободы, но и жизни. Если нападение на высокопоставленных лиц, как это часто случалось, происходило во время их сна хотя бы лишь с целью арестовать их, то малейшего сопротивления с их стороны было достаточно для того, чтобы вызвать схватку; исходом такой борьбы легко могла стать смерть лица, устранение которого являлось желательным. Когда в ноябре 1740 года должен был произойти арест регента Бирона, фельдмаршал Миних, инициатор переворота, дал полковнику Манштейну, посланному в покои регента, инструкцию убить последнего в случае сопротивления с его стороны.¹ Произошла сцена, отчасти напоминающая конец Павла. Разбуженный шумом, Бирон попытался спрятаться под кроватью и, когда его схватили, отбивался кулаками

и укусил палец солдату, который хотел запихать ему в рот платок.² Жизнь регента висела на волоске, и его весьма легко могла постигнуть участь Павла. Если герцог Брауншвейгский Антон Ульрих во время ночного нападения на него и на его семью приверженцев Елизаветы в ноябре 1741 года стал бы защищаться, то могла бы произойти трагедия. Остермана и Миниха, арестованных в ту же ночь, били прикладами и всячески мучили, так что жизнь их находилась в опасности, как и жизнь дяди Петра III в 1762 году, арестованного при подобных же условиях, и т.д. Такие сцены не обходятся без насилия, они требуют известной грубости. Даже в том случае, если количество заговорщиков сравнительно незначительно, вооруженные люди, находящиеся в их распоряжении и представляющие собой грубую силу, легко могут довести дело до кровавой развязки.

Такие взрывы, которые можно иногда рассматривать как коллективные преступления, нередко бывают связаны с нарушением присяги военными, причастными к этим преступлениям. Рядом с интригой, которая ведется отдельными лицами, происходит нечто вроде солдатского мятежа. Чтобы низложить существующую власть, которая считает, что имеет поддержку в войсках, необходимы именно эти войска или та их часть, которая, подчиняясь одному вождю, нарушая данную присягу, соглашается быть слепым орудием в его руках. Солдаты, подчиняющиеся при таких условиях офицерам, часто понятия не имеют о связи фактов и не сознают, что нарушают присягу. В случае коллизии между своими обязанностями они следуют непосредственному приказу, исходящему от начальников. Нравственная ответственность поэтому не падает на солдат, хотя в случае неудачи возмущений подобного рода они подвергаются жестоким наказаниям;³ изменниками и нарушителями присяги являются офицеры.

Во всех государственных переворотах в России решающую роль играют гвардейские офицеры. Лицам, стоящим во главе заговора, необходимо содействие войска. Главной причиной успеха князя Меншикова после смерти Петра Великого было то, что на стороне князя стояли генерал Бутурлин и его солдаты, провозгласившие Екатерину I императрицей. Когда в 1730 году грозила опасность самодержавной власти императрицы Анны и когда нужно было помешать ограничению монархической власти со стороны немногих олигархов, гвардейские офицеры решили дело громким требованием самодержавия императрицы.⁴ Приверженцы Анны сумели оказать влияние на войско. Горсти солдат, умело руководимой и получившей приказание арестовать регентшу Анну Лео-

*Бурхард Христофор
Миних*

*Шеле. Императрица
Анна Иоанновна
разрывает акт
ограничения
самодержавия
в 1730 г.*

польдовну, было достаточно, чтобы возвести на престол царевну Елизавету. Насколько легко совершались подобные перевороты в России, видно из замечания саксонского посланника Пецольда по поводу вступления на престол Елизаветы: «Все русские признают, что можно делать, что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков золота». При содействии гвардейских офицеров Екатерина в 1762 году свергла с престола своего супруга.

Правда, некоторые военные, верные присяге, принесенной ими Петру III, готовы были бороться за государя. Наступил момент, когда стали считать вероятным кровавое столкновение между различными частями войск. Но фактическое вступление на престол Екатерины и жалкое поведение Петра рассеяли эту опасность.⁶ Точно так же в 1801 году некоторые части армии готовы были бы вступить за Павла, если бы его смерть не положила предела его правам и притязаниям.

*Г.Г.И. фон Преннер.
Портрет
императрицы
Елизаветы Петровны.
1754 г.*

Обычно в такие критические моменты быстро и решительно происходит событие помимо всяких нравственных или юридических соображений. Солдатская грубость заменяет собой политическое учреждение. Государственная машина лишена предохранительных клапанов, поэтому взрыв неизбежен. Чем незначительнее стремление стоять за право и закон, тем сильнее припадок болезни в государственном организме. Подданные остаются совершенно пассивными, никто не становится на сторону низверженного, поэтому такого рода кризисы не сопровождаются многочисленными человеческими жертвами. Сравнительно незначительное количество недовольных свершившимся фактом погибает от пытки. Вот и все. Междоусобная война немыслима. Потрясение, происшедшее в центре, не отзывается ощутимым образом на темной народной массе. Известие о перемене той или другой личности принимается спокойно. Все прочее остается по-прежнему.

Но все-таки легкость, с которой совершаются подобные события, оказывает деморализующее действие. Новые правители, после своей победы опирающиеся на то же войско и вынуждающие у него присягу, сознают, что на военную силу полагаться нельзя, и начинают бояться своих же приверженцев. После падения Бирона Анна Леопольдовна сильно опасалась, что фельдмаршал Миних, арестовавший регента с ее согласия, может и с ней сыграть подобную штуку, и потому дело дошло до падения Миниха. Приведенное выше замечание Пецольда показывает, что после вступления на престол Елизаветы считали возможным повторение подобных сцен хотя бы в пользу только что низложенных брауншвейгцев. Всякий раз такие кризисы сопровождались уголовными процессами, так как находились люди, готовые следовать только что поданному примеру и предпринять что-нибудь в таком же роде. Поэтому

каждое новое правительство вынуждено дебютировать террористическими мерами: с них начали регент Бирон, Елизавета и Екатерина. Удачный переворот 1762 года, легкость устранения Петра III вызвали подражание подпоручика Мировича, затеявшего то же самое в пользу шлиссельбургского узника. Но Мирович действовал менее ловко. Проект же неудавшегося *coup d'état* 1764 года, а также и цель его точь-в-точь напоминают удачный переворот 1762 года. Орлов, помогший Екатерине проложить себе дорогу к престолу, как рассказывают, хвастался впоследствии тем,

Г.Х. Гроот.
Портрет
императрицы
Елизаветы Петровны
на коне с африканцем.
1743 г.

что может произвести переворот и против нее. Подобные же слова, по-видимому, приписывали и графу Палену, главному инициатору устранения Павла. Палена считали способным повторить однажды совершенный под его руководством переворот. Супруге Павла это казалось возможным; Александр чувствовал себя в опасности, и его отношение к графу Панину свидетельствует о такого рода сомнениях. Если правительство внезапно было сражено штыком, на который оно полагалось, то следующее за ним правительство вполне могло подвергнуться подобной участи.

Всегда имелось достаточно претендентов, за мнимые или настоящие права которых могла вступить горсть гвардейских офицеров. Почему после вступления на престол Екатерины I нельзя было провозгласить императором Петра II? О кандидатуре Елизаветы в военных кругах шла речь еще задолго до переворота 1741 года, во время царствования ее предшественников. В 1749 году офицер Батурин попытался совершить в пользу Петра Голштинского то же самое, что несколько офицеров со своими солдатами несколькими годами раньше сделали в пользу Елизаветы. Так как в первые годы царствования Екатерины не все верили в смерть Петра III, появились самозванцы, принимавшие его имя и собиравшие вокруг себя значительное количество мятежников. Замышлялись покушения на жизнь Екатерины с целью возведения на престол ее сына Павла. То, что удалось совершить в пользу Александра путем устранения Павла, могло, пожалуй, удасться и в пользу вдовствующей императрицы Марии Федоровны, тем более

что в первый момент после того, как престол оказался свободным, она, по-видимому, была не прочь предъявить на него свои права.

Мы видим, что события 1801 года, изображению которых посвящено это исследование, имеют поразительное сходство со многими кризисами XVIII столетия. При сравнении с соответствующими эпизодами предшествующих времен конец Павла становится понятнее, как патологическое явление в государственной жизни.

Едва ли можно надеяться найти в государственных архивах много материалов, касающихся эпизода, совершившегося в марте 1801 года. Само событие это таково, что русское правительство не могло желать обнародования подробностей преступления, совершенного над монархом. Общие проявления государственной власти клонились скорее к тому, чтобы скрыть истинное положение дел. Никто из участников или сообщ-

*Екатерина II
в мундире
Преображенского
полка*

*Великий князь
Павел Петрович*

*Петербург. Третья
четверть XVIII в.*

ников преступления не был предан суду. Поэтому мы не имеем судебных актов, которые в аналогичных случаях могут служить историческими источниками. Лица, составившие план устрания Павла — Пален, Панин, Александр, — стояли во главе государственных дел. Они были нравственно ответственны за то, что произошло, но не были привлечены ни к какой другой ответственности. Удаление Палена и Панина со службы и из столицы через несколько месяцев после переворота, связанное, несомненно, с кончиной Павла, не вызвало исследования, которое сохранилось бы хотя бы в архивах.

Итак, по русским государственным документам нельзя подробно ознакомиться с этими событиями, но не много нового мы найдем и в депешах иностранных посланников, находившихся в то время в Петербурге. О происхождении кризиса дипломаты, разумеется, не могли ничего знать. Во всяком случае, лучше других должен был быть осведомлен английский посланник Уитворт, находившийся в интимных отношениях с Жеребцовой, сестрой Зубовых. Но подобно многим другим посланникам Уитворт за несколько месяцев до катастрофы стал жертвой деспотического каприза Павла и должен был внезапно покинуть Петербург. Поскольку многие другие дипломаты встречали со стороны Павла такое же отношение к себе, дипломатический корпус вообще сильно сократился. Из дипломатов, находившихся во время катастрофы в Петербурге, шведский посол Стедингк в первый момент поверил тому, что Павла хватил удар, и лишь впоследствии получил возможность узнать о том, как действительно обстояло дело. Упомянутая далее записка саксонского резидента Розенцвейга показывает, впрочем, что многое, несмотря ни на что, становилось известным.

Для выяснения обстоятельств события особенно важно было бы выслушать лиц, принимавших в нем непосредственное участие. Историк может произвести нечто вроде допроса виновных. При этом выступают также свидетели, подробно повествующие о слышанном и виденном. Таким образом можно собрать богатый материал *quasi* судебно-уголовных документов. То, что говорилось в интимных беседах Паленом, Беннигсенем и самим императором Александром по поводу трагического происшествия, мало-помалу вышло наружу в исторической литературе. Собрание и группировка этих разговоров дает возможность заглянуть глубоко в сам ход событий. Тут происходит то же самое, что и при допросе свидетелей на суде, в конце концов дающем возможность судьям и присяжным произнести приговор.

Укажем на важнейшие сочинения, стараясь придерживаться порядка их обнаружения.

В их ряду первое место занимает знаменитый труд Тьера «Histoire du consulat et de l'empire». Тьер повествует о смерти Павла по двум источникам: один из них — это сообщение «очень хорошо осведомленной личности», в свое время составленное для берлинского двора и переданное затем первому консулу Наполеону; другой источник — рассказ одного французского эмигранта, лично знакомого с Беннигсенем и Паленом и узнавшего от них весьма важные детали события. В течение нескольких десятилетий не было известно, кто был этот эмигрант, и только позднее выяснилось, что это не кто иной, как известный граф Ланжерон, десятки лет (1790—1831 годы) находившийся на русской службе, сообщения которого о России, большей частью касающиеся военной истории, в шести красивых фолиантах

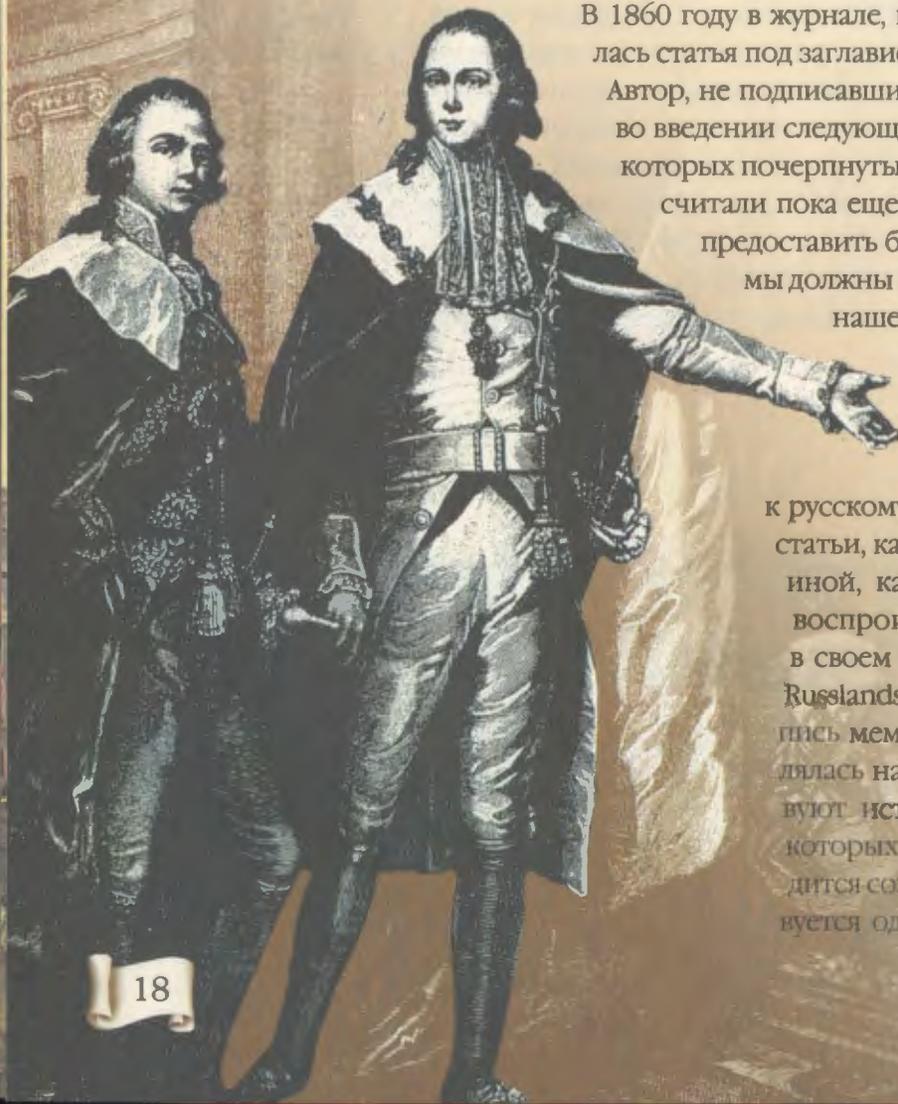
Великая княгиня
Мария Федоровна

хранятся в министерстве иностранных дел в Париже. Не подлежит сомнению, что Тьер имел в виду именно этот источник.

В момент катастрофы Ланжерона не было в Петербурге, но впоследствии он имел возможность подробно слышать о ней. Тотчас после убийства Павла Ланжерон, находившийся в своем полку в местечке Кобрин Гродненской губернии, узнал о вступлении на престол нового императора, не подозревая, как это совершилось.⁸ В 1804 году Ланжерон посетил графа Палена, жившего в Митаве, и расспросил его обо всем происшедшем. Спустя несколько лет Ланжерон увиделся с генералом Беннигсеном, который близко знал Ланжерона и высоко ценил его способности. Беннигсен также весьма подробно рассказал ему о катастрофе. В 1826 году Ланжерон встретился с великим князем Константином, и последний также подробно сообщил ему о том, как произошел переворот 1801 года, и о том, что сам он, великий князь, пережил при этом. Ланжерон, записавший рассказы Палена и Беннигсена в дни свиданий с этими двумя главными заговорщиками, записал также рассказ великого князя Константина. Таким образом возникло сочинение Ланжерона «De la mort de Paul I» («О смерти Павла I»), рукопись которого находится среди бумаг Ланжерона в парижском архиве и которым воспользовался Тьер. Сочинение это в довольно полном виде было опубликовано виконтом де-Груши в «Revue Britannique» (1895, июль).

*И.Б. Лампи-старший.
Великие князя
Александр
и Константин
Павловичи*

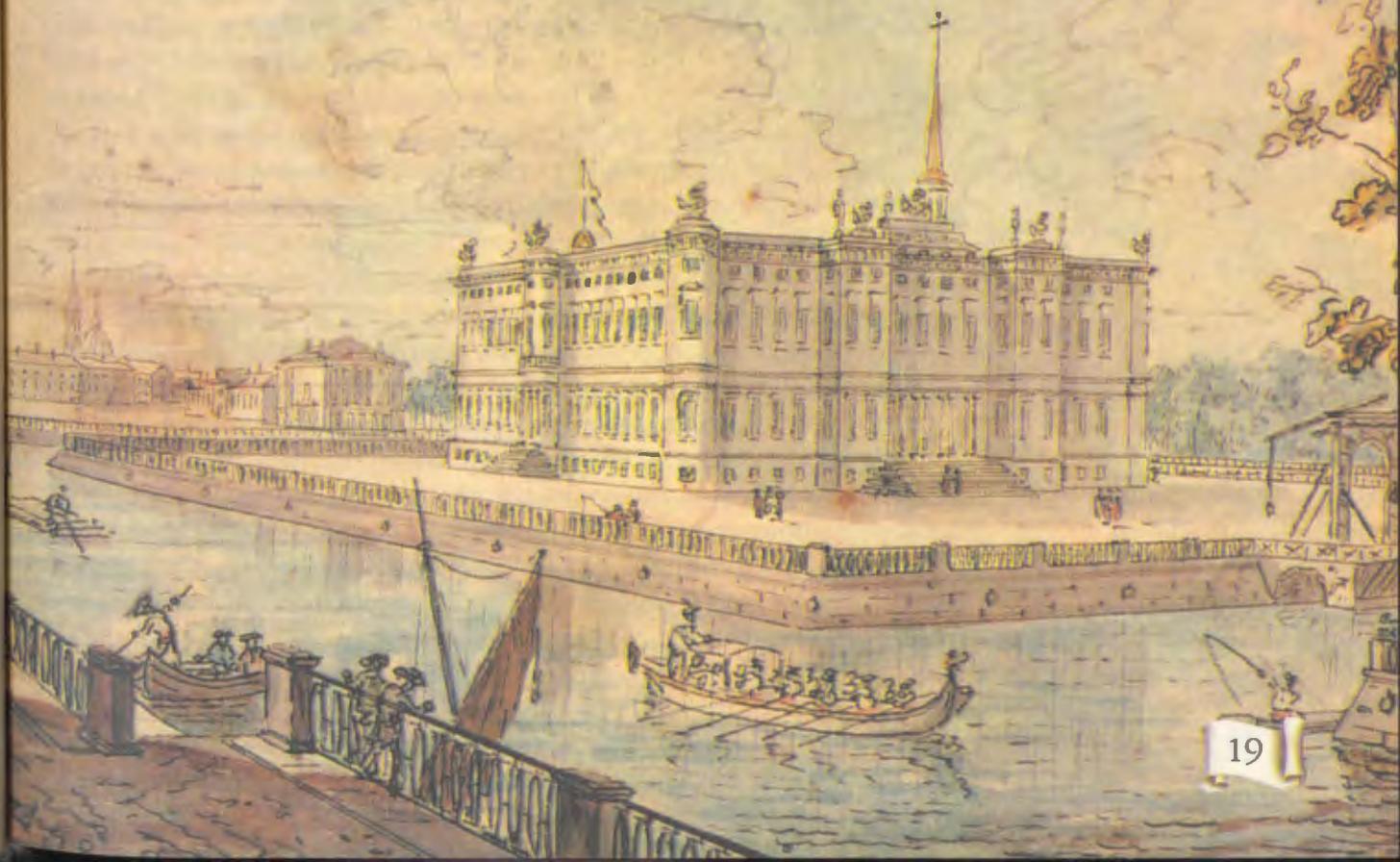

Беннигсен и в другой раз рассказывал о событии 1801 года. В 1860 году в журнале, издаваемом Зибелем (том III), появилась статья под заглавием «Умерщвление императора Павла». Автор, не подписавший своего имени под статьей, говорит во введении следующее: «Назвать отдельные источники, из которых почерпнуты излагаемые сведения о событиях, мы считали пока еще неудобным, полагая, что это следует предоставить более отдаленному будущему; здесь же мы должны ограничиться указанием, что в основу нашей статьи положен отрывок рукописных мемуаров генерала Беннигсена и что весь наш рассказ основан на непосредственных сообщениях лиц, стоявших в то время близко к русскому двору и к событиям». Автором этой статьи, как оказалось впоследствии, был не кто иной, как Теодор фон Бернгарди, который воспроизвел сущность этой монографии в своем труде «История России» («Geschichte Russlands», II, 2, с. 431 ff.). К сожалению, рукопись мемуаров Беннигсена с тех пор не появлялась на свет. О местонахождении ее существуют исторические рассказы, достоверность которых ничем не доказана. Тем более приходится сожалеть о том, что Бернгарди довольствуется одним перечислением своих источни-

ков, так что остается неизвестным, какие данные почерпнуты им у Беннигсена и какие — из других, по всей вероятности, устных источников.

В 1865 году в английском журнале «Fraser's Magazine for Town and Country» (август и сентябрь) появились записки русского генерала Саблукова под заглавием «Remembrances of the Court and Times of the Emperor Paul I of Russia» («Воспоминания о дворе и временах русского императора Павла I»). Автор этих записок в сравнительно молодом возрасте, главным образом в царствование Павла, сделал быструю военную карьеру и в 1801 году был полковником кавалерийского полка, пользовавшегося особым доверием императора Павла и его супруги. Шеф полка, великий князь Константин, с расположением относился к составителю упомянутых мемуаров. Накануне катастрофы Саблуков был свидетелем того, что происходило в Михайловском дворце. Он нередко имел возможность беседовать с императором Павлом незадолго до его кончины, а тотчас после катастрофы, ночью, явился на место действия, разговаривал с великим князем, Паленом и др. и таким образом узнал много интересных подробностей о событиях. Правда, рассказ Саблукова составлен очень поздно, в 1840—1847 годах, в Англии, Карлсруэ и Петербурге, но, вероятно, автор пользовался заметками, сделанными раньше. Так, например, к рассказу приложены планы расположения императорских покоев в Михайловском дворце, что весьма помогает ориентироваться относительно многих деталей происшествия. Благодаря той роли, которую Саблуков играл при дворе, ему было известно очень многое о положении Павла и лиц, близких к государю. Отец Саблукова принадлежал к числу жертв, пострадавших от раздражения душевнобольного монарха. Тем не менее Саблуков оставался верен императору и осуждал образ действия заговорщиков. Свои мемуары Саблуков, человек высокообразованный и часто

Ф.Я. Алексеев. Вид
Михайловского замка
в Петербурге.
1799—1800 гг.

*Роспись купола
в церкви
Михайловского
замка*

бывавший в Западной Европе, писал по-английски. Лишь часть этих записок напечатана по-русски в историческом журнале «Русский Архив».

Главный виновник катастрофы граф Пален, передавший, как было упомянуто выше, подробные сведения Ланжерону в 1804 году, высказывался по тому же поводу и в другой раз, вскоре после катастрофы, притом крайне откровенно и беззастенчиво. Это произошло в разговоре с бароном Гейкингом (Heyking), мемуары которого, написанные по-французски, опубликовал в извлечениях на немецком языке Бинеманн.¹⁰ Большое значение имеют воспроизведенные в этих мемуарах рассказы Палена и его мнение о неизбежности катастрофы и заслугах ее зачинщиков.

Гораздо менее склонен был говорить о событии и своем участии в нем граф Никита Петрович Панин. В 1800 году, занимая пост вице-канцлера, он составил план регентства, имевший в виду устранение несчастий, неизбежных в злополучное царствование Павла; при этом Панин действовал с согласия великого князя Александра. Поскольку в конце 1800 года Панин подобно многим другим сановникам был изгнан императором из столицы, то во время самой катастрофы находился не в Петербурге. Он очень решительно и горячо порицал насилие, совершенное заговорщиками, и непосредственно не был причастен к преступлению. Тем не менее император Александр впоследствии удалил его, поступив с ним так же, как с Паленом и Зубовыми. В многотомном труде А. Брикнера на русском языке «Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина» (СПб., 1888—1892) по причинам, не зависящим от издателя, лишь неполно говорится о событиях, относящихся к концу царствования Павла. Однако и из этого сочинения можно кое-что узнать о катастрофе, причем особенно интересно сообщение о

том, что проекты Панина и Александра относительно регентства совсем не были похожи на осуществление этих планов Паленом, Беннигсеном и другими, положившими конец царствованию и жизни Павла. Уже Бернгарди придавал этому обстоятельству большое значение. В настоящее время благодаря сочинению, изданному по поручению внучки Панина княгини Мещерской, мы имеем возможность значительно расширить наши сведения.

Впрочем, Панин имел случай уже раньше высказаться относительно катастрофы с Павлом. В сочинении, носящем название «Geheime Geschichten und räselhafte Menschen», Sammlung verborgener oder vergessener Merkwürdigkeiten, herausgegeben von Friedrich Bülow, Leipzig, 1850, I, с. 58 ff. («Таинственные истории и загадочные люди»), мы находим изображение переворота 1801 года, причем приводимые там весьма важные исторические подробности сопровождаются следующей цитатой: «Подробности эти сообщены автору этих записок самим графом Паниным, умершим в начале 1837 года».

Автором записок, помещенных в сборнике «Geheime Geschichten, etc.», оказался саксонский резидент Розенцвейг, мемуары которого, хранящиеся в рукописи в дрезденском архиве, были напечатаны в журнале «Aus allen Zeiten und Landen» (Braunschweig, 1882, Oktober). Так как главное содержание этих записей Розенцвейга уже помещено в сборнике «Geheime Geschichten, etc.», что ускользнуло от внимания нового издателя, то следует считать неправильным обозначение напечатанных в журнале мемуаров «впервые издаваемыми подлинными записками саксонского посланника Карла Фридриха Розенцвейга». Заметим, что сообщения этого дипломата своими интересными деталями, подробностями и основательностью не уступают рассказам Ланжерона.

Узнав, как высказывались о событии 1801 года Пален, Беннигсен, Панин и др., нам особенно интересно было бы выслушать наследника престола Павла императора Александра, который был одним из главных деятелей в данной трагедии. Этот интерес с избытком удовлетворяется в записках близкого друга Александра князя Адама Чарторыского, изданных в 1887 году в Париже в двух томах. Во время самой катастрофы Чарторыского не было в России, но тотчас после своего вступления на престол Александр

Император Павел I

вызвал его в Петербург. Чарторьский застал молодого монарха в крайне возбужденном состоянии; Александра мучили угрызения совести, и в своих разговорах он склонен был постоянно возвращаться к катастрофе. Из передаваемых Чарторьским — правда, весьма кратко, — рассказов Александра видно, что великий князь не ожидал такого насильственного исхода дела и был глубоко потрясен тем, как выполнили проект регентства, составленный им вместе с Паниным и Паленом. Записки Чарторьского как источник имеют весьма важное значение. Они подтверждают, в сущности, то, что мы узнаем об образе действий Панина из бумаг последнего. Выдающееся значение в записках Чарторьского имеют сообщения об удалении Палена и Панина от двора. Записки многое проясняют в душевной жизни Александра, указывают среди прочего на его подозрительность.

Таковы главные источники, которые по истечении длительного времени после катастрофы дают возможность воспроизвести событие 1801 года во многих деталях. На постоянно ставившийся прежде вопрос о виновности Александра очень легко дать ответ на основании того, что высказано участниками этого дела, приняв при этом в соображение смягчающие обстоятельства. Вина его особенно уменьшается, когда мы узнаем из сообщений самих заговорщиков о том, насколько нестерпимо было положение дел и как необходимо было во что бы то ни стало положить ему конец. Опасность, угрожавшая подданным и государству, возросла до такой степени, что приходилось действовать против Павла в целях самосохранения. Принятие решительных мер становилось делом патриотическим. Если можно считать какой-нибудь государственный переворот спасительным, то это именно переворот 1801 года в России. Отношение к совершившемуся событию во всех слоях общества, известное нам из других источников, оправдывает решение, принятое главными зачинщиками переворота — Паниным, Паленом, Александром. Лишь грубая жестокость, с которой были выполнены их планы, тяжелым бременем ложится на Палена, Беннигсена, Зубовых и др.; надо, впрочем, заметить, что двое первых не принимали непосредственного участия в кровавой сцене.

Из других источников, проясняющих общее положение дел, самый ценный — это «Архив князя Воронцова». В 38 томах данного издания помещена главным образом частная переписка высших сановников и лиц, игравших известную роль при русском дворе в царствования Елизаветы, Екатерины, Павла и Александра. Такого рода письма изображают события более непосредственно, чем мемуары или подобные им записи. Откровенные сооб-

*Неизвестный
художник XVIII в.
Вид Аничкова дворца
и Невского проспекта
от Фонтанки
к Адмиралтейству*

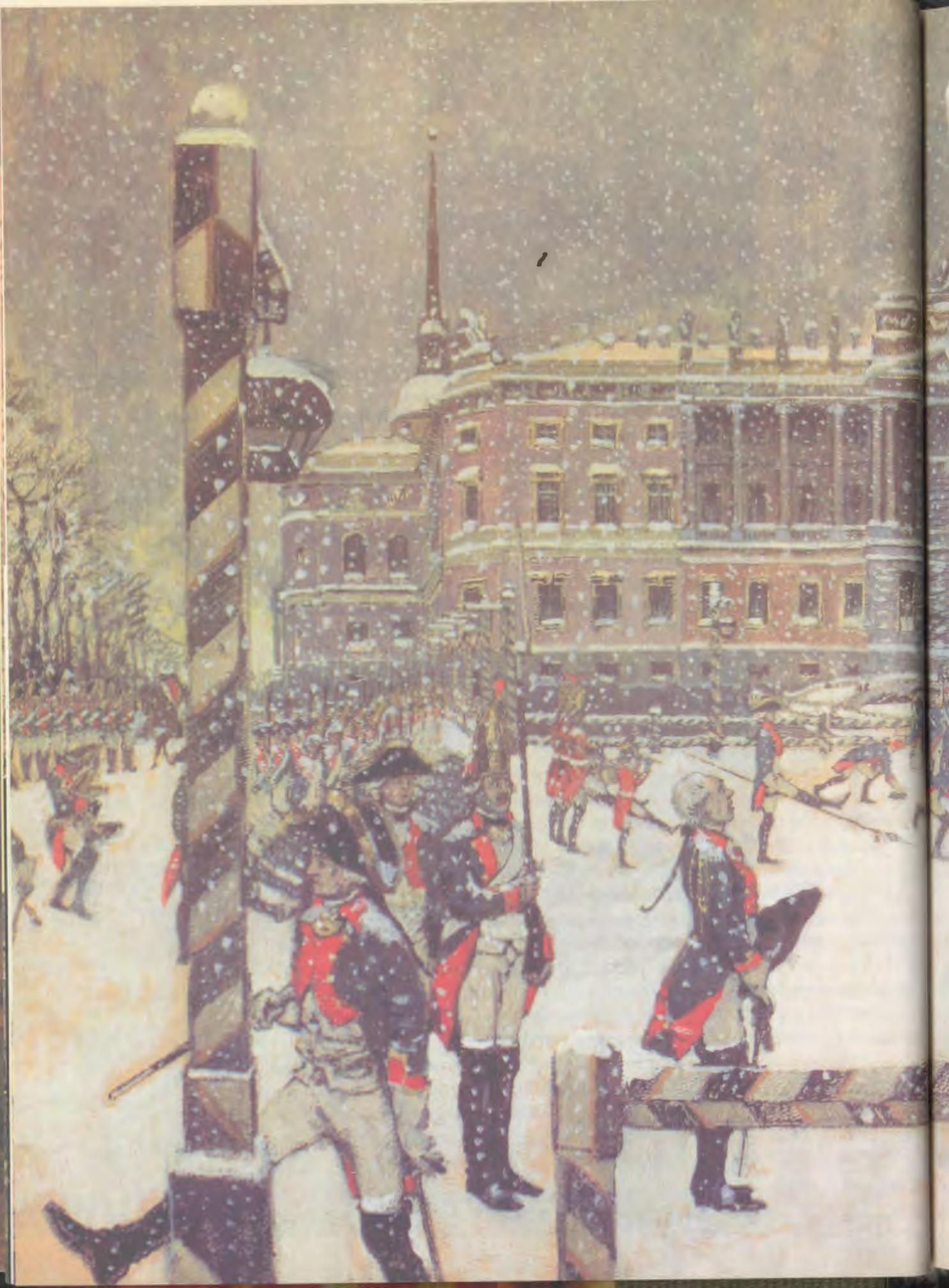

щения друзей друзьям дают возможность проникнуть глубоко в суть вещей и содержат в себе суждения о фактах и людях. Само изобилие таких приговоров, доходящих до нас с разных сторон, дает нам возможность проверить их. Даже если личные интересы, субъективность суждений, минутное настроение или недовольство оказывают сильное влияние на такие приговоры, то само количество их представляет собой отличный критический регулятор источников. Если люди самых разнообразных характеров и лица, не желавшие знать друг друга, в своих интимных излияниях друзьям единогласно находят положение дел в последнее время царствования Павла совершенно невыносимым, то это до некоторой степени снимает тягость вины с зачинщиков катастрофы. Если будет когда-нибудь написана история царствования императора Павла, главным источником для нее должен служить «Архив князя Воронцова». В нем высказываются министры, посланники, придворные, ответственные чиновники. Их откровенные письма, значительное количество которых писалось лимонным соком или химическими чернилами, доказывают, что на престоле находился душевнобольной монарх и что в интересах всего государства неотложной необходимостью было устранить его и сделать безвредным. Если такие сановники, как Панин, Кочубей, Воронцов, Завадовский, Бутурлин, такие наблюдатели, как Николай, Роджерсон, Гримм, Алексей Орлов, Татищев и др. сходятся во мнениях, то это действует уничтожающим образом на жертву катастрофы и смягчает вину ее зачинщиков. Патологическому состоянию, в котором находились императорская фамилия, двор, правительственная машина и все государство, должен был быть положен конец. Печально то, что вследствие отсутствия предохранительных клапанов нельзя было избежать насильственного кризиса, между тем как в других местах подобные психические болезни приводили самое большее к мирному назначению регентов.

Для ознакомления с положением дел в царствование Павла важны также, хотя и не столь поучительны, вышеупомянутые «Материалы к биографии графа Н.П. Панина», затем изданная на французском языке биография графа Алексея Разумовского с приложениями и другие источники, о которых в нашем исследовании будет указано отдельно.¹¹

*Петербург
при Екатерине II.
Вид Исаакиевского
моста и части
города от
Адмиралтейства
до Сената. С рисунка
Б. Патерсона 1794 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О положении дел
перед переворотом
1801 года

Жалобы государственных деятелей

Будучи великим князем, Павел, склонный порицать свою мать, писал в 1773 году близкому другу Андрею Разумовскому, что императрица желает, чтобы ее постоянно забавляли; она требует, чтобы все подчинялось ее воле.¹ К этому Павел прибавляет следующее обобщение: «Это несчастье очень часто постигает монархов в их частной жизни; возвышенные над той сферой, где нужно считаться с другими людьми, они воображают, что имеют право постоянно думать о своих удовольствиях и делать все, что угодно, причем не сдерживают своих желаний и прихотей и заставляют других подчиняться им; но эти другие, имеющие со своей стороны глаза, чтобы видеть, имеющие к тому же свою собственную волю, никогда не могут из чувства послушания сделаться настолько слепыми, чтобы утратить способность различать, что воля есть воля, а прихоть есть прихоть;² что приятно одному, то не нравится другому».³

На стр. 27:
Н.Б. Делатьер.
Портрет цесаревича
Павла Петровича
в адмиральском
мундире. 1769 г.

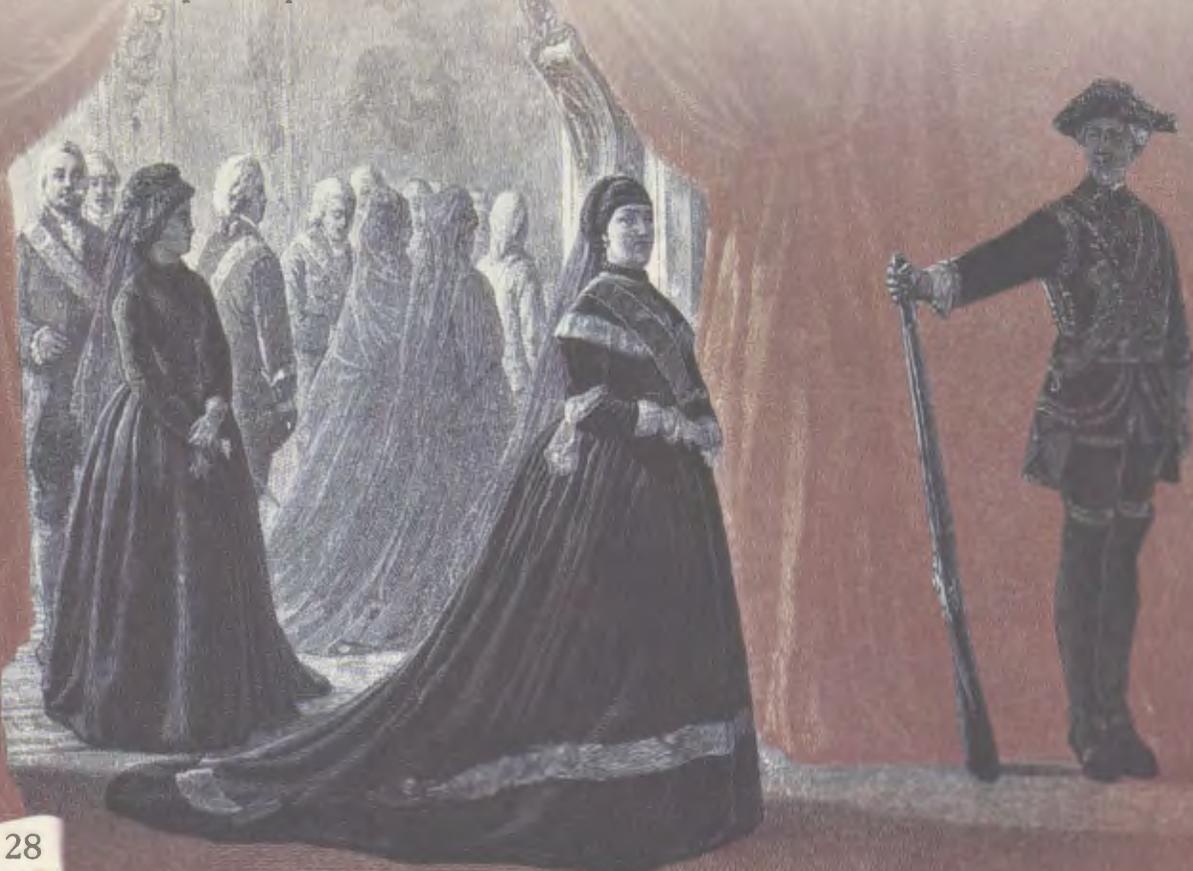
Поразительно, что тот самый человек, который гораздо сильнее многих других испытал на себе деморализующее влияние неограниченной власти, в юношеском возрасте так здраво и просто толкует об опасностях, угрожающих характеру монарха. Замечательно также,

что это суждение Павла относится именно к его матери. Сравнение между матерью и сыном говорит сильно в пользу Екатерины. Оба они — и мать, и сын — сравнительно поздно добились престола, оба до вступления на трон находились в тяжелых обстоятельствах, но невольно бросается в глаза различие в развитии характеров матери и сына. Неограниченная власть, обладанием которой тем более наслаждалась Екатерина, что приобрела ее после целого ряда унижений и горьких испытаний, не возбудила у императрицы деспотичных инстинктов — и это свидетельствует о хорошем качестве ее темперамента; сын же ее, в течение долгих лет отстраняемый от власти, достигнув престола, потерял всякую меру и своими прихотями, достойными султана, своим произволом в управлении государством сам вызвал постигшую его катастрофу. Успех и благоприятные внешние обстоятельства смягчили, облагородили темперамент Екатерины; у Павла же дурные свойства усилились благодаря полученной им власти, неограниченность этой власти испортила его окончательно.⁴

Сохранилось немало рассказов о том, что высказывал Павел в момент своего вступления на престол. Получив в Гатчине известие о смертельной болезни императрицы и направляясь оттуда в Петербург, Павел казался сильно взволнованным и растроганным до слез. Ростопчин, пользовавшийся его доверием, взял его руку и сказал: «Какая это минута для Вас, государь!» Павел ответил, сжимая руку Ростопчина: «Подождите, друг мой. Мне уже стукнуло 42 года. Бог хранил меня; быть может, Он даст мне силу и разум, чтобы достойно занимать место, определенное Им для меня. Положимся всецело на Его благость».⁵ Совер-

Н.Н. Ге.
Екатерина II
у гроба императрицы
Елизаветы Петровны

шенно иначе выражался Павел в прежние годы о своей миссии в России: беседуя в 1782 году в Вене с графиней Розенберг, он, говорят, сказал: «Не знаю, попаду ли я на престол; но если судьба возведет меня на трон, не удивляйтесь тому, что я буду делать. Вы знаете мое сердце; но вы не знаете этих людей (русских). Я же знаю, как нужно управлять ими».⁶ Точно так же во Флоренции в разговоре с Леопольдом Тосканским Павел обнаружил свою мстительность, говоря, что, вступив на престол, «высечет» Потемкина, Безбородко, Воронцова и др. Когда через несколько недель после вступления Павла на престол в Петербург приехал в качестве чрезвычайного дипломата граф Клингспор, государь начал свой разговор с ним с заявления, что видел горе в течение 34 лет.⁸ Весьма странно звучали в устах Павла следующие слова, сказанные им шведскому посланнику Стедингу в 1800 году, когда усилился терроризм: «Меня считают ужасным, нестерпимым человеком. Я же никому не хочу внушать страха».⁹

*Профильный портрет
Екатерины II.
1762 г.*

*М.Н. Воробьев.
Вид Московского Кремля
(со стороны Каменного моста)*

Неизвестный
художник.
Портрет
А.В. Суворова

Павел не только внушал всем страх, но и сам боялся всех и каждого. Подозрительность была основной чертой его натуры, в чем он сознавался еще юношей в письмах своему близкому другу графу Разумовскому.¹⁰ Недоверие к окружающим его лицам, заслужившим его доверие, вероятно, способствовало тому, что в конце своей жизни он сам изгнал таких верных своих приверженцев, как Ростопчин и Аракчеев, которые

могли бы защитить его от замыслов Палена. Павел совершенно неосновательно полагал, что супруга его замышляет против него что-то недоброе, поэтому приказал заделать дверь в ее покои, через которые он мог бы еще, пожалуй, спастись в свой последний час.

Характер Павла представлял собой странную смесь противоположных качеств, и иногда у него проявлялись какое-то поразительное добродушие, склонность к шутке и желание поострить. Об этом много рассказывает Саблуков. Однажды, узнав случайно, что Саблуков, хорошо рисовавший, набросал его портрет, государь, смеясь, посмотрел в зеркало и заметил: «Хороша рожа». Потом, добродушно потрепав рисовальщика-дилетанта по плечу, он вышел из комнаты.¹¹ Саблуков хвалит глубокое чувство справедливости государя, его стремление исправить случайно совершенную несправедливость;¹² другие же, наоборот, указывают на то, что Павел никогда не раскаивается в своих ошибках и продолжает оскорблять людей, уже оскорбленных им ничем не мотивированными взрывами гнева.¹³

В последние годы царствования Екатерины в характере Павла стало как будто замечаться ухудшение. Его отличительными свойствами стали недоверчивость и раздражитель-

ность, малейшее противоречие вызывало у Павла гнев. Так подготавливался длинный ряд насилий и ошибок, характерных для его царствования. После своего разговора с великим князем Павлом знаменитый полководец Суворов сострил: «Prince adorable, despote implacable» («Обо-

жаемый государь, неумолимый деспот»). Ростопчин, любимец Павла, писал Воронцову в 1793 году: «Великий князь решился принять систему деспотизма и управления при помощи железной розги и действует сообразно с этим. Каждый день мы слышим о насилиях, о проявлениях такой мелочности, каких должен был бы стыдиться частный человек». Ростопчин сетует на «жалкий образ действий» Павла. В одном письме Ростопчина от 1793 года говорится следующее: «Здесь следят за образом действий великого князя не без чувства горести и отвращения; он словно всячески старается сделаться ненавистным. Ежедневно он присутствует на парадах и на экзекуциях. При малейшем противоречии он выходит из себя». ¹⁴ В другом письме Ростопчин пишет: «Великий князь делает невероятные вещи; он сам готовит себе погибель и становится все более ненавистным». Бесчисленное множество рассказов о грубых выходках Павла по отношению к чиновникам и военным подтверждает подобные суждения его любимца. ¹ Незадолго до своего вступления на престол, на придворном балу, Павел вел себя настолько непристойно с находившимся тогда в Петербурге шведским королем, что «все присутствующие готовы были провалиться сквозь землю», как писал лейб-медик Екатерины Роджерсон своему другу графу Воронцову в Лондон. ¹⁵

Императрица Мария Федоровна

*М.М. Иванов. Развод
на Царицыном лугу. 1799 г.*

Нет ничего удивительного, что Екатерина подумывала о перенесении права престолонаследия со своего сына на внука. Павел не подозревал этого и страстно стремился к престолу. В сентябре 1796 года Ростопчин писал о нем: «Он готов лопнуть от нетерпения и только и думает, что о моменте своего воцарения».¹⁷

Момент этот наступил; царствование Павла началось без всякого сопротивления.

У нас есть возможность познакомиться с мемуарами Тургенева,¹⁸ который как очевидец рассказывает о первых часах и днях царствования Павла. В записках этих содержится много неутешительных сведений о

недостойном поведении императора, который с недоверием относился к великому князю Александру, грубо обращался с генералами и офицерами, приказывал пачкаться французский костюм петербургских егерей и проявлял свою ненависть к только что умершей матери, преследуя созданные ею учреждения и отменяя ее распоряжения. Судя по рассказам Тургенева, деспотические замашки Павла уже в первое время его царствования носили характер безумия, которое затем непомерно усилилось.

В последние часы жизни Екатерины, в ту пору, когда она боролась со смертью, вероятно, все, по словам Тургенева, тревожно сознавали, что наступает время, когда уже нельзя будет свободно дышать. Первым геройским подвигом нового правительства, рассказывает Тургенев, была непримиримая, беспощадная борьба с самыми страшными врагами Русского государства — с круглыми шляпами, фраками и жилетами. На другой же день 200 полицейских и драгу-

*Император
Павел Петрович*

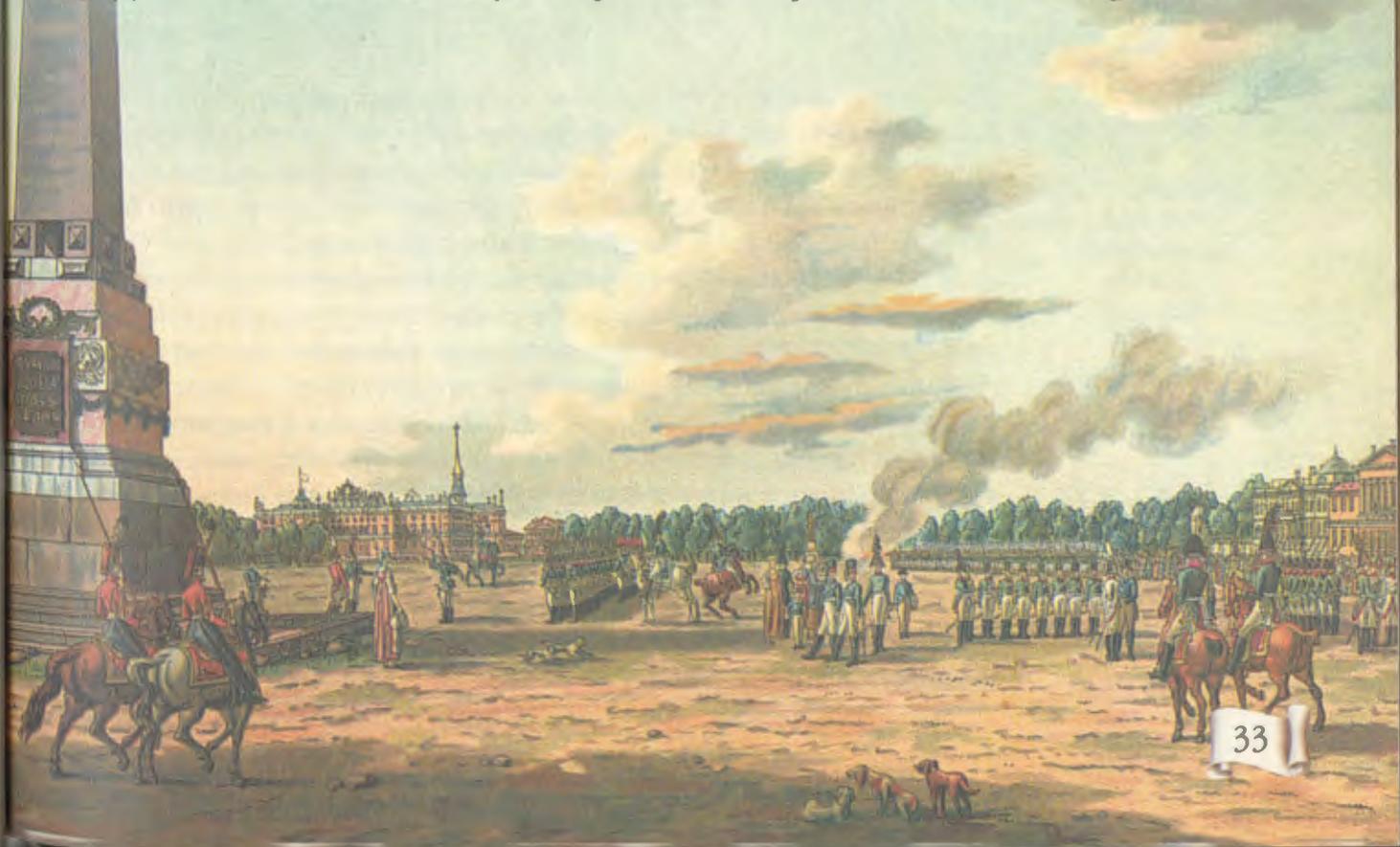
нов бегали по улицам и по особому распоряжению срывали со всех прохожих круглые шляпы, которые тут же уничтожали; у всех фраков обрели торчащие воротники, а жилеты по приказанию капралов и унтер-офицеров разрывали на куски. Поход этот очень быстро окончился. В 12 часов на улицах уже не видно было круглых шляп; фраки и жилеты сделались безвредными, а тысяча жителей Петрополя спешила в свои жилища с непокрытыми головами, в изорванном платье, полунагие. Иные оказали сопротивление и за это были избиты кулаками и палками. Жалобы и просьбы оказывались напрасными; никакие оправдания, никакое уважение к тому или иному лицу не принимались во внимание; палачам усердно внушалось, чтобы они действовали как можно более беззастенчиво; солдатам, дабы они не стеснялись, грозило наказание палками. Поэтому несчастные исполнили свою печальную обязанность

с необычайным рвением. В первый день своего царствования Павел проехал верхом мимо деревянного театра, выстроенного по приказанию Екатерины. «Это должно быть уничтожено», — сказал Павел одному генералу, находившемуся в его свите. Спустя несколько часов — Тургенев рассказывает об этом как очевидец — не осталось и следа от большого здания; 500 рабочих трудились над тем, чтобы сравнять его с землей, работая при фонарях. «Это событие, — замечает Тургенев, которого раздражило подобное разрушение, — дало мне полное понятие о силе власти и ее могуществе в России».

Но не все вынесли столь же тяжелое впечатление от первых действий императора Павла. Все чувствовали, что последние годы царствования Екатерины были временем упадка, что в администрации, в армии, при дворе завелось множество злоупотреблений. В разговорах со шведским посланником Стедингом и с Клингспором Павел столь же откровенно, сколь неосторожно и неуважительно отзывался о дурном управлении матери и говорил о необходимости реформ. Саблуков хвалит государя за то, что в самом начале царствования он приказал устроить у наружного окна своих покоев ящик, куда каждый мог опустить прошение или жалобу, рассмотрением которых Павел занимался или желал заниматься лично.¹⁹ Таким образом, как говорят, были устранены многие беспорядки, заглажены многие несправедливости, но эти отношения подданных к монарху не могли развиваться в постоянное учреждение.

Депеши Стединга шведскому королю в первое время царствования Павла полны похвал императору. Император, по словам посланника, имеет много достоинств и держит себя до странности непринужденно;²⁰ часто в его поступках проявляются справедливость и

*Б. Патерсон.
Михайловский замок
и Марсово поле*

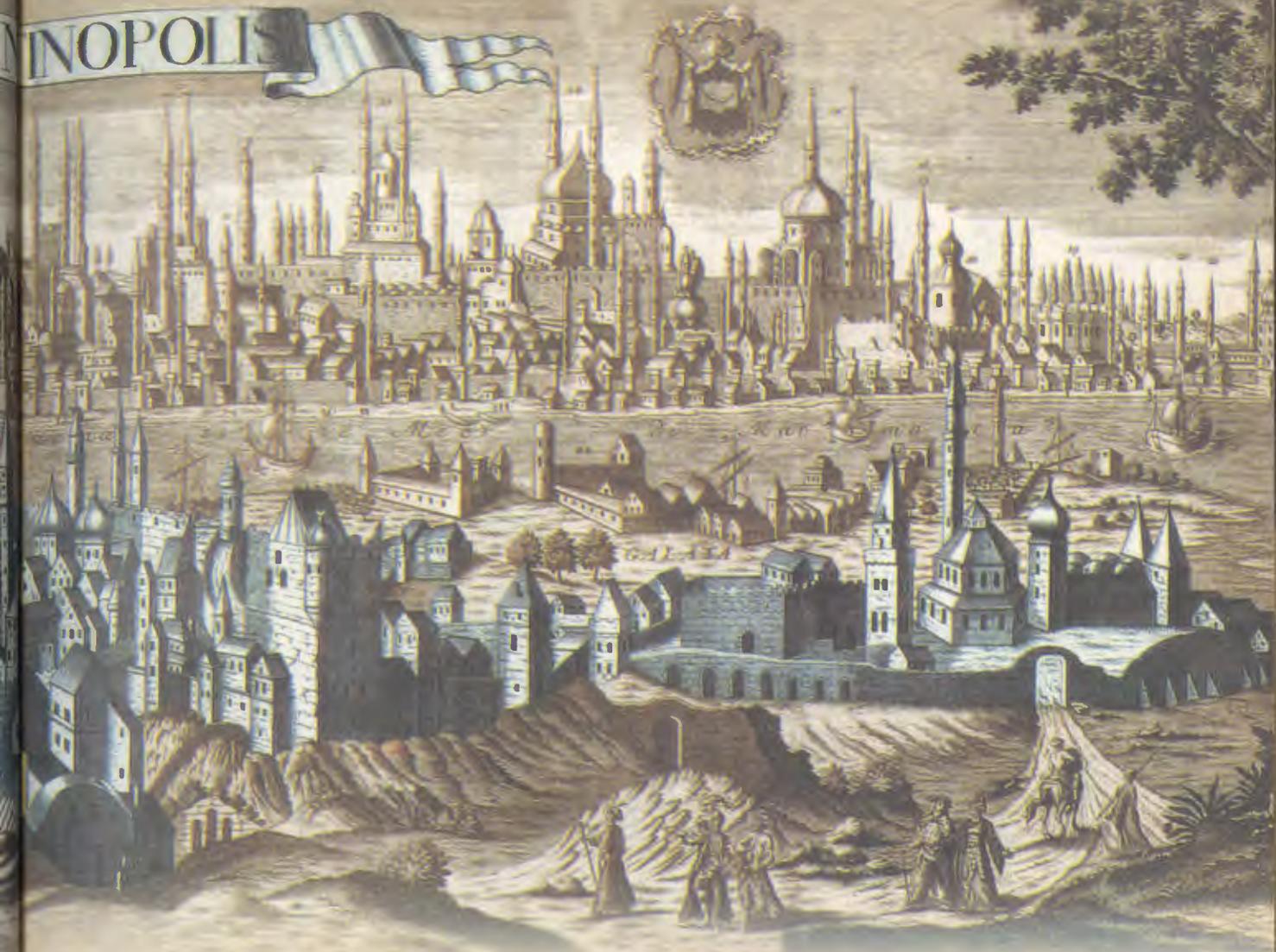

доброжелательство.¹¹ Трудолюбие монарха производило поразительное впечатление и влияло на других, заставляя следовать его примеру.²² На первых порах восстановление дисциплины среди распустившихся чиновников должно было казаться благодетельным. Таким образом некоторые черты делали честь императору.¹¹

Русские сановники, не находившиеся в то время в Петербурге, вынесли из получаемых оттуда сообщений впечатление, что, судя по началу, новое царствование обещает быть хорошим. Это высказывал граф Кочубей в своем письме из Константинополя,²⁴ а также русский посланник в Лондоне Воронцов.²⁵ Противники революционной Франции ожидали, что Павел энергично выступит против республики, и пели гимны новому монарху.²⁶ Такие люди, как Ростопчин, Измайлов, Кутайсов и другие, пользовавшиеся в тот момент доверием Павла, могли рассчитывать на милости государя, на награды и почести и смотрели на положение вещей оптимистично.

Но именно лица, пользовавшиеся доверием Павла, к тому же занимавшие положение любимцев государя и получавшие от него огром-

INOPOLI

ные суммы подобно фаворитам Екатерины в ее царствование,²⁷ — именно эти люди способствовали гибели Павла. Их ненавидели и презирали. Ростопчин, руководитель внешней политики, слыл эгоистом и отличался неблагородным характером; генеральный прокурор Обольянинов был известен подкупностью и жадностью, хотя, по меткому замечанию Розенцвейга, в этом отношении в России чувства не отличались особой тонкостью. Кутайсов и Нарышкин, взявшие на себя заботу о развлечениях государя, истощая его физические силы, еще более пагубно влияли на его душевное спокойствие.²⁸

Тургенев в своих мемуарах, хотя лишь в связи с известным случаем и вскользь, замечает, что не было недостатка в людях, готовых исполнять и обострять деспотичные распоряжения и приговоры Павла. Такие личности, как Ростопчин, Аракчеев и Кутайсов, несут на себе тяжкую вину сообщничества в нелепых насилиях, происходивших в царствование Павла. Немало было военных, в течение долгого времени до 1796 года принадлежавших к числу приближенных великого князя Павла, которые затем, когда он стал императором, с готов-

*Панорама
Константинополя —
столицы
Османской
империи.
Австрийская
гравюра.
Конец XVIII в.*

EUROPA

Delineta juxta Observationes
Excell^{ti} Virorum Academiae
Regalis Scientiarum et nonnullor
aliorum et juxta recentissimas
annotationes.

Per G. de L'ISLE Geogr. Parisius
Fecit aene in Officina
Tomae COXE LOTTII
Geogr. et Chalcogr.
Aetate VIENNAE.

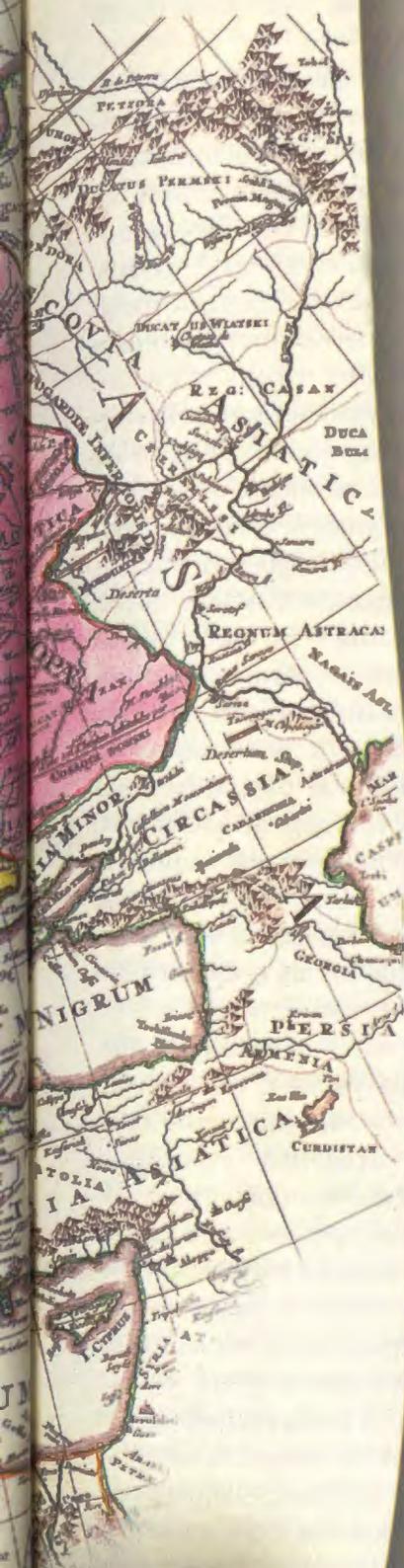

ANNOTATIO.

Sicuti plures erit in hac mappa et in aliis
quae jam in publicum lucem auras afferunt
sub aliis, quae reperitur in tabulis quae
hactenus vulgatae sunt: quoniam erit, ut
admirabilem, quod non vulgatae fuerit
sunt, et quod in hac carta videtur hinc
inductis et variis, in nova intro-
ductione non ad Geographiam

Provinciae Moritaniae

ностью исполняли роль палачей душевнобольного злодея, вероятно, нередко находя для себя выгодным навлекать несчастья на других. Таким образом ответственность за совершенные злодеяния падает не на одного Павла, а также и на некоторых его современников и помощников. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Злодеяния Ивана IV в XVI столетии, который приказывал замучивать до смерти тысячи людей, представляют собой не только индивидуальные преступления одного лица, но и коллективные злодеяния элементов, окружавших кровожадного тирана. То, что Иван IV так легко находил палачей, смягчает его виновность в глазах истории. Точно так же ряд ошибок и грубых выходов правительства, последовавшего за Екатериной, в значительной мере объясняются тем, что находилось много субъектов не менее ограниченных, деспотичных, грубых, несдержанных, а может быть, и не менее невменяемых, чем сам император.

Уже через несколько недель после вступления Павла на престол лица, сначала хвалившие императора, стали отзываться о нем неодобрительно. Стедингк был совершенно ошеломлен тем, как проводились полицейские меры относительно одежды. В дипломатических кругах производили тяжелое впечатление такие явления, как, например, приказание, полученное сардинским посланником, в 24 часа выехать из столицы за то, что он в своих депешах употреблял смелые выражения об императоре. Считалось еще счастьем, что Росси уехал совсем тихо, не прибегая к вмешательству дипломатического корпуса в это дело.²⁹ Безумие, с которым дарились разным лицам большие дворцовые имения, поражало разумных людей.³⁰ Посланники, которые должны были быть посредниками в сношениях других государств с Россией, крайне удивлялись таким распоряжениям Павла, как, например, внезапное запрещение всем иностранцам въезда в пределы

России; запрещение это проводилось так строго, что казалось, будто Павел хочет совершенно изолировать Россию.³¹

В высших чиновных сферах поразились тому, как необдуманно и по-дилетантски Павел обычно разрешал самые важные вопросы внешней политики, руководясь минутным капризом или преходящим настроением. О том, как возникали такие решения, мы можем узнать из крайне странных записок Ростопчина, которые Павел снабдил на полях в высшей степени безвкусными замечаниями, свидетельствующими о его несдержанности и невежестве. В них высказываются стремления не менее смелые, чем раздел Турции, взятие Константинополя и т.п.³² Недаром лейб-медик Роджерсон сетовал на то, что государь понимает только детали военной службы и не обнаруживает никакого понимания политических вопросов и никаких интересов.³³ Кочубей не ожидал добра от порывистого, слишком торопливого способа государя решать важные политические дела, уничтожать существующие учреждения, приводить в исполнение несозревшие идеи и составлять с помощью секретарей важные указы, не уведомив предварительно о своих намерениях высшие государственные учреждения.³⁴ Кочубей писал графу Разумовскому в Вену, что при дворе вошло в обычай бранить высших сановников, как школьников; быть прогнанными, потом опять

принятыми и обласканными — дело самое обыкновенное. Трудно поверить, насколько изменились взгляды на подобные вещи. Нельзя быть слишком чувствительным, в этом случае рискуешь сделаться достойным сожаления и т.д.³⁵

Высшие сановники вынуждены были с невозмутимым спокойствием выносить самые страшные унижения. Когда вице-канцлер граф Панин, не испросив на то разрешения императора, приказал изготовить паспорт для курьера австрийского посланника, Павел послал к графу своего адъютанта сказать ему, что он «не более, не менее как дурак»; об этом сообщает Роджерсон, присовокупляя при этом для красного словца: «Такие вещи у нас теперь словно хлеб насущный». В марте 1799 года Стедингк писал королю Густа-

*Здание парламента
в Лондоне*

ву IV: «Я никогда не кончил бы, если бы стал составлять список лиц, которые на моих глазах появлялись при дворе, блистали и исчезали. Министры, любимцы, генералы меняются постоянно, чуть ли не ежедневно» и т.д.³⁷ Письма, открытого на почте и содержащего выражения, не понравившиеся государю, было достаточно, чтобы адресата, если им являлся иностранец, насильно выпроводить за границу. Это случилось, например, с наследным принцем Гессен-Рейнфельским, так как его отец выразил некоторое неудовольствие по поводу приема, оказанного сыну.³⁸ Случаи удаления от двора, изгнания из столицы, ссылки за границу или в Сибирь стали так часты, что наконец перестали обращать на себя внимание.³⁹ Когда сукно для мундиров различных полков взяли не совсем одинакового цвета, так как невозможно было преодолеть некоторые технические затруднения, вице-директора комиссариатского департамента Саблукова, указавшего на эти трудности, внезапно изгнали из столицы. Он в то время был чуть не при смерти, болен инфлюэнцей, однако его немедленно увезли из города в карете, значительно усиливая этим смертельную опасность болезни.⁴⁰

Только потому, что самые нелепые меры не встречали сопротивления, а исполнялись со слепым повиновением, они были хотя бы временно, но возможны. Воронцов покачал головой, когда он, будучи русским посланником в Лондоне, получил приказание не давать паспорта ни одному иностранцу, который пожелал бы отправиться в Россию.⁴¹ Бутурлин вне себя от ужаса объявил своему другу, что запрещен ввоз каких бы то ни было книг из-за границы.⁴² Николаи, секретарь императрицы Марии Федоровны, председатель Академии наук, заметил в одном частном письме, что ему пришлось бы «закрывать лавочку», если бы не было исключений из этого цензурного распоряжения.⁴³

Положение дел заметно ухудшалось. От 1799 и 1800 годов мы имеем особенно много сообщений о насильственных действиях, грубых приговорах, жестоких наказаниях. Весьма часто издавались приказы, чтобы то или другое лицо в течение суток покинуло столицу. Такая судьба постигала и женщин. Отказ одной молодой особы заключить брак по желанию императора повлек за собой изгнание всей ее семьи.⁴⁴ Княгиня Дашкова подробно рассказывает в своих мемуарах, как вследствие каприза деспота ей пришлось прожить в течение значительного времени его царствования в одном из своих наиболее бедных имений.

*Бриджтон,
Великобритания*

Екатерина
Романовна Дашкова.
С портрета
Г.И. Скородумова

Коцебу очень занятно повествует о том, как он, желая посетить родственников жены в Эстляндии, на пути туда, в Митаве, подвергся грубому нападению и как его затем потащили в Сибирь. Причиной этого, как он узнал от Кутайсова после своего «помилования», оказалось то, что Коцебу был писателем. Госпожа Загряжская, которая обошлась недостаточно учтиво с матерью любовницы государя, княгиней Лопухиной, получила приказание выехать из Петербурга в 24 часа. Наказание это, правда, было смягчено: ей позволили прожить в Петербурге еще несколько месяцев, чтобы привести в порядок свои дела.⁴⁵ Из-за ничтожных дисциплинарных провинностей у дворян отбирали имения, а их самих ссылали на каторгу; однажды из Петербурга были высланы все извозчики за то, что у одного из них во время парада найдены были два пистолета и кинжал. Господство терроризма и неуверенность всех в своих правах давали широкий простор произволу полицейских и таможенных чиновников.⁴⁶

Даже Ростопчин, ожидавший добра от царствования Павла, писал Воронцову в марте 1800 года: «Вы должны раз навсегда иметь в виду,

что государь ни с кем не говорит ни о себе, ни о делах; он терпеть не может, когда с ним разговаривают; он приказывает и требует беспрекословного исполнения своих приказаний. Вряд ли он в состоянии скрыть от себя, как он далек от того, чтобы быть любимым. Вы называете меня министром; я же не более, как секретарь». ⁴⁷ Если даже с такими людьми, как Ростопчин, Гудович, Николаи и другими, пользовавшимися доверием Павла и близко стоявшими ко двору, государь начинал внезапно, без всякого повода обходиться холодно, причем им грозила опасность впасть в немилость или быть изгнанными, то понятно, почему русский посол в Лондоне граф Воронцов решительно отказался приехать в Россию, когда Павел предложил ему занять место канцлера, ⁴⁸ и что другие, как, например, Аркадий Морков и Александр Воронцов, считали себя счастливыми, живя вдали от столицы, в тиши частной жизни, не рискуя подвергнуться произволу центральной власти. ⁴⁹

Для таких людей, как Панин, который был человеком высокообразованным и с тонкими чувствами, который привык к обычаям западноевропейской дипломатии, являлось в высшей степени тягостью исполнение приказаний Павла, отданных под влиянием дурного настроения и несдержанной горячности, например, когда он потребовал удаления из Петербурга английского посла Уитворта только потому, что английский дипломат Гайльс в Стокгольме не сделал прощального визита русскому посланнику Будбергу, ⁵⁰ или когда на все суда, стоявшие в русских гаванях, приказано было наложить *Embargo* и арестовать их экипажи и т.п. Доведенный до отчаяния Панин писал Воронцову в июне 1800 года: «Дурное настроение и меланхолия нашего государя делают самые быстрые успехи; все как в делах внутреннего управления, так и внешней политики, решается под влиянием минутного расположения духа или неудовольствия». ⁵¹ Панин жалуется, что ему ежедневно приходится быть свидетелем

Никита Иванович
Панин

Б. Патерсон. Вид
на Каменоостровский
дворец, 1797 г.

Неизвестный художник. Портрет Александра Андреевича Безбородко. Копия с оригинала И.Б. Лампи-старшего

речия».⁵⁵ Панин жаловался в письме Крюденеру: «Мы здесь точно рабы на галерах. Я стараюсь держаться против течения, но силы мне изменяют, и стремительный поток, вероятно, скоро унесет меня в какую-нибудь отдаленную деревню»,⁵⁶ что действительно не преминуло случиться. «Счастлив тот, — говорит Панин далее, — кто подобно вам живет за 2000 верст отсюда. Каждый день нам преподносится новое запрещение. Оно касается то шляп, то брюк; не знаешь больше, что и надеть».⁵⁷ Роджерсон в своих письмах Воронцову приводит множество примеров, как высшие сановники государства вынуждены были выслушивать от Павла самую грубую брань; Безбородко, по словам Роджерсона, не мог пережить таких оскорблений; с Ростопчиным государь часто обращался подобным же образом; Суворов, уже смертельно больной, должен был выслушивать самые резкие вещи; публика сделалась совершенно равнодушной к ми-

новых насильственных действий и терпеть, чтобы за его, вице-канцлера, спиной писались в Вену громкие послания. «Я погибаю от горя, — пишет Панин Крюденеру, — да и вы также, дорогой барон, слишком хороший русский подданный, чтобы не чувствовать, что мы оба носимся без компаса по бурному морю», и т.д.⁵² Все старания Панина внести что-либо похожее на план или систему во внешнюю политику России разбивались о случайность и непоследовательность действий Павла.⁵³ Адам Чарторыский вполне верно замечает, что вице-канцлер и Коллегия иностранных дел не имеют никакого значения по сравнению с влиянием приближенных к государю адъютантов, что минутные припадки ярости и неожиданные скачки мысли Павла мешают правильным функциям правительственной машины.⁵⁴ Ростопчин, который при Павле принимал деятельное участие в руководстве иностранными делами, писал тотчас после катастрофы: «Что касается моей политической системы, то таковой у меня не могло быть, так как государь желал все делать сам, не терпел ни малейшего отлагательства в исполнении своих приказаний и не выносил ни малейшего противо-

лости или немилости императора. В том же духе высказывались Орлов, Чичагов и др.⁵⁸ Ко всему этому присоединялись грубость полицейской системы, процветание доносов, нарушение тайны переписки. Разумовский писал своей жене в Вену из Батурина, места своего изгнания (в Малороссии), в январе 1800 года, посылая письмо с надежной оказией: «Будь так осторожна, как только можешь. От шпионов ничто не может укрыться; чиновники относятся с недоверием друг к другу. Начальники каждую минуту могут ожидать, что их подчиненные им изменят; все вращается в заколдованном кругу терроризма, инквизиции и истязаний пытками».⁵⁹

Поистине, это было страшное царствование. Письменные сношения между друзьями были связаны с такими опасностями, что, например, граф А.Р. Воронцов, боясь «перлюстрации», прекратил переписку с Николаем.⁶⁰ Бесчисленное множество писем той эпохи заканчивается просьбой сжечь письмо тотчас после его получения.

За год до катастрофы с Павлом Роджерсон писал: «Все окружающие государя сбиты с толку. Говоря между нами: все надеются на великого князя». Тут Роджерсон употребляет непереводаемое выражение «Tous veulent se repatrier vers le grand due».⁶¹ Смысл этих слов в том, что все надеялись вновь приобрести тяжело пострадавшее Отечество посредством перемены царствования. Приходилось думать о средствах спасения.

Ф.С. Рокотов. Портрет графа А.Г. Орлова

*Вид Штеттинского замка,
в котором родилась Екатерина II*

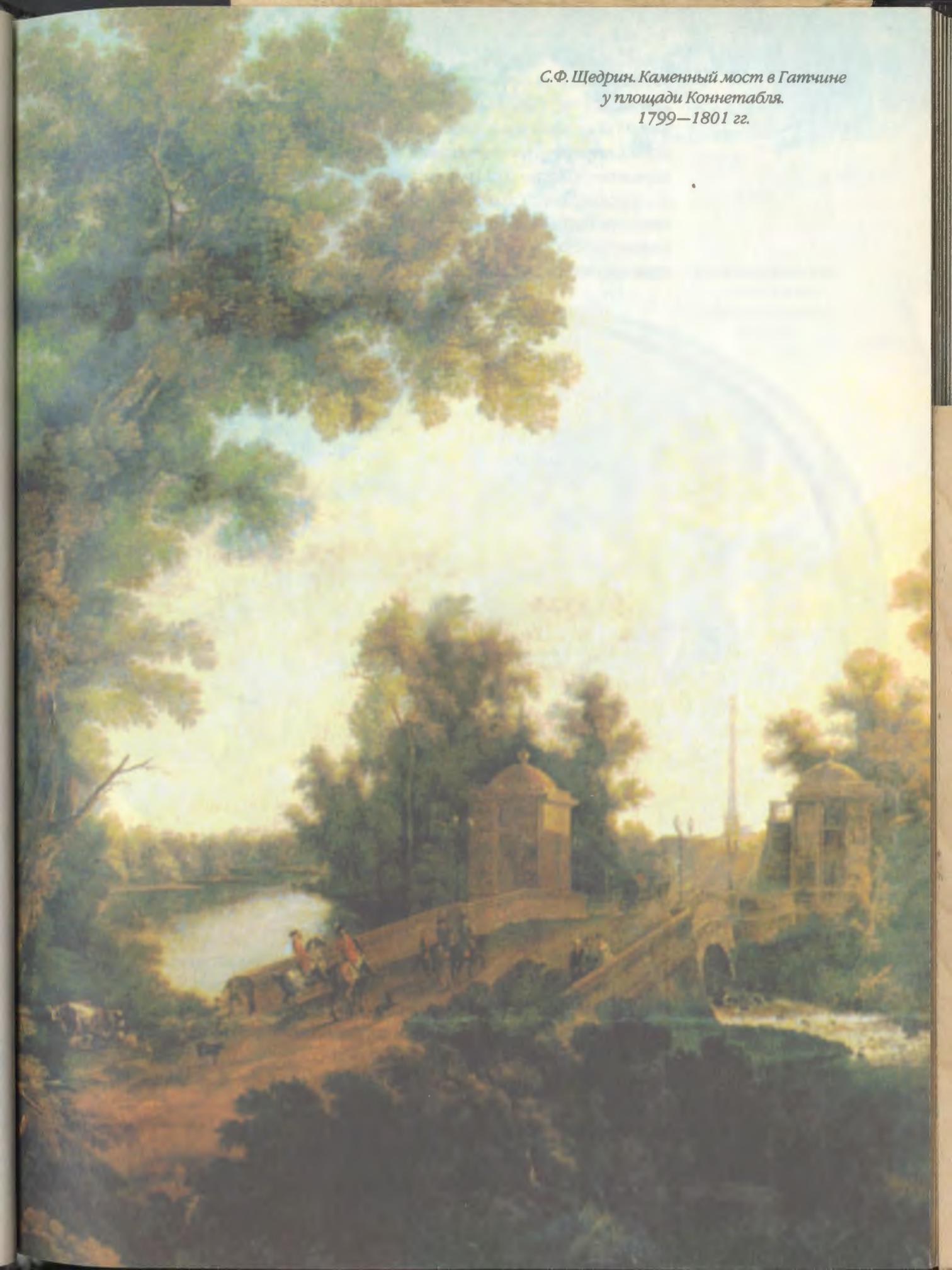

Военные

Пален и Панин в союзе с великим князем Александром замыслили произвести переворот законным путем, посредством установления регентства. Выполнение их плана не совпало с первоначальным проектом. Произошло возмущение военных. Известное количество офицеров решило сыграть роль палачей. Это в достаточной степени объясняется образом действий Павла относительно военных. Злополучное воцарение Павла в 1796 году более непосредственно и более чувствительно отозвалось на офицерских кругах, чем на других группах населения. Тем охотнее военные стали орудием для устранения деспота.

В последние годы царствования Екатерины замечалось ослабление военной дисциплины. Ланжерон, который как военный мог сам судить об этом и посвятил этому предмету обстоятельное сочинение,¹ склонен объяснять такой беспорядок влиянием Потемкина, долгое время занимавшего положение своего рода военного министра. Но если даже меры знаменитого любимца императрицы, продиктованные отчасти гуманными побуждениями, оказывали вредное влияние на армию, то реформы, введенные Потемкиным и касавшиеся обмундирования и вооружения войск, были всеми признаны целесообразными. Офицеры, и особенно солдаты, радовались избавлению от ношения кос и гамаш по прусскому образцу.

*С.Ф. Щедрин. Каменный мост в Гатчине
у площади Коннетабля.
1799—1801 гг.*

Но Павел как раз признавал принципы, преобладавшие в прусской армии. В 1793 году Ростопчин в негодовании на экстравагантность гатчинской игры в солдаты писал: «У великого князя 1600 солдат и 3 эскадрона кавалерии, что не мешает ему воображать себя покойным прусским королем».² Солдаты подвергались самым жестоким телесным наказаниям; каждая, даже самая ничтожная, ошибка офицеров строго наказывалась. Все парады и маневры в Гатчине стали неразлучны с экзекуциями. С момента вступления Павла на престол эти правила должны были распространяться на всю страну. «Гатчинцы», то есть офицеры, лучше всех

*Наказание фухтелями
в XVIII в.*

умевшие справляться палкой, в большинстве своем люди темного происхождения, пользовавшиеся доверием Павла, должны были служить образцом для всей армии. Павел ценил таких злодеев, как Линденер и Аракчеев, не несмотря на их грубость, а именно за их грубость. У таких людей теперь все должны были учиться.³

Уже одно введение вновь только что отмененных мундиров, кос и пудры должно было вызвать крайнее неудовольствие в военных кругах. Ланжерон, сам переживший эту метаморфозу, пишет: «Павел привел этим в отчаяние всю армию, и Александр I тотчас же вернулся

к костюму, принятому в последние годы царствования Екатерины. Павел же отменил этот костюм и обратил военных в смешные карикатуры». ⁴ Тургенев рассказывает, как в первые же дни царствования Павла он должен был подвергнуться мучительной и комичной процедуре склеивания волос и как его обратили в «огородное чучело», напялив на него гатчинский мундир.

Какую роль вообще играли «гатчинцы» в царствование Павла, мы узнаем также из записок Тургенева, записок Ланжерона, рассказов Саблукова и из других источников того времени. Тургенев раздражает-

*Вырезание ноздрей
и клеймение
преступников
в XVIII в.*

ся криком негодования на революционный характер этого капральского режима. Он пишет: «В несколько часов весь государственный и правовой порядок был перевернут вверх дном; все пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты с мест; все перепуталось: что было внизу, оказалось наверху и так и оставалось в течение целых четырех лет. Высшие назначения получали люди еле грамотные, совершенно необразованные, никогда не имевшие случая видеть что-нибудь, способствующее общему благу; они знали только Гатчину и тамошние казармы; они ничего не делали, кроме военных упражне-

*Великий князь
Александр Павлович в юности*

*Великий князь
Константин Павлович в юности*

ний, ничего не слышали, кроме барабанного боя и сигнальных свистков. Лакею генерала Апраксина, Клейнмихелю, поручено было обучать военному искусству фельдмаршалов. Шесть или семь фельдмаршалов, находившихся в то время в Петербурге, сидели за столом под председательством бывшего лакея, который на ломаном русском языке обучал так называемой “тактике” полководцев, посевших в походах! Вся премудрость Клейнмихеля состояла в знании фронтальной службы, в умении стоять на часах, в знакомстве с разными внешними приемами и в подобного рода мелочах».⁵

Ланжерон также самым решительным образом осуждает это внимание к внешней стороне военной службы, эти «*piquettes d'esplanade*», эту гарнизонную службу, совершенно ненужную в серьезных случаях, это засекание до смерти бесчисленного множества солдат за ничтожные проступки. Типичным «гатчинцем» был Аракчеев, о котором Ланжерон сообщает следующий факт. Когда однажды на параде в 1797 году Павел остался недоволен полком, находившимся под командой Аракчеева, последний приказал так жестоко высечь трех примерных солдат этого полка, что они умерли тотчас после доставления их в больницу. Адьютант великого князя Александра Дятлев специально повел наследника в лазарет, где находились жертвы этой варварской и бессмысленной системы, надеясь, что Александр откроет своему отцу глаза на преступление Аракчеева, но Александр вздохнул и... промолчал.⁶

В том, что на всякие мелочи военной службы обращалось так много внимания и что придавалось такое значение внешней стороне военного дела, сказалась невероятная узость горизонта Павла. До вступления на престол занятия Павла состояли главным образом в разводах

и маневрах, устраиваемых в Гатчине. Игра в солдаты превратилась у него в страсть. Все его внимание поглощали мелкие особенности казармы. Эту сторону жизни государя Тургенев изобразил в своих мемуарах тем ярче, что ему, в то время молодому офицеру, весьма часто приходилось сталкиваться с императором и что он имел возможность наблюдать односторонность и извращенность интереса Павла к военному делу. Кирасирский полк, в котором служил Тургенев, подвергался особо яростным нападкам Павла. Когда однажды командир полка генерал князь Волконский и его адъютант Тургенев в торжественном случае появились в мундирах, не вполне соответствовавших предписанию, то Павел приказал дежурному камергеру вывести «обоих дураков». Некоторые офицеры полка были раскассированы самым произвольным, несправедливым образом, причем у этих несчастных отобрали их ордена, а сами они были даже «выгнаны» из столицы. Все офицеры полка крайне обиделись во время коронации на то, что им запретили участвовать в процессиях и т.п. Вероятно, по этой причине все офицеры полка (231 человек) были заперты в одну из башен Кремля на два часа — на то время, пока длилось торжество. Каждый парад, на котором присутствовал государь, неизбежно оканчивался арестом и наказанием офицеров Кирасирского полка.

Наконец загадка особой ненависти государя именно к этой части армии разрешилась следующим образом. Послушаем, что говорит Тургенев: «Однажды все дежурные штаб-офицеры и адъютанты получили приказание собраться перед кабинетом государя. Когда это было испол-

А.Н. Бенуа.

Парад при Павле I

Артиллерист (вверху) и гусар (внизу)
гатчинских войск

нено, Павел вышел и закричал громким, сиповатым голосом: «Екатеринославского адъютанта сюда!» Я выступил вперед и остановился перед императором; Он близко подошел ко мне и начал меня щипать; направо от меня стоял, весь бледный, великий князь Александр, налево — Аракчеев. Щипки повторились несколько раз: от боли у меня брызгали из глаз слезы. Глаза Павла Петровича метали искры. Наконец он сказал: «Скажите в полку, а там скажут далее, что я из вас Потемкинский дух вышибу, я вас туда зашлю, куда ворон костей ваших не занесет». Продолжая щипать меня, его величество пять—шесть раз повторил эти слова, после чего велел мне идти. И все это только потому, что Екатеринославский полк прежде носил название Потемкинского!»

Пристрастие императора к парадам и маневрам а также к самым бесцельным перемещениям войск и т.п., обходилось очень дорого как самим военным, так и всей стране. Нелепые предписания иногда вызывали пагубную смуту. Так, например, однажды было предписано, что так называемый Сибирский драгунский полк, только что вернувшийся из персидского похода и находившийся в Дербенте, на Кавказе, должен стоять в Тобольске. Переход туда (около 4000 верст) продолжался два года; за это время погибли все лошади, а солдаты страдали невыразимо. Маневры той эпохи, поглотившие бесчисленное множество человеческих жертв, Тургенев изображает как бесцельные забавы: «...скудны в стратегии, жалки в тактике и никуда не годны в практике».

Такое безрассудство в отношении к военному делу не может быть объяснено исключительно душевным расстройством Павла. Для этого необходимо было сотрудничество «гатчинцев», которых граф Панин называет отбросами человечества и выскочками самого низкого сорта.⁸ Шведский посланник Стедингк сначала хваливший более строгий военный режим при Павле, изобразил деморализующее влияние грубого обращения с военными в письме королю Густаву IV: «Павел обыкновенно прогоняет офицеров так, как будто имеет дело с лакеями. Благодаря этому последние остатки *esprit de corps* (уважения к мундиру) теряются у этого сословия. Кто имеет еще хоть какое-нибудь чувство чести, тот будет избегать двора и армии. Всякое слишком сильное напряжение, какое мы переживаем в настоящее время, должно было

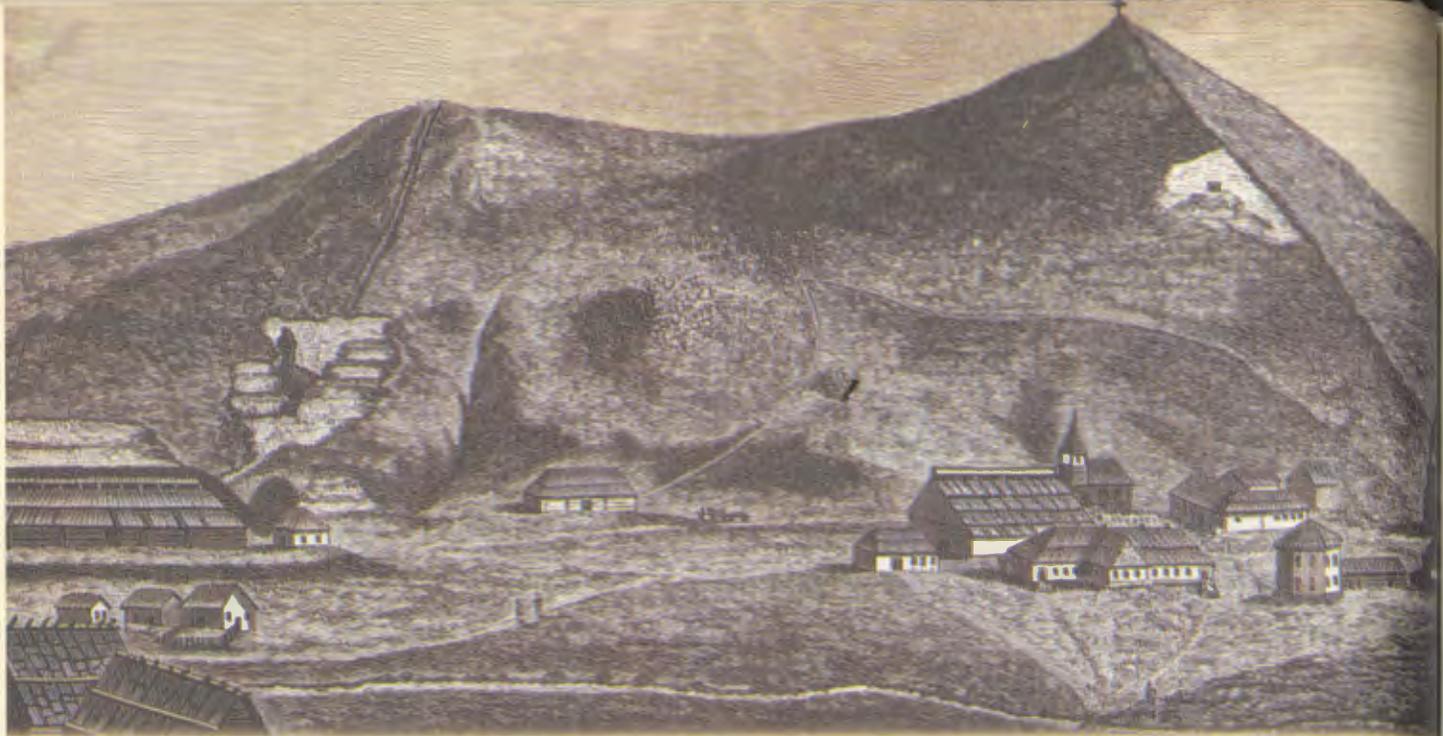

окончиться расслаблением; несчастный преемник Павла почувствует это». Можно себе представить, каково было военным, которым кроме унижительного обращения приходилось также выносить проклятие быть смешными. Саблуков подробно описывает, сколько насмешек вызывали прусские мундиры и ребяческая дрессировка. Еще до вступления Павла на престол над гатчинскими затеями много смеялись, и Саблуков, побывавший в 1795—1796 годах за границей, к общему удовольствию своих товарищей передразнивал прусские военные обычаи. И вдруг все должны были надеть нецелесообразные и безвкусные мундиры и выслушивать приказания, отдаваемые «гатчинцами». Последних поднимали на смех, рискуя тем, что об этих насмешках будет донесено госу-

*А.Г. Ухтомский.
Гатчинский дворец.
Гравюра с рисунка
С. Щедрина.
Конец XVIII в.*

*Кирасир гатчинских
войск*

Вид
Нерчинского завода
в конце
XVIII столетия.
С рисунка, сделанного
с натуры
обер-берг-
геишвореном
Н. Васильевым

дарю. Весь имевшийся у офицеров при Екатерине *point d'honneur* был поставлен на карту. Наказания сделались столь частыми, что перестали оказывать действие. Все полицейские участки и гауптвахты были переполнены арестантами. Неудивительно, что множество офицеров вышло в отставку, оставив всякую службу или перейдя на гражданскую службу. Те же, кто продолжал военную службу, постоянно находились в величайшей опасности, а родственники офицеров испытывали крайнее беспокойство. Все государство казалось точно заколдованным.¹⁰ Саблуков, впрочем, замечает, что Павел лишь в редких случаях прибегал к «действиям» против офицеров; по словам Саблукова, было лишь три таких случая, и за эту грубость несчастному монарху пришлось страшно поплатиться в его смертный час. Саблуков говорит, что никогда не слышал ругательств из уст Павла, но это не совпадает со словами других современников, Тургенева, Роджерсона и пр.¹¹

Очень характерно при опасности, которой подвергались офицеры, замечание Саблукова, что на парады они всегда брали с собой по нескольку сотен рублей, чтобы в случае внезапного изгнания не оказаться без денег; самому Саблукову пришлось три раза помогать товарищам, не прибегшим к этой предосторожности.¹² Ведь должен же был целый кавалерийский полк, не услышавший или не понявший команды императора, прямо с места парада скакать в чем был в Сибирь, хотя впоследствии за ним вдогонку и послали помилование.

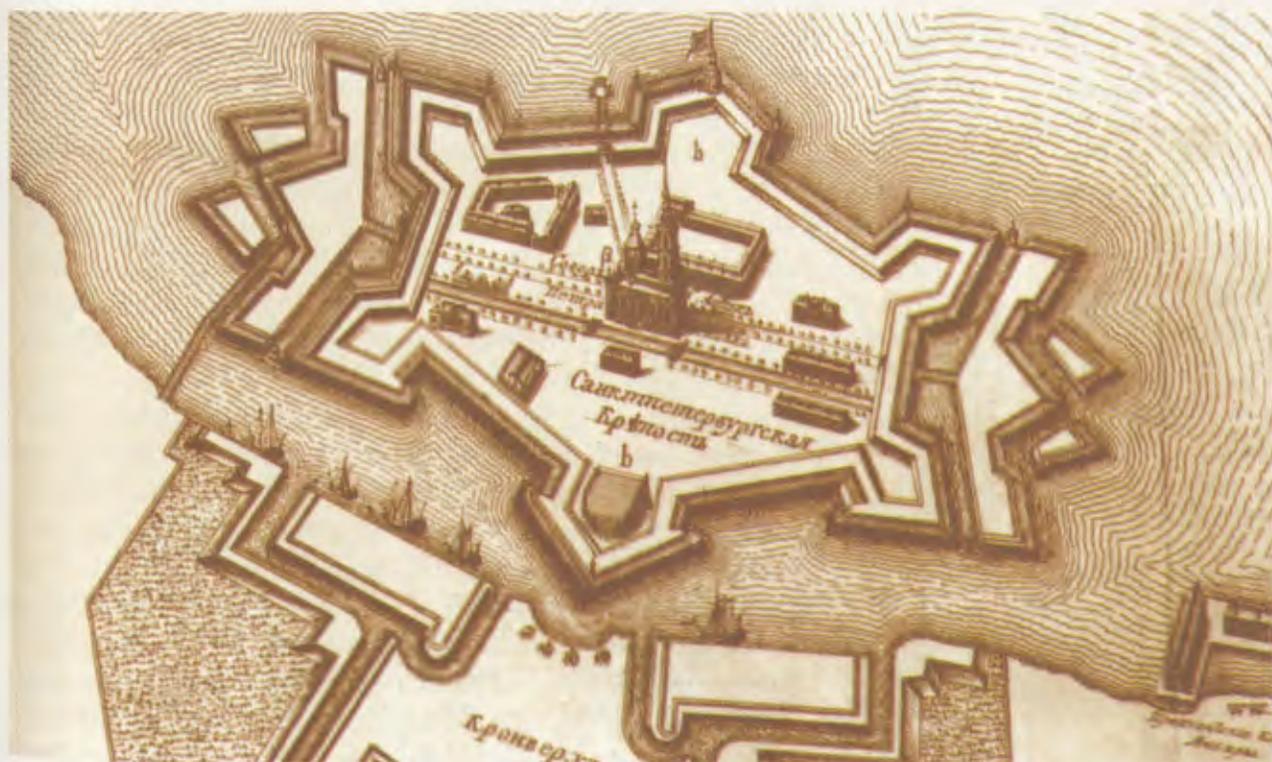
Насколько все зависело от минутной прихоти Павла, показывает следующий случай. Однажды на маневрах под Москвой государь выразил большую похвалу войскам; все обошлось согласно с его желаниями; он не заметил ни малейшего промаха. Но по дороге из Москвы в Петербург, проехав 172 версты, Павел вдруг под влиянием минутного настроения решил удалить со службы 32 штабных и высших офицера в наказание

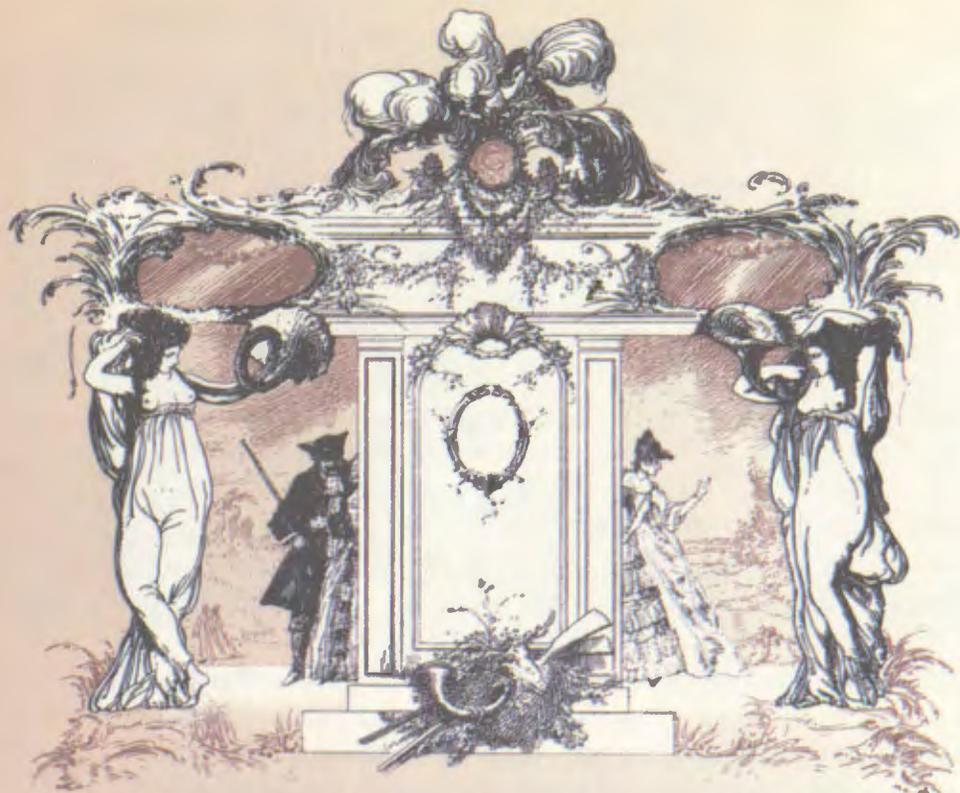
за то, что они во время маневров заболели и в последние два дня не могли в них участвовать. «Как назвать такой образ действия?» — спрашивает Тургенев, у которого мы заимствуем этот рассказ. Ответим вопросом же: был ли деспот вменяем?

Как далее свидетельствует Тургенев, для военных особенно велика была опасность ссылки в Сибирь или исчезновения на всю жизнь в темнице. Ничтожнейшая оплошность при военных упражнениях легко могла повлечь за собой самые ужасные последствия. По словам Тургенева, каждое утро все, начиная с генерала и заканчивая прапорщиком, отправлялись на развод словно на эшафот. Никто не знал, какая судьба его там постигнет. Тургенев насчитывает до 12 000 жертв такой строгости среди офицеров и чиновников, сосланных в Сибирь и возвращенных тотчас после вступления на престол Александра. Тургенев добавляет: ежегодно количество жертв доходило до 3000, ежемесячно до 250, ежедневно до 8. В одной Петропавловской крепости томились 900 узников, которым устранение Павла и воцарение Александра принесло освобождение. Недаром скупой вообще на слова начальник Тургенева фельдмаршал Салтыков сказал однажды в разговоре с автором мемуаров: «Эта кутерьма долго существовать не может». За несколько недель до катастрофы фельдмаршал получил собственноручный рескрипт государя такого содержания: «Господин фельдмаршал, делаю вам последний выговор». Коротко и ясно. Знаменательно было обозначение выговора «последним».¹⁴

Такие обстоятельства привели к тому, что военные оказались склонными принять участие в произведении переворота; они взяли на себя главные роли в трагедии, постигшей Павла.

*План
Петропавловской
крепости*

Императорская семья

Чтобы осуществить переворот, необходимо было согласие или содействие кого-нибудь из членов императорского семейства. Прежде всех в соображение могли быть приняты только супруги Павла Мария Федоровна и великий князь Александр. Поводом для заговора против императора послужило то обстоятельство, что к концу царствования Павла великие князья Александр и Константин¹ находились в огромной опасности. Намерение Петра III оттолкнуть мать Павла стало причиной низложения императора в 1762 году; тогда дело касалось не только спасения ближайших к государю лиц. Совершенно так же обстояло дело и в последнее время царствования Павла.

Мы не имеем основания сомневаться в том, что брак Павла с вюртембергской принцессой, получившей после принятия ею православия имя Марии Федоровны, более десяти лет был сравнительно счастливым. Затем положение изменилось вследствие увлечения Павла Нелидовой. Если даже отношение Павла к Нелидовой было, как многие утверждают, платоническим, то все-таки особое внимание, оказываемое ей, заключало в себе пренебрежение к супруге. Все лица, непосредственно окружавшие великого князя Павла, преклонялись перед Нелидовой. Так как камер-юнкер граф Н.П. Панин не захотел подчиниться лозунгу «Respect pour la Nélidow, mépris pour la grande duchesse» («Почте

ние к Нелидовой, презрение к великой княгине»), он впал в немилость и в августе 1791 года имел с Павлом разговор, во время которого великий князь сказал: «Путь, которым вы идете, приведет вас к двери или к окну». На это Панин возразил, что никогда не сойдет с пути чести, и вышел, не дожидаясь знака, означającego у государей «Allez vousen» («Убирайтесь»)². Придворному садовнику в Царском Селе Павел грозил палкой только за то, что он доставил великой княгине фрукты.³ Ростопчин писал в 1793 году: «Великая княгиня бессильна, она покорилась своей судьбе, безмолвно страдает и живет для своих детей».⁴ Павел удалил от двора библиотекаря и чтеца Лаферьера потому, что Мария Федоровна любила его общество.⁵

После вступления Павла на престол отношения изменились в худшую сторону. Во время коронации, когда двор пребывал в Москве, Павел влюбился в дочь обер-прокурора Лопухина. Если император уже до этого преследовал и ссылал людей, преданных его супруге, то теперь подобные меры приняли еще худший характер. Лопухина же, разумеется, против желания императрицы была назначена фрейлиной. Из-за этого влияние Марии Федоровны все уменьшалось, и шведский посланник Стедингк был склонен приписывать этому обстоятельству возраставшую неурядицу во всех делах.⁶

*Великий князь
Павел Петрович
с супругой
и сыновьями
Александром
и Константином*

Стедингк в письме шведскому королю говорит, что отношения Павла и Лопухиной, которые он считал только платоническими,⁷ не будут продолжительными и что Павел опять вернет свое расположение императрице. Другие современники также представляли эти отношения как сравнительно невинные,⁸ но из достоверного источника мы знаем, что Лопухина, выйдя замуж за князя Гагарина,⁹ покинула своего мужа, чтобы всецело принадлежать государю.¹⁰ Она имела значительное влияние, которым, впрочем, нередко пользовалась для смягчения участи несчастных изгнанников.¹¹

Неудивительно, что Павел охладил к своей супруге. Но и несколько раньше в семейной жизни императорской фамилии наступил полный разлад. В 1798 году императрица в течение недолгого времени, по-видимому, имела еще известное влияние, но, как полагали, ей не хватило ловкости и такта, чтобы удержать его за собой.¹² Письмо Ростопчина Воронцову от 2 ноября 1798 года дает возможность глубоко заглянуть в эти печальные отношения: «Хотя государь истратил миллионы на благодеяния, но все-таки не имеет верных слуг. Его ненавидят; собственные дети его терпеть не могут; великий князь Александр относится с ненавистью к своему отцу; великий князь Константин боится его. Его дочери, как и все находящиеся под влиянием матери, питают к отцу антипатию. Все улыбаются ему, а между тем ничего не желают так сильно, как видеть его обратившимся в прах. Какой, однако, ужасный характер у императрицы!»¹³ Прежде ее кумиром было общественное мнение,¹⁴ теперь это деспотизм и желание царствовать. Она унизила себя, вступив в союз с шельмой (coquine), со своим заклятым врагом,¹⁵ чтобы господствовать над своим супругом; теперь она обнаруживает полное подчинение его воле».

Что оба супруга незадолго до катастрофы замыслили недоброе друг против друга — об этом говорили, этому верили, но проверить это мы не в состоянии, поэтому приводим нижеследующее, не ручаясь за его достоверность.

Бернгарди пишет без указания источников: «Мария Федоровна знала о том, что готовится,¹⁶ и имела свой собственный небольшой кружок, интриги которого были довольно бессильны по сравнению с замышляемым большим заговором. Главную роль в этом второстепенном кружке играла семья Куракиных,¹⁷ с которыми императрица была очень дружна и которые льстили своей высокой покровительнице, говоря ей, что она может сама царствовать, быть самодержицей России и сыграть роль Екатерины.¹⁸ Ей говорили, что великий князь Алек-

Медаль, выбитая по случаю бракосочетания великого князя Павла Петровича с великой княгиней Марией Федоровной

сандр слишком молод, неопытен, слаб и легко поддается чужому влиянию; он, вероятно, сам устрашится тяжести короны. Зато всем памятно блестящее царствование Екатерины; старики помнят еще царствование императрицы Елизаветы и считают это время прекрасным и счастливым; Россия даже привыкла к управлению женщин, под их властью чувствовала себя всего лучше, и народ желает мягкого господства царицы. Сама же она чрезвычайно любима, и любовь народа в связи со светлыми воспоминаниями поможет ей вступить на престол. Разумеется, императрица Мария Федоровна охотно слушала такие речи; особенно легко было убедить ее в том, что она очень любима, так как вся ее жизнь, все ее действия как прежде, так и после были почти что боязливым исканием популярности. Она стояла во главе нескольких благотворительных учреждений и заведовала их делами, если без надлежащего понимания, то с большим рвением и старанием обратить на себя внимание. Она не предпринимала ни одной прогулки без расчета на то, что случится какое-нибудь маленькое происшествие, что создастся история, которая выставит ее перед народом в свете сердечной доброты и снисхождения, полного сознания своего достоинства. Она никогда — разве только в редкие минуты — не выходила из своей роли, благодаря чему все ее существо стало носить характер театральности и деланности».¹⁹

Однако честолюбивые планы императрицы и ее намерения предпринять что-нибудь решительное против своего супруга гораздо сомнительнее, чем недоверие, которое питал к жене Павел. Доказательством этого служит роковое решение государя заделать двери из своей спальни в покои императрицы. Рассказы современников об этом не вполне согласуются.

Розенцвейг сообщает: «Из спальни императрицы был только один выход. Архитектор Бренна, строивший Михайловский дворец, оставил еще одну соединительную дверь с покоем императрицы. Но так как Павел в то время совершенно разошелся со своей супругой, то приказал заделать эту дверь, и когда архитектор недостаточно быстро исполнил его желание, наказал его арестом на несколько часов. После этого приказание было исполнено».²⁰

*Д.Г. Левицкий.
Портрет
воспитанницы
Императорского
воспитательного
общества
благородных девиц
(Смольного
института)
Е.И. Нелидовой.
1773 г.*

*Императрица
Мария Федоровна*

По словам Ланжерона, дверь была не заделана, а лишь заперта на ключ со стороны спальни Павла, так что Мария Федоровна вскоре после совершения преступления — дверь тем временем неизвестно каким образом уже была открыта — смогла появиться на месте катастрофы.²¹ Источники, из которых черпал сведения Бернгарди, гласят, что непосредственно перед убийством Павла Беннигсен запер двери, ведущие

в помещение императрицы.²² Саблуков замечает, что дверь в покои императрицы была еще раньше заперта изнутри.²³

Итак, дверь, по-видимому, не была заделана, а была лишь заперта изнутри. Это являлось выражением отчуждения, недоверия между обоими супругами.

Не может быть сомнения в том, что императрица и великие князья имели полное основание бояться Павла. Трудно было предугадать, куда могут завлечь его страстность, душевное расстройство и каково будет его обхождение с близкими людьми. Как силен был страх перед императором в его же семье, вполне ясно из писем таких царедворцев, как Ростопчин, Роджерсон, и из мемуаров таких современников, как Саблуков и др.

*Великие князья
Александр
и Константин
Павловичи и великие
княжны Александра,
Елена, Мария
и Екатерина
Павловны*

На основании неизвестных, но в данном случае, вероятно, очень важных источников Бернгарди рассказывает, что Павлу в последнее время его жизни так понравился племянник императрицы, четырнадцатилетний принц Евгений Вюртембергский, приехавший тогда в Петербург, что он задумал назначить его своим наследником. Бернгарди пишет: «Вскоре его расположение к красивому и умному маль-

*Александрова дача.
Храм Цереры в саду*

чику усилилось до беспредельной и страстной экзальтации, которая как все проявления Павла, граничила с безумием. Этот мальчик казался Павлу как бы ниспосланным с небес; план его был готов, и с семьей своей государь решил покончить насильственно; он хотел сначала посадить под строгий арест императрицу, сослав ее на далекий север в Холмогоры,²⁴ великого князя Александра заточить в Шлиссельбург, Константина — в Петербургскую крепость и т.д.²⁵

Очень интересен следующий рассказ Бернгарди: «Уже не раз у государя вырывались намеки относительно “grand coup”, который он собирается сделать; теперь он грозно заявлял своей возлюбленной красивой княгине Гагариной, и Кутайсову, что он уже хочет выполнить свой grand coup; при этом он сказал даже следующие знаменательные слова: “Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui iadis m'étaient chères!” (“Скоро я буду вынужден снять когда-то дорогие мне головы!”)». ²⁶ Сходный рассказ мы находим у Розенцвейга: «Пален до такой степени возбуждал недоверие Павла к сыновьям, что государь дал ему как военному губернатору письменное полномочие арестовать великих князей, чтобы священная особа царя была в безопасности. Пален показал этот приказ великому князю и вырвал у него согласие. ²⁷ Впрочем, этот последний уже из другого источника знал об участии, которую готовил ему отец. Дело в том, что генерал-лейтенант Уваров, начальник кавалергардов, был любовником княгини Лопухиной, дочь которой, княгиня Гагарина, была в то время любовницей государя. Павел посетил Гагарину однажды вечером и горько жаловался ей на то, что окружен со всех сторон врагами и что даже сыновья составляют против него заговор. Затем он под большим сек-

ретом сообщил, что намерен посадить сыновей в тюрьму. Гагарина сказала об этом матери, эта последняя — графу Уварову, который в свою очередь передал это Палену.²⁸ Пален советовал прямо сказать об этом великому князю, и когда после этого Александр сообщил это известие генерал-губернатору, оказалось, что Пален уже получил приказ об аресте и настаивал на необходимости низложить императора. Утверждают также, что государь намеревался посадить в тюрьму и супругу, а преемником своим назначить третьего сына Николая, которого сам хотел воспитывать.²⁹ Все складывалось так, что катастрофа становилась неизбежной.³⁰

Понятно, что все подобные рассказы на основании того, что «говорят», легко могут содержать в себе если не прямые вымыслы, то сильные преувеличения. Принимать их за чистую монету нельзя. Зато внимания заслуживают следующие слова Ланжерона в его сочинении о смерти Павла I: «В Европе распространился слух (и шел он ни от кого иного, как от Палена), что Павел намеревается оттолкнуть свою жену, жениться на княгине Гагариной после ее развода с мужем, заточить своих старших сыновей и назначить своим наследником великого князя Михаила, родившегося уже в царствование Павла. Слух этот — отвратительная клевета; его опровергает Коцебу в своем сочинении “Самый замечательный год моей жизни”,³¹ и я слышал из уст генерала Кутузова, жившего в то время в Петербурге, что о таких нелепых намерениях не было и речи и что Павел еще накануне своей смерти был очень сердечен с женой и с детьми. Известно, что уже в силу своего характера Павел совершенно не мог хоть сколько-нибудь притворяться».³²

*В. Горохов. Вид парка
в Царском Селе*

*С.С. Соломко.
Великие князья
Александр
и Константин
Павловичи*

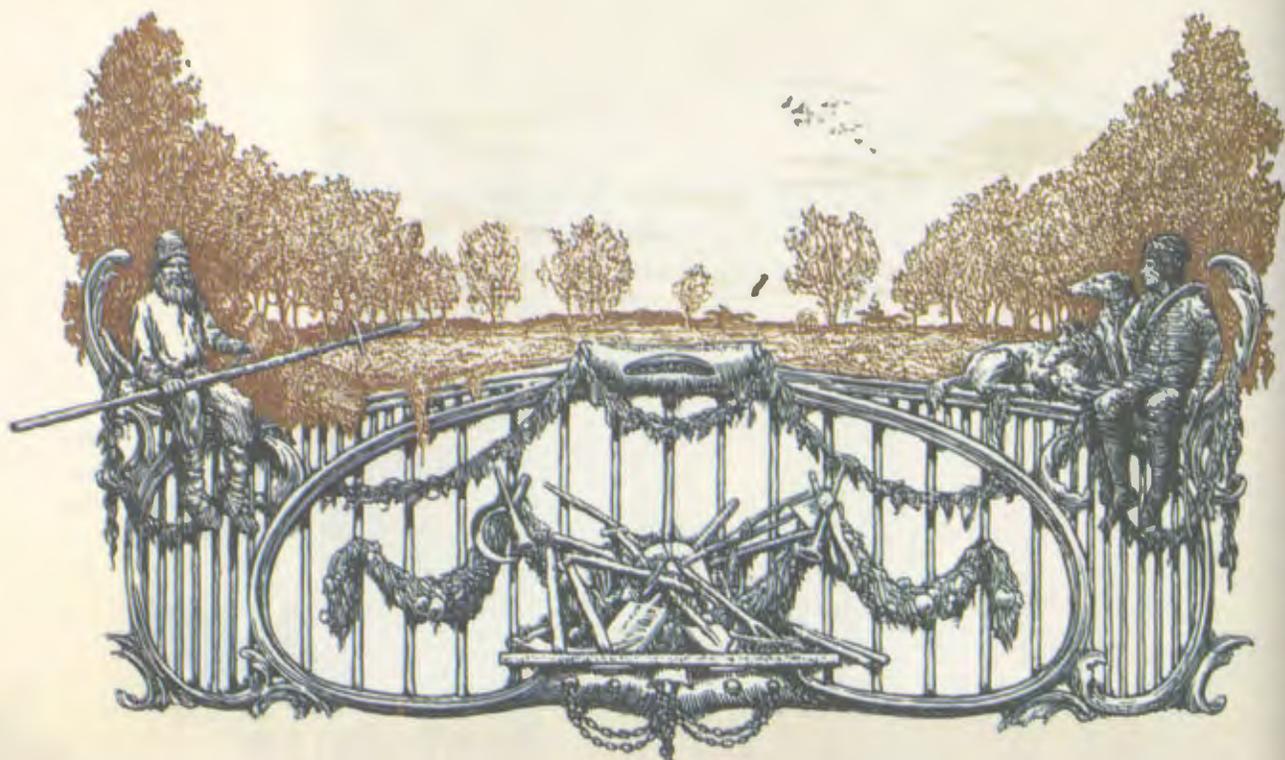
Истина, очевидно, находится посередине. Если даже Павел не замыслил оттолкнуть свою супругу и заключить в тюрьму сыновей, то все-таки не могло быть и речи о сердечном, доброжелательном обращении с близкими. Саблуков как очевидец рассказывает о натянутых отношениях между Павлом и его сыновьями. «Александр, — пишет Саблуков, — будучи близок рук и туг на ухо, тем более опасался сделать ошибку и не спал из-за этого ночей. Оба великие князя ужасно боялись отца, и если последний казался сколько-нибудь сердитым, бледнели, как мертвецы, и дрожали, как осиновые листья».³³ В другом месте мемуаров Саблукова мы читаем следующее, написанное по поводу рассказа о бесчисленных дисциплинарных наказаниях военных: «Оба великие князя всегда опасались всего худшего и для

самих себя. Они оба были шефами полков и как таковые ежедневно должны были выслушивать сильнейшие упреки за самые ничтожные провинности на парадах, за недочеты в дрессировке» и т.д.³⁴ Такое положение дел тем более вероятно, что в роковой день смерти Павла как Александр, так и Константин находились под арестом. Недоверие отца к своим сыновьям явствует из того факта, что оба великие князя в тот день, за несколько часов до убийства Павла, были отведены генеральным прокурором Оболяниновым во дворцовую церковь для возобновления присяги.³⁵ Присяга была принесена, хотя по крайней мере старший из великих князей знал, и должен был знать, что дни царствования Павла сочтены. В интимных кружках поведение Александра относительно отца считалось не безупречным. Уже в конце 1798 года Ростопчин писал графу Воронцову: «Le grand duc Alexandre a de grands torts vis à vis de son père» («Великий князь Александр во многом виноват перед своим отцом»).

Казалось, что в такие времена всеобщего угнетения, смятения, крайней опасности можно упразднить обычные понятия о нравственности и лояльности. Злоупотребление монархической властью со стороны Павла совершенно отменяло господствовавшие правила законности, поэтому обычные обязанности подданных, родственников государя и слуг государства стали невыполнимыми. Психиатрам и сторожам в психиатрических больницах не вменяется в преступление нарушение истины по отношению к опасным больным. Экстравагантность характера Павла и необычайность его положения требовали, чтобы при изыскании средств для спасения в расчет принимались все меры. Общее настроение и недовольство делают понятной диктатуру Паниных и Паленов, которые в интересах государства решили прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы положить конец безобразным явлениям этого царствования.

*Император Павел
и императрица
Мария Федоровна
на прогулке*

Ухудшение положения вещей

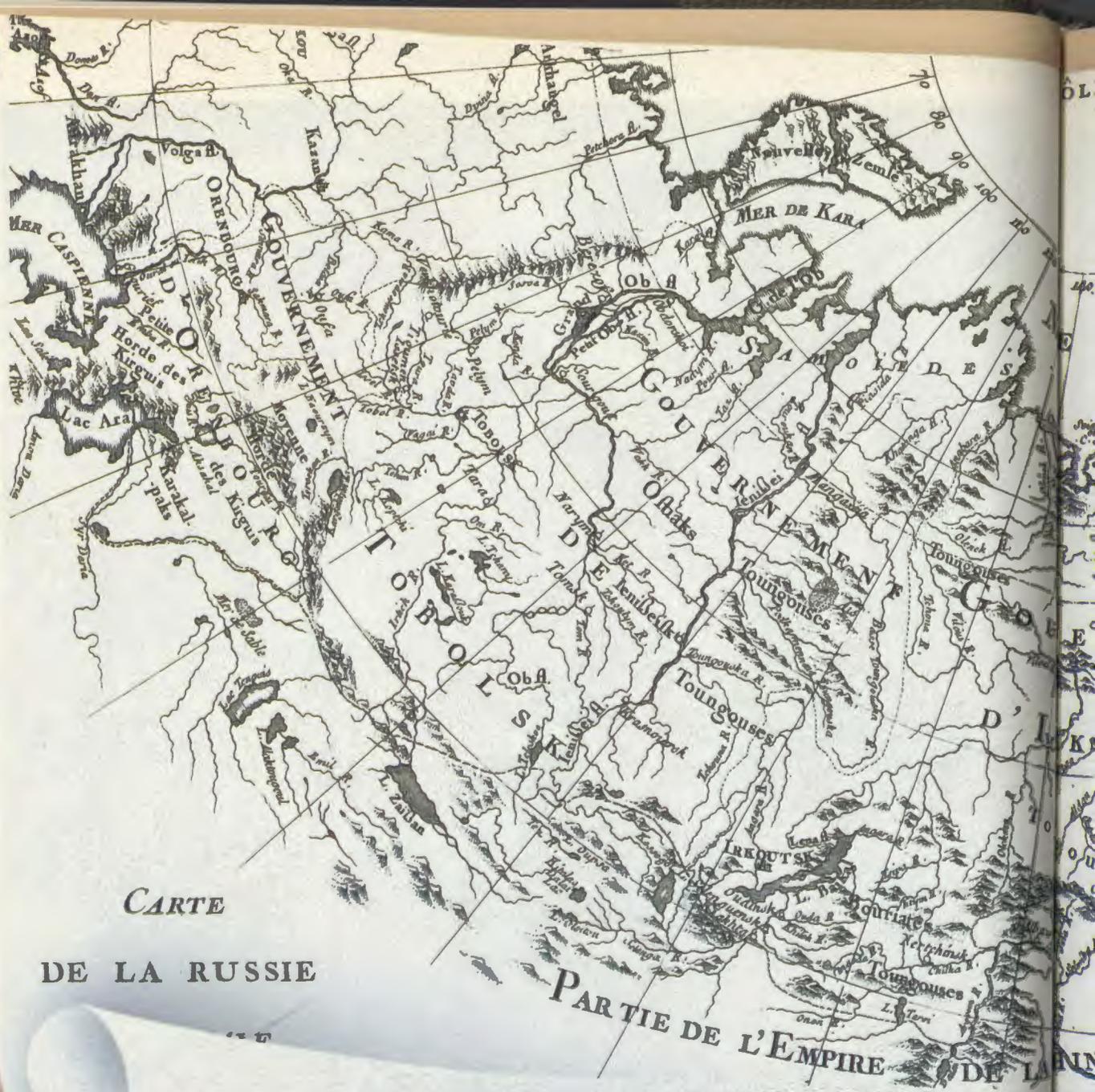
Современникам казалось, что в течение четырехлетнего царствования Павла стало заметно ухудшение характера государя. Усиление цезарского безумия до крайних пределов увеличивало опасность, грозившую государству, подданным и лицам, окружавшим императора. Сам собой возникал вопрос: следует ли еще далее и еще более страдать или же следует подумать об избавлении от беды?

Розенцвейг говорит в своих записках: «Страшно подумать, как быстро развились недостатки Павла после его вступления на престол. Всякий неудачный опыт усиливал его строгость. К тому же окружающие Павла, которым была выгодна всякая перемена, так как за нею следовали повышения, потакали странным прихотям государя. Давным-давно уже возникли бы сомнения в умственной нормальности Павла, если бы от порою до времени не наступали такие периоды, когда он становился проницательным и начинал судить обо всем правильно и справедливо. Но в последние годы его царствования эти светлые минуты становились реже. Павел делался еще строже, чем прежде. Он был исключительно окружен людьми, не знавшими иного закона, кроме своей личной выгоды, и влияние императрицы, его супруги, совершенно исчезло».¹

На стр. 65:
Император Павел I

В разговоре с Ланжероном в 1804 году Пален изобразил положение дел следующим образом: «Я ничего нового не могу сообщить вам,

CARTE
DE LA RUSSIE

PARTIE DE L'EMPIRE DE LA CHINE

любезный Ланжерон, о характере Павла и о его безрассудствах; вы сами страдали от них так же, как и мы. Но так как в последнее время его царствования вас не было в Петербурге и вы в течение двух последних лет не видели его, то не можете знать, до чего дошло его сумасшествие, развивавшееся все *crescendo*; оно сделалось бы кровожадным, и уже было таковым. Никто из нас не был уверен хотя бы за один день своей жизни; скоро везде стали бы воздвигаться плахи, и вся Сибирь была бы населена несчастными». В таком же духе высказывался Пален тотчас после катастрофы в разговоре с Гейкингом, который по-

добно Ланжерону и другим подвергся изгнанию! «Я знаю, что вам пришлось вытерпеть; но все это пустяки по сравнению с теми ужасами, которые совершались над множеством людей, преступления которых часто были только воображаемыми или были простою оплошностью. Мы устали быть орудиями подобной тирании, и так как мы видели, что безумие его день ото дня усиливалось и обращалось в жажду жестокости, то нам оставалась только одна альтернатива — или избавить мир от чудовища, или же вскоре увидеть себя, а может быть, и часть императорской семьи, жертвами следующей ступени

*Карта
Российской империи
последней трети
XVIII в.*

Александр Федорович Ланжерон

Адмирал В.Я. Чичагов

его злобы. Из одного чувства патриотизма можно мужественно подвергнуть себя, свою жену и детей риску самой страшной смерти, с целью вернуть счастье 20 миллионам людей угнетенных, измученных, сосланных, избитых и искалеченных» и т.д.⁴

Так как можно предположить, что Пален для оправдания своего участия в перевороте слишком сгустил краски, то выслушаем заявления и крики отчаяния таких людей, которые стояли совершенно в стороне от преступления и порицали его. Когда русский посланник в Лондоне из-за минутной прихоти Павла был удален со своего поста и лишен имений в России, Ростопчин писал ему: «Вы видите, что мне пришлось подписать, и могу ли я после этого оставаться? Если так обращаются с вами, то какая судьба может ожидать меня? Сердце мое обливается кровью; я жалею вас. Обливаю ваши руки моими слезами. Будем плакать вместе! Сделать ничего нельзя».⁵ Спустя несколько недель Ростопчин писал Воронцову: «Бог знает, к чему это приведет; ничего нельзя предсказать наверное. Живите счастливо там, где вы находитесь, и, если вы плачете, то будьте уверены, что плачете не одни. Разорвите это письмо».⁶ В письме Кочубея Воронцову, написанном в то же время, читаем: «Страх, в котором все мы живем, неопишимо. Люди боятся своей собственной тени. Все дрожат. Доносы — дело обычное: верны они или неверны, но верят всему. Все крепости переполнены арестантами. Всеми овладела глубокая тоска. Люди уже не знают, что такое удовольствие...»⁷ Получая новую должность, всякий готовится через три или четыре дня быть высланным и говорит себе: мне нужно постараться получить завтра в подарок крестьян... В настоящее

время имеется распоряжение, по которому ни одного письма не допускается отправлять через курьера, путешественника или слугу; все должно быть отправляемо по почте. Государь считает, что каждый почтмейстер может вскрывать и прочитывать все письма. Стараются открыть заговор, которого не существует.⁸ Ради Бога, будьте осторожны во всем, что вы пишете. Я не храню ни одного письма, а все сжигаю. Не знаю, к чему все это приведет. Всех нас мучают невероятным образом. Надобно опасаться, что приближенные к государю лица, которым приходится хуже всего, выкинут что-нибудь отчаянное. Никто не решается делать каких-либо возражений. Для меня, как и для других, не исключая Ростопчина, во всякое время готов экипаж, чтобы бежать при первом знаке... Не думайте, что я преувеличиваю, напротив, я о многом умалчиваю, что вам показалось бы невероятным... Если вам нужно сообщить мне что-нибудь тайно, то пользуйтесь английскими курьерами и пишите лимонным соком».⁹

Барон Гримм

Весьма часто государственные люди, частная корреспонденция которых сохранилась в «Архиве князя Воронцова», вспоминали уже после катастрофы ужасы этого четырехлетнего царствования. По степени негодования, выражаемого в такого рода воспоминаниях, можно судить о политическом бедствии, в котором находилась Россия, и о всеобщей деморализации.

Адмирал Чичагов писал Воронцову, что за те четыре года Россия прожила точно четыре столетия варварства.¹⁰ Кочубей писал: «Кто не пережил последних лет царствования Павла и не видел, каким источником беспорядка, дезорганизации, хаоса было это время, тот никогда не будет в состоянии судить о том, какие нужны усилия для того, чтобы все это распутать. Думая об этом, я прихожу к заключению, что другая страна, наверное, должна была бы погибнуть при таких обстоятельствах». В другом письме Кочубей говорит о «глупостях», которые наделал Павел в деле отношений с Англией и которые теперь нужно исправлять. «Мы нуждаемся в спокойствии, чтобы залечить страшные раны, нанесенные стране», — замечает граф, а в другом месте пишет: «Здесь уже больше нет сумасшедших домов»¹¹ и т.д. Гримм писал Воронцову, что следует постараться забыть страшные годы царствования Павла; воспоминание о них казалось тяжелым сном, страшным призраком; не проходило дня, чтобы к прежним несчастьям не прибавлялось нового; не гово-

*Петр Алексеевич
Пален*

*Знак ордена Св. Анны,
украшенный короной*

Звезда ордена Св. Анны

ря уже о бесчисленных печальных последствиях неправильных политических мер, из-за которых само существование государства оказывалось под вопросом, преследования частных лиц действовали чрезвычайно угнетающим образом; было отчего сойти с ума и т.д.¹² Бутурлин писал своему дяде графу Воронцову: «Непрерывный ряд ошибок и глупостей, который в истории будет носить имя только что окончившегося царствования, пустил такие глубокие корни, что я не знаю сколько времени еще придется их расхлебывать... Дух общества еще носит в себе заразу (gangréné). Публика, которая при Павле все время находилась между крепостью и орденом Св. Анны, между Сибирью и подарком в 1000 душ, должна лишь постепенно привыкнуть к спокойствию и порядку», а в 1803 году: «Минувшее царствование так потрясло все основы государства, что едва ли найдется десять человек, пригодных для занятия высоких постов». Бутурлин то и дело сетует на дурные последствия царствования «de feu Paul de turbulente mémoire» («покойного Павла, оставившего по себе бурную память») и на «folies du règne de Paul» («безумства царствования Павла»), которые показали всему миру, на что способны русские, и т.д.¹³

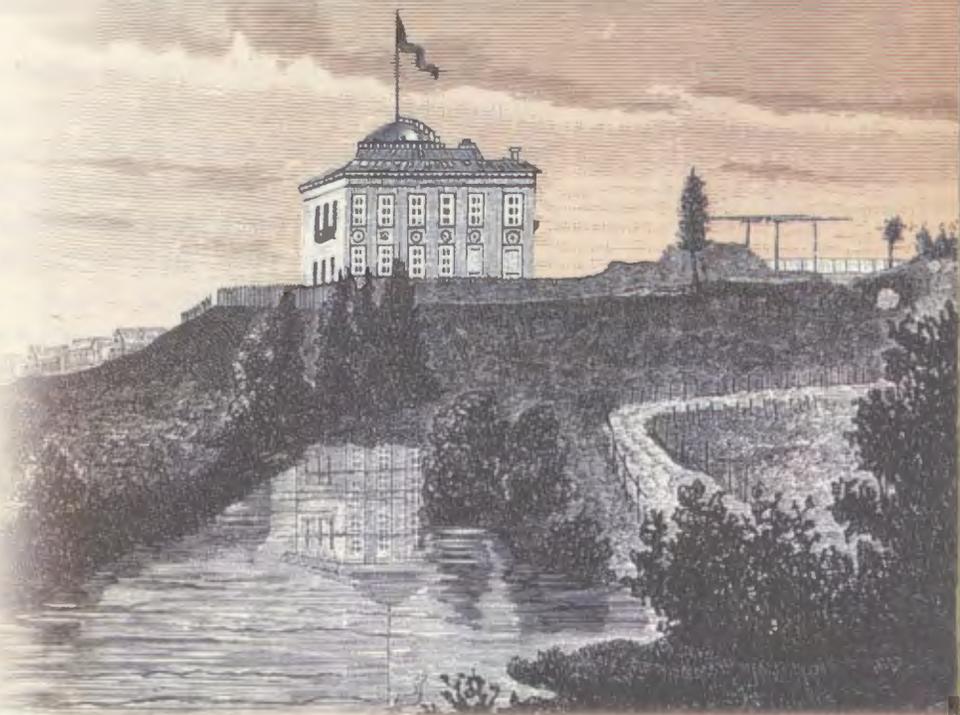
О царствовании Павла всех резче и обстоятельнее высказался С.Р. Воронцов. Так например, он писал Панину тотчас после катастрофы, говоря о конфискации своих имений: «Подобные поступки были совершенно в духе Павла, который был человек душевнобольной и брал себе за образец мароккских царей и персидских софиев».¹⁴ Пока жив был Павел, Воронцов не мог и помышлять о том чтобы послать в Россию своего сына, желавшего поступить на военную службу; это стало возможным тотчас после вступления на престол Александра. Во время «отвратительного» царствования Павла, как писал Воронцов сыну, все люди чести, уважающие сами себя вынуждены были оставить военную службу, теперь можно служить, не подвергаясь сумасбродным оскорблениям, унижениям, ссыл

кам и всяким другим бедам.¹⁵ Воронцов жалуется в своих письмах на опустошительную косу Павла,¹⁶ на беспримерную тиранию, память о которой никогда не исчезнет в русском народе, пока он будет существовать,¹⁷ на слепую ярость и несправедливость Павла, которая его, Воронцова, лишила всего его состояния,¹⁸ на пагубное влияние «деспота Павла» и на его «règne atrose» («ужасное царствование»)¹⁹ и т.д.

Воронцов был склонен приписывать некоторые ошибки Павла в области внешней политики влиянию Безбородко, Кутайсова и Ростопчи-

на,²⁰ но он все-таки не находил слов для порицания безрассудства самого государя. В одном манифесте Александра, составленном Паниным, было в обычной форме упомянуто о «славной памяти» царствовании Павла. В резкой критике этого манифеста, составленной для императора Александра, Воронцов, приведенный в сильнейшее негодование, пишет помимо прочего: «Как может Александр I, не будучи уже ребенком, обладая умом и высоко ценя добродетель, все-таки не сознавать, что отец его искажил закон, обратив его в его противоположность, расстроил финансы, уничтожил торговлю и завел беспримерный деспотизм в своей несчастной стране? Есть ли хоть что-нибудь славное в таком образе правления? И не признает ли принципов этого правления государь, называющий его «славным»? — Не говорит ли он этим, что думает идти такими же путями? Если же такой образ правления составляет противоположность «славной памяти», то употреблять подобный эпитет — лицемерие!» и т.д.²¹ Так же строги суждения брата Воронцова, канцлера, в записке о царствовании Павла, составленной для Александра: «Многое покойною императрицей сделанное, разными указами уничтожено, подати и все налоги больше прежнего умножены, торговля... стеснена, все внутренние обороты... немало остановлены. Вообще сказать можно, был хаос совершенный, от коего мы избавились вступлением на престол Александра».²²

Указывая на печальные стороны царствования Павла и сетуя на то, что Россия «изнывала от самого грубого и насильственного варварст-

Дом коменданта Шлиссельбургской крепости в конце XVIII столетия. С рисунка, сделанного с натуры Угрюмовым

*Б. Патерсон.
Михайловский дворец
в Петербурге*

ва»,²³ Воронцовы находили также объяснение этому несчастью. Николай писал С.Р. Воронцову, что характер Павла представляет собой самую странную смесь хороших качеств с величайшим деспотизмом и что его грубость с течением времени приобрела перевес над другими его свойствами.²⁴ На это граф Воронцов отвечает: «Это правда, но вы должны были прибавить, что эти грубые инстинкты усилились в полном смысле слова до душевной болезни. Сумасшествие Павла в последние восемь или десять месяцев его жизни бросается в глаза. Образ действий его относительно других государей и государств доказывает, что дух его был помрачен. Поэтому я не склонен приписывать дурному сердцу его деспотические и жестокие поступки, омрачающие последние время его царствования. Я больше жалею его, чем порицаю», и т.д.²⁵ Точно так же в письме С.Р. Воронцова брату читаем следующее: «Я убежден, что покойный государь имел несчастье быть душевнобольным; я считаю его столь же мало вменяемым, как маленького ребенка, который себя и других ранит бритвой, так как никогда раньше не видел бритвы и не знает ее употребления. У меня есть письма Панина от того времени, когда Павел еще был жив, и в них говорится о тирании Павла, о его отвратительных выходках и сумасшествии».²⁶ «Панин, — говорит в другом письме, — считал этого тирана помешанным».²⁷

Если же сложилось убеждение, что приходится иметь дело с душевнобольным человеком, то раньше или позже должна была возникнуть мысль о его устранении от престола, так как неограниченная власть подобного больного беспредельно увеличивала опасность, угрожающую всем. Нельзя было знать, до чего могут прийти патологические выходки деспота. Опасность надвигалась. Приходилось иметь дело с темной стихийной силой, от которой необходимо было обезопасить себя, сделав больного безвредным. Чтобы предпринять нечто против Павла, не нужно было никакой политической партии с убеждениями, противоположными господствующим в России взглядам. Не было также вра-

ча, авторитетом которого могла бы быть констатирована неспособность императора к управлению. Да и психиатрия в ту пору была, вероятно, еще недостаточно развита для того, чтобы определить, насколько ненормальными и болезненными являлись безрассудные действия Павла. Русское государственное право, и без того слабо развитое, не предусматривало душевной болезни государя и не указывало, как следует быть в таком случае. Высшие органы государственного управления или не имели никакого значения, или имели недостаточное значение для того, чтобы в таком деле взять на себя инициативу. Одно сомнение, хотя бы самое ничтожное, в том, что император вменяем, было бы сочтено за государственную измену, и уже вследствие этого никто из состоявших на государственной службе не заикался о необходимости переворота. Таким образом, оставался лишь путь конспирации отдельных лиц. Чрезвычайные обстоятельства требовали чрезвычайных мер. Чтобы противопоставить силу силе, нужно было красться во мраке.

Каково было положение дел, показывает уже то обстоятельство, что люди возвышенного и к тому же консервативного образа мыслей, не имевшие ничего общего с господствовавшим в ту пору либерализмом, порожденным французской революцией, что такие дальновидные, осторожные политики, как графы Воронцов и Панин и другие их современники, были проникнуты убеждением, что необходимо предпринять что-нибудь для спасения России.

В феврале 1801 года, то есть за несколько дней до катастрофы, граф С.Р. Воронцов писал симпатическими чернилами из Саутгемптона Новосильцеву, также находившемуся в ту пору в Англии: «Вы говорите, что не следует слишком строго судить одно лицо, в высшей степени нас интересующее, так как гнет, под которым оно жило, испортил его характер; вы полагаете, что не следует терять надежды, которая закаляет нашу энергию в

*А.Е. Мартынов.
Байкал*

*Б. Патерсон. Спуск
корабля на Неве
в конце
XVIII столетия*

несчастью. Это может быть до известной степени справедливо, если бы были какие-нибудь основания для того, чтобы ожидать перемены; перемена, говорите вы, неизбежна и естественна. Если же несмотря на такую необходимость и естественность перемены не наступает, то должно существовать какое-нибудь радикальное зло, служащее помехой. Что касается гнета, испортившего известный характер, то я скажу вам, мой милый друг, что силу или слабость душ можно сравнить с физическими телами. Есть мягкие тела, лишенные упругости, которые, будучи сжаты, не принимают прежнего положения, например бумага, воск, свинец, олово и т.п.; слоновая кость и сталь, будучи согнуты или сжаты, или ломаются, или же возвращаются в прежнее положение. Что же до упругости воздуха и пара, то вы лучше меня знаете, что она разрушает все, производящее слишком сильное давление. Последнее мы, к несчастью, имеем в нашем случае. Мы имели возможность видеть воск и олово.²⁸ Таким образом все потеряно. Сколько я ни стараюсь искать утешения в мысли о будущем, но не нахожу его. Мне кажется, что мы с вами находимся на корабле, капитан и экипаж которого говорят на непонятном нам языке. Я болен морской болезнью и не могу подняться со своего ложа. Вы сообщаете мне, что поднялась буря и что корабль должен пойти ко дну, потому что капитан, сошедший с ума, угощает экипаж побоями. Экипаж, состоящий из тридцати с лишком человек, не решается сопротивляться дурному обращению, так как капитан уже выбросил одного матроса за борт, а другого убил. Эти люди говорят, однако, что еще есть надежда на спасение, потому что есть другой руководитель судна, разумный и кроткий юноша, пользующийся доверием экипажа. Поэтому я заклинаю вас вернуться на палубу и убедить молодого человека и экипаж в том, что они должны спасти корабль, который вместе со своим грузом составляет отчасти собственность молодого человека; их ведь тридцать человек против одного, и смешно бояться быть убитыми помешанным капитаном, ибо тогда все матросы вместе с молодым

человеком будут утоплены сумасшедшим. Вы говорите мне, что не понимаете языка, не можете говорить с людьми, но что вы все-таки пойдете на палубу и будете наблюдать за тем, что там происходит. Вы возвращаетесь ко мне и говорите, что опасность возрастает, так как сумасшедший все еще стоит у руля; однако вы все еще не теряете надежды. Будьте здоровы! Друг мой, вы счастливее меня; я больше ни на что не надеюсь».²⁹

Эта аллегория, как она ни продумана, не включает в себе никакого указания, что следует предпринять против «помешанного капитана», стоящего у руля. Во всяком случае, предполагалось, что молодой кормчий должен сменить его. Для этого было два пути: или запереть капитана в его каюту и передать команду молодому кормчему, или же выбросить капитана за борт. Очень знаменательно замечание, что второй капитан подобно остальному экипажу находился в крайней опасности и мог быть брошен в море помешанным. Значит, Новосильцев, в то время приехавший в Англию, в беседе с Воронцовым упоминал о слухах относительно намерения Павла лишить Александра прав на престол и заточить его в темницу.

Почему Воронцов выставляет себя страдающим морской болезнью и считает для себя невозможным выйти на палубу и переговорить с молодым кормчим — непонятно. Он уже не был русским посланником, а потому мог свободно явиться в Россию и настаивать на том, чтобы Александр начал решительно действовать против отца. Вместо этого Воронцов требует, чтобы Новосильцев сделал необходимые шаги для спасения молодого кормчего, экипажа и груза. Отказ Новосильцева, мотивированный незнанием языка, привел Воронцова в отчаяние.

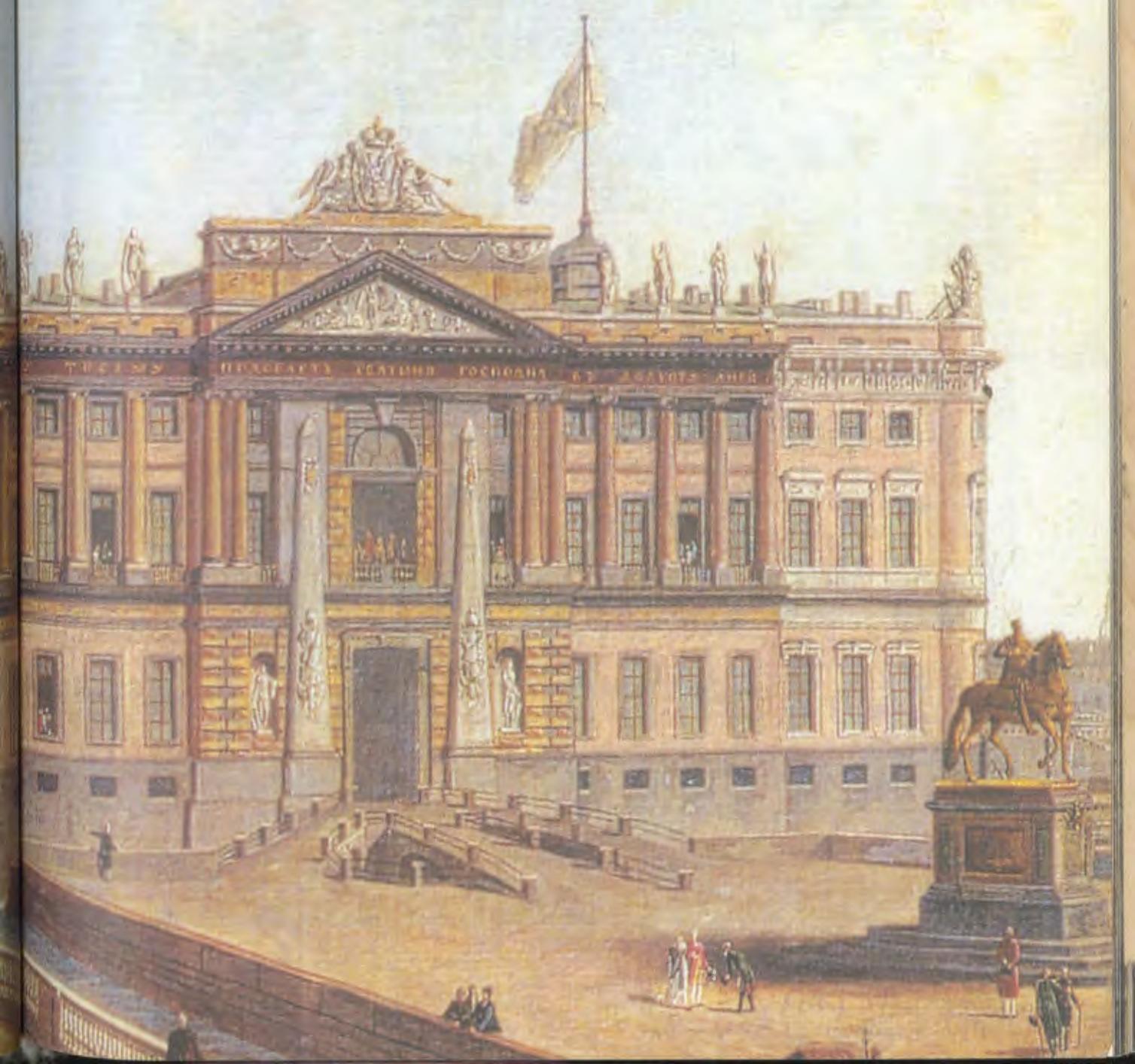
Тем временем двое других членов экипажа вошли в соглашение с молодым кормчим и решили устранить помешанного капитана, заперев его в каюту.

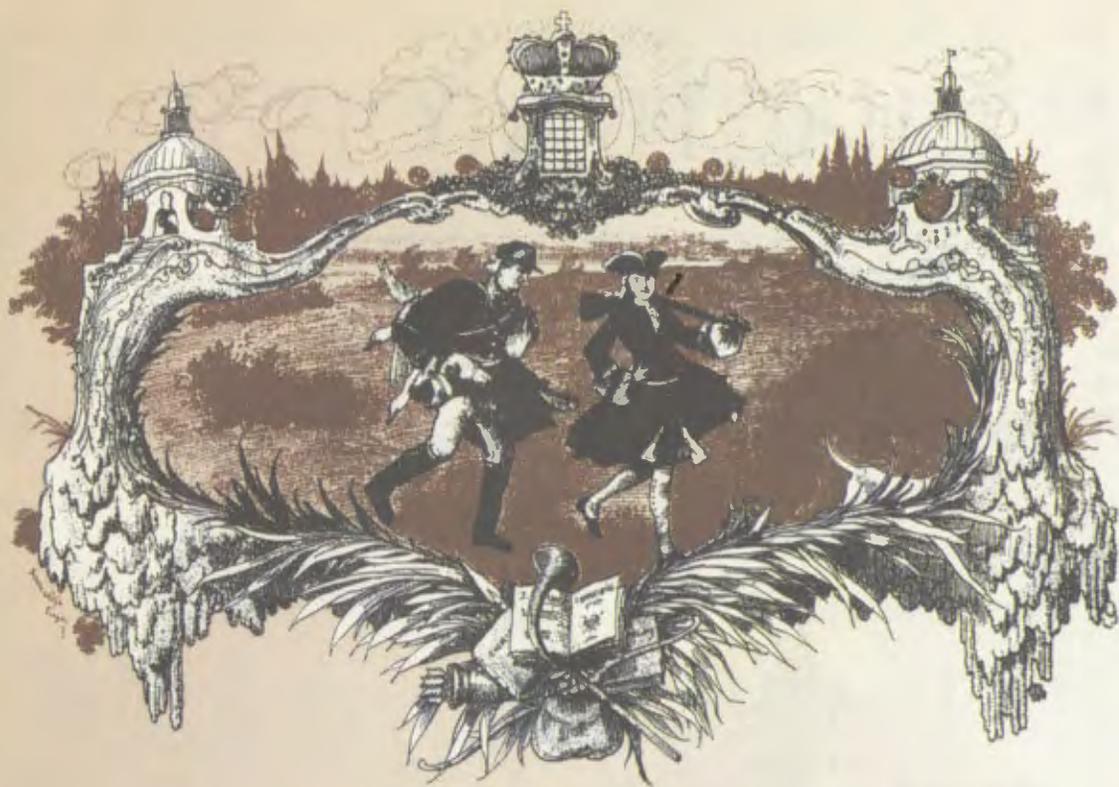
Вид Запасного дворца и реки Фонтанки в Петербурге

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Происхождение
кризиса

План регентства

Уже в конце 1797 года в Швеции распространился слух о заговоре, замышляемом против императора Павла. По этому поводу посланник Стедингк писал королю Густаву IV: «Слухи о якобы готовящемся здесь заговоре не заслуживают веры. Революция в России может ставить себе целью только перемену личности. Но Вашему Величеству слишком хорошо известны расположение покоя во дворце и характер членов императорской семьи, чтобы иметь какое-либо основание для беспокойства.¹ Можно было бы несмотря ни на что опасаться руки какого-нибудь преступного якобинца, но здешний народ создан для слепого повиновения и безусловной покорности, а потому свободен и от деморализации, порождаемой подобными взрывами негодования. К тому же, хотя император своею строгостью и внезапностью своих наказаний создал недовольных, зато он привлек к себе сердца многих подданных своею щедростью и любовью к порядку и справедливости. Внушая всем страх, он тем самым защищает народ от несправедливостей, под бременем которых он изнывал раньше».²

На стр. 79:
Тончи. Портрет
Павла I —
гроссмейстера
Мальтийского ордена

Стедингк заблуждался. Павел всего менее мог опасаться якобинцев. В словах шведского посла заключаются упрек императрице Екатерине и неправильная оценка мнимой популярности Павла. Народ вообще

Масо. Вид самого северного порта в Норвегии (освещенного полуночным солнцем)

не принимался в соображение. Зато при Павле существовали такие «оскорбления» (vexations), каких раньше не знали. Даже Безбородко, самый осторожный и боязливый из русских сановников того времени, жаловался в своем письме С.Р. Воронцову в ноябре 1798 года на нравственные оскорбления, которые он вынужден был выносить от государя и которые казались ему тем более нестерпимыми, что при Екатерине он в течение двадцати лет привык видеть только счастливых и довольных людей.³

По поводу слов Стедингга следует еще заметить, что общее положение, как уже было сказано выше, значительно ухудшилось в последние годы перед катастрофой. По намекам шведского посла можно заключить, что ожидали дворцовой революции в узком смысле и что поговаривали о заговоре в самой императорской семье. Со времени депеш Стедингга отношения обитателей дворца между собой испортились. Главным образом, как видно из мемуаров Саблукова, значительно ухудшилось положение Александра. Он представляется удрученным, боязливым, нерешительным. Если бы кто-нибудь стал добиваться его согласия на действия против Павла, то можно было ожидать, что великий князь и наследник не совсем отрицательно отнесется к подобным советам и увещаниям. Насколько отчаянным было положение, можно видеть из следующих замечаний Ланжерона, записанных им в 1826 году после беседы с великим князем Константином в Варшаве о событиях 1801 года. Ланжерон пишет: «Есть положения, налагающие тяжкие обязанности, исполнение которых было бы ужасно для частных лиц, а тем

более для принца, рожденного на ступенях престола. Александр был поставлен между необходимостью лишиться престола своего отца и между уверенностью, что последний погубит свою страну безрассудством своих планов и непоследовательностью своих действий. Сумасшествие несчастного государя — ибо нельзя скрывать от себя, что ум его был помрачен, — зашло так далеко, что уже больше нельзя было терпеть и что необходимо было пожертвовать им ради счастья сорока миллионов людей».⁵

В истории устранения Павла следует различать две фазы. Сначала задумано было ввиду душевной болезни императора ввести регентство, причем для роли регента, разумеется, предназначался весьма юный, но совершеннолетний великий князь Александр. В первой фазе главную роль играл граф Панин. Мысль, что в этой форме можно найти выход, тем понятнее, что как раз в то же время в Западной Европе было два совершенно аналогичных случая. В Англии во время болезни короля Георга III управление делами неоднократно поручалось принцу Уэльскому; в Дании при Христиане VII с 1784 года регентом был будущий король Фридрих VI. В обоих случаях это устроилось без препятствий и без насилий и оказалось полезным для государства. Нужно было найти подобный же выход для России, имевшей менее развитые государственные учреждения, не прибегая к насильственным мерам, о которых не мог ни в коем случае думать человек такого возвышенного образа мыслей, как граф Н.П. Панин. Само собой разумеется, что решение этой задачи в России было связано с величайшими трудностями и требовало чрезвычайной умелости. Весьма многое при этом зависело от благородства и решительности наследника. Не только опасность, исходившая от темперамента душевнобольного самодержца, но вообще весь склад политических отношений, а также тот факт, что целая группа лиц находила для себя выгодным поддерживать власть Павла, — все это привело к тому, что план регентства обсуждался весьма немногими лицами в глубокой тайне и независимо от каких бы то ни было политических учреждений, так что приобрел характер заговора. Уже потому, что во время ужасного царствования Павла все, не исключая сановников и членов императорской фамилии, были окружены шпионами и в каждый данный момент могли быть объявлены политическими преступниками и подвергнуться

*С.С. Шукин.
Портрет Александра
Павловича*

Рокиткуль. Портрет
великого князя
Николая Павловича

соответствующей участи, такой государственный переворот, какой имелся в виду, должен был получить характер интриги, измены и клятвы вопреступления, хотя непосвященные и не имели права обвинять причастных к этому делу в подобных преступлениях. Действовать открыто и благородно значило бы испортить все дело и обречь себя на бесполезное мученичество. Таким образом, никто из друзей и товарищей Панина по службе, министров и посланников, впоследствии узнавших о той роли, которую он играл, нисколько не осудили его, за исключением одного только Ростопчина. Отношения же Александра, Марии Федоровны и даже императора Николая к Панину приводили в край-

*Одесса. Вид города,
гавани и укреплений.
Середина XIX в.*

нее негодование всех друзей справедливости. Ввиду этих обстоятельств и ввиду того, что при недостаточном знакомстве с ними Панина нередко считали участником убийства государя, необходимо подчеркнуть, что этот государственный человек, которым Россия может гордиться как одним из своих лучших патриотов, не принимал участия в кровавом деле, совершенном в марте 1801 года.

События приняли иной оборот в связи с тем, что Панина к концу года изгнали из столицы и что исполнение плана должно было быть передано в другие руки. Если впоследствии перед великим князем Александром и представлялся план регентства, то с течением времени все яснее становилась необходимость полного и насильственного устранения Павла. И катастрофа совершилась. В этой фазе главную роль играл Пален. На нем лежала самая тяжелая ответственность за то, что произошло. Называют трех лиц, которые первыми высказали мысль о необходимости перемены на престоле: Рибаса, Палена и Панина.

Адмирал Рибас, родом с острова Мальты, доблестный офицер, выдвинувшийся в турецкую войну при штурме Измаила и участник основания и постройки Одессы, находился в близких, дружеских отношениях как с Паленом, так и с Паниным. Говорят, что Рибас первым подал мысль о заговоре против Павла и предлагал прибегнуть к яду как к средству для устранения монарха (?).⁶ Но Рибас умер раньше, чем начались действия. Исходила ли инициатива кроме него от Палена или от Панина — останется, вероятно, неизвестным. Сам Пален не раз приписывал себе первенство в этой ситуации. Источники же Бернгарди свидетельствуют об инициативе Панина. Может быть, есть какие-то указания в мемуарах Беннигсена, которыми пользовался Бернгарди. В разговоре с Ланжероном Беннигсен не касался этого вопроса.

По этому поводу данные так расходятся, что мы считаем уместным воспроизвести здесь следующие рассказы.

Розенцвейг пишет: «Можно с величайшей определенностью сказать, что Пален, адмирал Рибас, граф Панин и генерал-лейтенант

*Императрица Мария
Федоровна. Гравюра
Карделли*

Талызин, командир преображенских гвардейцев, уже осенью 1800 года составили план свергнуть императора и возвести на престол великого князя Александра. Необходимо было заручиться сочувствием последнего этому плану. Полагают, что граф Панин был уполномочен вести переговоры и что он достиг своей цели. Характеры молодого великого князя и Панина служат ручательством за то, что они не помышляли о лишении Павла жизни. Граф Панин руководствовался

чистым патриотизмом; в продолжении царствования Павла он видел гибель России и ожидал всего лучшего от Александра. Но Панин попал в немилость, и таким образом осуществление плана, еще не созревшего, было отложено. Прочие участники заговора считали не особенно удобным действовать на свой страх, и составитель этой записки упомянул о плане только с той целью, чтобы пролить свет на важный вопрос: знал ли ныне царствующий император, что затевалось против его отца. Чтобы снова вызвать заговор к жизни, потребовались новые обстоятельства». ⁷ Мы видим, что Розенцвейг резко разграничивает фазы предприятия против Павла и в составлении плана регентства приписывает главную роль Палену.

Вскоре после переворота Пален в разговоре с бароном Гейкингом заметил, что никогда не примет от императора Александра подарка в благодарность за это дело, за эту «услугу, оказанную государству и всему человечеству», и прибавил: «Граф Панин, который действовал заодно со мною, разделяет также мои взгляды на это дело. Мы хотели заставить государя отречься от престола, и граф Панин одобрил этот план. Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цели Сенатом, но большинство сенаторов — болваны, без души, без воодушевления. Они теперь радуются общему благополучию, чувствуют его с восторгом, но никогда не имели бы мужества и самоотвержения для совершения доброго дела. Мы были, может быть, на краю действительного и несравненно большего несчастья, а великие страдания требуют сильных средств. И я горжусь этим действием как своей величайшей заслугой перед государством» и т.д. ⁸

Ясно, что, судя по словам Палена, сам он играл первую, а Панин — вторую роль. Заметим кстати, что не лишено интереса упоминание о Сенате: видно, что поднимался вопрос о произведении переворота на основании государственного права. От содействия Сената, вероятно, отказались потому, что было опасно доверяться столь значительному количеству лиц.

Еще больше Пален подчеркивал свою инициативу в 1804 году, в Митаве, рассказывая о событии 1801 года Ланжерону. Пален говорил так: «Занимая высокое положение и ответственные посты, я находился в числе лиц, которые всего легче могли подвергнуться грозной молнии немилости; я должен был думать о том, чтобы избежать этой опасности и освободить Россию, а может быть, и Европу от ужасов кровавого и неизбежного пожара. Шесть месяцев занимала меня

*Б. Патерсон.
Вид Таврического
дворца со стороны
Невы. 1797 г.*

мысль о необходимости свергнуть Павла с престола; между тем эта цель казалась и действительно была недостижима без согласия и даже больше, без содействия великого князя Александра. Необходимо было по крайней мере сообщить ему об этом плане. Поэтому я зондировал его относительно этого вопроса, сначала как бы невзначай и в общих выражениях, довольствуясь тем, что сделал несколько замечаний о характере его отца. Александр слушал меня, вздыхал и молчал. Но я хотел не этого. Тогда я решил сломать лед и открыто и прямо сообщить ему о том, что я считал необходимым совершить. Сначала мой

проект как будто возмутил Александра. Он сказал мне, что не обманывается относительно опасности, грозящей государству и ему самому, но что готов терпеть все и не хочет ничего предпринимать против отца. Это меня не испугало, и я возобновил свои доводы, желая доказать великому князю неизбежность перемены. Новые безумства, совершавшиеся ежедневно, заставляли его все яснее сознавать эту необходимость. Я старался возбудить самолюбие Александра и пугал его альтернативой престола, с одной стороны, и тюрьмы или даже смерти — с другой. Таким образом мне удалось пошатнуть сыновнюю преданность Александра и добиться того, что он стал обсуждать со мной и с Паниным средства для осуществления перемены, неотложность которой он сам не мог скрыть от себя» и т.д.⁹

Этим данным противоречит рассказ Бернгарди, основанный на записках Беннигсена и других неизвестных источниках. У Бернгарди читаем: «Верно то, что заговор был затеян выдающимся человеком, а именно вице-канцлером графом Паниным. Первым его помощником был адмирал Рибас. С ранней своей юности Панин постоянно приходил в соприкосновение с государем. По правде сказать, только такой человек, который, как Панин, с давних пор близко стоял к императорской фамилии, мог составить подобный план, для проведения которого необходимо было заручиться сочувствием наследника, великого князя Александра; да и мог ли осмелиться кто-нибудь делать наследнику подобные разоблачения, кроме человека, который давно находился в близких отношениях к семье императора? Как мог другому даже представиться случай для этого? Действительно, одним из первых шагов Панина было сделать разоблачения молодому великому князю Александру; по-видимому, он открывал Александру глаза еще раньше, чем соединился и сговорился с Паленом. Панин старался привлечь на свою сторону великого князя, говоря ему следующее: благосостояние государства и народа требует, чтобы он, Александр, сделался соправителем своего отца; что народ решительно желает видеть великого князя возведенным таким образом на престол и что Сенат как представи-

*Петр Алексеевич
Пален*

тель народа принудит государя, без вмешательства великого князя в это дело, признать Александра своим соправителем. Великий князь, ежедневно подвергавшийся оскорблениям отца и постоянно подобно прочим находившийся в страхе, сначала ничего и слышать не хотел ни о чем подобном и отвечал отрицательно, хотя и не настолько решительно, чтобы раз навсегда прекратить разговор на эту тему; и так как во время многочисленных бесед об этом предмете Александр весьма скоро осознал необходимость перемены, то можно было рассчитывать и на его окончательное согласие».¹⁰

В позднейшем своем историческом сочинении Бернгарди еще определеннее говорит об участии Панина и Палена в заговоре. Там мы находим следующее место: «Разумеется, Панин не мог говорить с Александром ни о чем ином, как о необходимости устранить сумасшедшего государя от управления страной, о необходимости заставить его отречься от престола или же назначить наследника своим соправителем и отказаться от власти в прежней форме. Великий князь Александр, видя, что расширяется круг заговорщиков, как их скоро пришлось называть, постоянно требовал повторения обещания, что с отцом его ничего дур-

П.И. Панин

*Вид города Митавы
в конце
XVIII столетия*

ного не случится... Совершенно правильно граф Панин понял, что прежде всего и прежде, чем вербовать других сторонников, нужно привлечь на свою сторону и вовлечь в союз министра полиции, петербургского генерал-губернатора графа Палена. Под его покровительством союз мог развиваться сравнительно безопасно и готовиться к делу. Мнение Панина, что можно рассчитывать на Палена, очень характерно для тогдашнего положения вещей в России. Ибо Пален, возведенный Павлом в графское достоинство и богато наделенный имениями, находился в то время в особой милости у государя и пользовался его особенным доверием. Но именно поэтому он считал положение свое неверным, так как должен был непосредственно подвергаться невменяемым на-

*Никита Иванович
Панин*

строениям Павла, и он сознавал, что беда может стрястись над ним ежедневно. На Палена часто указывали как на зачинщика заговора против Павла, но он не был и не мог быть таковым, так как не находился в достаточно близких отношениях с великим князем Александром, без чего подобная роль была совершенно невысказана. Но Панин не ошибся в Палене; последний тотчас же согласился на предложенный план, и так как он превосходил энергией и умом всех союзников и благодаря своему служебному положению мог привести в исполнение план или погубить заговорщиков, то ему удалось захватить все дело в свои руки, так что даже Панин оказался отодвинутым на задний план, а все прочие были лишь орудиями в руках Палена».¹¹

Вопрос о том, кто первый составил план государственного переворота, в сущности, не важен. Важнее выяснить, Панин или Пален пытались воздействовать на великого князя Александра. По мнению хорошо осведомленных современников, это был Панин. Так, например, после падения Панина при Александре I граф Кочубей писал графу Воронцову: «Как вам известно, Панин первый говорил с нынешним императором о необходимости регентства».¹² На основании устных рассказов императора Александра Чарторьский сообщает в своих записках: «Графы Панин и Пален, инициаторы заговора, были в то время самыми сильными головами в стране, в правительстве и при дворе. Они были более дальновидны, чем другие советники Павла. Они сговорились между собою и взялись привлечь великого князя Александра к участию в их плане. В самом деле, люди рассудительные, понимавшие последствия столь опасного предприятия и заботившиеся о своей собственной безопасности, не могли ни на что решиться без предварительного согласия наследника. Опрометчивые и отважные энтузиасты, может быть, поступили бы иначе. Если бы они не впутывали сына в дело свержения отца с престола, а принесли бы себя в жертву, обрекая себя на верную смерть, то оказали бы России и ее новому властелину

*На стр. 89:
С.С. Жукин.
Портрет
Павла I.
1797 г.*

А.Е. Мартынов.
Царскосельский
дворец

большую услугу; на последнего тогда не пало бы и тени преступления, столь часто совершаемого в России; зато, конечно, выполнение плана в таком случае¹ было бы почти невозможно. Для этого нужны были бы безумная смелость и добродетель, доведенная до апогея, а это встречается редко. Генерал Пален, который как петербургский губернатор легко мог приходить в соприкосновение с великим князем, добился у него для графа Панина тайной аудиенции. Первая встреча произошла в бане. Панин в этот раз нарисовал великому князю картину общего злочерчия и изобразил те еще большие несчастья, которых можно ожидать в том случае, если будет продолжаться царствование Павла. Он указал великому князю на то, что его священная обязанность перед родиной — воспрепятствовать тому, чтобы миллионы подданных принесли в жертву прихотям и безумию одного человека, хотя бы человек этот был его отец. Он указал и на то, что жизнь или по крайней мере свобода императрицы, матери Александра, а также жизнь и свобода самого Александра и всей семьи находятся в опасности вследствие необъяснимого отвращения государя к своей супруге, с которой он совершенно разошелся. Панин не скрыл от Александра, что опасность возрастает с каждым днем и что в каждый данный момент дело может дойти до самых неслыханных и жестоких насилий, поэтому необходимо низложить государя (*le déposer*), воспрепятствовать ему творить еще худшее зло над страной и над своими близкими; затем необходимо позаботиться о том, чтобы создать государю спокойную и счастливую жизнь, которая даст ему возможность пользоваться всеми удовольствиями и всеми преимуществами, которые только возможны, без тех

опасностей, коим он теперь подвергается; Панин заключил уверением, что счастье России находится в руках великого князя и что нужно решить, окажет ли он, наследник, свое содействие тем людям, которые во что бы то ни стало хотят спасти государство и династию. Эта первая беседа потрясла великого князя, не вынудив у него решения. Потребовалось более шести месяцев настойчивых стараний, чтобы вырвать у великого князя согласие на дело, предпринимаемое против его отца. Пален весьма ловко заставил действовать сначала графа Панина как самого осторожного и в то же время самого талантливого оратора; были пущены в ход все доводы, которые могли подействовать на душу молодого великого князя, чтобы вынудить у него решение принять участие в деле, столь сильно идущем вразрез с его чувствами. Когда Панин впоследствии был выслан в Москву, Пален сам взялся влиять на великого князя и уговорить его. Он действовал намеками, понятными одному Александру, и притом под видом военной откровенности, что свидетельствовало об оригинальном красноречии этого генерала. Между тем Панин был выслан — не потому, что открыта была его тайна, а вследствие одного из частых, необъяснимых приступов подозри-

*Император
Александр I*

*Царскосельский сад
в конце царствования Екатерины II*

*Парадная лестница
Михайловского замка*

тельности, свойственных характеру Павла. Пален остался один на своем посту и при своем намерении, и ему наконец удалось вырвать у великого князя согласие на выполнение своего плана. Пока Панин жил в Москве, все дело находилось в руках Палена и Зубовых, которые одни были посвящены в тайну».¹⁴

Из этих рассказов Чарторьского, основанных на устных сообщениях Александра, совершенно ясно, что переговоры с великим князем

вел сначала Панин, а потом Пален, и что первый главным образом старался добиться от наследника одобрения плана регентства. За этот план Александр держался до последнего времени, как видно, между прочим, из дальнейшего сообщения Чарторьского: «Как только разговор возвращался к этому плачевному предмету, — говорит он, — император Александр повторял детали плана, касающегося его отца: Павел должен был бы по-прежнему жить в Михайловском дворце и пользоваться загородными царскими дворцами. Михайловский дворец, по словам Александра, был любимым местопребыванием Павла; там он чувствовал себя хорошо, там находился его зимний сад, там он мог даже ездить верхом. Александр хотел там выстроить для своего отца манеж и театр; он воображал, что в таком уединении Павел будет иметь все, что только может доставить ему удовольствие, и что он будет там доволен и счастлив. Он судил о своем отце по своим собственным склонностям».¹⁵

Таким образом, благодаря сообщениям Александра мы можем хоть отчасти заглянуть в содержание тайных переговоров, происходивших осенью 1800 года. Можно предполагать, что эти переговоры начались приблизительно в сентябре, так как, по словам Чарторьского, Александр шесть месяцев не давал своего согласия, а катастрофа произошла в марте. Ясно, что то, что случилось, не соответствовало плану, выработанному Александром сообща с Паниным и Паленом. В своей депеше королю Густаву IV от 3(15) июля 1802 года Стедингк замечает: «Панинский проект революции против покойного императора был в известном смысле составлен с согласия ныне царствующего императора и отличался большой умеренностью. Он задавался целью отнять у Павла правительственную власть, оставив ему, однако, представительство верховной власти, как мы это видим в Дании».¹⁶ Таким образом, когда государь после рокового события в первый раз увидел с графом Паниным, он обнял его со сле-

Герб Российской империи. 1799 г.

Титульный лист Манифеста о Гербе Российской империи

зами на глазах и сказал ему: “К сожалению, дело приняло иной оборот, чем мы предполагали”.¹⁷

О тайных встречах Александра с Паниным осенью 1800 года мы узнаем и из других источников. К запискам Розенцвейга, воспроизведенным в сочинении «Geheime Geschichten...», издатель делает примечание внизу страницы. Оно гласит: «В это время, которое следует отнести к ноябрю 1800 года, граф Панин часто имел тайные совещания с великим князем Александром. Чтобы облечь их в глубочайшую тайну, они

*Берлин.
Королевский дворец*

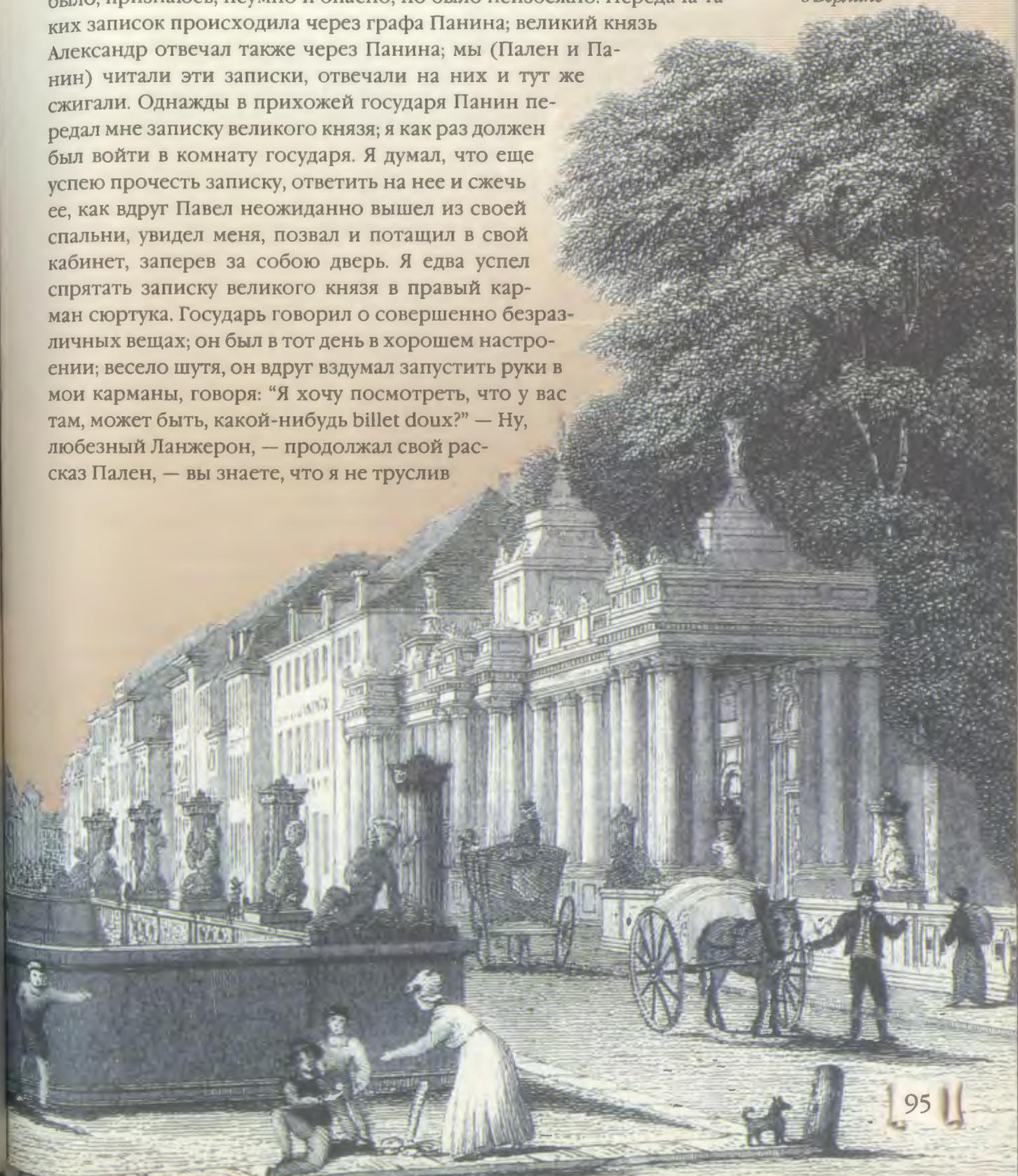
по ночам сходились в соединительных галереях подвального этажа. Однажды вечером графу Панину, который вышел из своего дома один и пошел пешком, показалось, что за ним наблюдает и даже следует шпион. Чтобы избавиться от него, Панин зашел в несколько мест в городе и наконец вошел в один из входов упомянутых подвалов. Он ускорил свои шаги, направляясь неверным шагом к месту свидания, слабо освещенному светом немногих ламп, и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Он уже думал, что его арестуют, но затем узнал великого князя Александра, который уже некоторое время ожидал его».

«Эти детали, — добавляет издатель “Geheime Geschichten...”, — сообщены составителю этих записок самим графом Паниным, умершим в начале 1837 года». ¹⁸

Следующий рассказ Палена в разговоре с Ланжероном (в 1804 году) также бросает луч света на тайные отношения Панина и великого князя Александра. Вот этот рассказ: «Государю внушено было подзрение относительно моих сношений с великим князем Александром».

Мы знали об этом. Я не смел показываться у молодого наследника; мы не осмеливались долго говорить друг с другом, хотя нам и приходилось сталкиваться из-за нашего служебного положения. Поэтому мы сообщали друг другу наши соображения о мерах, какие следует принять, при помощи записок, передаваемых в собственные руки. Это было, признаюсь, неумно и опасно, но было неизбежно. Передача таких записок происходила через графа Панина; великий князь Александр отвечал также через Панина; мы (Пален и Панин) читали эти записки, отвечали на них и тут же сжигали. Однажды в прихожей государя Панин передал мне записку великого князя; я как раз должен был войти в комнату государя. Я думал, что еще успею прочесть записку, ответить на нее и сжечь ее, как вдруг Павел неожиданно вышел из своей спальни, увидел меня, позвал и потащил в свой кабинет, заперев за собою дверь. Я едва успел спрятать записку великого князя в правый карман сюртука. Государь говорил о совершенно безразличных вещах; он был в тот день в хорошем настроении; весело шутя, он вдруг вздумал запустить руки в мои карманы, говоря: "Я хочу посмотреть, что у вас там, может быть, какой-нибудь *billet doux*?" — Ну, любезный Ланжерон, — продолжал свой рассказ Пален, — вы знаете, что я не труслив

*Королевский дворец
в Берлине*

и нелегко теряю присутствие духа; но признаюсь, что если бы в эту минуту мне стали пускать кровь, то из жил моих не вытекло бы ни единой капли. “Как же вы избегли этой опасности?” — спросил Ланжерон, слушающий с величайшим напряжением. — Очень просто, — возразил Пален. Я сказал государю: “Что вы делаете, ваше величество? Оставьте это. Вы терпеть не можете табаку, а я очень много его нюхаю, мой платок весь в табаке. Вы испачкали бы себе руки и сами пропахли бы этим противным запахом”. Он принял руки и сказал: “Фу, какая гадость! Вы правы!” Так я выпутался из беды». ¹⁹

Здесь, как всегда, мы получаем впечатление, что Пален склонен приписывать графу Панину второстепенную роль в деле переговоров о плане регентства. Панин в его рассказе предстает в роли скромного передателя писем, орудием Палена. Полагали даже, что летом 1799 года Пален был виновником назначения Панина вице-канцлером и отзыва его с дипломатического поста в Берлине, так как Панин был нужен Палену в Петербурге для приведения в исполнение своего плана относительно Павла. ²⁰ Такие вещи должны считаться совершенно невероятными. Как друзья Панина, так и сам он изобразили роль его в этом деле совершенно иначе. Его воззрения значительно отличались от взглядов Палена, и несомненно, что осенью 1800 года Панин пользовался доверием великого князя Александра. Во всяком случае, Панин в своих воззрениях на способ устранения Павла был вполне солидарен с великим князем.

*Александр Романович
Воронцов*

Граф Воронцов писал Панину из Саутгемптона 6(18) мая 1801 года, то есть тотчас после катастрофы: «Для России — не-счастье, что вы были в отсутствии при вступлении на престол императора Александра. Начало этого царствования носило бы совершенно иной характер» и т.д. Панин отвечал 11 июня со своей дачи близ Петербурга: «Не знаю, было ли бы мое присутствие здесь в момент вступления на престол императора Александра полезно этому прекрасному государю; но верно то, что я с опасностью для моей собственной жизни сопротивлялся бы позорным делам, совершенным погрязшей в пороках разбойничьей бандой». ²¹

После того как Панин впал в немилость и как с ним совершенно несправедливо обошлись, словно с преступником, он в нескольких оправдательных записках, адресованных вдовствующей императрице Марии Федоровне, императору Александру и императору Николаю откровенно упоминает о той роли, которую играл осенью 1800 года в деле составления плана регентства. Повторяя каждый раз требования судебного исследования своего образа действий, он все время подчеркивал, что его взгляды и планы встречали сочувствие со стороны Александра. В записках Панина, составленных в начале 1826 года, читаем:

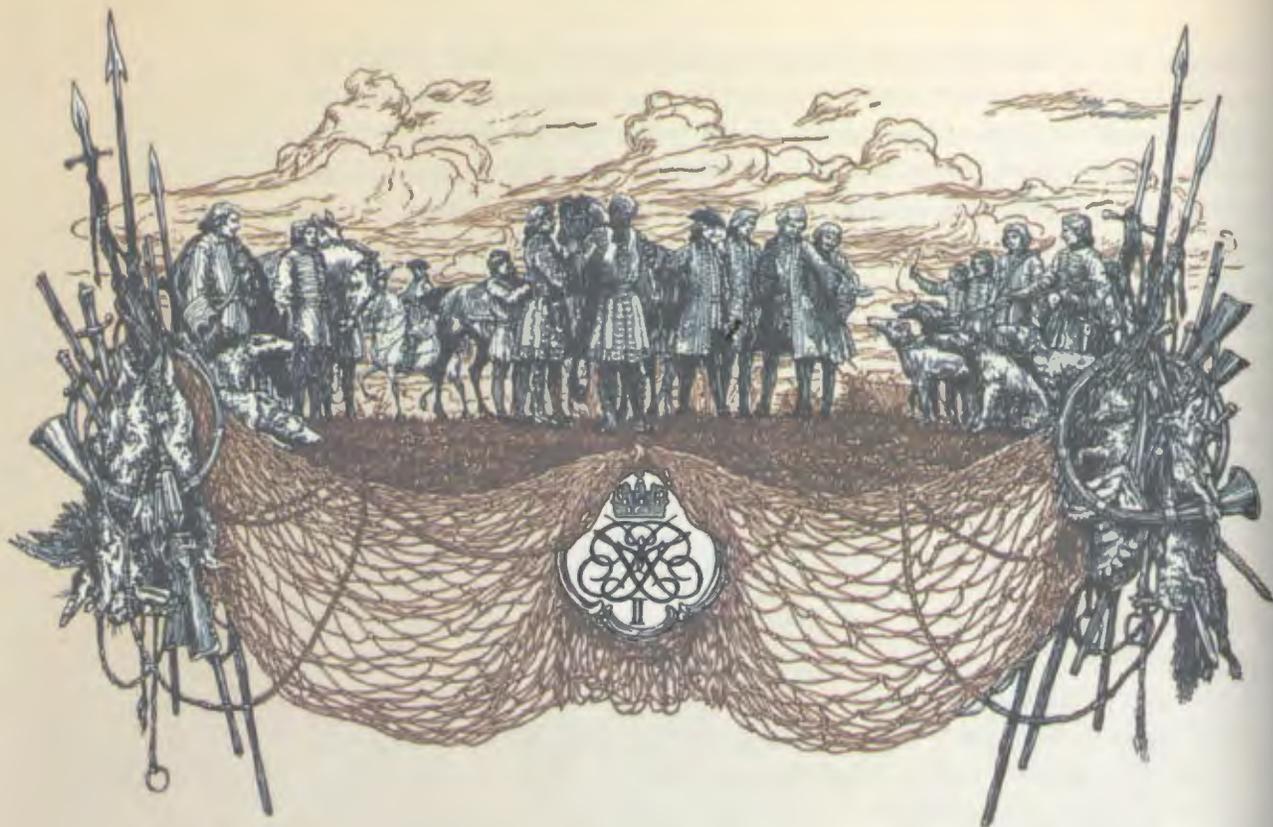
«Правда, что в моих руках находится автограф,²² который самым ясным образом показывает, что все придуманное и предложенное мною за несколько месяцев до кончины императора Павла для блага государства, было санкционировано его сыном. Я никогда не употреблю этого средства для оправдания себя перед вдовствующей императрицей, так как этот документ можно истолковать неблагоприятным образом для императора Александра, и я решился в лице этого государя, который не понял меня, почтить материнскую любовь и за гробом, даже в самых ее заблуждениях. К тому же вдовствующей императрице вовсе не нужно читать этого письма, чтобы убедиться, что мои отношения к покойному императору Александру до его вступления на престол не могут без вопиющей несправедливости служить поводом для того обращения, какому я подвергаюсь. Мое назначение министром²¹ и доверие, какого удостоивал меня император Александр, в достаточной мере доказывают, что жестокость, с которою он обошелся со мною четырьмя годами позднее, не могли иметь основания в поступке, совершенном мною до его царствования» и т.д.²⁴

В других случаях Панин также торжественно объявлял, что может предъявить переписку с великим князем Александром, показывающую, что он, Панин, хотел предпринять для спасения государства от верной гибели, что план регентства дал ему право на уважение и доверие Александра и что его немыслимо делать ответственным за происшедшее позднее, во время его отсутствия в Петербурге, потому что приведение плана в исполнение было поручено недостойным рукам. Самым решительным образом Панин протестовал против того, чтобы его смешивали с убийцами Павла.

Таким образом, для императора Павла оказалось губительным то, что он с графом Паниным обошелся так же бесцеремонно и грубо, как со многими другими чиновниками. 15 ноября Панин лишился места вице-канцлера, а во второй половине декабря был сослан в свои имения.

*Неизвестный
художник
Набережная
Фонтанки
у Прачечного
моста*

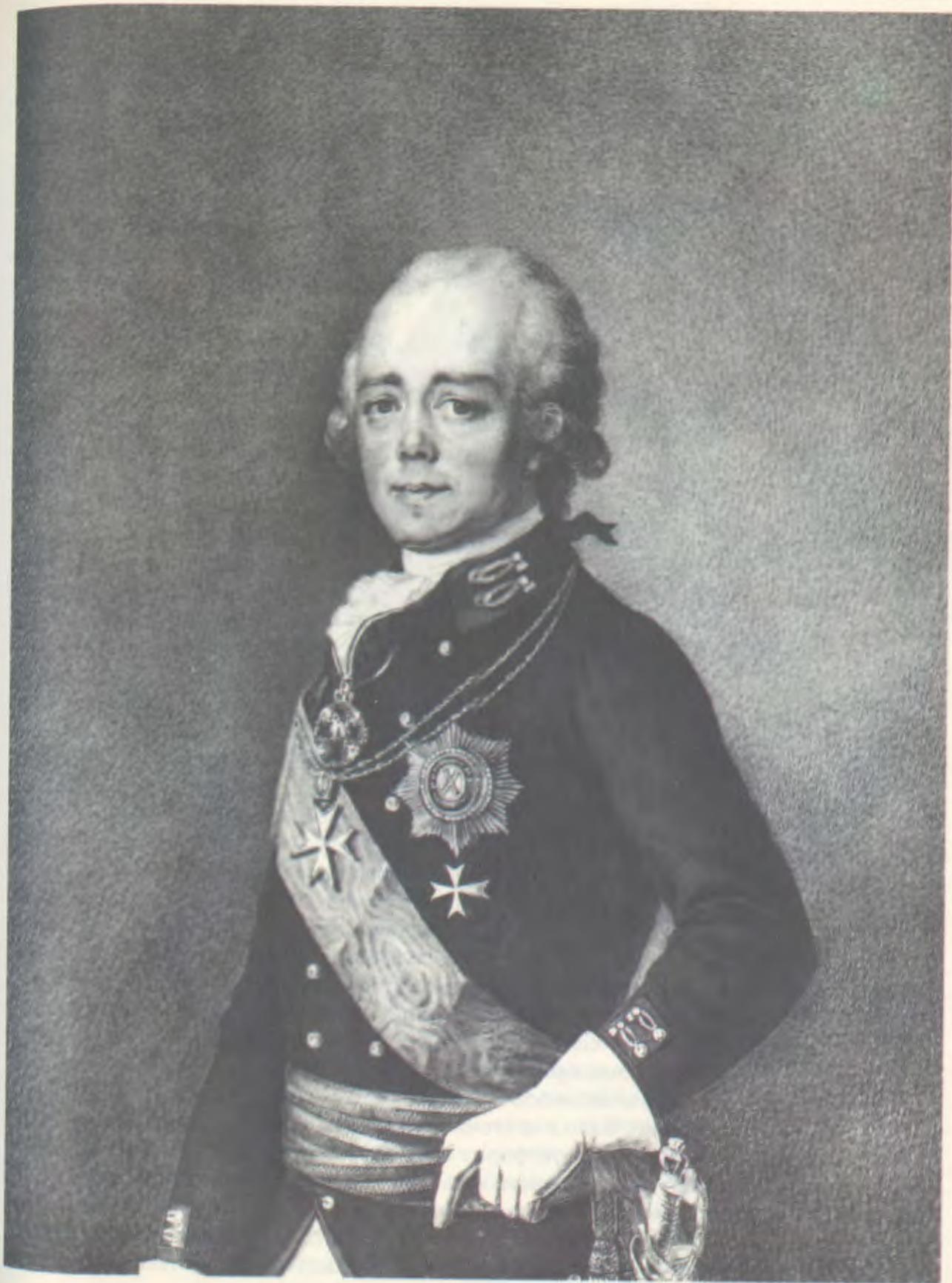

Перемена лиц

В большой степени гибели Павла способствовало его злополучное обыкновение в припадках дурного настроения или злобного раздражения обращаться с сановниками, выдающимися военными, друзьями и доверенными лицами, как с лакеями, и не только внезапно лишать их должностей, но и прогонять, наказывать, ссылать, а затем тотчас снова оказывать им милости. Не было решительно никого, кому он всегда доверял бы и кто со своей стороны мог бы полагаться на государя. Полное одиночество, вызываемое исключительно высоким положением Павла, мешало возникновению какой бы то ни было постоянной привязанности. Павел был и оставался одиноким, не имел своей партии, не имел связей с людьми, которые являлись бы представителями известного политического образа мыслей. Не было также и тени такой группы, которая могла бы быть солидарна с Павлом. О том, чтобы ценить заслуги государственных людей, действовавших в его царствование, со стороны Павла не могло быть и речи. Презрение к людям, недоверие ко всем, полное непонимание интересов окружающих его людей — вот какими чертами отличался его образ действий по отношению к министрам, придворным, генералам, посланникам и т.д.

На стр. 99:
Император Павел I

Таким образом получилось, что к концу царствования Павла от него были удалены те, кто мог бы защитить его от преступления, под-

готовлявшегося Паленом, или не допустить этого преступления. Удален был и Панин, который в 1788—1790 годах пользовался своего рода дружеским доверием Павла, но которого тот же Павел, став императором, ненавидел и преследовал, пользуясь, однако, его услугами в самых важных делах. Точно так же незадолго до катастрофы должны были удалиться от двора Ростопчин и Аракчеев, люди, по своей натуре и по кругу своих интересов склонные потакать

Федор Васильевич
Ростопчин

сумасбродным склонностям Павла. Вряд ли можно сомневаться, что в числе отверженных безумцем оказался бы и Пален, если бы Павел остался на троне и сохранил жизнь. Слепой случай был причиной того, что Пален остался при своих должностях, и главный заговорщик сумел воспользоваться этим обстоятельством, а также удалением вышеупомянутых лиц, чтобы нанести решительный удар. Для этого необходимо было содействие известного количества лиц, как, например, Беннигсена и братьев Зубовых, временному удалению которых из столицы Пален положил конец благодаря своему влиянию.

Как быстро следовали друг за другом само бесцеремонное изгнание и столь же внезапная милость и возвращение высоких сановников, показывает пример графа Панина, который около года (1799—1800) в качестве вице-канцлера вместе с Ростопчиным стоял во главе ведомства внешней политики.

В ноябре 1800 года Панин колебался, когда надо было подписать нелепое распоряжение, которое неизбежно привело бы Россию к разрыву с Англией. Благодаря перлюстрации одной депеши прусского посланника Лузи Павел и Ростопчин узнали, что Панин не одобрял наложения Embargo на английские корабли, конфискации английских товаров и т.д.¹

Этого было достаточно для того, чтобы лишить Панина его поста в неблагоприятной форме и не по-товарищески Ростопчин сообщил графу о том, что он уволен. Так как Панин в тот самый день давал обед членам дипломатического корпуса и уже не мог отменить его, то он условился с Ростопчиным, что сообщение посланникам о его увольнении сделано будет после этого обеда. Тем не менее Павел в разгово-

ре с Паленом порицал Панина за то, что он, будучи «римлянином» (то есть человеком с независимым характером), был так мало удручен своим увольнением, что оказался способен давать обед. Государь осведомлялся, весел ли Панин, не собирается ли он дать бал и т.п.² Вслед за тем Панину был сделан намек, что ему как члену московского отделения Сената следовало бы отправиться в первопрестольную столицу; а через три дня он был сослан в свое смоленское имение. После этого вскрыли письмо некоего Приклонского, в котором Панин сравнивался с Цинциннатом. Ростопчин по ошибке донес государю, что автор этого письма — Панин — и что он назвал Цинциннатом другого изгнанника, князя Репнина. Началось следствие, пошли допросы. В слепой ярости Павел грозил сослать графа Панина в еще более отдаленные места.³ Совершенно невинные частные письма Панина его сестре раздувались в преступления, из них умудрялись вычитывать такие вещи, которых там совсем не было, и совершенно невинные выражения истолковывались как зашифрованный текст.⁴ Ростопчин, управляя почтовым ведомством и приказывая распечатывать письма, играл роль доносчика до тех пор, пока наконец государь сам не убедился, что тут произошел ряд ошибок и недоразумений.

Настроение тогда совершенно изменилось в пользу Панина, и 16(27) февраля ссылка его была отменена, а он получил позволение жить по своему усмотрению в Москве или в Петербурге; решение это наделало шуму и было принято большинством с величайшей радостью.⁵

Одновременно с этим выслали Ростопчина. Изгнание его, по-видимому, было обусловлено низким образом его действий в деле мнимых измен, якобы открытых в письмах Панина.⁶ Оба противника, Ростопчин и Панин, получили известие о катастрофе с Павлом, когда находились вдали от столицы. Пален, уже занимавший пост петербургского губернатора и шефа тайной полиции, теперь был назначен вместо Ростопчина министром иностранных дел и управляющим почтовым ведомством.

Аракчеев был также удален Павлом, к собственному несчастью последнего, в минуту внезапного каприза, со всеми признаками не-

*Н.И. Уткин. Портрет
Алексея Андреевича
Аракчеева*

*И.Б. Лампи-старший.
Портрет генерал-
фельдцейхмейстера
светлейшего князя
П.А. Зубова в костюме
кавалера ордена
Св. Андрея
Первозванного.
Середина 1790-х гг.*

милости. Тем больше свободы действий имел Пален, который, однако, находился в не меньшей опасности, чем удаленные Павлом лица. Говорят, что перед самой катастрофой Пален предвидел свое падение в ближайшем будущем. Розенцвейг пишет: «Пален не думал бы о смене монарха, если бы не был убежден, что благодаря непостоянству императора ему самому рано или поздно предстоит падение и что чем выше его положение, тем ниже ему придется пасть. К тому же он лучше, чем все другие, знал, что государь страдает припадками бешенства, которые делали его совершенно сумасшедшим». «Государь, — рассказывает Розенцвейг дальше, — отправил курьера к Аракчееву, чтобы вызвать его в Петербург. Пален задержал курьера на столько времени, чтобы Аракчеев опоздал, если события будут сколько-нибудь ускорены. Лишь после этого Пален сообщил главарям заговора, что государь

хочет лишить его должности петербургского генерал-губернатора. Он разъяснил им, что немилость к нему будет иметь последствием не только неудачу их плана, но, вероятно, и открытие заговора, и что наконец скорое прибытие Аракчеева не позволяет ни отложить, ни отменить задуманного. Тогда исполнение плана было назначено на ночь с 11(23) на 12(24) марта».⁷

Кто же стоял во главе заговора кроме Палена после смерти Рибаса и изгнания Панина? Прежде всего следует назвать братьев Зубовых и генерала Беннигсена. Сам Пален в разговоре с Ланжероном дает важные сведения относительно того, каким образом ему удалось сделать их исполнителями своего плана.

Приводим рассказ Палена: «Когда великий князь Александр решился действовать заодно со мною, выиграно было много, но не все. Правда, он ручался мне за содействие своего полка, а именно Семеновского, в котором было несколько очень решительных офицеров; но это были молодые люди, неразумные, неопытные, без необходимого для такого дела испытанного мужества. В момент исполнения плана они могли погубить все дело своей слабостью, легкомыслием или недостаточной скрытностью. Я должен был желать содействия людей более солидных, чем эта банда ветрогонов (*tourbe de freluquets*). Я хотел иметь возможность полагаться на друзей, мужество и энергия которых были бы мне известны. Нужно было привлечь таких людей, как Беннигсен и Зубовы. Но как мне было устроить, чтобы они приехали в Петербург? Они находились в ссылке и в немилости, и я не мог найти предлога для того, чтобы положить конец их изгнанию. Тогда я придумал следующее: я решился воспользоваться одной из светлых минут (*un moment lucide*) государя, так как ему можно было сказать все, что угодно, чтобы возбудить его сострадание к печальной судьбе офицеров, исключенных из службы. Я изобразил ему отчаянное положение несчастных, удаленных из своих полков, высланных из столиц, лишенных возможности продолжать свою карьеру, неуверенных в безопасности своего существования и погибающих в горе и несчастьях, хотя вина их была незначительна и простибельна. Я знал, что Павел всегда и

*Леонтий Леонтьевич
Беннигсен*

да я придумал следующее: я решился воспользоваться одной из светлых минут (*un moment lucide*) государя, так как ему можно было сказать все, что угодно, чтобы возбудить его сострадание к печальной судьбе офицеров, исключенных из службы. Я изобразил ему отчаянное положение несчастных, удаленных из своих полков, высланных из столиц, лишенных возможности продолжать свою карьеру, неуверенных в безопасности своего существования и погибающих в горе и несчастьях, хотя вина их была незначительна и простибельна. Я знал, что Павел всегда и

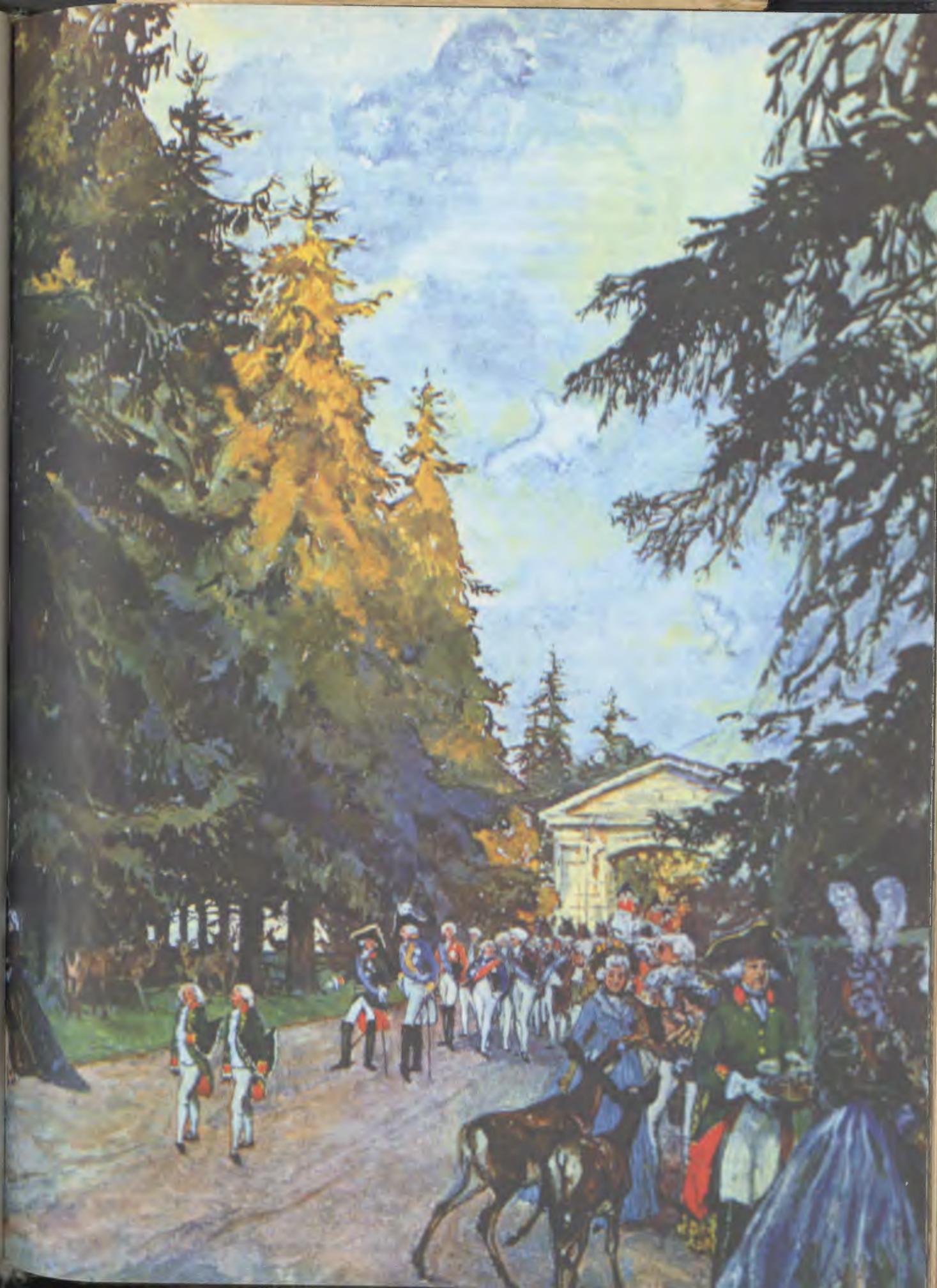

Егеря
Преображенского
и Семеновского
полков

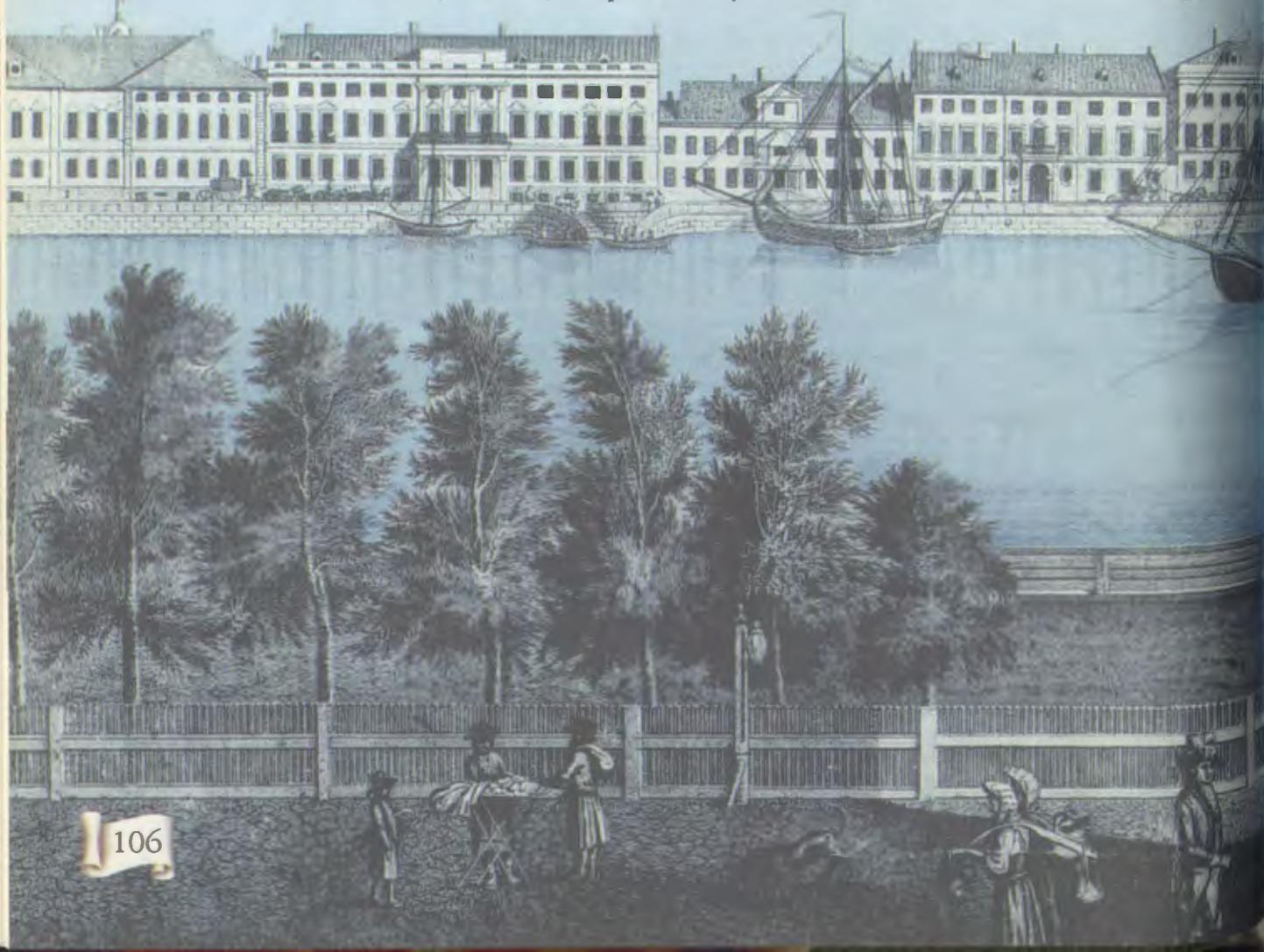

при всяких обстоятельствах действовал сторяча; я надеялся, что мне удастся уговорить его совершить поступок, который я изобразил ему как дело великодушия. Я бросился к его ногам. Он был не прочь от романтизма, почувствовал себя великодушным, во всех отношениях не зная меры (*extrême*). Через два часа после нашего разговора двадцать курьеров было разослано во все стороны государства, чтобы вернуть в Петербург всех тех, кто был уволен или исключен из службы. Распоряжение об этом государь лично продиктовал мне. Таким образом, я мог с уверенностью рассчитывать на две вещи: во-первых, на то, что при мне будут Беннигсен и Зубовы, которые были мне необходимо нужны, а во-вторых, на то, что возрастет общее раздражение против императора. Я знал его нетерпеливую бурную натуру; я знал, что он всегда перескакивал от одного настроения к противоположному и принимал самые противоречивые решения. Я знал, что первые из вернувшихся военных сначала встретят со стороны государя хороший прием, но что затем очень скоро последует неприязнь к ним и к другим, прибытие которых ожидалось. Все произошло совершенно так, как я ожидал. Каждый день эти несчастные прибывали сотнями. О прибытии их к шлагбаумам сообщалось государю; очень скоро ему пришлось не по душе такое огромное количество людей; он перестал принимать их; потом он опять прогнал их и обратил в своих непримиримых врагов этих несчастных, которых он снова лишил всякой надежды и обрек на голодную смерть у ворот столицы».⁸

Не зная, что инициатором этого возвращения изгнанников был Пален, Розенцвейг также сообщает об этой мере следующее: «Таким образом, снова прибыли в столицу члены семьи Зубовых, преследуемые в течение всего царствования Павла. С этого момента, по-видимому, снова начали носиться с мыслью привести в исполнение план, оставленный (?) со времени изгнания графа Панина. Для руководства заговором недоставало мужественного и твердого характера. Теперь справедливо думали, что такой характер нашелся в лице графа Валерьяна Зубова. Его братья, граф Николай и князь Платон, не могли идти с ним в сравнение по здравому уму, энергии и предприимчивости.»⁹ Сестра Зубовых Жеребцова получила разрешение поехать за границу и отправилась с деньгами и драгоценностями в Берлин, чтобы устроить прибежище для своих братьев на тот случай, если предприятие не удастся. Тогда был привлечен к делу еще генерал Беннигсен... Около того времени, о котором идет речь, он получил назначение командиром в провинциальном городе. Это было, в сущности, изгнание, на которое осудил его государь, так как он подозревал, что Беннигсен как уроженец Ганновера имеет английские симпатии, а в ту пору произошел разрыв между Россией и Англией. Генерал Пален послал ему приказ явиться в Петербург и представиться ему, Палену, прежде чем он навестит кого бы то ни было. Пален сообщил ему о заговоре, просил его об участии в этом деле и сказал, что ему будет поручено командование очень преданным ему, Палену, отделом гвардейцев. Беннигсен в течение трех или четырех дней скрывался в Петербурге; он появился открыто лишь тогда, когда надо было выполнять план».¹⁰

Несколько иначе изобразил события сам Беннигсен в разговоре с Ланжероном: «Я больше не состоял на службе и не смел показываться в Петербурге, или в Москве, или хотя бы в губернском городе, чтобы не обратить на себя внимание и не подвергаться опасности быть сосланным в еще более отдаленные места; поэтому я жил в печальном одиночестве в моем имении в Литве. В начале 1801 года я получил письмо от графа Палена, который приглашал меня приехать в Петербург. Я был удивлен этим приглашением и вовсе не был склонен ему последовать. Несколько дней спустя вышло распоряжение государя, в силу которого все исключенные и уволенные со службы получали право вернуться; но и это распоряжение не возбудило во мне желания покинуть мое уединение. Между тем Пален бомбардировал меня письмами, в которых он высказывал сильное желание видеть меня в столице и уверял меня, что государь примет меня весьма благосклонно. Последнее письмо Палена звучало так настойчиво и было написано таким решительным тоном, что я собрался в путь. Я приехал в Петербург. Сначала Павел принял меня очень хорошо; потом он стал обходиться со мною холодно; вскоре после того перестал говорить со мною и замечать меня. Я отправился к Палену и сказал ему, что случилось то, что я предвидел, что мне не на что надеяться, но есть, чего опасаться, и что я хочу как можно скорее опять уехать. Пален требовал, чтобы я потерпел еще некоторое время; мне было тяжело решиться на это; наконец вечером накануне того дня, когда должен был быть при-

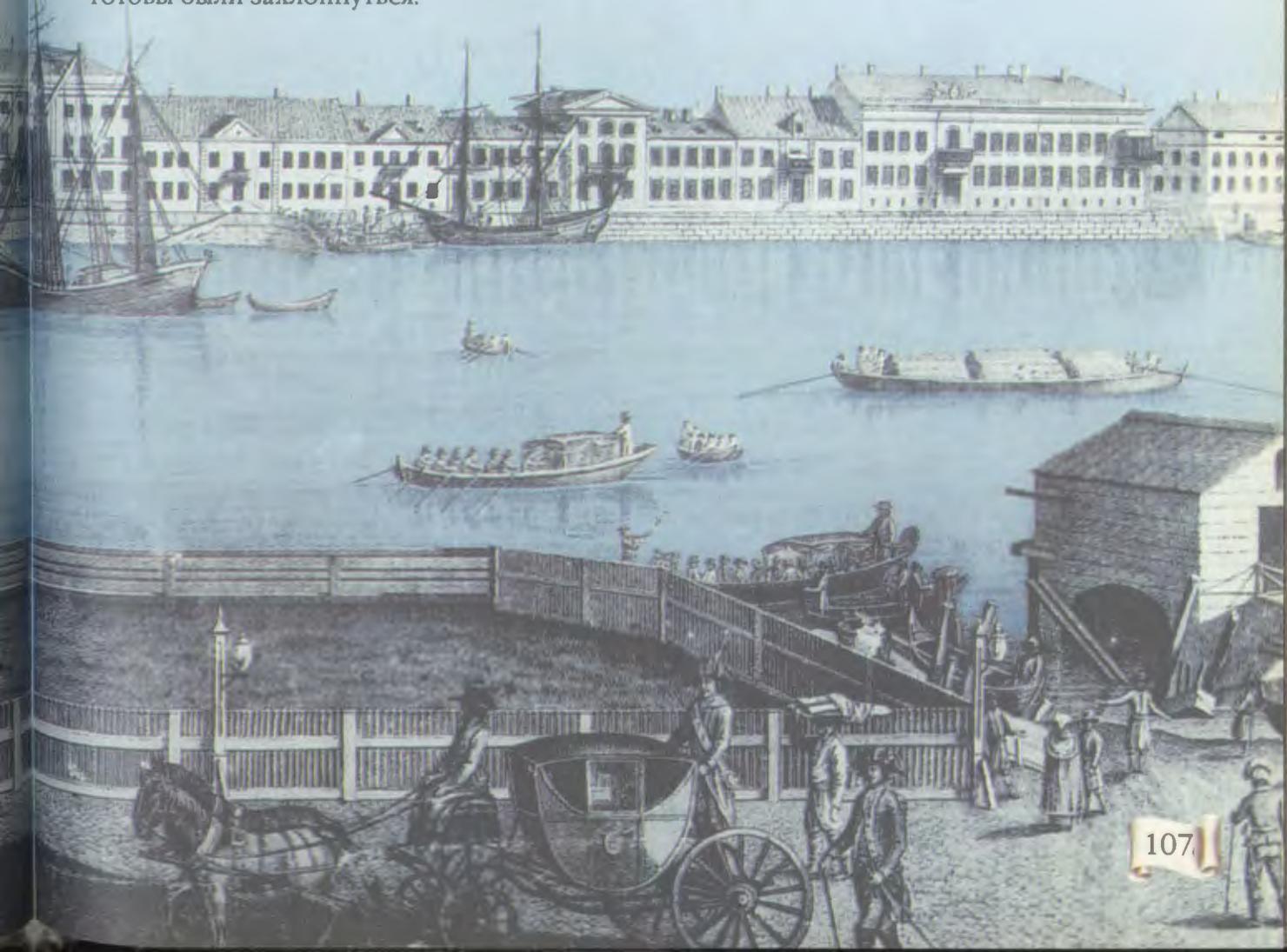
веден в исполнение план Палена, он посвятил меня в тайну; я согласился на его предложение».¹¹

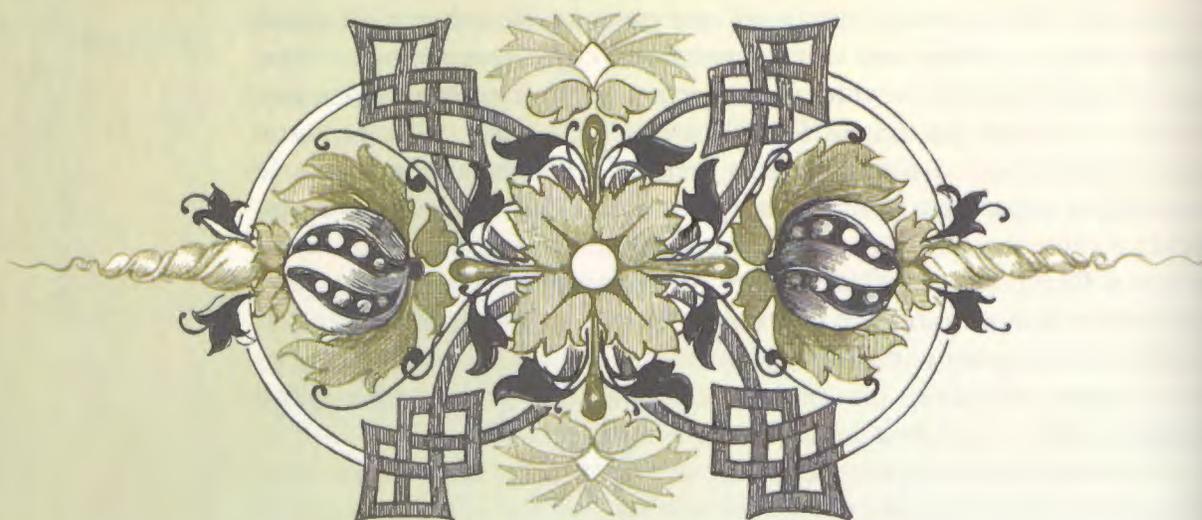
Так как Бернгарди пользовался для своего сочинения мемуарами Беннигсена, то интересны и его замечания о присутствии этого генерала в Петербурге в момент принятия решения, хотя замечания эти идут вразрез с устным рассказом Беннигсена в разговоре с Ланжероном. Бернгарди пишет: «Беннигсен был только что изгнан государем из Петербурга в припадке дурного настроения. Ему было приказано отправиться в свои имения. Пален и Платон Зубов уговорили его тайно остаться в Петербурге, что, конечно, было очень легко устроить под покровительством министра полиции. Оба эти лица не ошиблись в Беннигсене; как только ему сказали, что во главе заговора находится великий князь Александр, он присоединился к заговорщикам и выразил полную готовность руководить выполнением всего плана».¹²

О Платоне Зубове Бернгарди пишет: «Императора Павла уговорили снова поручить этому человеку пост, хотя бы и номинальный. Он сделался начальником первого кадетского корпуса. Оба его брата, Валерьян и Николай, снова заняли свои места в Сенате — все трое были участниками заговора».¹³

Так одни лица сменялись другими. Отчасти это было делом самого Павла, отчасти Палена, и обстоятельство это усиливало опасность, грозившую государю. Приближалась развязка. Расставленные сети готовы были захлопнуться.

*Г.И. Скородумов.
Вид Английской
набережной в Санкт-
Петербурге. 1791—
1792 гг.*

Пален и Александр

Теперь Пален держал все нити задуманного плана в своих руках. Ланжерон пишет: «Пален остался один (после смерти Рибаса и удаления Панина). Но его одного было достаточно. Для выполнения плана нужен был такой человек, как он; нужно было также, чтобы в его лице были объединены важнейшие должности; только в таком случае Россия могла быть спасена. Пален спас Россию, но я, со своей стороны, не хотел бы быть ее спасителем столь дорогою ценою. Пален был человек серьезный, полный отваги, с возвышенною душою и непоколебимым характером; это была личность благородная и импонирующая; он не обнаруживал своих чувств и ничем не давал вывести себя из равновесия. Если дело касалось выполнения задуманного им плана, то он готов был пожертвовать своим положением, состоянием, своею свободой и даже жизнью. Он словно создан был для того, чтобы иметь успех, побеждать всякие препятствия; это был прирожденный конспиратор, который может служить образцом будущим заговорщикам. То, что он намеревался сделать, было необходимо, но было не так-то легко. Нужно было избавиться от Павла. Пален стоял за умерщвление Павла. Нужно было сообщить план великому князю Александру. Пален убедил его, что имеется в виду лишь отречение Павла от престола и заключение его, но что жизнь будет ему оставлена...¹ Пален был пе-

На стр. 109:
Неизвестный
художник. Портрет
императора Павла I.
Вторая половина
1790-х гг.

Ф. Мартенс.
Петропавловская
крепость

тербургским губернатором и в качестве такового находился под началом великого князя Александра;² это облегчило ему выполнение плана... Успех зависел от того, удастся ли привлечь гвардейские полки и подстрекнуть их, что было нелегко. Солдаты-гвардейцы любили Павла. Особенно предан ему был первый батальон Преображенского полка. Взрывы ярости несчастного государя были направлены против офицеров и генералов; солдат же хорошо одевали, хорошо кормили, даже дарили им деньги. Гораздо легче было добиться содействия офицеров для того, чтобы произвести переворот; зато трудно было сделать выбор между 300 легкомысленных, разгульных, шумливых и склонных к болтливости офицеров. Заговор легко мог быть обнаружен благодаря этому. Недоверие, возникшее по отношению к ним, заставило ускорить момент катастрофы. Пален сумел преодолеть все эти затруднения и устранить препятствия. С непоколебимым и поистине ужасающим упорством достиг он своей цели».³

В не раз уже приведенном рассказе Палена о разговоре с Ланжероном мы находим проявления цинизма, подтверждающего характеристику этого человека. Пален сообщил среди прочего следующее: «Я должен признаться, что великий князь Александр не соглашался ни на что, пока я не предложил дать ему честное слово, что никто не посягнет на жизнь его отца (qu'on n'attenterait pas aux jours de son père). Я дал ему это обещание. Я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно; но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя; я наружно соглашался с его намерениями, хотя был

убежден, что они невыполнимы.⁴ Я знал слишком хорошо, что революций или совсем не надо начинать, или надо доводить их до конца, и что если Павел останется в живых, то для Александра скоро откроются двери темницы; наступила бы самая ужасная реакция, и кровь невинных и виновных скоро наводнила бы столицу и провинции».³

Рассказ Палена продолжается следующим образом: «Для выполнения наших планов мы назначили конец марта; непредвиденные обстоятельства заставили нас ускорить дело. Многие гвардейские офицеры были посвящены в тайну наших намерений или же догадывались о них; я мог ожидать всего худшего от их болтливости и беспокойства. Утром 7 марта, в семь часов, я вошел в кабинета Павла, чтобы, согласно ежедневному обыкновению, сделать ему доклад о положении столицы. Я застал его погруженным в размышления (реосуре) и серьезным; он открывает дверь, минуты две смотрит на меня, не говоря ни слова. Наконец он спрашивает меня: “Господин фон Пален, были вы здесь в 1762 году?” — “Был, государь”. — “Так вы были здесь?” — “Да, государь; но что, ваше величество, хотите этим сказать?” — “При вас ли произошел переворот, лишивший моего отца престола и жизни?” — “Я был свидетелем этого, государь, но не участвовал в этом

*Михайловский
замок. Кабинет
в антресолях*

деле; я был очень молод, служил унтер-офицером в Кавалергардском полку; я ездил верхом в своем полку, не подозревая о том, что происходит; но почему, ваше величество, ставите мне этот вопрос?" — "Почему? Да потому, что хотят возобновить 1762 год".

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же овладел собою и сказал: "Да, государь, это хотят сделать; я это знаю, я сам принадлежу к заговору?"⁶ — "Как, вы это знаете и принадлежите к заговору? Что это вы мне говорите?" — "Да, государь, я принадлежу к заговору и должен делат

*Гостиная
в Гатчинском дворце.
Арсенальное каре*

вид, что принадлежу к нему; мог ли бы я иначе знать, что замышляет, если бы не делал вид, что принимаю участие в заговоре? Но будьте спокойны; вам нечего опасаться; я держу все нити заговора в моих руках. Вы очень скоро узнаете все. Но не думайте сравнивать угрожающей вам опасности с той, которая грозила вашему отцу. Он был иностранец; вы — русский. Он ненавидел русских, открыто выражал презрение к ним и возбудил против себя народ. Вы же, наоборот, любите русских, уважаете и цените их и пользуетесь их услугами. Он не был коронован, вы же коронованы. Он преследовал духовенство, вы же почитаете его. Он до крайности раздражил против себя гвардейские полки; вам же эти полки совершенно преданы. В то время в Петербурге не было полиции,

теперь же полиция превосходно организована; без моего ведома не делается ни единого шага, не произносится ни единого слова. Каковы бы ни были намерения императрицы,⁷ но она не имеет ни способностей, ни силы воли вашей матери; у нее взрослые дети, между тем как вашему величеству в то время, в 1762 году, было лишь семь лет”. — “Все это так, — сказал Павел, — но не надо дремать”.⁸

Так окончился наш разговор. Но я тотчас же написал великому князю, убеждая его немедленно, на другой же день, нанести подготовлен-

ный удар. Он потребовал, чтобы я подождал до марта, так как в этот день на карауле будет стоять третий батальон Семеновского полка, в котором он был еще более уверен, чем в двух других. Я согласился неохотно и оба дня находился в тревоге».

Ланжерон добавляет к этому: «Пален имел полное основание беспокоиться. По-видимому, государь подозревал о составленном плане, и сам Пален был у него на подозрении. Совершенно тайно Павел послал за двумя своими любимцами из гатчинских времен, находившимися в изгнании — Аракчеевым и Линденером. Если бы эти два чудовища прибыли вовремя, то они отстранили бы Палена, а может быть, и великого князя Александра, от управления Петербургом, и столица сделалась бы ареной

*Дубовый кабинет
в Гатчинском дворце.
Арсенальное каре*

*Смольный
монастырь и его
окрестности*

*Гренадер
и мушкетер
гатчинских войск*

кровапролития. Аракчеев приехал через десять часов после смерти Павла; он был остановлен у городской заставы и снова удален.⁹

Говорят, что Павел хотел также вызвать Ростопчина. За несколько дней до катастрофы последний, как рассказывают, получил депешу, заключавшую в себе наскоро нацарапанные слова: «Вы мне нужны. Приезжайте скорее. Павел». Ростопчин тотчас же уехал, предчувствуя недоброе; но уже дорогой, в Москве, он узнал о внезапной кончине государя. Он догадался о том, как было дело, и вернулся в свое имение. Впоследствии он уверял, что сумел бы предотвратить преступление, если бы находился в Петербурге.¹⁰

В заключение своего устного рассказа в беседе с Ланжероном Пален заметил: «Наконец наступил ожидаемый момент. Вы знаете, что произошло. Император погиб и должен был погибнуть; я не был ни свидетелем, ни действующим лицом в его смерти; я предвидел его кончину, но не хотел принимать участия в этом деле, так как дал слово великому князю».

«Странный ход мыслей, — восклицает Ланжерон, — он не был действующим лицом при убийстве Павла, но поручил совершить это дело Зубовым и Беннигсену!»¹¹

Нет основания сомневаться в том, что Александр был убежден, будто все дело заключается в отречении Павла, а вовсе не в убийстве, как оно было совершено впоследствии. Но трудно соотнести этот взгляд с теми приготовлениями, которые были сделаны. Законный переворот, перемену на престоле без кровапролития могли бы предложить и провести прежде всего политические учреждения, как, например,

Сенат. Что дело шло наоборот о «coup de main», видно было уже из того, что предприятие носило военный характер. Сам Александр для выполнения плана придавал главное значение войскам, дух которых был ему известен и от содействия которых он ожидал верного успеха. Шумная толпа частью молодых офицеров должна была действовать для устранения душевнобольного монарха. Как могло дело обойтись без грубого насилия? Как рассказы Палена об образе действий Александра до катастрофы, так и сообщение Чарторыского о поведении молодого императора после нее заставляют нас усматривать противоречие в мыслях и чувствах великого князя, видеть ошибку в мышлении, которую можно объяснить только полным отсутствием политического или какого бы то ни было опыта. Странно было пользоваться таким опасным оружием и думать, что оно не нанесет раны. Мы стоим здесь перед психологической задачей. Александр в течение нескольких месяцев терпел главных виновников смерти Павла на выдающихся постах, но затем подверг самому тяжкому наказанию того, кто решительнейшим образом осуждал такой способ выполнения плана, а именно графа Панина. Страшная опасность, грозившая самому Александру, тяжелое положение, в котором он находился, быть может, омрачили его ум. Что он был поражен, приведен в ужас в момент катастрофы, не подлежит сомнению. Зато поведение и образ действия Палена совершенно ясны и очевидны; с цинической откровенностью он не скрывал своего иезуитизма, признался в своей *reservatio mentalis*; он знал, чего он хочет. Роль Александра в этой трагедии остается под знаком вопроса. Пален — весь нервы, инициатива, действие. Александр находился всецело на буксире у Палена. Для обоих характерно, что Пален мог обмануть великого князя относительно последствий предприятия против Павла.

*Зимний дворец,
Фасад к Дворцовой
площади*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

11—12 марта
1801 года

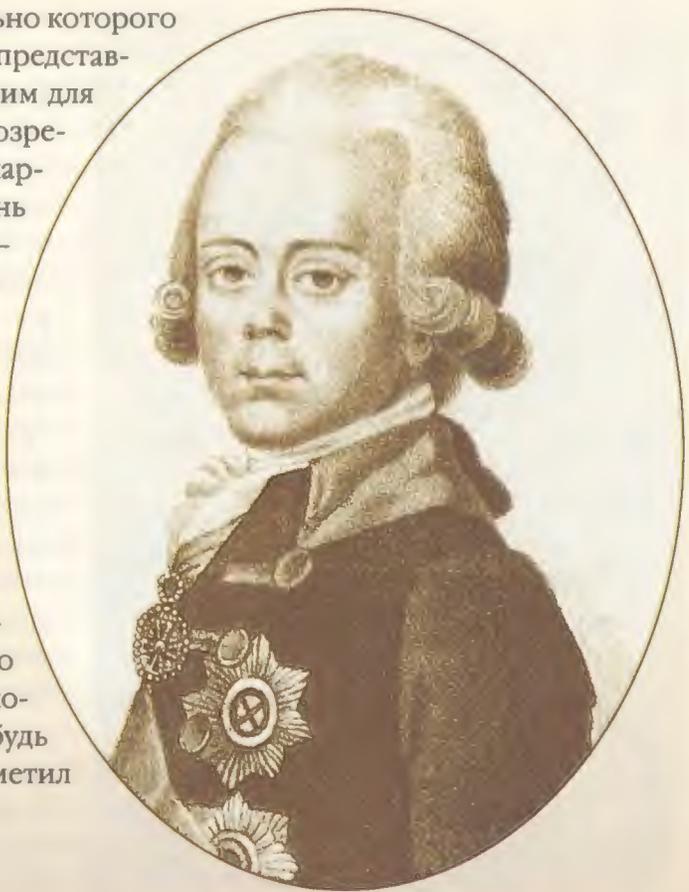

Вечер перед катастрофой

Заговор вскоре так разросся, что откладывать выполнение его означало подвергаться немалой опасности. В одном батальоне Семеновского полка¹ всех офицеров, не исключая прапорщиков, посвятили в намерения заговорщиков. Нельзя было рассчитывать на сохранение тайны, доверенной стольким людям двусмысленного характера, стольким неразумным юношам.² Немного требовалось, например, для того, чтобы Саблукова известили обо всем, и можно предполагать, что этот благородный и искренне преданный государю офицер принял бы в таком случае меры для предупреждения катастрофы.

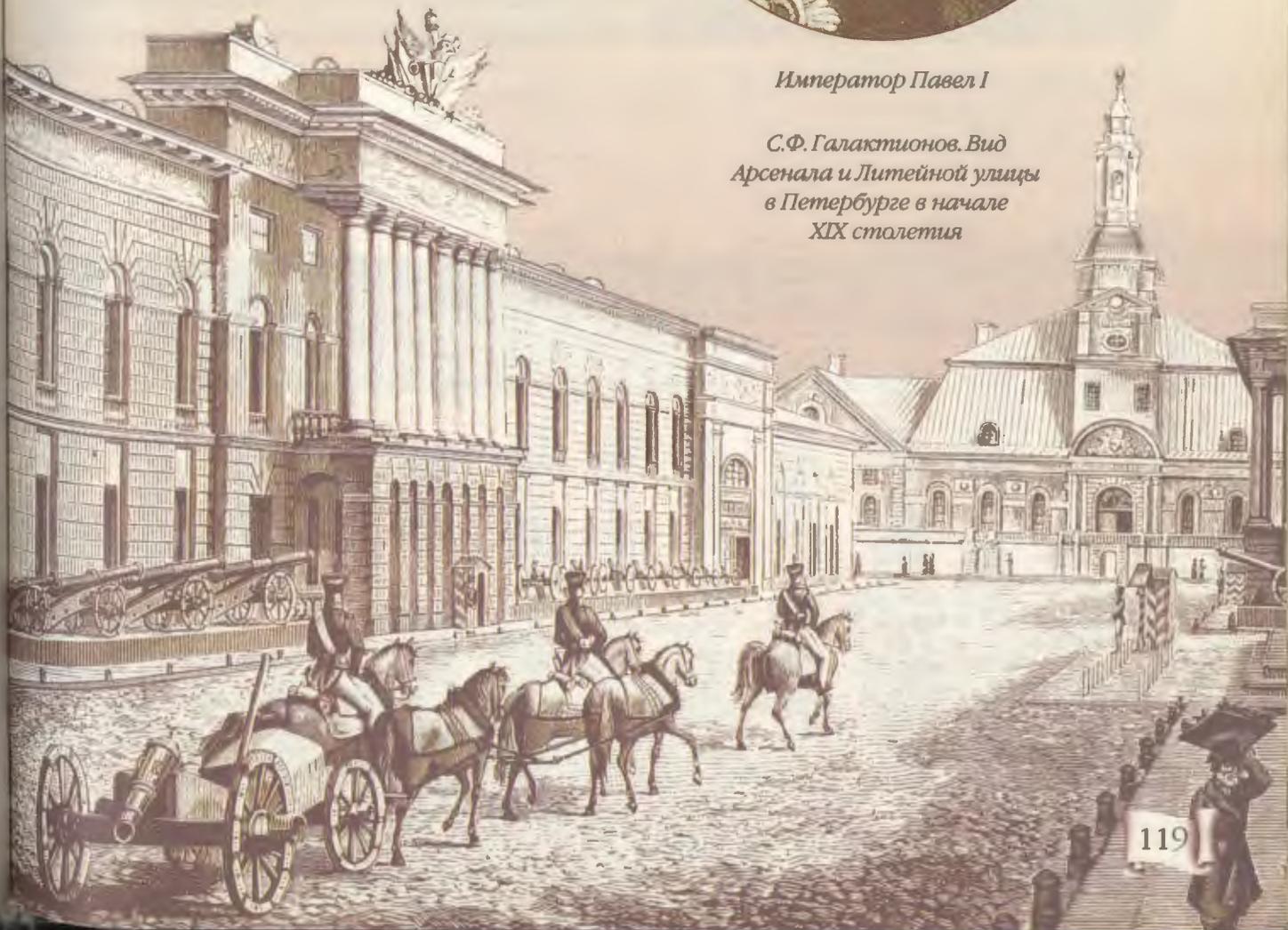
Посвященные в тайну принадлежали к различным кругам общества. Из сенаторов в числе посвященных находились Орлов, Чичерин, Татаринов, граф Толстой, Троцинский; из военных — генералы: князь Голицын, командир Преображенского гвардейского полка Талызин, командир Семеновского гвардейского полка Депрерадович, Мансуров, Уваров, генерал-адъютант Павла Аргамаков, князь Яшвиль и многие другие офицеры.³ Среди них были люди, к которым государь мог питать особое доверие. Таковым являлся, например, Уваров, интимный друг княгини Лопухиной, матери возлюбленной государя.⁴ Генерал-майор Обольянинов, который в конце царствования Павла занимал место обер-прокурора Сената, казался таким надежным и

верноподданным, подозрение относительно которого невозможно было допустить, что дом его представлялся заговорщикам особенно подходящим для собраний. Отец Саблукова, ничего не подозревавший, почти ежедневно играл у него в карты, и даже после катастрофы — что очень характерно для общественного мнения — Обольянинов пользовался таким уважением, что был избран московским предводителем дворянства.⁵ Молодой Саблуков имел сношения с главными заговорщиками непосредственно перед кризисом и вынес впечатление, что что-то готовится, но в тайну посвящен не был. Он обедал с несколькими другими лицами у Палена, Талызина, Зубовых, Обольянинова и обратил внимание на то, что происходил не столько общий разговор, сколько совещания немногих лиц друг с другом,⁶ которые прерывались, как только кто-нибудь подходил к той или иной группе. Он заметил

Император Павел I

*С.Ф. Галактионов. Вид
Арсенала и Литейной улицы
в Петербурге в начале
XIX столетия*

*Цесаревич Константин Павлович.
Литография Бегрова*

также, что Талызин и другие имели такой вид, будто должны сообщить ему особенно важные вещи, а потом в последний момент сдерживались и умолкали, погружившись в свои мысли. «Словом, — рассказывает Саблуков, — все поведение общества ясно показывало, что готовится что-то необычайное; свобода с какою порицали царя, смеялись над его безрассудными выходками (extravagances) и критиковали его строгие меры, ясно доказывала, что на него готовилось нападение. Особенное подозрение возбудили во мне маленький обед у Талызина и совсем маленькое собрание у Валерьяна Зубова. Когда я однажды, обедая у графа Палена, сделал резкое замечание о государе, Пален многозначительно посмотрел на меня и сказал: «Не надо бесполезно говорить, а надо мужественно действовать».⁷ Я сообразил, что что-то есть в воздухе;⁸ это причинило мне много дум и беспокойств; я вспомнил о своей присяге в верности и о многих хороших сторонах государя; но все это были лишь сомнения и подозрения, но не было ничего определенно

го, ясного, что могло бы побудить меня к решительному образу действий. Я чувствовал себя очень несчастным и просил совета у моего старого друга Тончи.⁹ Он сказал мне, что, так как я не могу ни исправить поведения государя, ни помешать нанести ему удар, то должен быть как можно сдержаннее в разговоре со всеми, чтобы никто не посмел мне делать откровенных сообщений. Я последовал его совету, и это послужило мне на пользу». ¹⁰

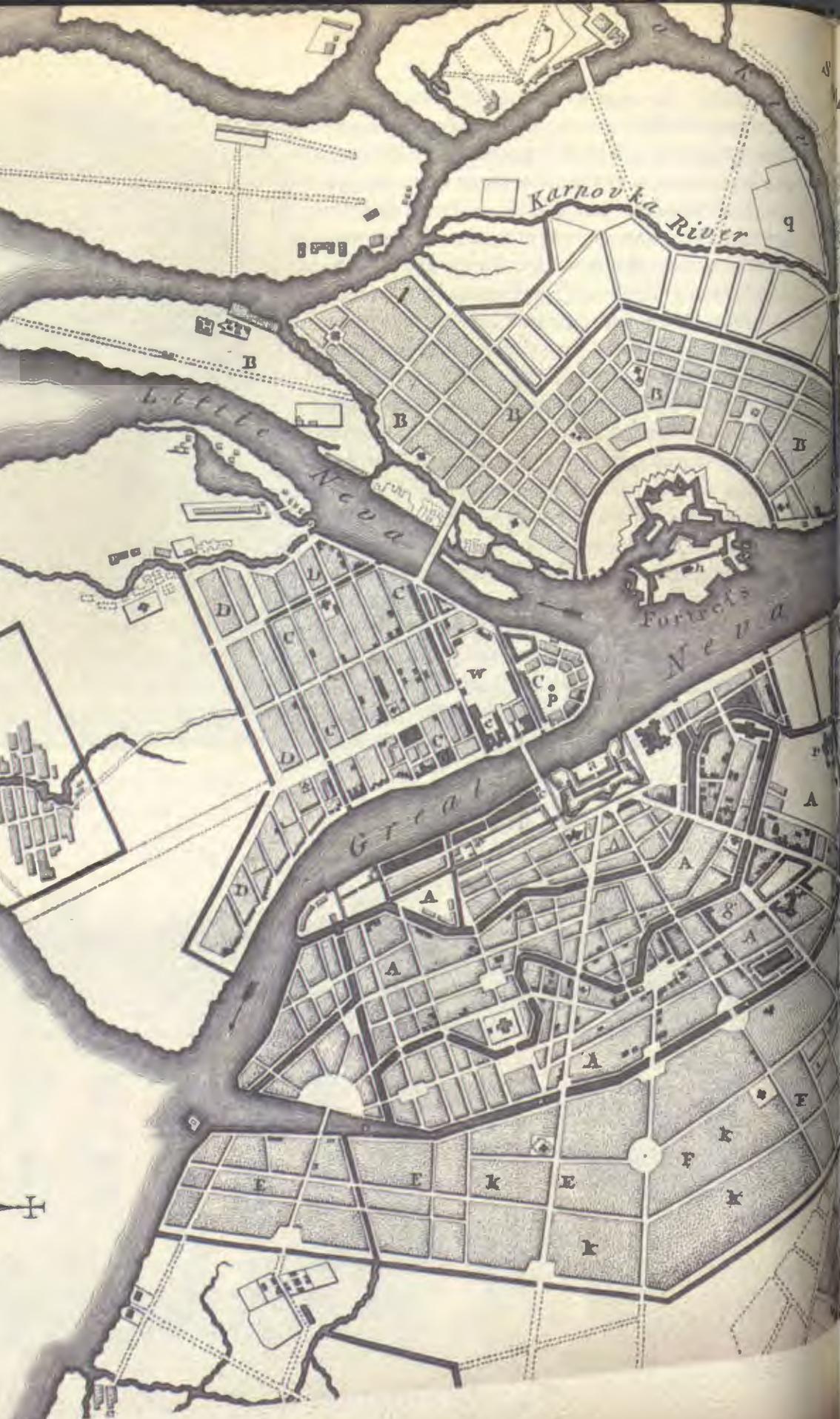
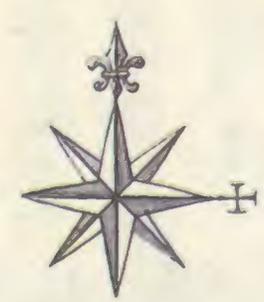
Однако признаки приближающегося переворота становились все более многочисленными. Так, например, Саблуков узнал, что Зубовы, вернувшиеся из изгнания, и их сестра госпожа Жеребцова ежедневно собираются у Обольянинова; что у Талызина, братьев Ушаковых, Депрерадовича и других собирается ужинать избранное общество; что и полковник Хитров, необыкновенно способный человек, но кутила, адъютант великого князя Константина, живущий около самого Михайловского дворца, собирает у себя избранный кружок знакомых и т.д. В то же время он узнал, что патрули вокруг Михайловского дворца усилены и бдительны более, чем когда-либо.¹¹ Впоследствии Саблукову стало известно, что госпожа Жеребцова, находившаяся в момент катастрофы в Берлине, предсказала, когда произойдет катастрофа, и отправилась в Англию, чтобы там встретиться со своим

*Платон
Александрович Зубов
П. Иванов. Панорама
Невского проспекта.
(Фрагмент)*

G U L F O F W I N L A N D

План Петербурга.
Вторая половина
XVIII в.

другом Уитвортом; это обстоятельство дало повод для возникновения слуха о том, что заговор не обошелся без английских денег.¹²

Нет сомнения, что очень много людей знало в точности о заговоре. Розенцвейг называет кроме вышеупомянутых высокопоставленных военных и сенаторов еще командира батальона Преображенского гвардейского полка Талбанова, поручика Марина; по его мнению, в тайну было посвящено еще около 50 лиц. Далее он называет братьев Платона и Валерьяна Зубовых доверенными лицами великого князя Александра.¹³ Из рассказа Константина, воспроизведенного Ланжероном, видно, что и он в то время находился в весьма близких отношениях с Зубовыми.

«Зная, в каких широких кругах в это время известно было о заговоре, — замечает Бернгарди, — можно изумляться не только тому, что хотели с помощью заговора положить конец безумию и невыносимому деспотизму этого царствования, но и тому, что для нанесения решительного удара государю избрано было 11(23) марта. Об этом знала, по-видимому, по крайней мере весьма значительная часть так называемого большого света в Петербурге. В многочисленном обществе за ужином у княгини Белозерской камергер Загряжский взглянул на часы и сказал: “Le grand Empereur n'est pas en ce moment fort à son aise” (“Великому государю в эту минуту не очень-то по себе”). Общество погрузилось в мрачное молчание и разъехалось, причем никто не просил разъяснения этих темных слов: их значит поняли!»¹⁴

Намерение Павла назначить своим наследником герцога Евгения Вюртембергского, о чем совершенно определенно говорит Бернгарди на основании неизвестных источников, как рассказывают, побудило Александра дать свое согласие на нанесение решительного удара.¹⁵ Положение молодого герцога в эти роковые минуты могло быть весьма опасным. «Красивая княгиня Гагарина, — рассказывает Бернгарди, — уже не раз в таинственных выражениях предостерегала молодого Вюртембергского принца и говорила ему об опасностях, угрожающих

*А.Е. Мартынов.
На берегу
Балтийского моря.
Кавалькада*

и ему; в тот вечер она сказала ему: "Si vous aviez besoin d'un asile, vous le trouveriez chez moi" ("Если вам понадобится убежище, вы найдете его у меня"). Она знала, что готовится; она предостерегла молодого принца: человека же, которому она дала над собою права возлюбленного, она не предостерегла!» «Генерал Дибич, — продолжает свой рассказ Бернгарди, — хотя и не участвовавший в заговоре, также узнал о том, что должно было произойти, и боялся, чтобы заговорщики не причинили какого-нибудь зла доверенному ему молодому принцу; это ясно видно из его действий в этот памятный день. Он заговорил об опасностях; прусский ротмистр фон Требра, младший гувернер принца, хотел укрыть его вечером в первом кадетском корпусе; но первый и настоящий начальник этого заведения, известный немецкий писатель Фридрих Максимилиан Клиндер решительно отказался принять принца. Почему — потому ли, что он во что бы то ни стало хотел иметь вид, что он даже не знает ни о чем, что происходит, .. потому ли, что он опасался, что Александр, сделавшись императором, не простит ему такой боязливой и к тому же излишней заботливости о принце, — это осталось неизвестным. Дибич не позволил принцу ложиться и раздеваться до тех пор, пока поздно ночью не появился капитан Фолькерсберг и не крикнул в полуоткрытую дверь, что все конечно, причем провел рукою по шее и вверх. Тогда Дибич сказал принцу, что он может лечь спать».¹⁶

*Дж. Доу. Герцог
Евгений
Вюртембергский*

Пален назначил ночь 11(23) марта для решения дела. В тот день Павел написал очень резкое письмо барону Крюденеру, русскому посланнику в Берлине. Дело касалось весьма важных враждебных мер против Англии. Пален как министр иностранных дел сделал приписку, вероятно, для того, чтобы Крюденер не спешил с исполнением этого приказа: «Sa Majesté Impériale est indisposée aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites» («Его императорское величество нынче нездоров; возможно, что это не останется без последствий»)¹⁷

Вечером 11(23) марта заговорщики собрались за ужином, после которого они прямо отправились совершать свое ужасное дело. Об этом собрании крайне важные сообщения делает Беннигсен как в мемуарах, которыми пользовался Бернгарди, так и в разговоре с Ланжероном. Однако эти рассказы в некоторых мелочах не вполне совпадают. Бернгарди говорит, что ужин происходил у Талызина, который жил около Летнего сада и Михайловского дворца. На ужин было приглашено очень много молодых офицеров, и именно таких, которые незадолго перед этим за незначительные проступки подверглись жестоким и унижительным наказаниям, причем иные из них до того момента ничего не знали о замыслах против государя. Пален и Беннигсен намеренно воздерживались в питье; молодым же людям вино наливали с излишней щедростью.¹⁸

В разговоре Беннигсена с Ланжероном первый рассказывал так: «Когда наступил этот день, мы все собрались у Палена; я встретил там Зубовых, Уварова, многих гвардейских офицеров,¹⁹ более или менее разгоряченных шампанским, которым щедро угощал их Пален. Пален запретил мне пить и сам также не пил. Нас было более 60 человек» и т.д.

Разумеется, существенного значения не имеет, происходил ли ужин у Палена или у Талызина. Розенцвейг рассказывает о следующем эпизоде, подтверждающем последнее известие: «Генерал Талызин сказался большим, чтобы беспрепятственно принять необходимые меры. Государь послал ему своего лейб-медика, доктора Гриве, будущего лейб-медика императора Александра, англичанина по происхождению. По приказанию государя он проник в комнату Талызина, в которой как раз происходило совещание заговорщиков. Сначала они хотели убить врача, чтобы сделать донос с его стороны невозможным; но генерал Талызин поручился за то, что врач будет молчать, и продержал его под строгим надзором в течение немногих часов, оставшихся до окончания дела».²⁰

У Саблукова мы находим рассказ, быть может, разрешающий вопрос о том, где происходило собрание. Он пишет: «Вечером 11 марта было несколько собраний заговорщиков. Полковник Хитров, генералы Ушаков и Депрерадович и другие давали у себя ужины; и все они позднее вечером собрались на одно главное собрание (at one principal party), куда прибыли также Пален и Беннигсен. Было выпито много вина, многие в этом отношении перешли меру. В конце этого ужина Пален, как говорят, сказал "Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette, il faut commencer par casser les œufs" ("Помните, господа, что для того, чтобы съесть яичницу, надо прежде всего разбить яйца"). Полковник Бибииков из Измайловского полка, превосходный офицер, хорошо принятый в самых знатных семьях, на этом ужине, как передают, заявил, что недостаточно устранить одного Павла и что для России было бы гораздо лучше, если бы можно было избавиться от всех членов этого семейства (to get rid of them alltogether)».²¹ Такое нелепое замечание может быть объяснено возбуждением и, вероятно, даже в ту минуту не произвело впечатления.

Более важные сведения о тех событиях мы получаем от Бернгарди, то есть от Беннигсена. «Сенатор тайный советник Троцинский набросал манифест, в котором говорилось, что государь по болезни взял себе в соправители великого князя Александра. Само собою разумелось, что только насилем можно было принудить Павла подписать такой документ; его, следовательно, надо было заставить это сделать и в случае необходимости отвезти в Шлиссельбургскую крепость. Между тем часть солдат Семеновского полка, которыми можно было располагать, собралась в доме Талызина; другая часть должна была собраться в определенном месте Невского проспекта. Платон Зубов и Беннигсен взялись "покончить дело лично с государем". Граф Пален и генерал Уваров взяли на себя командование солдатами, собравшимися на Невском, и заботу о безопасности заговорщиков извне. Еще в последнюю минуту один молодой человек, разгоряченный вином, спросил, что же делать, если государь станет сопротивляться действию

*Сенная площадь
в Петербурге*

ем? Пален ответил на это известной тривиальной французской поговоркой: "Quand on vent faire une omelette, il faut casser des oeufs!" Так рассказывает Беннигсен, присутствовавший при этом. После этих слов — отнюдь не противоречащих приписке Палена в письме Павла Крюденеру — среди выпивших офицеров уже больше невозможно было поддерживать порядок.¹²

Было странное несоответствие между манифестом, составленным Троцинским, который Павел должен был подписать и в котором он назначал сына своим соправителем, с одной стороны, и обширными военными приготовлениями заговорщиков — с другой. Пален, по-видимому, не обманывался насчет того, что кризис не обойдется без насильственных мер. Толпа выпивших офицеров, готовых на кровопролитие, явилась на место действия, где должны были происходить переговоры с душевнобольным монархом относительно его полного или частичного отречения от престола. Для поддержки заговорщиков выставили части войск. Поэтому следовало ожидать, что дело окончится если не умерщвлением Павла, то по крайней мере его насильственным заключением. Невольно возникает вопрос: если приходилось иметь дело с сумасшедшим, неужели никто раньше не подумал о том, чтобы узнать мнение психиатра? Мы видим, что на первом плане стояли забота об общем благе, спасение страны от грозившей ей беды. Решено было пожертвовать большим. Так Павел шел навстречу своей судьбе.

Последние дни и часы Павла

Несмотря на разлад в императорской семье придворная жизнь требовала выполнения обычного этикета. Шведский посланник писал за несколько недель до катастрофы, что по вторникам при дворе бывают «маскированные» балы, на которых очень веселятся.¹ Самого Стединга не приглашали на эти увеселения, так как между Павлом и шведским двором отношения были натянутыми. Из других, быть может, более компетентных, источников мы узнаем совершенно иное о мнимой веселости в высшем обществе. Бернгард рассказывает на основании неизвестного источника: «Каждую субботу при дворе происходил большой концерт. К странностям, введенным Павлом, принадлежало также то, что в антрактах обществу непрерывно предлагалось вино. Сам государь пил очень много. Он любил высказывать и защищать самые смелые парадоксы, и когда он бывал разгорячен вином, эти смелые умозаключения доходили до полной нелепости, которую он отстаивал с большой горячностью и с удивительной настойчивостью. В последнюю субботу своей жизни он был так возбужден, смотрел на императрицу и на своих сыновей с такою яростью, обращался к ним с такими грозными минами с такими грубыми словами, что даже самые безобидные из присутствовавших не могли отделаться от недобрых предчувствий».²

На стр. 129:
Ф.И. Шубин. Портрет
Павла I

Рассказывают, что в последние месяцы своей жизни Павел опасался быть отравленным. Поэтому он просил одного английского купца, много лет жившего в Петербурге, рекомендовать ему хорошую английскую кухарку. Желание его было исполнено; эта кухарка жила в кухне, непосредственно прилегавшей к покоям императора, где и готовила ему обед. В ночь убийства она стала свидетельницей происшедшего шума и в страхе убежала из дворца к своему прежнему господину несмотря на туман и ночную пору.³

Иван Павлович
Кутайсов

Такие истории являются менее обоснованными, нежели рассказ Коцебу о его последней встрече с царем накануне катастрофы. Павел вернулся вместе с графом Кутайсовым с прогулки верхом, казалось, в очень хорошем настроении. Коцебу, которому государь поручил составить точное описание Михайловского дворца, встретился с царем на лестнице возле поставленной на ней статуи Клеопатры. Павел стал говорить с писателем о статуе, сделал несколько замечаний о судьбе египетской царицы и спросил скоро ли Коцебу закончит описание дворца. Коцебу ответил на вопрос утвердительно, и Павел выразил свое удовольствие по этому поводу. Поднимаясь по лестнице, император оглянулся на писателя. Ни тот, ни другой не подозревали, что видятся в последний раз.⁴

Знаменитый генерал Кутузов рассказывал Ланжерону о следующем эпизоде: «Мы ужинали 11(23) марта с государем, и нас было за столом двадцать человек. Он был очень оживлен и много шутил с моей старшей дочерью, которая присутствовала за ужином в качестве фрейлины и сидела против государя. После ужина он разговаривал со мной и, взглянув в зеркало, стекло которого давало неправильное отражение, сказал смеясь: «Странное зеркало, я вижу в нем свою шею свернутой» (de travers). Полтора часа спустя он был трупом».⁵

Подобную же историю рассказывал обер-штальмейстер Муханов полковнику Саблукову за несколько дней до катастрофы. Государь в оттепель ездил верхом во дворцовом парке и вдруг стал жаловаться на одышку. Он сказал об этом тотчас же Муханову и заметил при этом: «У меня было такое чувство, точно я задыхаюсь; мне не хватало воздуха, мне казалось, что я умираю; уж не задушат ли меня?» Муханов старался успокоить Павла и сказал, что причина этого недомогания — оттепель. Павел молчал, качал головой и казался погруженным в свои мысли.⁶

Саблукову пришлось прожить со своим кавалерийским полком полтора года в Царском Селе в некоторого рода изгнании. Он впал в немилость благодаря частому произволу царя из-за мнимых упущений, замеченных на парадах. Саблуков отмечает, что великий князь Константин, мало или ничего не понимавший в кавалерийском деле, все-таки захотел командовать кавалерийским полком и возмутительным образом терзал этот полк дисциплинарными наказаниями. Только бла-

годаря терпению и выдержке Саблукова все обошлось еще благополучно; полковник к тому же считал отсутствие в Петербурге преимуществом, так как он сам и его полк таким образом избавлялись от опасности принимать участие в замышляемом против государя заговоре. В Царское Село уже проникли слухи об опасности, угрожающей царю. Стало среди прочего известно, что Павел не чувствовал себя в безопасности в Зимнем дворце и потому приказал отделать для себя Михайловский дворец, который, словно крепость, был снабжен рвами, подъемными мостами, тайными лестницами и подземными ходами. Здесь Павел считал себя в безопасности от «*coup de main*».

Вскоре после этого и Саблуков мог вернуться в столицу со своим полком. С одной частью своих войск он должен был 11 марта стоять на карауле во дворце. Караул состоял из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача, находившихся около царского кабинета. Несколько дальше стоял другой караул из Преображенского полка, предпочитаемого государем. Этот караул находился под командой поручика Марина, имя которого в других источниках называется в числе заговорщиков. Во дворе дворца помещался еще отряд Семеновского гвардейского полка, на содействие которого, как говорилось выше, рассчитывал великий князь Александр.

Пригласительный
билет на маскарад
к обер-
италмейстеру
Л.А. Нарышкину

Маскарадъ въ Домѣ Оберъшталь-
Ханца
Mascaade dans L'hotel de
Souper
Mascaade im Hause des Herr
Souper
Mascaade in the House of
Supper

Италмейстера Льва Александровича Нарышкина
Балъ
Leon Narishkin. Grand Ecuier
Ball
Oberstallmeister von Narishkin
Ball
Leon Narishkin
Ball

Утром 11 марта Саблуков явился во дворец и там узнал от служившего в том же полку адъютанта Ушакова (также принадлежащего к заговорщикам), что он, Саблуков, по приказанию великого князя Константина должен вернуться в казармы. Это было против правил, и Саблуков хотел жаловаться великому князю Константину на парад, который ежедневно происходил во дворе Зимнего дворца. К немалому изумлению Саблукова, оба великих князя, однако, не явились на парад, потому что, как впоследствии узнал полковник, находились под арестом.

Л.А. Серяков.
Портрет Михаила
Илларионовича
Голенищева-Кутузова

Окончив свою дневную службу в казарме, Саблуков в 8 часов вечера поехал в Михайловский дворец, чтобы сделать доклад шефу полка великому князю Константину. Камер-лакей Павла встретил его у дверей и сказал ему, что тот не может явиться к великому князю, если он, лакей, не доложит об этом предварительно государю. Саблуков возразил, что ему нужно видеть великого князя для исполнения своего служебного долга, и продолжал свой путь по направлению к покоям Константина. Но и тут другой лакей пытался остановить его вопросами о цели его появления, так что Саблуков с нетерпением воскликнул: «Вы здесь, кажется, все сошли с ума! Я дежурный полковник».

Таким образом Саблуков проложил себе путь в комнату великого князя и застал Константина в сильном волнении.

Сюда же явился Александр, который имел вид «испуганно крадущегося зайца». ⁷ «Вдруг, — рассказывает Саблуков, — дверь отворилась и появился государь в сапогах со шпорами, со шляпой в одной руке и с палкой в другой и направился, как на параде, прямо к нам. Александр побежал в свои покои, точно ламповщик; ⁸ Константин словно окаменел на месте, опустил руки и имел такой вид, будто стоит безоружный перед медведем. Я обернулся и передал государю мой доклад о состоянии полка. Государь сказал: “Ты дежурный?” — дружелюбно кивнул мне и вышел. Тотчас после этого Александр тихо приотворил дверь и заглянул в комнату. Константин стоял без движения. Когда послышался скрип другой двери, из чего можно было заключить, что государь действительно удалился, Александр снова вполз в комнату, словно ластящийся пойнтнер. ⁹ “Ну, брат, — спросил Константин, — что ты на это скажешь? Разве я не говорил тебе, что он (указывая на меня) не будет бояться?” Александр спросил меня, неужели же я действительно не боюсь государя. “Нет, — сказал я, — я исполняю свой долг и боюсь только моего шефа, великого князя Константина”. ¹⁰ Константин сказал: “Иди домой и будь настороже”. Я ушел. В прихожей лакей Рудковский помог мне надеть шинель. В эту минуту Константин крикнул, чтобы ему подали стакан воды. Рудковский налил воды в стакан. На поверхности ее плавало маленькое перышко. Он вы-

нул его пальцами и сказал: “Нынче оно плавает наверху; завтра оно потонет”.¹¹ Я вернулся домой, сел в мое кресло и, как можно себе представить, чувствовал себя после сего виденного и слышанного смущенным и преисполненным дурных предчувствий. Я недолго предавался своим мыслям, так как в три четверти десятого вошел мой слуга и доложил, что от государя явился фельдъегерь с приказанием, чтобы я немедленно прибыл во дворец.

Такое распоряжение всегда считалось серьезным и принималось за плохой знак. Когда я прибыл во дворец, корнет Андреевский, стоявший на часах, сказал мне, что не произошло ничего особенного, что государь и государыня три раза проходили мимо караула и каждый раз очень ласково кланялись.

В шестнадцать минут одиннадцатого в прихожей появился государь в чулках и башмаках; он только что отужинал. Его собачка бежала впереди; за государем следовал генерал-адъютант Уваров. Государь подошел прямо ко мне и сказал мне по-французски: “Вы якобинец”. Я отвечал: “Точно так, ваше величество”. На это он: “Не вы сами, а ваш полк”. Я заметил: “Я — пожалуй, но относительно полка вы заблуждаетесь”.¹² Тогда государь: “Я знаю это лучше, караул должен удалиться”. Я скомандовал: “Направо, марш!” — и корнет Андреевский удалился со своими солдатами. Затем государь начал говорить со мною по-русски и повторил, что мы — якобинцы. Я возражал с живостью и отвергал подобное обвинение. Он остался при том, что ему это лучше знать, и прибавил, что отдал приказание выслать полк из города и распределить по деревням. При этом он очень дружелюбно сказал мне: “Ваш эскадрон будет послан в Царское Село. Два бригадных майора будут провожать полк до седьмой версты. Распорядитесь,

*А.Е. Мартынов.
Вид на пандус
и Камеронову галерею*

чтобы в четыре часа утра все были готовы выступить со своими пожитками". Потом он обратился к своим двум камер-гусарам и сказал, указывая на дверь своей комнаты: "Вы оба будете стоять здесь на часах". Уваров стоял все время сзади царя с глупым лицом¹³ и улыбался. Государь поклонился особенно любезно и пошел в свою комнату. Я вернулся домой и, передав генералу Торماسову, к его великому

*Генерал
от кавалерии граф
Александр Петрович
Тормасов*

изумлению, приказания государя относительно полка, опять сел в кресло и предавался моим мыслям. Через несколько минут после часу ночи вошел мой слуга с собственноручным приказом великого князя Константина. Записка, очевидно, написанная крайне торопливо и в сильном волнении, заключала в себе следующее: "Как можно скорее соберите полк, верхом и в полном вооружении, но без пожитков; ждите моих дальнейших распоряжений. Константин Цесаревич". Посланный, фельдъегерь великого князя, прибавил на словах: "Его высочество велели сказать вам, что дворец окружен войсками и что вы должны приказать хорошенько зарядить ружья и пистолеты".

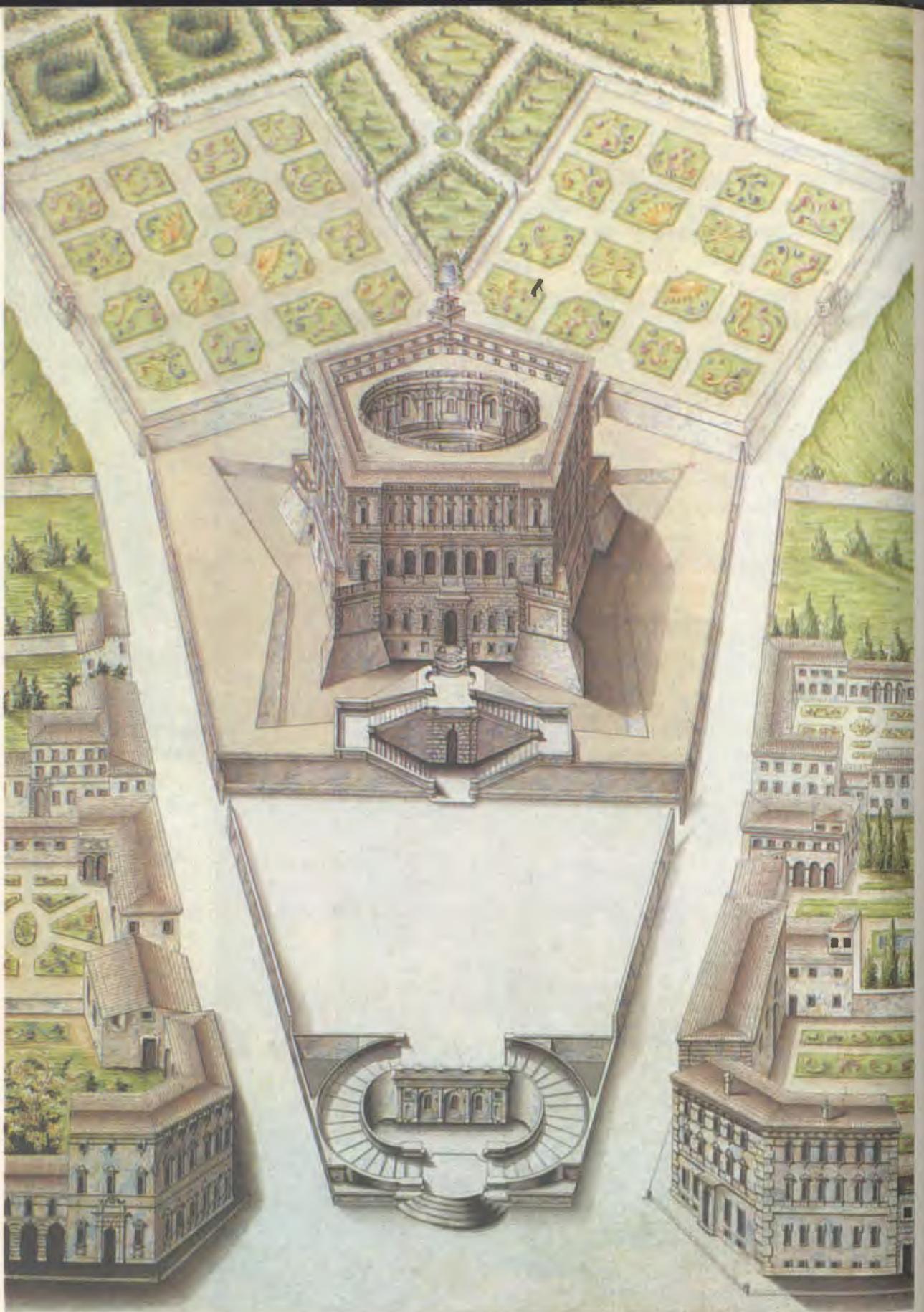
Крайне пораженный, Саблуков сделал все необходимые распоряжения и послал также известить отца о полученных приказаниях. Он подробно рассказывает, как готовился превратить казарму в своего рода крепость и как, не будучи уверен в образе мыслей генерала Тормасова, поставил у его дверей часовых, получивших приказание не пропускать никого. Далее Саблуков замечает, что поднятая тревога возбудила неудовольствие у солдат, которые говорили, что до четырех часов еще времени много, и что именно приказание хорошенько заряжать ружья вызвало противоречие. Три часа спустя получено было известие о наступлении нового царствования.¹⁴

Рассказ Саблукова живо переносит нас в атмосферу, господствовавшую в ту страшную ночь во дворце. Некоторые мелочи, упомянутые в этом рассказе, требуют объяснения и вызывают сомнения. Можно с полной уверенностью сказать, что Александр знал об ударе, который готовились нанести царю. Зато из приводимого ниже рассказа Константина о разговоре с Ланжероном видно, что он, Константин, спал в ту ночь, ни о чем не подозревая, и был разбужен Зубовым, который сообщил ему о последовавшей за час до того смерти Павла. Это обстоятельство трудно согласовать с содержанием записки Константина, посланной им в полночь Саблукову, и с устно переданным через фельдъегеря известием, что дворец окружен войсками. Здесь ведь может идти речь только о тех войсках, которые находились в распоряжении заговорщиков для выполнения их плана. Вряд ли Константин мог спать без всяких подозрений после всех волнений, которые, по словам Саблукова, ему пришлось пережить в тот день.¹⁵ Жаль, что в

сообщениях об убийстве отсутствуют определенные сведения о времени. Мы не знаем, в котором часу Павел скончался, не знаем также, когда великий князь Константин был разбужен Зубовым; но все говорит в пользу того предположения, что приказ Константина Саблукову отдан был в такую минуту, когда события зашли совсем далеко. Если, как впоследствии узнал Саблуков, войска заговорщиков «около полуночи» двинулись по направлению к Зимнему дворцу и, значит,

*Цесаревич
Константин
Павлович*

умерщвление государя произошло, вероятно, около часу или двух ночи, Зубов же разбудил великого князя час спустя, а Саблуков узнал о событии уже между тремя и четырьмя часами утра в своей казарме, то, допуская, что записка Константина Саблукову есть несомненный факт, первый спал не более двух часов (если вообще спал).

Далее заслуживает внимания то обстоятельство, что Саблуков и его люди, которые ни в коем случае не могли знать о заговоре и без сомнения были бы готовы защищать государя от нападения заговорщиков, таким странным образом были удалены с места действия. Легковерие Павла, с одной стороны, и подозрительность — с другой — толкали его в пропасть. В последний момент он лишил себя защиты, которая, если бы и не смогла воспрепятствовать перевороту, то значительно затруднила бы его.

Тотчас после катастрофы Саблуков узнал следующее. Непосредственно перед катастрофой государь, как рассказывают, спросил Палена, может ли он сделать что-нибудь для его, Павла, безопасности, так как ходят слухи о заговоре против него? Пален ответил, указывая на помещение, где находились часовые Саблукова: «Я не ручаюсь за то, что может случиться, если ваше величество не отошлете этих якобинцев и если вы не прикажете заколотить эту дверь» (в спальню императрицы).

Павел со слишком большой поспешностью последовал обоим этим советам сатанинского графа Палена, характером напоминающего Яго в «Отелло». Отсюда эта странная сцена Павла с Саблуковым, который отверг обвинение в якобинстве, но не смог уничтожить подозрения, вызванного Паленом у государя. Отсюда и удаление караула, который мог бы спасти государю жизнь.

Когда Пален на следующее утро появился на параде, он направился к стоявшему в стороне полковнику Саблукову и сказал ему: «Я боялся вас больше, чем всего гарнизона» (то есть всех военных во дворце). «И вы имели на это все основания», — заметил Саблуков, на что Пален возразил: «Поэтому я позаботился о том, чтобы вы были удалены».¹⁶

*На стр. 136:
Перспектива
Михайловского замка
со стороны главного
входа*

*Алекса́ндро-Невская
лавра в Петербурге
в 1824 г.*

Ночь

После ужина заговорщики около полуночи двинулись по направлению к Михайловскому дворцу. Это был настоящий поход. Беннигсен говорит, что в общем в нем принимали участие несколько более шестидесяти офицеров.¹ Генерал Талызин был в казарме Преображенского гвардейского полка и приказал одному батальону стоять под оружием, так как в городе неспокойно.² Во дворце были поставлены части Семеновского гвардейского полка. Пален выслал части кавалерии, чтобы занять улицы, ведущие от Невского ко дворцу. Они должны были соединиться с батальоном преображенских гвардейцев, но появились во дворце лишь тогда, когда все было кончено.

Заговорщики бесшумно перешли через Марсово поле, идя с севера, вошли в Летний сад и добрались до Михайловского дворца. Розенцвейг рассказывает: «Старые липы Летнего сада служат ночным прибежищем для многих тысяч ворон. Когда же в столь необычный час через сад проходило столько военных, птицы подняли такой оглушительный крик, что офицеры боялись, чтобы государь не проснулся. Если бы ему удалось скрыться, то предприятие их рушилось бы и вороны Летнего сада сделали бы так же знамениты, как капитолийские гуси».³

Теперь нужно было проникнуть во дворец. Подойдя ко дворцу, начальник батальона Преображенского полка Талбанов обратился

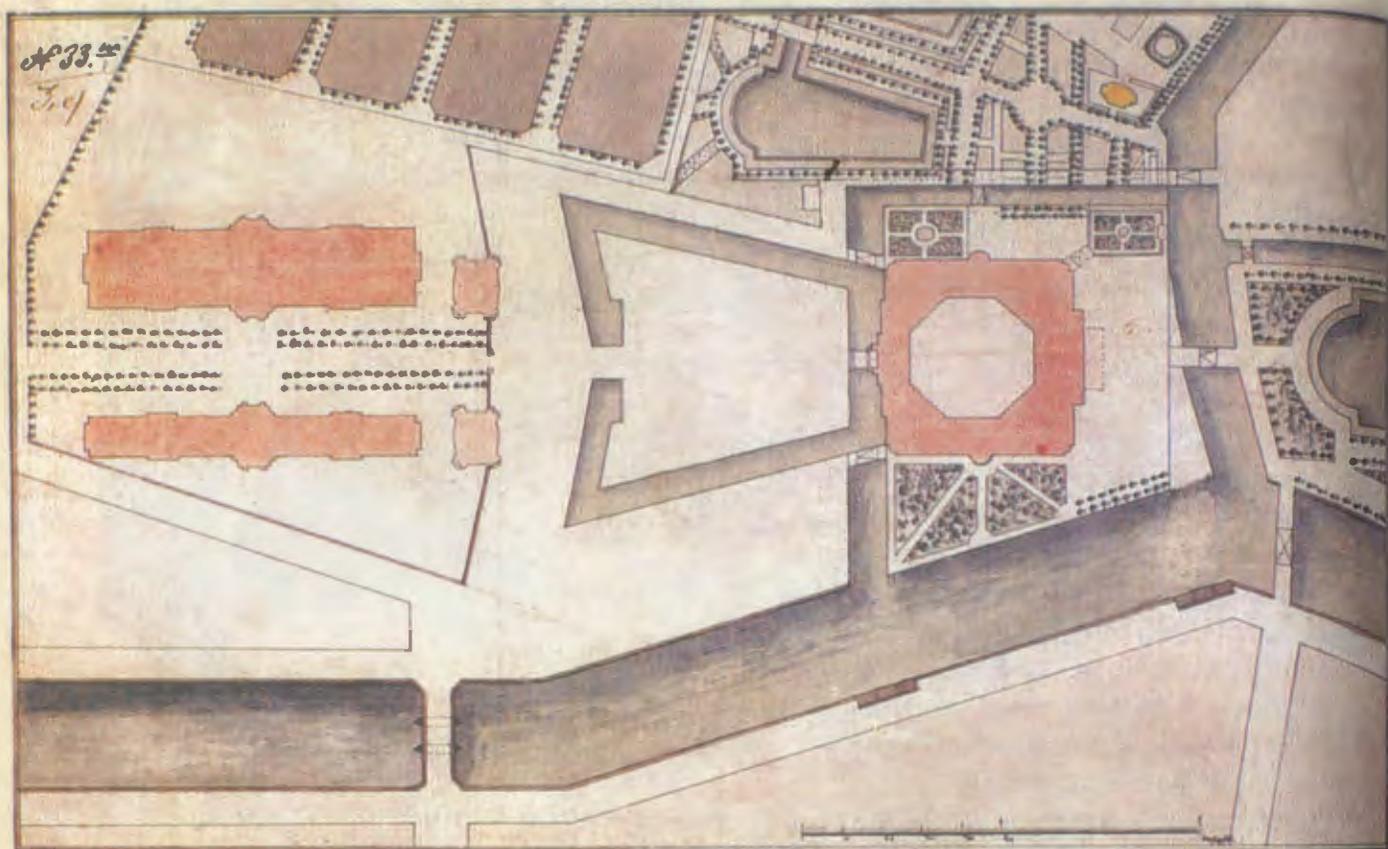
к своим солдатам с вопросом, желают ли они сопровождать его для выполнения опасного дела. Солдаты, не колеблясь, ответили: «Да». Тогда они переправились через замерзшие рвы. Наружные часовые были обезоружены, причем не оказали сопротивления.⁴ Вступление во дворец облегчил адъютант Аргамаков из Преображенского полка. Он находился в помещении, за несколько часов перед тем занятом солдатами Саблукова. После того как было устранено возможное препятствие со стороны наружного караула, Аргамаков подал знак, тогда заговорщики или их часть проникли вплоть до дверей спальни Павла, охраняемых двумя камер-гусарами. Рассказывают, что Аргамаков сделал возможным вступление в покои царя, сказав камердинеру, который не решался отворить двери, что уже шесть часов утра и что он направляется с докладом о состоянии полка и должен быть допущен к государю. Сонный лакей поддался обману, отпер двери, и заговорщики вошли.⁵

Оба гусара оказали сопротивление. В безумном волнении кто-то из офицеров ударил одного из них так, что тот упал на пол. Вероятно, не помня уже, что он делает, офицер даже выстрелил в гусара; к счастью для заговорщиков, пистолет дал осечку. Другой гайдук убежал. Розенцвейг рассказывает, что раненый гусар⁶ с окровавленной головой пришел в зал, где стояли преображенцы, находившиеся под начальством участника заговора, поручика Марина. Гусар просил помощи для спасения государя. Солдаты уже начали кое-что подозревать, так как им сказал то же самое истопник. Настроение солдат стало опасным. Один из них выступил вперед и от имени всех потребовал, чтобы их повели к царю. Тогда Марин приставил свою шпагу к его груди и пригрозил заколоть, если тот скажет еще слово. В то же время он приказал солдатам приготовить оружие, а так как эта команда требует величайшего спокойствия, солдаты повиновались и оставались в этом положении до тех пор, пока все не окончилось.

Относительно того, что после этого произошло в спальне Павла, важнейшим источником следует считать рассказ Беннигсена в разговоре с Ланжероном. Там мы находим следующее: «В комнату нас вошло двенадцать человек (Пален и большинство других пошли другой дорогой), в числе их Платон и Николай Зубовы. Валерьян Зубов остался у Палена... Шум (в переднем зале) разбудил государя, он выскочил из постели и, если бы он сохранил присутствие духа, то мог бы

*Неизвестный художник.
Павел Мальтийский.
1810-е гг.
(Павел изображен в далматике ордена Св. Иоанна Иерусалимского с крестом масонской ложи «Петра к истине» на шее на фоне Приоратского дворца в Гатчине)*

Генеральный план
Михайловского
замка

легко спастись. Он мог бы пройти не через покои императрицы, дверь в которые была заколочена по совету Палена, а через лестницу, которая вела в покои княгини Гагариной. Очевидно, он был так испуган, что потерял способность соображать. Поэтому он спрятался за ширмами. Мы входим; Платон Зубов подбегает к кровати, находит ее пустой и восклицает: "Il s'est sauvé!" Я заметил государя. Подобно всем прочим я был в парадном мундире с лентой, в орденах, в шляпе и со шпагой в руке. Я опустил шпагу и сказал по-французски: "Государь, вы перестали царствовать; теперь Александр — император; мы арестуем вас по его приказанию; вы должны отречься от престола. Будьте спокойны, вас не хотят убить. Я здесь для того, чтобы защищать вас; подчинитесь своей судьбе; если же вы окажете хоть малейшее сопротивление, я ни за что не отвечаю".

Государь ничего не ответил. Платон Зубов повторил по-русски то, что я сказал по-французски. Тогда государь воскликнул: "Что я вам сделал?" Один из гвардейских офицеров сказал: "Вы мучаете нас уже четыре года".⁷ В этот момент шумно вошли в прихожую другие офицеры, которые заблудились в покоях дворца; шум, произведенный ими, испугал находившихся вместе со мной спальне. Они думали, что

стража приходит царю на помощь, и бежали, чтобы спастись, по лестнице. Я остался с царем один и своею решительностью и шпагой не давал ему шевельнуться. Мои беглецы между тем встретились со своими союзниками и вернулись в комнату Павла; произошла страшная толкотня, так что ширмы упали на лампу, которая потухла. Я вышел, чтобы принести огня из другой комнаты; в этот короткий промежуток времени Павла не стало».⁸

Бернгарди, который в этом месте своего повествования, по-видимому, придерживался главным образом мемуаров Беннигсена, рассказывает об этом событии гораздо обстоятельнее, а именно так: «Беннигсен нашел царя за ширмами, где горела лампа; он стоял там босой, в рубашке, ночной куртке и в ночном колпаке. Зубов и Беннигсен со шпагой наголо направились к царю, и так как первый настолько потерял мужество и самообладание, что не мог говорить, то заговорил Беннигсен. Он крикнул царю: “Sire, vous êtes arrêté!” (“Государь, вы арестованы!”). Не отвечая ему, Павел сказал, обращаясь к Зубову: “Que, faites-vous, Platon Alexandrowitch?” (“Что вы делаете, Платон Александрович?”). В это мгновение офицер доложил князю, что дворцовая стража упорствует и что Пален не является; Зубов поспешно вышел. Только Беннигсен “оставался непоколебимым”, как он сам хвастается; он повторил свои прежние слова, но вместо ответа Павел попытался проникнуть в соседнюю комнату. Там, согласно обычаю, введенному Павлом, хранились шпаги всех офицеров, находившихся под арестом; Павел хотел найти себе там оружие для защиты. Но ему заступили дорогу, ибо заговорщики, сначала обратившиеся было в бегство, вошли в таком большом количестве, что мало-помалу вся комната наполнилась ими, и Беннигсен запер двери в упомянутую соседнюю комнату и в покои императрицы. Тогда Павел пытался проложить себе путь

*Памятник Суворову
на Марсовом поле
в Петербурге*

*В.Л. Боровиковский.
Портрет княжны
А.Г. Гагариной
и княжны
В.Г. Гагариной*

к бегству, воскликнув по-русски: “Арестован! Что это значит — арестован?” Его силой удержали, причем особенно бесцеремонно обошлись с ним князь Яшвилль и майор Таротинов (sic).⁹ Напрасно Беннигсен два раза крикнул государю: “Restez tranquille, Sire; il y va de vos jours!” (“Не противьтесь, государь; речь идет о вашей жизни!”). Несчастный пробовал пробиться и повторил свои слова; произошла горячая рукопашная схватка; ширмы опрокинулись; среди шума Беннигсен различил голо-

одного молодого офицера, который кричал царю: «Уже четыре года тому назад надо было покончить с тобою!» «Что же я сделал?» — возразил государь. Услышав внезапный шум в прихожей, многие заговорщики хотели опять бежать, но Беннигсен подскочил к дверям и громким голосом пригрозил заколоть всякого, кто попытается бежать. «Теперь уже поздно отступить», — прибавил он.

Громкий шум этот произошел потому, что один из участвовавших в заговоре офицеров, Бибииков, вступил в прихожую с частью Семеновского полка. В этот момент, когда уже не могло больше быть сомнения, как окончится в ближайшие минуты эта рукопашная с царем, становившаяся все более яростной, особенно ввиду того, что Павел вздумал громким голосом непрерывно звать на помощь, умный Беннигсен приказал молодому, несколько опьяненному князю Яшвилю сторожить государя, а сам выбежал в прихожую, чтобы «распорядиться насчет размещения часовых».

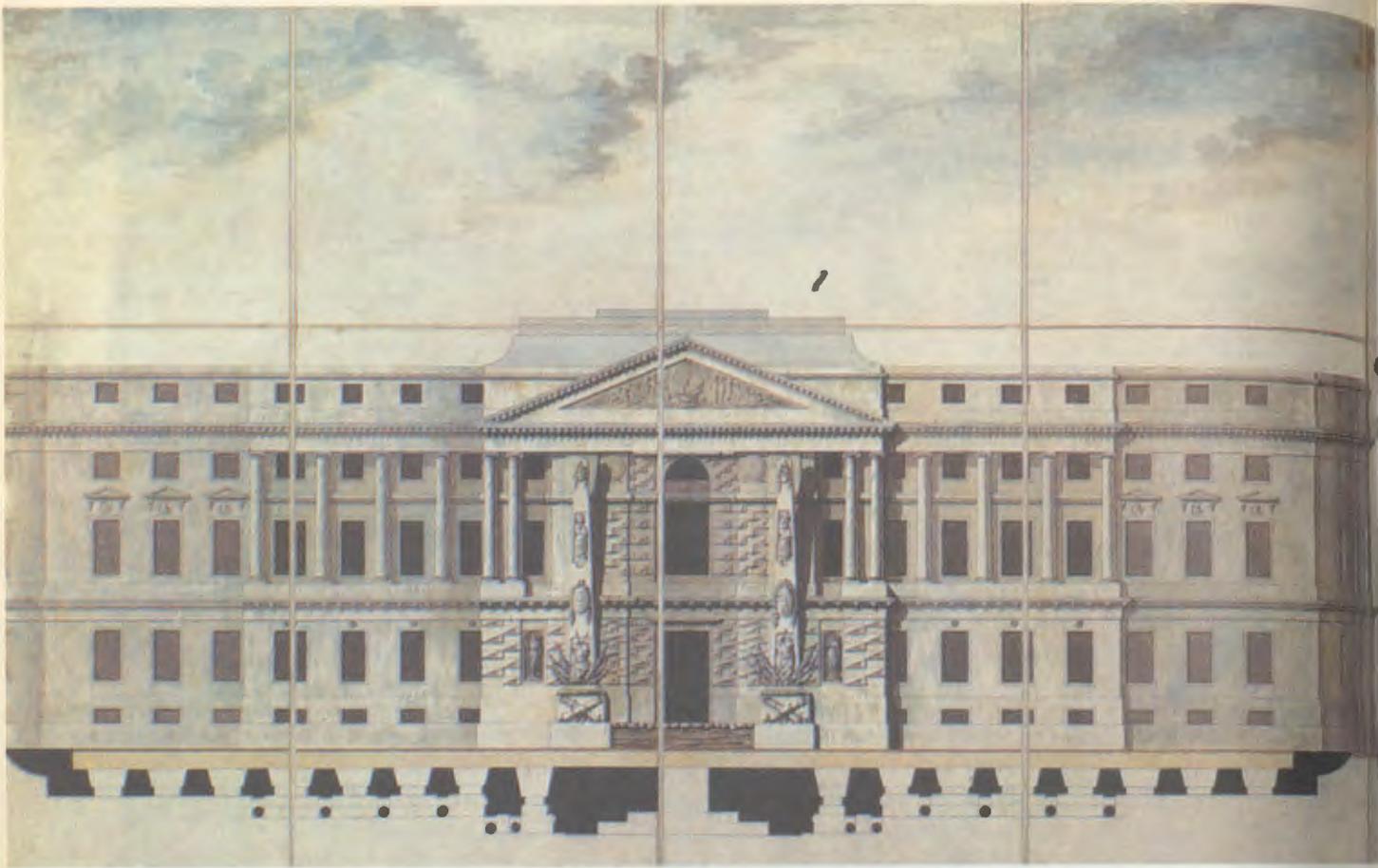
Как впоследствии говорили свидетели последних ужасных минут, государь с отчаянным усилием старался вырваться от Яшвиля; во время борьбы оба упали на пол; гвардейский офицер, которого Беннигсен называет «Скеллерет»,¹⁰ сорвал с себя шарф и накинул его на шею царю, которого держал Яшвиль; стоявшие сзади напирали на передних, многие, стоявшие ближе, таким образом повалились на борющихся — и государь был задушен и задавлен, а стоявшие сзади, наверное, даже и не знали, что случилось».

Бернгарди не говорит, кто такие были свидетели, сообщившие о последних минутах Павла. В рассказе Розенцвейга мы находим следующие подробности. Государь направился к столу, на котором лежало несколько заряженных пистолетов. Его повалили, и заговорщики «наложили свои злодейские руки на своего монарха». Уверяют, что первый удар нанес Яшвиль и что государь после упорного сопротивления был задушен своим шарфом. Борьба продолжалась около десяти минут. Большинство заговорщиков были пьяны, и кажется несомненным, что его задушил собственными руками Николай Зубов, высокого роста человек с диким выражением лица.¹¹

Ланжерон жалеет, что Беннигсен не сообщил ему подробнее о смерти Павла. Он пишет: «По-видимому, Беннигсен был свидетелем кончины государя, но не принимал непосредственного участия в убийстве. Убийцы бросились на Павла, который лишь слабо защищался, просил о пощаде, умолял дать ему время помолиться. Он заметил между офицерами одного, похожего на великого князя Константина, и сказал ему, как однажды Цезарь Бруту: «Как, ваше высочество здесь?» (слово *высочество* странно звучит при таких обстоятельствах). Так окончил свое существо-

Леонтий Леонтьевич
Беннигсен

*Проект
главного фасада
Михайловского
замка*

вание несчастный монарх, убежденный в том, что в числе его убийц находился и его сын, — страшная мысль, отравившая последние мгновения Павла. У убийц не было ни веревки, ни салфетки, чтобы задушить его. Мне говорили, что Скарятин дал для этого свой шарф. Это было орудием убийства Павла; неизвестно, кому принадлежит страшная честь этого ужасного убийства; в нем принимали участие все заговорщики; по-видимому, наибольшая вина тяготеет на князе Яшвиле и Татаринове. Кажется также, что Николай Зубов, в своем роде мясник, сделавшийся жестоким и смелым под влиянием вина, ударил государя кулаком по лицу и, так как держал в руке табакерку, то острым краем ее ранил государя в левый глаз».¹²

Все это могло занять весьма мало времени. Поэтому в высшей степени невероятен рассказ Саблукова о том, что переговоры Павла с Платоном Зубовым относительно отречения от престола продолжались полчаса. Большого внимания заслуживают следующие сообщения Саблукова, вероятно, сделанные на основании сведений, полученных от очевидцев. «Павел говорил громко (с Зубовым) и сильно жестикулировал. Тогда огромный ростом и очень сильный шталмейстер Николай Зубов сказал по-русски, ударив государя по руке: «Чего ты так кричишь?» Возмущенный этим оскорблением, государь оттолкнул руку Зубова. Тогда последний правой рукой, в которой держал тяжелую золотую табакерку, ударил государя в левый висок; го-

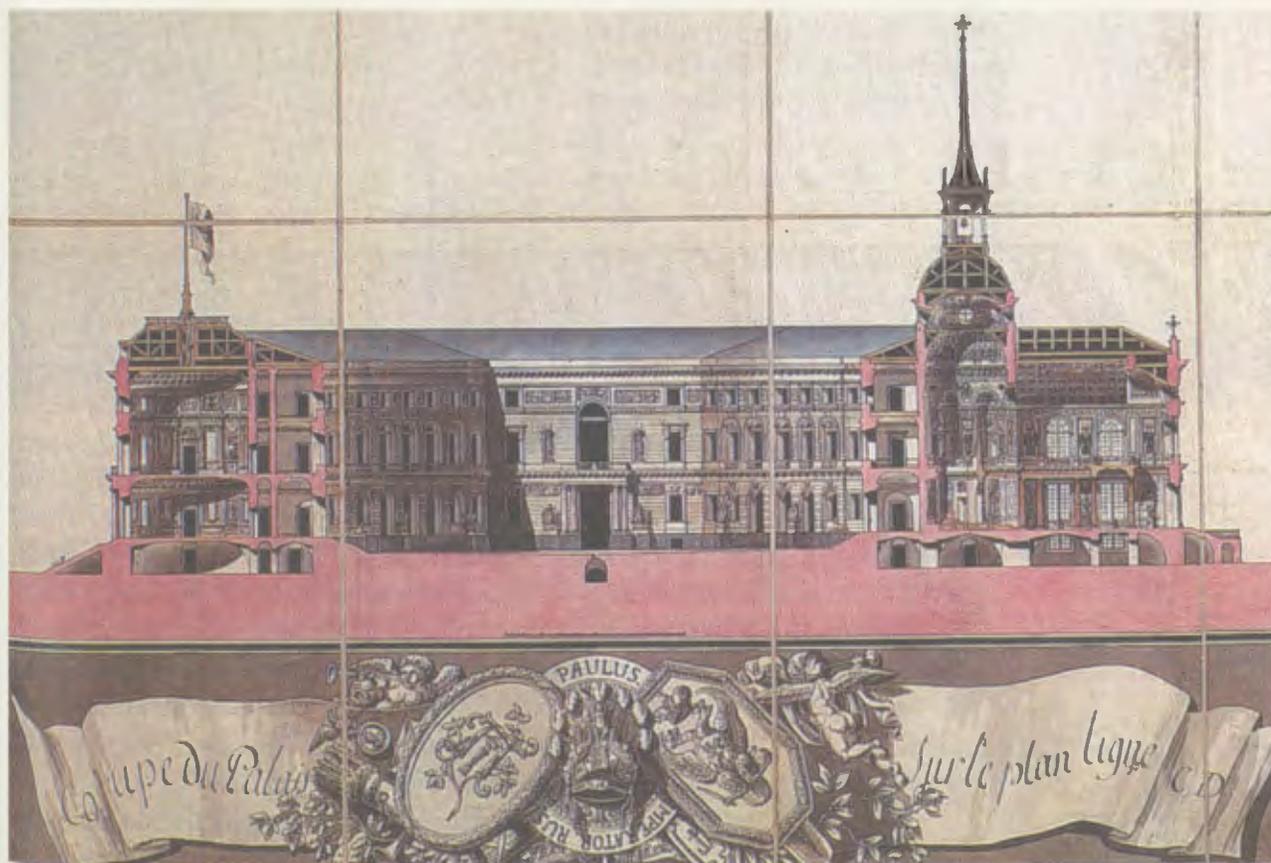
сударь упал и потерял сознание. Француз-камердинер Зубова вскочил обеими ногами на живот Павла, а Скарятин, офицер Измайловского полка, взял шарф государя, висевший на его кровати, и задушил его».¹³

Саблуков прибавляет: «Последние слова графа Палена на ужине — *qu'il faut commencer par casser les œufs* (что надо сначала разбить яйца) — остались в памяти, и действия были сообразны с ними. Называли различных лиц, которые в этом случае особенно грубо мстили государю за оскорбления действием, которые он позволил себе относительно них; они толкали его ногами, топтали и на всякие лады уродовали несчастный труп, так что врачам и художникам (*painters*) нелегко было так препарировать тело, чтобы оно, по обычаю, могло быть на некоторое время выставлено публично. Я видел государя на его парадной постели. Лицо его, хотя искусно накрашенное, было черное и синее; шляпа была надета так, чтобы по возможности покрывать левый глаз и левый висок, которые были у него разбиты».¹⁴

Наконец Саблуков замечает еще: «Мне противно называть имена кровопийц, которые отличились во время катастрофы своим варварством. Хочу только сказать, что я знал многих из них и знаю наверно, что их смертный час был особенно ужасен страшными душевными и физическими страданиями».¹⁵

В таком же роде говорит Розенцвейг: «Трудно с уверенностью называть имена всех убийц, чтобы предать их проклятию всех грядущих

*Разрез Михайловского
замка по линии
церкви и Овального
зала*

времен. Число заговорщиков было очень значительно, ненависти к царю и испорченность той эпохи так велики, что в 1801 году еще можно было встретить многих офицеров, которые хвастались, что принадлежат к убийцам, хотя в действительности они не присутствовали при катастрофе. Но до потомства дойдут имена главных действующих лиц этой катастрофы — графа Николая Зубова, генерала Чичерина, а также Мансурова, Татаринова и Яшвиля». ¹⁶

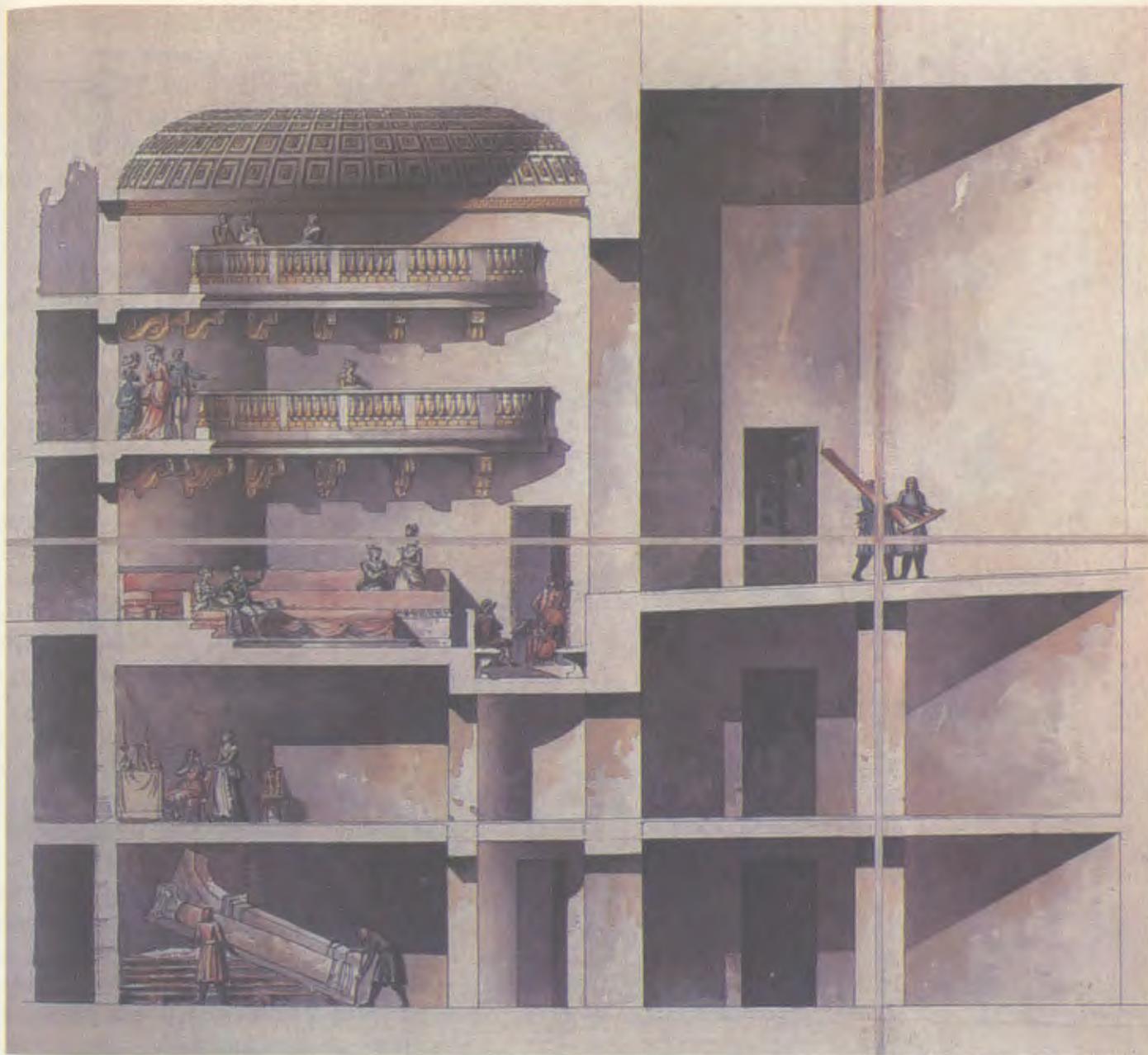
Сообщения очевидцев тех событий производят такое впечатление, что дело было вовсе не в переговорах с Павлом относительно его отречения или относительно назначения Александра соправителем, а в том, чтобы поскорее сплавить Павла. Саблуков, правда, слышал, что у Платона Зубова, когда он вместе с Беннигсеном проник в спальню Павла, был в руках свиток бумаги, в котором содержалось «соглашение монарха с народом». «Между тем, — пишет Саблуков, — переговоры заговорщиков с государем длились слишком мало времени для того, чтобы могла идти речь о чем-либо подобном, и вспыльчивость и раздражительность Павла вызвали катастрофу тем более, что заговорщики большей частью были пьяны». ¹⁷

Во время всего действия Пален не показывался. Он явился во дворец только тогда, когда все было закончено. Прочие заговорщики впоследствии упрекали его в том, что он нарочно медлил, чтобы в случае успеха пожать его плоды, или явиться освободителем Павла, если бы задуманное дело не удалось. Пален в сопровождении Уварова и во главе батальона гвардейцев должен был проникнуть по главной лестнице дворца в покои государя, но велел маршировать так медленно, что Уварову пришлось торопить его; это обстоятельство еще более вызывало подозрение. ¹⁸

Выяснить этот вопрос, вероятно, никогда не удастся. Характерно для тех обстоятельств сообщение Беннигсена, что через несколько месяцев император Александр удалил Палена, так как его «двусмысленное отсутствие в решительный момент» в ту роковую ночь было дурно истолковано Александром. Бернгарди замечает: «В самом деле, среди тех, кто знал этого человека, господствовало общее убеждение, что Пален на случай неудачи принял все меры для того, чтобы арестовать великого князя Александра со всеми заговорщиками и выступить в качестве спасителя Павла». ¹⁹

Однако, как медленно ни маршировал Пален, он все-таки должен был бы дойти до дворца прежде, чем все закончилось. Таким образом возникает вопрос: где же он находился во время всей процедуры? Саблуков утверждает, что в тот момент Пален находился у Александра. ²⁰ Это довольно вероятно. Молодому, неопытному и робкому великому князю в тот решительный час нужна была поддержка сильного и твердого человека. Часа за два перед катастрофой Александр поужинал за столом своего отца и потом, как утверждает Бернгарди, подписал манифест, принимая на себя роль соправителя. ²¹ Теперь он ожидал известия об исходе предприятия.

Как заботливо Пален принял меры, чтобы помешать всем искренним сторонникам царя вступить за него в ту ночь, видно среди про-

чего из следующих обстоятельств. Выше уже упоминалось о том, что Аракчеев был задержан у городской заставы. Генерал Кологривов, начальник гусарского полка, один из самых верных приверженцев Павла, в собственном доме играл в вист с генерал-майором Кутузовым. В половине первого ночи Кутузов вынул часы и объявил, что Кологривов арестован. Майор Горголи получил поручение арестовать графа Кутайсова и его любовницу актрису Шевалье. Кутайсов улизнул в последнюю минуту, босой, в халате и ночном колпаке выбежал на улицу и нашел приют в доме Ланского.²²

Вот при каких обстоятельствах совершилось вступление на престол императора Александра.

*Дж. Кваренги.
Проект отделки
театра
в Михайловском
замке*

Утром на другой день

О первых минутах после преступления Бернгарди сообщается следующее, очевидно, придерживаясь, по крайней мере отчасти, мемуаров Беннигсена: «Когда Беннигсен снова вошел через несколько минут (в спальню Павла), навстречу ему уже в дверях бросился пьяный, свирепый офицер со словами: “Il est achevé” (“С ним покончено”). Беннигсен оттолкнул его, закричал: “Стой, стой!”, пробился сквозь толпу к телу царя и в сильном гневе начал страшно грозить тем, кто это сделал. Он с величайшею заботливостью исследовал, можно ли еще сохранить жизнь государю, вернуть его к жизни; когда же он убедился, что все надежды тщетны, он приказал положить бездыханное тело на постель. Слугам, которые были позваны, Беннигсен сказал, что государь умер от удара, и в то же время распорядился, чтобы тело тотчас же было одето в мундир. Между тем Платон Зубов побежал к дворцовой страже, которой приказал выступить. Здесь он встретился со своими братьями, и туда же явился великий князь Александр и стоял перед готовой к выступлению стражей, быть может, призванный туда, чтобы импонировать солдатам своим личным появлением: ибо напрасно Зубовы приказывали страже крикнуть приветственное *ура* “императору Александру”. Даже личное присутствие Александра не подействовало на солдат; они упорно молчали, пока

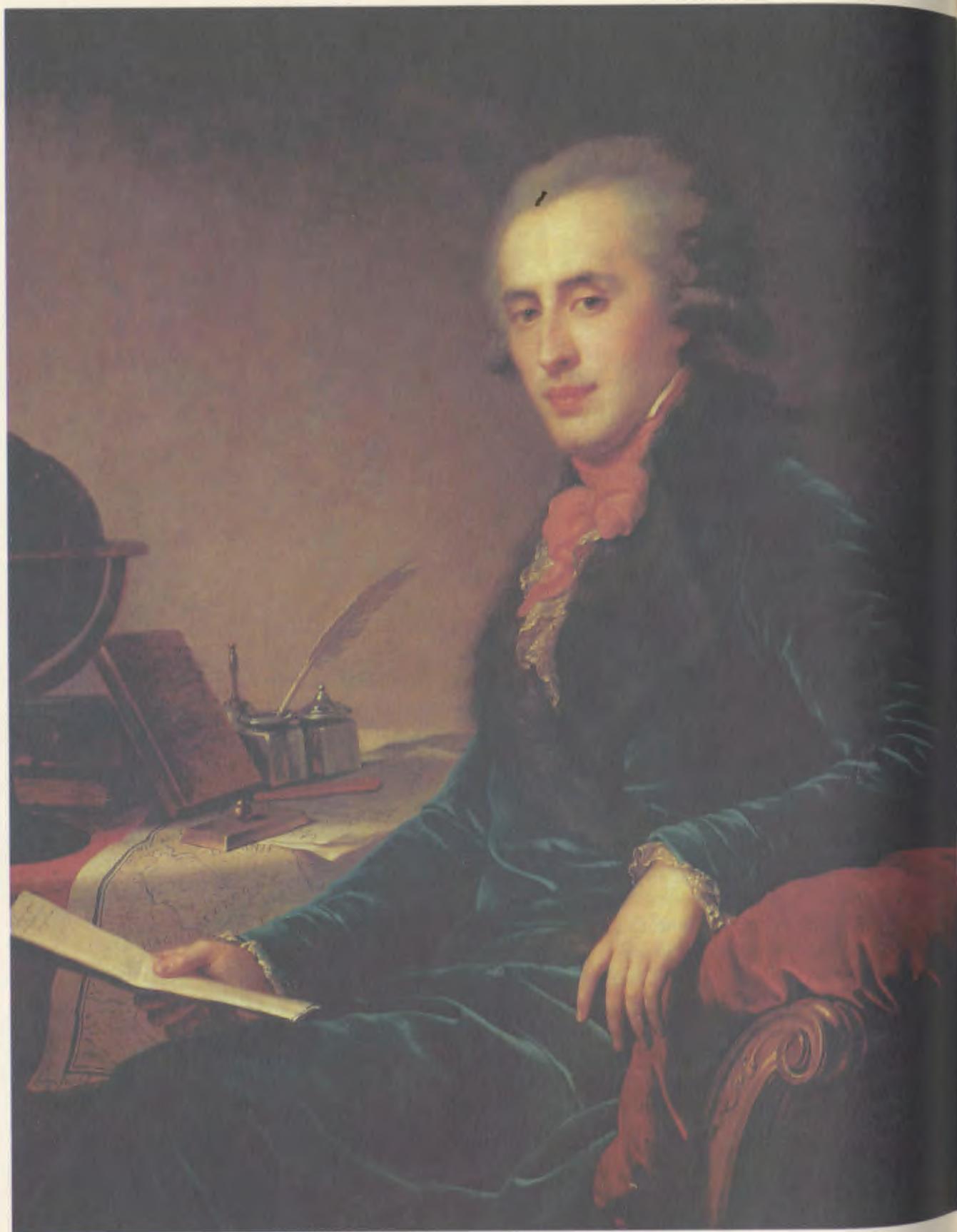
присланный Беннигсеном офицер не объявил, что император Павел скончался. Здесь, во дворе дворца, перед стражей, бывший великий князь узнал страшную новость, и в первую минуту, когда солдаты стражи с готовностью приветствовали его как императора, Александр, казалось, обезумел от горя, какое причинил ему этот неожиданный удар. Но он сумел скоро до некоторой степени овладеть собою; когда подошел к нему Беннигсен, Александр поручил ему начальство над войсками и над дворцом, который он должен был охранять. Палену¹ было поручено сообщить о том, что случилось, императрице Марии; сам же молодой император в сопровождении своего испуганного брата Константина поспешил в Зимний дворец, чтобы присутствовать на ранней обедне во дворцовой церкви и принять приветствие от своих подданных».²

Розенцвейг изображает совершенно иначе, каким образом Александр получил известие о кончине Павла. Он пишет: «Великий князь Александр ожидал тем временем исхода дела в своих комнатах. При нем были граф Уваров, который, вероятно, лишь на короткое время покидал великого князя, чтобы вместе с Паленом вести гвардейцев, и полковник Николай Бороздин, решившийся защищать Александра и в случае несчастного исхода разделить его судьбу. Наконец не без затруднений явился к великому князю граф Валерьян Зубов. Он застал его лежащего одетым на постели, доложил ему о низложении и смерти его отца и о вступлении его самого на престол. Известно, что император был охвачен сильнейшим отчаянием. Теперь только стало ему ясно, какие последствия должно было повлечь за собою низложение Павла, и слишком поздно и тщетно сетовал он на то, что для выполнения дела, казавшегося необходимым для государства, были взяты молодые люди, не знавшие меры и запятнавшие самое дело кровавым убийством».³

Спустя четверть столетия великий князь Константин очень картинно рассказывал Ланжерону следующее: «Я ничего не подозревал и спал, как спят в двадцать лет. Платон Зубов, пьяный, шумно вошел в мою комнату (со времени смерти моего отца прошел час) и грубо

*Император
Александр I
в 1812 г.*

дернул мое одеяло, говоря мне дерзким тоном: “Вставайте и ступайте к императору Александру; он ожидает вас”. Вы можете себе представить мое изумление и мой испуг. Я глядел на Зубова, еще полусонный, и думал, что вижу сон. Платон сильно дернул меня за руку, чтобы заставить меня встать. Я надел брюки, сюртук и сапоги и совершенно машинально пошел за Зубовым. Однако я имел осторожность взять с собою мою польскую саблю, которую я получил в подарок в Ковно от князя Любомирского. Я хотел защищаться, если бы меня вздумали лишить жизни, так как совсем не понимал, что произошло. Прихожу в переднюю моего брата и вижу там толпу шумных, сильно возбужденных офицеров; Уваров, пьяный, как и прочие, сидел на мраморном столе и болтал ногами. Я вхожу в гостиную брата и застаю его лежащим на диване, обливающегося слезами, точно так же и императрицу Елизавету;⁴ только здесь узнал я об умерщвлении отца. Я был так ошеломлен этим ударом, что сначала думал, что заговор направлен против всех нас. В этот момент брату моему сообщили о претензиях моей матери; он воскликнул: “Боже мой, еще этого не хватало!”⁵ Он приказал Палену отправиться к ней, образумить ее⁶ и заставить ее отказаться от этих странных идей, совершенно неуместных в такую минуту. Пален вернулся через несколько часов и увел моего брата, чтобы показать его войскам. Прочее вам известно», — закончил свой рассказ великий князь.

Саблуков подтверждает, что как Александр, так и Константин были приведены в ужас (horrified) известием о смерти их отца, хотя в первый момент им сказали, что государь скончался от удара вследствие волнения, вызванного требованиями заговорщиков. Через несколько дней Саблуков посетил по делам службы своего шефа великого князя Константина. Константин отвел его в свою комнату, затворил дверь и сказал: «Ну, Саблуков, хорошую здесь только что заварили кашу!» — «Да, — возразил полковник, — в самом деле, хорошая была каша;⁷ но я рад, что не принимал во всем этом участия». — «Друг мой, — сказал Константин горячо (emphatically), — после того, что случилось, пусть мой брат царствует, если хочет; но если бы престол достался мне, то я, наверное, отрекся бы от него».⁸

Совершенно иначе держала себя супруга Павла, императрица Мария Федоровна, которая действительно, получив известие о смерти государя, думала о возможности вступить на престол.

Ланжерон рассказывает, что Александр поручил Палену сообщить императрице о кончине государя. По рассказу Саблукова, обер-штальмейстер Муханов, пользовавшийся доверием императрицы, поручил графине Ливен, обер-гофмейстерине великих княжен, очень дружной с Марией Федоровной, передать роковое известие императрице. Графиня Ливен сначала отказывалась от выполнения такого печального поручения, но Пален, приказавший разбудить ее, сказал ей, что она для этой цели более подходящее лицо, чем кто бы то ни было. Когда среди ночи графиня Ливен явилась к императрице, то послед-

На стр. 150:
И.Б.Лампи-старший.
Портрет
светлейшего князя
П.А.Зубова. 1793 г.

няя думала, что пришло известие о смерти ее дочери Александры, которая была замужем за палатином венгерским Иосифом. Графиня Ливен сказала ей, что Павел тяжело захворал и что с ним был удар. Тогда Мария Федоровна закричала: «Он умер, его убили!» Когда Ливен ничего не возразила, государыня соскочила с постели и без чулок и башмаков побежала к двери, которая вела в покои Павла. Графиня Ливен едва успела накинуть ей на плечи плащ.⁹

Беннигсен, который между тем велел открыть эти двери, приставил к ним часовых. Тридцать солдат под начальством офицера Константина Полторацкого охраняли тело Павла и никого не пропускали. Когда госу-

дарыня в сильнейшем волнении появилась в дверях, солдаты скрестили ружья. Она закричала, чтобы ее пропустили, заплакала, бросилась на пол, обнимая колени солдат. Полторацкий объяснил ей, что получил строжайший приказ. Солдаты плакали. Государыня была настолько вне себя, что один гренадер по имени Перекаатов принес ей воды. «Выпей, матушка, воды, — сказал он, — она не отравлена; тебе-то бояться нечего». Он отпил воды и затем предложил ей напиться. Она выпила и вернулась в свои покои. Мария Федоровна вновь обрела спокойствие и достоинство. «Бледная и холодная, как мраморная статуя, — пишет Саблуков, очевидно, по рассказам обер-шталмейстера Муханова, — она опустилась в кресло и позволила одеть себя. Первый, кого она приняла, был Муханов. Затем рано утром явился, кажется, Уваров, который сказал ей, что “именем императора и императрицы” (то есть Александра и Елизаветы) он просит ее пожаловать к ним. Она ответила: “Скажите моему

*Елизавета
Алексеевна, супруга
Александра Павловича*

сыну, что я не признаю его моим государем до тех пор, пока не увижу тела моего супруга». «Александр, — добавляет Саблуков, — после получения такого резкого ответа (rebuke) охотно поспешил бы в объятия своей матери, которую он нежно любил; но невозможно было это сделать, не позволив ей взглянуть на покойника. Приведение тела в надлежащий вид¹⁰ продолжалось более тридцати часов, и лишь на другой день вечером государыня была допущена к телу покойного государя».¹¹

О поведении императрицы Марии Федоровны в то утро Беннигсен сообщает в своих записках, которыми пользовался Бернгарди, такие

интересные подробности, что мы лучше всего воспроизведем его рассказ. Он пишет: «Императрица Мария, по странной случайности приказавшая своему лейб-медику тайному советнику Беку остаться на эту роковую ночь во дворце, близ ее покоев, хотя никто из царской семьи не был болен, узнав от Палена о происшедшем (то есть о смерти императора), пришла в сильнейший гнев, открыто высказала, что не верит естественной смерти своего супруга, и грозила убийцам своею мезтью и самыми ужасными наказаниями. Она требовала, чтобы ее пустили к телу ее супруга; так как на это ей отвечали решительным отказом, то она поспешила к своей невестке, супруге Александра, отныне императрице Елизавете,¹² и здесь проявила не столько горя по поводу смерти своего мужа, сколько других душевных движений, которые вскоре обнаружались и перед другими. Сюда несколько

позднее вошел также генерал Беннигсен и потребовал именем императора Александра, чтобы она отправилась приветствовать его в Зимний дворец. Императрица Мария, совершенно не будучи в состоянии победить или скрыть своего волнения, разразилась словами: “Кто император? Кто называет Александра императором?” — И когда Беннигсен возразил: “Голос народа!” — то она с такою же запальчивостью объявила, что не признаёт своего сына. Никто ничего не возразил на этот смелый отказ; она скоро прибавила более тихим голосом: “Пока он не даст мне отчета в своем поведении в этом деле”. Потом она опять схватила руку Беннигсена и приказала ему повиноваться ей и отвести ее в комнату Павла. Беннигсен же, как он сам говорит, боялся солдат; боялся, что они из привязанности к убитому государю решатся на нелепое дело, а потому отказался послушаться императрицы и удержал ее. Она пригрозила, что он когда-нибудь раскается в этом, — и наконец залилась слезами, которые ее, по-видимому, успокоили.

Тогда Беннигсен счел возможным повторить свое приглашение ехать в Зимний дворец, и молодая императрица Елизавета присоединила свои просьбы к его увещаниям; но это снова возбудило гнев ее свекрови, которой это явно было неприятно. “Que me dites-vous? (‘‘Что вы мне говорите?’’) — накинулась вдовствующая императрица на жену своего сына (накинулась — по выражению Беннигсена) — Ce n'est pas à moi à obéir! Allez! Obéissez si vous voulez!” (“Не мне повиноваться! Что вы! Повинуйтесь, если вам угодно!”).

Так как она решительно отказывалась покинуть Михайловский дворец, не увидев бездыханного трупа своего супруга, то Беннигсен

*Г. Кюгельхен.
Портрет
императрицы
Марии Федоровны
в траурном платье*

В. Бренна. Проект
отделки интерьера
в Михайловском
замке

велел доложить молодому императору, в каком положении дело, и получил приказание исполнить желание вдовствующей императрицы, если это не грозит никакой опасностью; слова эти показывают, что

Александр уже раньше знал о затеях семьи Куракиных и о миражах, которые рисовали его матери.¹³ К тому же из поведения Палена и Беннигсена в достаточной мере ясно, что за этими кружками следили и были готовы дать отпор их планам.

Тогда Беннигсен просил у государя прислать ему на помощь Палена, и, когда перед оскорбленной императрицей вторично появился этот опасный временщик и предатель ее мужа,¹⁴ она опять вышла из себя и разыгралась новая сцена. Она осыпала его упреками; все взрывы ее гнева он принимал с величайшей холодностью, даже объявил с цинической откровенностью, что знал обо всем и что случившееся оправдывается тем, что этого требовали благо государства и даже безопасность императорской семьи. Императрица должна утешиться, поняв требования политики и вняв голосу разума. Так как, однако, его грубое красноречие осталось без успеха, то он поспешил удалиться, чтобы сообщить обо всем своему новому государю.

Еще раз с резкими и грозными словами императрица Мария схватила руку Беннигсена и хотела принудить его повиниться ей. Генерал же отказывался вести ее к смертному одру супруга, пока она не успокоится совершенно, — и, по-видимому, он считал себя вправе говорить с ней довольно бесцеремонно; по крайней мере он сам рассказывает, что между прочим сказал ей: “Madame, on ne joue pas la comédie” (“Сударыня, здесь не играют комедии”).

Наконец она обещала овладеть собою, если ей покажут бездыханное тело, позвала своих дочерей, и произошло то, что этот человек беззастенчиво называет “настоящим театральным представлением”. Уже по пути через залы и комнаты дворца императрица несколько раз садилась, словно борясь со своим волнением, и несколько раз воскликнула по-немецки: “Gott helfe mir ertragen!” (“Боже, помоги мне перенести!”). Как только она вступила в злополучную комнату, где теперь лежал на постели покойный государь в гвардейском мундире, она громко вскрикнула, бросилась на колени перед кроватью и целовала руки своего супруга, хотя несколькими часами раньше ее свободе, ее жизни, ее детям грозила от него опасность. Потом она спросила ножницы, отрезала прядь волос государя и заставила свою дочь сделать то же самое. Наконец императрица, по-видимому, хотела удалиться, но вдруг обернулась, велела своим дочерям идти, еще раз в отчаянии бросилась перед кроватью на колени и воскликнула:

*Великая княгиня
Анна Павловна*

*Великая княгиня
Екатерина Павловна*

“Я хочу быть последней!” Вернувшись в свое помещение, прежде чем отправиться в Зимний дворец, она облеклась в глубочайший траур.

По дороге в Зимний дворец императрица Мария, как нас уверяют, видимо, ожидала, что толпа, волновавшаяся на улицах, предпримет что-нибудь в ее пользу. Этого, разумеется, не случилось». ¹⁵

Таков этот рассказ, основанный, как видно, на сообщениях Беннигсена и в котором не хватает одного важного пункта: первой встречи вдовствующей императрицы с сыном Александром после катастрофы и после поползновений к борьбе между матерью и сыном из-за престола. Пусть претензии вдовствующей императрицы на корону были крайне мимолетны, но претензии эти существовали и усложняли и без того чрезвычайно затруднительное положение императора Александра. Он имел полное основание, услышав о претензиях матери, воскликнуть в присутствии своего брата, который рассказывал об этом: «Mon Dieu, encore se surcrist d'embarras!» («Боже мой, еще этого не хватало!»).

Тем важнее установить, при каких обстоятельствах произошла встреча матери с сыном. В записках Розенцвейга также рассказывается, что императрица колебалась в признании Александра императором и что Беннигсену было весьма трудно убедить ее сдержать свои чувства, прежде чем она отправится к телу Павла. Саксонский посланник рассказывает далее: «Таким образом прибыла она к императору Александру, который поспешил к ней навстречу и обнял ее. У него она встретила самых выдающихся заговорщиков... Как только она увидела труп своего мужа, ей стало ясно, каким образом он погиб, и она так неистово выражала свое горе, что ее пришлось удалить силою. Несколько дней спустя императрица отправилась с двумя старшими сыновьями Александром и Константином в часовню св. Михаила и там

*Б. Патерсон.
Вид Английской
набережной
в Петербурге
со стороны
Васильевского
острова*

велела им поклясться, что они ничего не знали о намерении лишить жизни императора Павла». ¹⁶

Другой свидетель этих сцен, обер-шталмейстер Муханов, очень подробно рассказывал обо всем виденном полковнику Саблукову. В записках последнего мы читаем следующие подробности, основанные на этих сообщениях: «Бледная и холодная, как мраморная статуя, императрица пребывала в своей спальне. Александр и Елизавета прибыли сюда из Зимнего дворца. У вдовствующей императрицы находились Муханов и графиня Ливен. Я не знаю, был ли здесь Константин. Думаю, что нет, так как, насколько мне помнится, других младших детей также не было. Опираясь на руку Муханова, императрица подошла к комнате усопшего. Александр и Елизавета следовали за нею. Шествие заключала графиня Ливен. Когда Мария Федоровна увидела тело, она молча остановилась, глядя на него широко раскрытыми глазами, и не пролила ни единой слезы. При виде искаженного, накрашенного лица своего отца Александр словно окаменел на месте. Тогда вдовствующая императрица обратилась к своему сыну и сказала по-русски: “Теперь поздравляю, ты император”. При этих словах Александр упал на землю; присутствующие одно мгновение думали, что он умер. Императрица без признаков волнения посмотрела на своего сына, потом опять взяла Муханова под руку и в сопровождении его и графини Ливен вернулась в свои покои. Это произошло прежде, чем Александр пришел в сознание; очнувшись, он отправился к матери и там оба свободно предались своему горю. Вечером императрица в сопровождении только Муханова и графини Ливен отправилась опять в комнату усопшего. Там она бросилась на труп своего убитого мужа в полном отчаянии и с горькими слезами, близкая к обмороку. Друзьям ее пришлось почти нести ее обратно. На другой день эти посещения повто-

*Неизвестный гравер.
Вид въезда в Москву
от Владимира*

*Б. Патерсон.
Дворцовая площадь
от начала Невского
проспекта
в Петербурге*

рились; молодой император также приходил к телу. Потом совершился переезд вдовствующей императрицы в Зимний дворец, и тело Павла было выставлено публично».

Однако на пути к престолу Александру пришлось преодолеть еще другие препятствия.

Каждый раз, когда в предыдущие десятилетия происходили насильственные перемены царствований, в военных сферах по таким поводам чувствовалась оппозиция. А именно встречались затруднения при необходимом прежде всего принесении присяги. Возникал вопрос: все ли обойдется гладко при вступлении на престол Александра?

Ланжерон рассказывает, что в первые часы после катастрофы Александр безудержно предавался своему горю по поводу случившегося, между тем как Пален, питавший некоторые сомнения относительно того, как станут держать себя войска, настаивал на том, чтобы он показался гвардейским полкам.¹⁷ Когда Александр появился и генерал Талызин потребовал, чтобы солдаты присоединились к возгласу «Да здравствует император Александр!», наступило жуткое молчание. Пришли Зубовы и пытались подействовать на войска, но солдаты продолжали мрачно безмолвствовать. Только когда молодой император появился у Семеновского полка, его приветствовали криками «Ура!»; другие полки последовали этому примеру. Преображенский полк продолжал упорствовать в своем молчании. Он ворчал и не хотел верить, что Павла нет в живых, и принес присягу только после того, как убедился в этом. Ланжерон не без основания видит в данном обстоятельстве доказательство того, как неотложно необходимым становилось окончательное устранение Павла, ибо иначе

гвардейцы несомненно сделали бы попытку освободить его и снова возвести на престол, следствием чего была бы междоусобная война.¹⁸

Рано утром Саблуков узнал в казарме, что государь умер от удара. Он выступил со своим полком для принесения присяги. Все было готово для этого торжественного акта, когда один солдат, флигельман Иванов, спросил полковника, убедился ли он, Саблуков, собственными глазами в том, что император Павел скончался? Когда полковник ответил отрицательно, Иванов заметил, что не годится приносить присягу Александру, если Павел еще жив. Тормасов и Саблуков сообща решили отложить ненадолго торжество принесения присяги под тем предлогом, что сначала должны быть вынесены полковые знамена. Между тем другой солдат, Филатьев, также заявил, что необходимо сначала увидеть труп государя. Когда сообщили генералу Беннигсену, которому было вверено главное начальство во дворце, что принято решение послать депутацию солдат с той целью, чтобы им показали тело Павла, то он с неудовольствием воскликнул, что это пока еще невозможно вследствие ужасного состояния тела.¹⁹ Но так как солдаты прямо заявили, что иначе не принесут присяги, то нужно было решиться впустить Филатьева и Иванова в комнату усопшего. Когда после этого Саблуков спросил, убедились ли они в смерти Павла, Иванов сказал: «Он крепко умер», — и на вопрос, согласны ли солдаты теперь присягнуть, все изъявили на это готовность.²⁰

О каких-нибудь других затруднениях при принесении присяги Александру не известно ничего. Рано утром был собран персонал Сената, а также других ведомств; все присягнули, и вместе со всеми «*bon gré mal gré*», как говорит Ланжерон²¹, и вдовствующая императрица.

*Г.Л. Лори (?).
Подновинское
предместье в Москве.
Начало 1800-х гг.
(Фрагмент).
По рисунку
Ж. Делабарта
1795 г.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Заключение

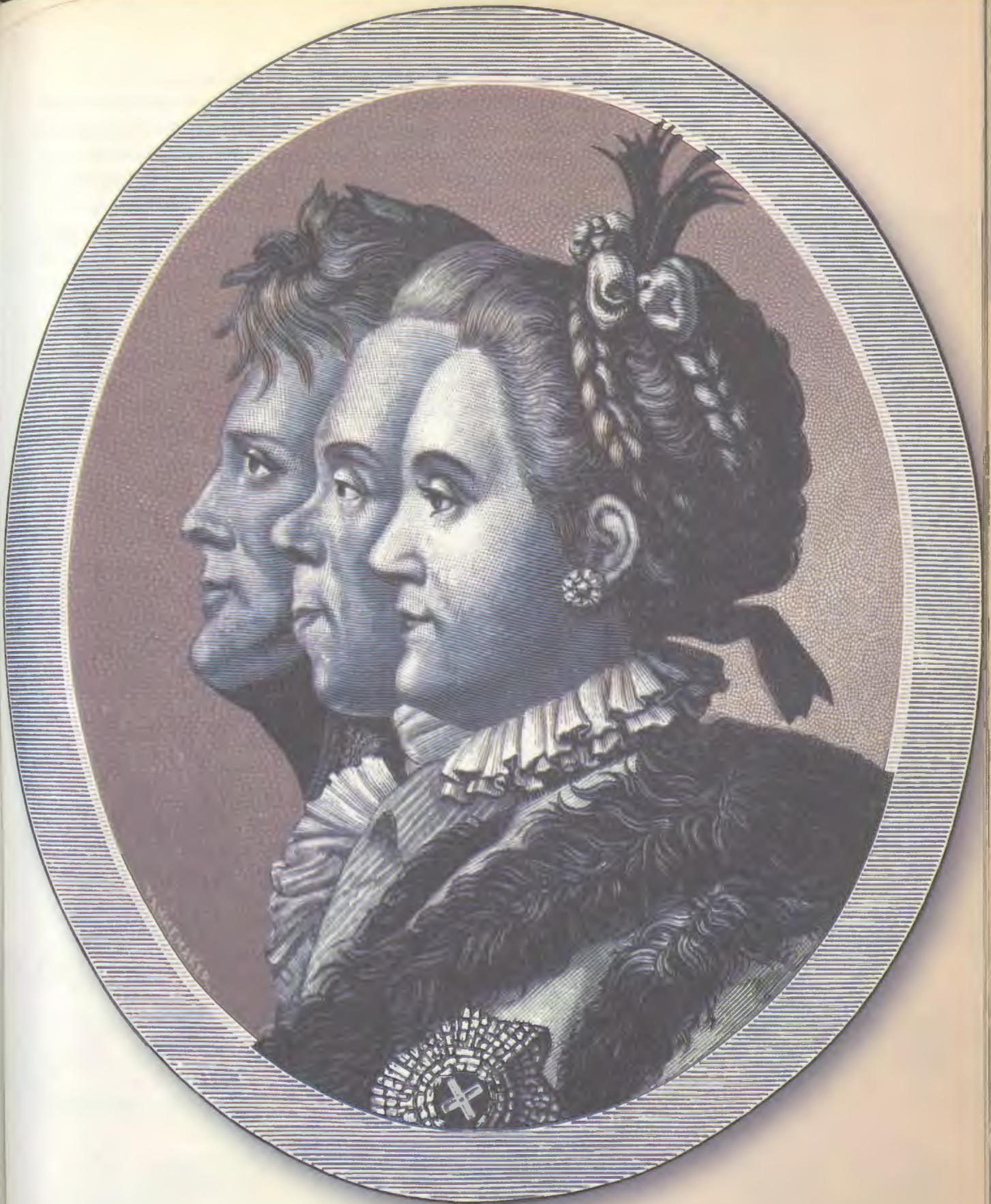

Впечатление, произведенное событием

Известие о перемене царствования распространилось в столице с быстротой молнии. Везде выражалась шумная, неудержимая радость по этому поводу; люди встречались как после долгой разлуки, обнимались и поздравляли друг друга; казалось, что каждый избавился от лично ему угрожавшей опасности; люди чужие выражали друг другу свои чувства, словно близкие друзья.¹

Александр обещал в своем манифесте, что будет царствовать в духе бабки Екатерины II. Это был протест против безобразий царствования Павла. Публика со своей стороны как можно скорее ухватилась за традиции великой императрицы и старалась забыть все полицейские распоряжения времен Павла. Словно сговорившись, все жители столицы утром 12 марта появились в таких костюмах, с такими прическами и в таких экипажах, какие строжайше запретил Павел. Можно было видеть прически «à la Titus»; косы исчезли; в длинных панталонах, круглых шляпах, сапогах с ботфортами стало возможно безнаказанно показываться на улицах. Появились упряжки гуськом. В столице закипели жизнь и движение в противоположность гробовой тишине, господствовавшей так долго.²

Екатерина II, Павел I и Александр I

Везде, во всей стране, известие о смерти Павла оказывало магическое действие. Все чувствовали блаженство при мысли, что им снова обеспечены защита закона, личное достоинство и материальное существование. Началась новая эра. Непосредственно после катастрофы все сферы общества могли тем более безудержно предаваться радости по поводу перемены царствования, что на первых порах не было известно, какое преступление, можно сказать даже, какое коллективное преступление положило конец жизни деспота. Лишь несколько позднее разнеслось известие об ужасной сцене, разыгравшейся во дворце государя. Но хотя многие громко негодовали по поводу происшедшего, однако результат насильственного устранения Павла вызывал общее удовлетворение. Люди имели дело со свершившимся фактом и приняли его как благодеяние, полезное для всего государства. Намерение Екатерины было осуществлено: вместо Павла царствовал Александр.

Послушаем, что говорят некоторые современники о факте перемены царствования.

Татищев, занимавший высокое служебное положение, написал тотчас после убийства своему дяде, графу С.Р. Воронцову, из Петербурга в Лондон: «Разделяю ваше изумление и вашу радость при получении депеш; наше отечество, наконец освобожденное от нестерпим

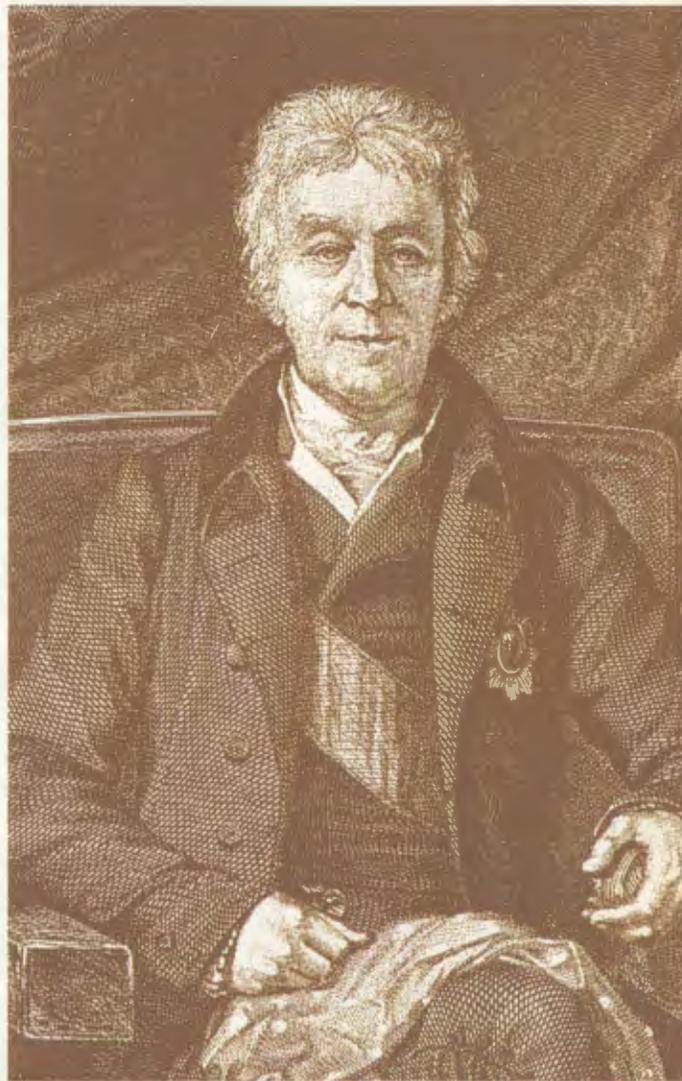
*Ф.Я. Алексеев.
Вид на Михайловский
замок и площадь
Коннетабля
в Петербурге*

мого ига, под бременем которого оно стеноло четыре года, вдруг выздоровело и получило милостивого, кроткого монарха... Все мы чувствуем себя словно родившимися вновь. Представления о тюрьмах, пытках и ссылках исчезли, как ужасные привидения, рассеялись, как тяжелый сон. Вместо этого мы надеемся, что будут восстановлены общее благополучие и безопасность частной жизни — счастье, о котором мы едва смели думать во время страшной эпохи, погрузившей нашу страну в печаль и подкопавшей источники ее богатства. Будем надеяться, что благодеяния нового царствования скоро вознаградят нас за бесчисленные удары судьбы, поразившие нас в последние годы».³

В таком же роде писал Воронцову радостно взволнованный доктор Роджерсон: «Теперь мы можем снова начать наши дружеские сношения, не имея надобности дрожать перед шпионством и доносами. Событие 12 марта (несмотря на обстоятельства, которых, может быть, нельзя было избежать, но которые производят все-таки тяжелое впечатление) произвело полный переворот в настроении людей и в обычном ходе вещей. Снова восстановились свобода и доверие».⁴ Точно так же писал Николаи: «Великое, счастливое событие 12 марта дает слишком много пищи для размышлений, и потому не могу подробно высказаться о нем. Я упоминаю только о личных интересах. Ваше положение и состояние, которым грозила такая жестокая опасность, вдруг спасены; я в восторге от этого не только из-за вас, но и ради общего блага».⁵

Граф Завадовский, находившийся в искренних, дружеских отношениях с Воронцовым, получил известие о перемене царствования в ссылке, в своем имении. Подобно многим другим сановникам, он был тотчас же призван ко двору Александра и оттуда писал Воронцову: «Не полагал я увидеть спасение России от свирепого обуревания, разлившегося на все состояния, не полагал пережить гонений, устремленных на меня лично; но благоволением судьбы вышли мы из томных дней. Заживают раны от муки прежней, по удостоверению, что отверженные кнут и топор больше не восстанут: ибо ангел, со стороны кротости и милосердия, царствует над нами. Зады Иоанна Грозного мы испытали, измеряя потому радость общую, когда можем подымать дух и сердце, когда никто не имеет страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя».⁶

*Семен Романович
Воронцов*

Адмирал Чичагов писал: «Голос народа вряд ли способен дать выражение радости, которую мы испытываем. Из пучин истинного горя, в которых мы находились, мы вознеслись к величайшей радости. Мы опять возвращаемся к законным порядкам, к которым мы привыкли при Екатерине. У нас будет господствовать ее «дух законов»».⁷

О радости, с которой было встречено в Москве вступление на престол Александра, князь Вяземский писал: «Я находил, что такое опьянение восторга непонятно, но это еще ничто по сравнению с тем, что рассказывается о Петербурге».⁸ Из Москвы же писал племянник Воронцова Бутурлин, получив известие о смерти Павла: «Благословенны решения Провидения!» — и спустя несколько дней: «Радость по поводу нового царствования повсеместна; в соборе, где мы приносили присягу, все были в восхищении; все поздравляли и обнимали друг друга; это было неслыханное опьянение радости».⁹ Из Киева граф Морков писал в радостном волнении, намекая на царствование Екатерины: «Великое событие просветит наши дни счастьем, каким мы наслаждались в течение тридцати пяти лет».¹⁰

Вне России известие о совершившейся перемене также произвело весьма сильное впечатление. Алексей Орлов, живший в изгнании в Дрездене, писал оттуда Воронцову: «Желаю вам здоровья и благополучия после столь жестоких бурь и непогод, погубивших бесчисленное множество людей. Божию милостью взошло высокое светило, и оно сияет и

*В.Ю. Желваков.
Ночные стражи
Дрездена*

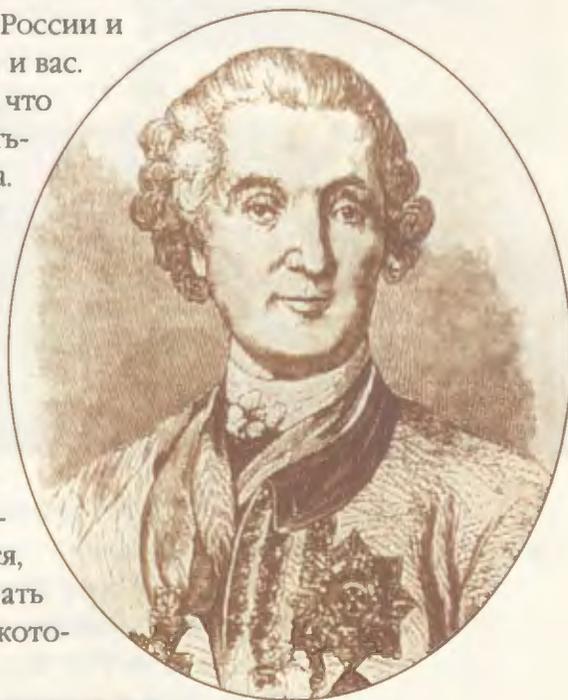
возвещает весну; многие несчастные калеки, еле дышащие, ожили вновь и воссылают к Богу свои молитвы о счастливом царствовании нового государя. И все мы, русские, можем сказать: Бог не хотел окончательно ввергнуть нас в погибель; еще до Пасхи для России и для нас настало воскресение, и я поздравляю с ним и вас.

Аминь». И далее: «Будем благословлять Господа за то, что мы не совсем съедены. Аллилуйя, аллилуйя и опять-таки аллилуйя! У меня камень свалился с сердца. Я всегда боялся, что покойный государь выдаст мою дочь замуж против ее желания. Теперь я освобожден от этой гложущей заботы. И всей России дышится свободнее. Удивительно, что дело было доведено до того, что даже здешние жители, знатные и простые, все безудержно радовались».¹¹

Граф Кочубей также жил в Дрездене. Тотчас после получения известия о смерти Павла он поехал в Петербург. Перед отъездом он писал Воронцову: «Теперь все честные люди должны соединиться, сплотиться вокруг императора Александра и сделать все для того, чтобы залечить бесчисленные раны, которые Павел нанес нашему отечеству».¹²

Очень сильное впечатление произвело это известие и в Лондоне, откуда священник при русском посольстве Смирнов писал

*В.Ю. Желваков.
Ночные стражи
Дрездена*

А.Г. Орлов

в Саутгемптон Воронцову: «Успокойте дух ваш от временных беспокойств. Павел I отыде в вечный покой. Только что прибыл курьер из Петербурга»; теперь «вы во всем будете восстановлены...»; теперь «мы пока освобождены от страха бояться своей тени... Добрый принц Кастельчикала плакал» от радости и т.д.¹³ Кастельчикала, неаполитанский посланник и друг Воронцова, писал последнему: «Друг мой! Какое неожиданное известие! Какое утешение для меня и для моих видеть, что ваши обстоятельства так благоприятно изменились и что вы снова заняли прежнее положение... Есть Провидение, которое руководит всем... В европейских делах наступила большая перемена» и т.д.¹⁴

Одна из центральных площадей Кёнигсберга

Точно так же писал Воронцову прежний английский посланник в Петербурге Уитворт, незадолго до того изгнанный Павлом из России: «Примите мои искренние поздравления. Как мне выразить вам, что я чувствую при мысли об этом ударе, нанесенном Провидением? Чем больше я думаю, тем более благодарю небо» и т.д.¹⁵

Но в бочку меду была влита ложка дегтю. Хотя граф С.Р. Воронцов и считал устранение Павла спасением от самой страшной опасности, как он и писал своему брату,¹⁶ хотя сам, как мы помним, желал устранения Павла, но все-таки обстоятельства, при которых совершилось преступление, наполняли его душу отвращением, и в письме, написанном лимонным соком, он выражал брату удивление по поводу того, что Палена, духовного инициатора преступления, не удаляют, а также свои опасения, что подобный пример может иметь плохие последствия и погубить Россию.

«La Russie est devenue une seconde Perse» («Россия обратилась во вторую Персию»), — жаловался Воронцов.¹⁷

По дороге в Петербург граф Кочубей узнал все подробности, при которых произошла перемена царствования, и писал Воронцову из Кёнигсберга 21 апреля 1801 года: «Желать перемены было каждому естественно, и никто оной более меня не желал; но насилье такового роду, каковое, сказывают, было, должно быть как гнусно, так и опасно»

По дороге в Петербург граф Кочубей узнал все подробности, при которых произошла перемена царствования, и писал Воронцову из Кёнигсберга 21 апреля 1801 года: «Желать перемены было каждому естественно, и никто оной более меня не желал; но насилье такового роду, каковое, сказывают, было, должно быть как гнусно, так и опасно»

Река Преголя в центре Кёнигсберга

для переды. Поистине, если б было мне возможно,.. никак бы не двинулся из Берлина; но теперь должен уже следовать первому течению, в твердом будучи, однако ж, намерении убраться, коль скоро некоторые неприятные обстоятельства найдутся основательными. В числе сих поставить должно владычествование князя Платона Александровича Зубова с ближайшими его родственниками и с людьми, ему преданнейшими; так что сам он (государь) не имеет, так сказать, никакой власти, принужден будучи... противу воли своей взять руль. Сам был в отчаянии, мать же неутешна, и посреди подобного хаоса я найдуся!»¹⁸

Приблизительно в то же время вернулся в Петербург и посланный Павлом в Курляндию барон Гейкинг. Он писал о своих впечатлениях по этому случаю: «Я дрожал, видя молодого царя окруженным такими людьми, как Пален, Зубовы и другие, которых публика громко называла зачинщиками последней трагедии. Эти господа, весьма далекие от того, чтобы прятаться, открыто говорили об этом со своими друзьями и знакомыми, и, сравнивая слова стольких разнообразных лиц, мне нетрудно было отличить, что единогласно признавалось неопровержимым фактом и что было фанфаронством и фантазией отдельных лиц».¹⁹

О каком бы то ни было преследовании виновных ничего не было слышно. Бернгарди замечает на основании неизвестных источников, что подчиненные заговорщики, приложившие свои руки к преступлению, посланные в возбужденном и опьяненном состоянии в спальню Павла, были высланы из Петербурга;²⁰ но известие это ничем не подтверждается.

Зато между лицами, причастными к катастрофе, и людьми иного образа мыслей дело дошло до резкостей. Однажды в разговоре с адмиралом Чичаговым Уваров упомянул об одном обстоятельстве во время сцены убийства, на что адмирал сказал: «Если вы служите нынешнему государю так же верно, как его предшественнику, то заслуживаете щедрой награды».²¹ Великий князь Константин в насмешку называл Беннигсена «капитаном сорока пяти», намекая на убийство герцога Гиза в Блуа гвардией Генриха III, состоявшей из стольких именно лиц. Когда князь Платон Зубов заметил, что милость к нему при дворе начинает колебаться, он явился к великому князю Константину, чтобы объяснить свое участие в катастрофе в оправдательном смысле; но великий князь повернулся к нему спиной со словами: «Monsieur le prince, qui s'excuse s'accuse» («Князь, кто оправдывается, тот сам себя обвиняет»)²² Когда генерал Уваров вскоре после катастрофы с Павлом хотел ехать в Финляндию, чтобы присутствовать там вместе с королем Густавом IV на маневрах шведских войск, шведское правительство отклонило его посещение; вероятно, это произошло потому, что Уваров был скомпрометирован в катастрофе с Павлом.²³

*Виктор Павлович
Кочубей*

Между тем главные зачинщики заговора в начале нового царствования играли главные роли. На следующее же утро после катастрофы граф Пален явился по обыкновению на парад. Он, так же как Платон Зубов и другие, производил впечатление, как будто хвастается своим делом. Об этом рассказывает Саблуков, прибавляя, что сам он и другие офицеры лейб-гвардии Конного полка избегали сношений с бывшими заговорщиками; они обращались с последними с таким презрением, что дело доходило до ссор и даже до поединков. Когда 13 марта Александр и Константин явились на парад с очень серьезными лицами, некоторые из заговорщиков имели весьма удрученный вид.²⁴ Только в манере держать себя Палена и Платона Зубова не заметно было никакой перемены.

Чтобы положить конец таким неприятным настроениям, граф Пален решил дать большой обед, на котором могло бы произойти сближение представителей различных взглядов. На этот банкет было приглашено несколько сотен лиц. Саблуков сначала и слышать не хотел о том, чтобы «обедать с убийцами», и друзья его тогда также решили не присоединяться к этому пиру. Между тем граф Пален пригласил к себе Саблукова для переговоров и спросил его о причине отказа. Саблуков ответил, что не хочет «иметь никакого дела с этими господами». На это Пален горячо возразил: «Вы поступаете неправильно, Саблуков; дело сделано; как патриоты мы должны устранить все партийные несогласия и думать только об интересах страны, которой мы служим». После усиленных просьб Палена Саблуков и другие полковники решили явиться на обед, но они сидели за особым столом,

*С.Ф. Щедрин.
Вид на
Каменноостровский
дворец
и плашкоутный мост
через Большую Невку
со стороны
Строгановской
набережной*

и, хотя шампанское лилось рекой, между пирующими наблюдалась известная натянутость.²⁵

На то, что между истинными убийцами Павла и графом Паленом, который был настоящим зачинщиком катастрофы, делалось различие в пользу последнего, показывало поведение графа Панина, решительнейшим образом осуждавшего кровавое дело и тем не менее в первые месяцы царствования Александра поддерживавшего самые дружеские отношения с Паленом. В начале царствования Александра, до прибытия Панина в Петербург, Пален продолжал вести иностранные дела. Затем они перешли к Панину. Между обоими государственными людьми было много точек соприкосновения. Значительное количество писем свидетельствует о близких отношениях их между собой.²⁶

Особенно сильное чувство мести испытывала к убийцам Павла вдовствующая императрица, которая имела зуб против всех, кто не разделял в полной мере ее собственного негодования относительно преступления. Когда вскоре после катастрофы она получила письмо

*С.Ф. Щедрин.
Мельница и башня
Пиль в Павловске*

от графа Якова Иоанна Сиверса, в котором говорилось только о деловых вопросах, то пришла в негодование от того, что в письме не было «ни слова сожаления для государя», и прекратила переписку с дружески к ней расположенным графом.²⁷ В то же время, встретив на одном собрании при дворе сына своих приятелей генералов Кнорринга и Бенкендорфа, она подошла к ним и прошептала по-немецки: «Ах, если бы вы оба были здесь, этого несчастья не случилось бы!» Бенкендорф, пораженный этими словами, молчал, Кнорринг же прямо сказал: «Как знать, ваше величество, покойный государь не был любим». Императрица поспешно удалилась, не сказав ни слова.²⁸ Когда Мария Федоровна весной 1801 года отправилась на некоторое время в Павловск и государь предоставил в ее распоряжение почетную стражу, она и слышать не хотела о том, чтобы стражу набрали из тех полков, офицеры и солдаты которых были хоть сколько-нибудь причастны к катастрофе, и выбрала кавалерийский эскадрон, начальником которого являлся полковник Саблуков. Некоторые предметы, напоминавшие о кровавом событии, как, например, постель Павла и его подушка, запятнанная кровью, стали своего рода культом для императрицы.²⁹ Она велела также воздвигнуть своему покойному супругу великолепный памятник в Павловске, который и был помещен в часовне.³⁰

Падение Палена летом 1801 года было делом рук императрицы-матери. Она знала достаточно о происходившем во время убийства Павла, чтобы страдать при мысли о том, что граф занимает выдающееся положение в непосредственной близости к Александру. К тому же Пален, по-видимому, не всегда был тактичен по отношению к молодому императору. Дело дошло до того, что высокоодаренный и энергичный человек сделался неудобен монарху.³¹ Всякое столкновение между Паленом и императрицей должно было повести к устраниению графа.

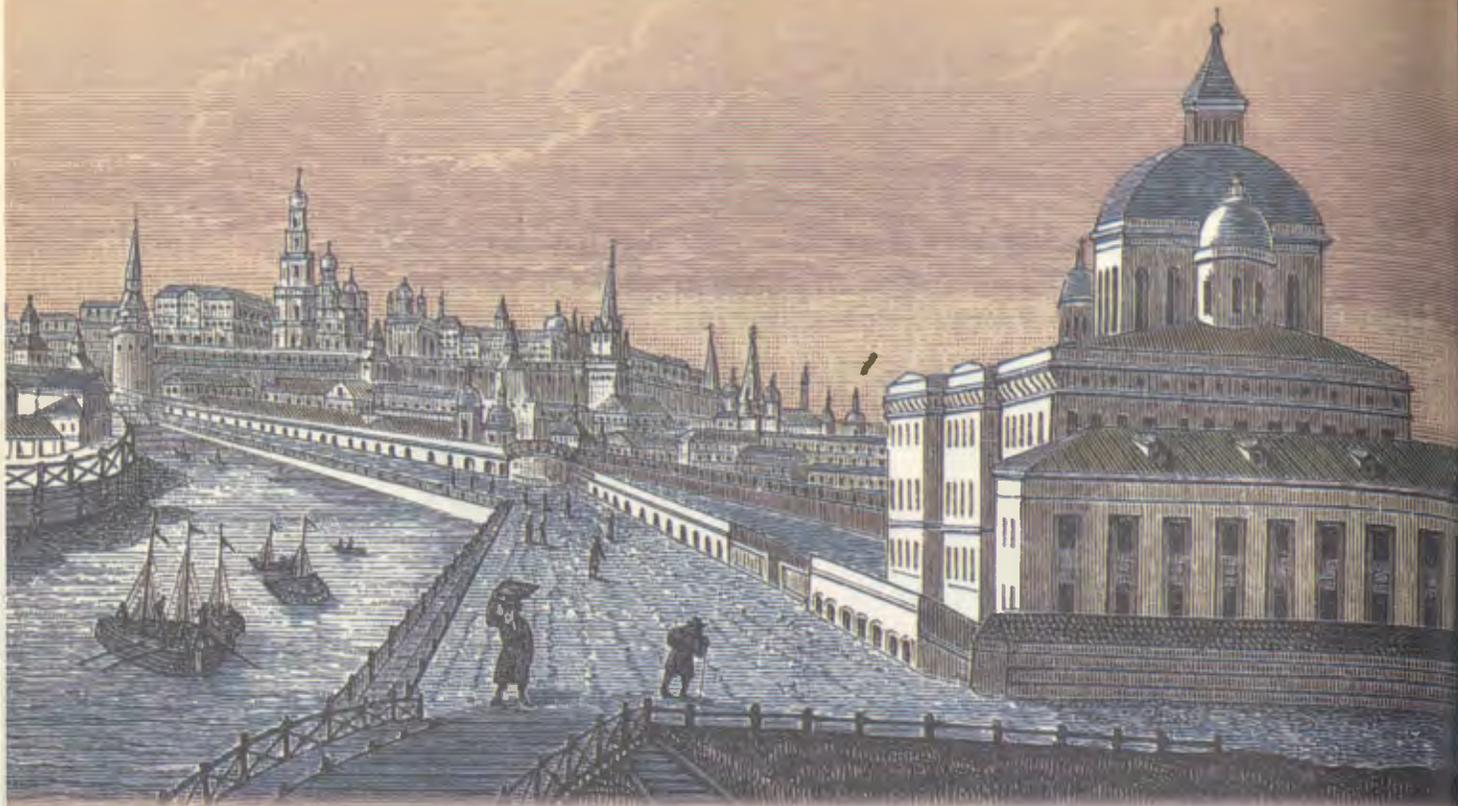
Вскоре после смерти Павла сектанты преподнесли императрице икону, которую она велела повесить на стене церкви воспитательного дома. На иконе была надпись — очевидно, воспроизведение из второй книги Царств, гл. 9, ст. 31: «Хорошо ли было Симрию, задушившему своего господина?»³² Это было демонстрацией против убийц Павла, рассчитанной на то, что она будет замечена. По этому поводу должно было произойти объяснение между Паленом и Александром.

Мы узнаем очень подробно об этом эпизоде из мемуаров Гейкинга, который как раз в то время прибыл в Петербург и имел случай говорить о натянутом положении с Паленом, Нелидовой и другими лицами. Нелидова сказала Гейкингу: «Недовольный тем, что он затеял заговор против своего благодетеля и монарха, Пален охотно бы еще разъединил мать и сына, чтобы управлять государством как министр-премьер; но я сомневаюсь в том, что второй план удастся ему так же, как первый. Государь любит свою мать, а она боготворит его, и такая связь не может быть разорвана каким-нибудь Паленом несмотря на его ухищрения». Сам же Пален говорил о вдовствующей императрице высокомерным

тоном: «Право, она делает ошибку, воображая, что она — наша повелительница. В сущности, мы оба — подданные государя, и если она принадлежит к первому классу, то я принадлежу ко второму, и мое рвение помешать всему, что могло бы дать повод к скандалу или к мятежу, всегда останется живым и искренним. Знаете ли вы историю с иконой?» — «Нет». — «Так вот в чем дело: императрица подарила церкви нового Еккатерининского института икону с изображениями распятого Спасителя,

Иван Максимов.
Распятие

*Воспитательный
дом в Москве*

Марии и Магдалины, с надписями, намекающими на смерть государя и могущими возбудить толпу против тех, кто способствовал, по ее мнению, его гибели. Эти надписи уже многих привлекли в эту церковь, так что полиция уведомила меня об этом. Чтобы не предпринять чего-либо слишком поспешно, я послал туда умного и образованного полицейского в статской форме, который списал возбуждающие места, и я велел сказать священнику, чтобы он незаметным образом убрал икону. Он ответил, что ничего не может сделать без прямого распоряжения императрицы. Поэтому я нынче буду говорить об этом с государем,

*Л. Гуттенбрунн.
Портрет князя
А.Б. Куракина*

который завтра едет навестить императрицу в Гатчине. Я узнал, что она во что бы то ни стало желает, чтобы икона осталась на своем месте. Но это невозможно». Когда Гейкинг вышел от Палена, Вельгёрский сказал ему: «Пален воображает, будто находится в такой милости, что может бороться с императрицей, но ему следовало бы быть осторожнее. Императрица — женщина; она обладает большим упорством; сын ее любит и уважает ее; игра очень неравная». Когда Пален доложил об этом деле Александру, последний заметил:

«Не забывайте, что вы говорите о моей матери; впрочем, не может быть, чтобы надписи были таковы, как вы говорите; я хочу видеть икону». Пален приказал без дальних разговоров снять икону и принес ее государю, который, осмотрев надписи, не сказал ни слова, но, поехав в Гатчину, потребовал объяснений у своей матери. Как он ни старался смягчить дело, государыне все-таки пришлось оправдываться относительно своих намерений, и это было для нее очень унижительно. Поэтому она заключила свое оправдание словами: «Пока Пален будет в Петербурге, я туда не вернусь».³³

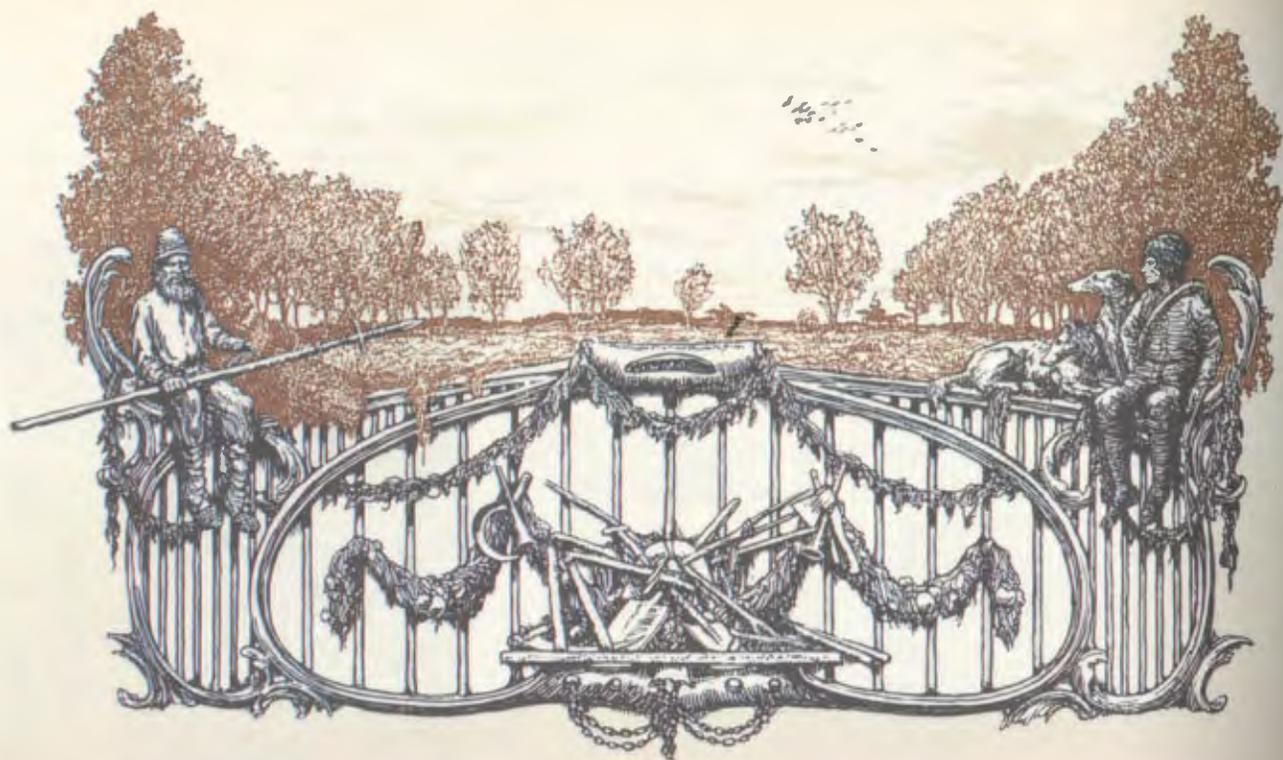
Саблуков также упоминает о том, что между вдовствующей императрицей и ее сыном произошло более или менее тягостное объяснение и что Александр высказался против Палена в поразительно серьезном и решительном тоне. На одном из парадов, куда явился Пален, продолжает Саблуков свой рассказ, граф был очень мрачен и неумерен в своих выражениях. «Самого меня тогда не было, — пишет Саблуков, — но я слышал впоследствии, что Пален очень высокомерно выражался о том, что он имеет власть возводить на престол и низлагать монархов. Мне не верится, чтобы Пален был настолько неумен, чтобы высказывать подобные вещи, но слух об этом разнесся по городу еще в тот же вечер; говорили о соглашении Палена с Зубовым и о проекте их провозгласить императрицей женщину».³⁴ Как бы то ни было, но достоверно, что на следующее утро граф Пален, как обыкновенно, явился на парад в нарядном экипаже, запряженном шестерней, и выйдя из экипажа, принужден был выслушать от адъютанта государя приказание немедленно оставить столицу и отправиться в свои курляндские имения. Пален повиновался, не проронив ни слова. Издан был рескрипт об увольнении от службы генерала от кавалерии графа Палена. В тот же вечер князь Платон Зубов получил приказание также удалиться в свои имения, что он и сделал без сопротивления».³⁵ Такие решительные действия преемника Павла напоминали, пожалуй, столь частые при последнем примеры удаления из столицы.

В этой истории с графом Паленом известную роль сыграл также Панин. Впоследствии он писал: «Будучи министром при императоре Александре, я принял сторону вдовствующей императрицы, когда граф Пален по поводу иконы хотел очернить ее в глазах государя. Я, и я один, устранил возникшее между ними недоверие».³⁶ Подробности всей этой истории остались неизвестными. Вскоре, однако, и судьба Панина решилась в таком же роде, как и судьба Палена.

Неизвестный художник. Портрет князя П.В. Лопухина

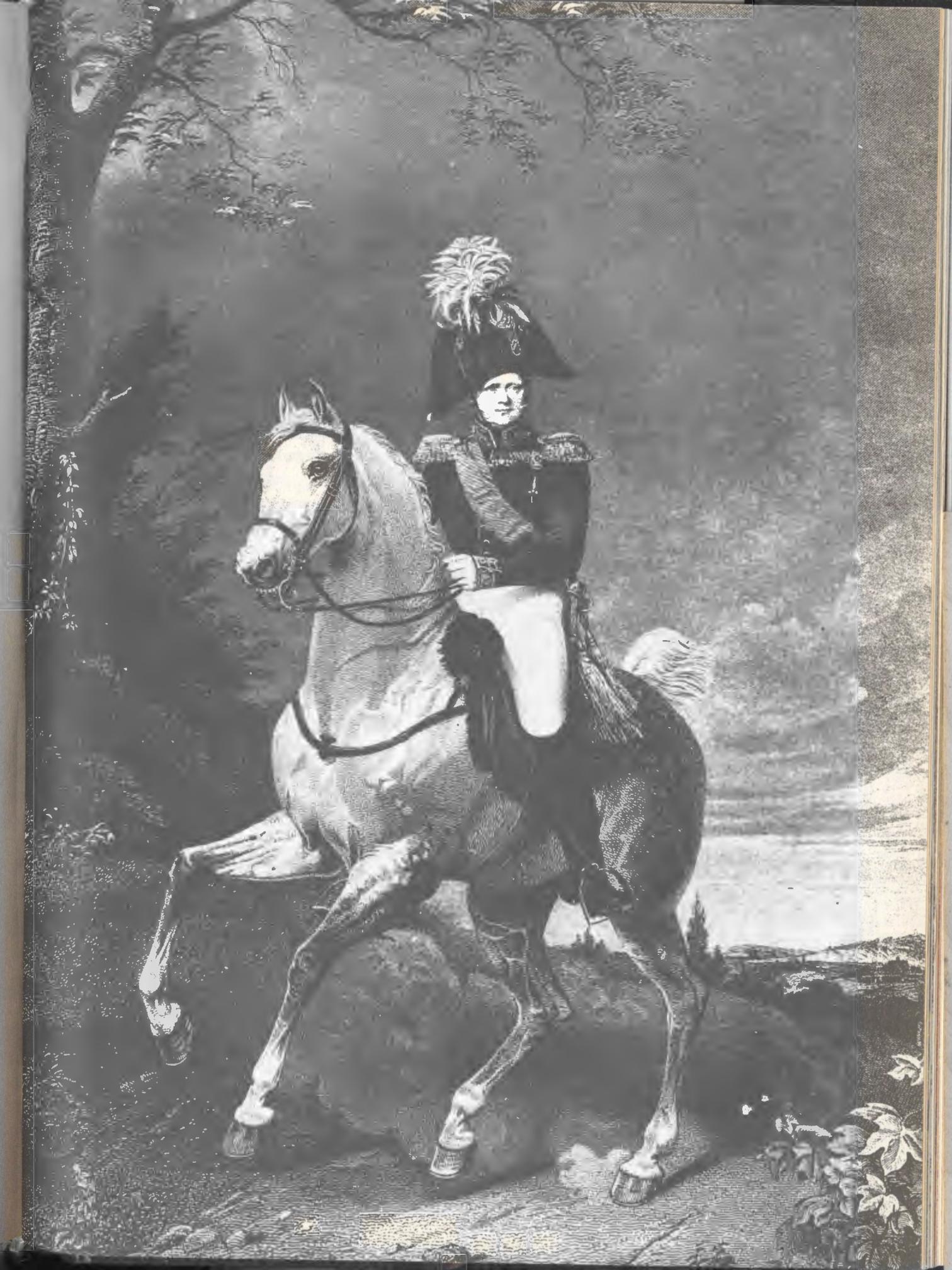
Н.И. Арзунов. Портрет Н.П. Шереметева

Александр и Панин

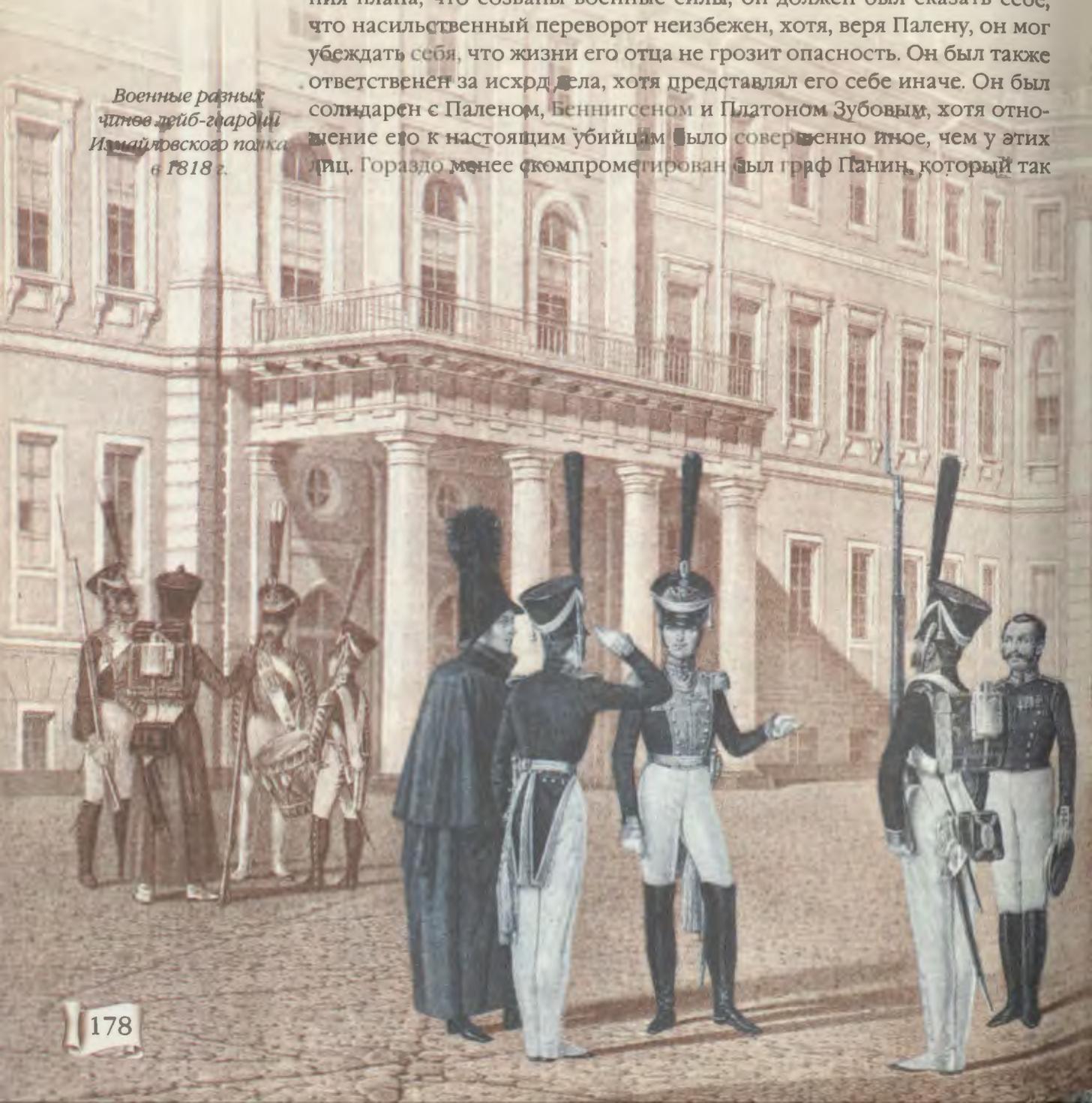
Рассматривая вопрос о том, кто был виновен или принимал участие в преступлении против Павла, можно указать три категории людей, которых следовало бы привлечь к ответственности. Наиболее скомпрометированными оказались те, кто приложил руки к убийству государя, как, например, Николай Зубов, Яшвиль и др. Вторую группу составляли те, кто не принимал непосредственного участия в сцене убийства, даже не был в то время в спальне Павла, как, например, князь Платон Зубов и генерал Беннигсен, а также граф Пален, но которые действовали с целью насильственного устранения Павла и подстрекали других сыграть роль палачей, убеждая в том, что иным путем спасение страны невозможно. Руки их не были запятнаны кровью жертвы, но нравственная ответственность их гораздо тяжелее, чем ответственность грубых, пьяных офицеров, которые в животном возбуждении совершили дело, не сознавая всех последствий преступления. Третью группу составляли те, кто стоял за необходимость отстранения душевнобольного человека, сохранив ему жизнь, от положения, в котором он мог принести неизмеримый вред; может быть, эти лица — а это были Александр и граф Панин — заблуждались относительно самого осуществления регентства, но они были убеждены, что государственный переворот произойдет без

На стр. 177:
Император
Александр I. Гравюра
Гудлера и Моррисона
по портрету
Ф. Крюгера

кровопролития. Мысль о замене неспособного к управлению другим лицом не могла считаться ни в каком случае ни преступной, ни достойной наказания. Не может быть сомнения в том, что Александр не ожидал ужасного исхода своего плана. Тем не менее он предоставил в распоряжение заговорщиков войска, на которые имел влияние; в последние недели до катастрофы он обсуждал с Паленом и Зубовым необходимость перемены, поручил выполнение плана людям, которые, правда, без его формального согласия прибегли к крайним средствам и, если не сами лично совершили, то вызвали совершение отвратительного преступления. Александр знал в момент выполнения плана, что созваны военные силы; он должен был сказать себе, что насильственный переворот неизбежен, хотя, веря Палену, он мог убеждать себя, что жизни его отца не грозит опасность. Он был также ответственен за исход дела, хотя представлял его себе иначе. Он был солидарен с Паленом, Беннигсенем и Платоном Зубовым, хотя отношение его к настоящим убийцам было совершенно иное, чем у этих лиц. Гораздо менее скомпрометирован был граф Панин, который так

*Военные разряды
членов лейб-гвардии
Измайловского полка
в 1818 г.*

же мало думал об убийстве, как Александр, но имел счастье вдали от места действия узнать о великой и, в общем, благодетельной перемене в Русском государстве и получить известие о ней, ничего не подозревая. Он пожал плоды государственного переворота, снова занял прежнее место в министерстве, пользовался неограниченным доверием молодого императора, не будучи обязанным принимать участие в приготовлениях к освободительному акту, даже не зная о мерах, какие условились принять Александр и главные заговорщики. Как сам Панин, так и друзья его высказывали убеждение, что он, если бы оказался в Петербурге, постарался бы помешать насильственному акту, насколько это было в его силах. Таким образом, по взглядам на способ выполнения плана, быть может, впервые им высказанного, он был решительно не согласен с представителями других категорий виновных или участников в преступлении. На нем тяготела несравненно меньшая ответственность, чем на Александре.

Лишь постольку, поскольку Панин, пожалуй, раньше самого Палена возбудил вопрос о регентстве, поскольку он, как следует полагать, прежде всех говорил об этом деле с Александром, на нем тяготела значительная доля ответственности за исход дела, даже если он не соответствовал его намерениям. Панин дал камню толчок, и он покатился по наклонной плоскости, а если камень принял не то направление, которое желал дать ему Панин, то это была не его вина. Если бы, например, в Дании, когда заболел Христиан VII, или в Англии, когда захворал Георг III, какой-нибудь министр заговорил о необходимости замены этих лиц соответствующими наследниками, то этот министр ни в одном из этих случаев не был бы скомпрометирован, так как перемена произошла к общему благополучию.

Тем более удивительной кажется судьба Панина, изображением которой мы закончим повествование об этих памятных событиях. Панин, чей образ мыслей и действий был всего более безобидным, подвергся более тяжкому преследованию, чем кто-либо из других участников этого происшествия. И это преследование производит тем более тяжелое впечатление, что Немезида, очевидно, слепо заблуждаясь, добралась до графа Панина гораздо позднее, чем до Палена и Платона Зубова, а также потому, что личные отношения Панина к императору Александру и его матери были гораздо более близкими и искренними, чем отношения главного виновника — Палена.

Мы ничего не знаем о преследовании и наказании настоящих убийц Павла. В июне 1801 года Пален стал жертвой ненависти к нему вдовствующей императрицы и с тех пор проживал в своих имениях в Курляндии.¹ Несколько позднее и Зубову пришлось уехать в его курляндское имение Руэнталь, где он жил очень уединенно.²

Медаль
на коронацию
Александра I

«Александр, — пишет Бернгарди, — видел Платона Зубова и Палена во дворе дворца в тот момент, когда отец его погиб насильственной смертью в своей спальне; поэтому Александр знал, что они не были непосредственно свидетелями кровавого дела. Иначе обстояло дело с Беннигсеном. И именно этот последний теперь приобрел доверие Александра, которому он был до тех пор довольно чужд, и попал в число приближенных к нему лиц. Он сопровождал государя на коронацию в Москву, был не в очередь произведен в генералы от кавалерии, сделался генерал-адъютантом, и хотя император с течением времени перестал уважать его, мир не раз видел его во главе русской армии».³

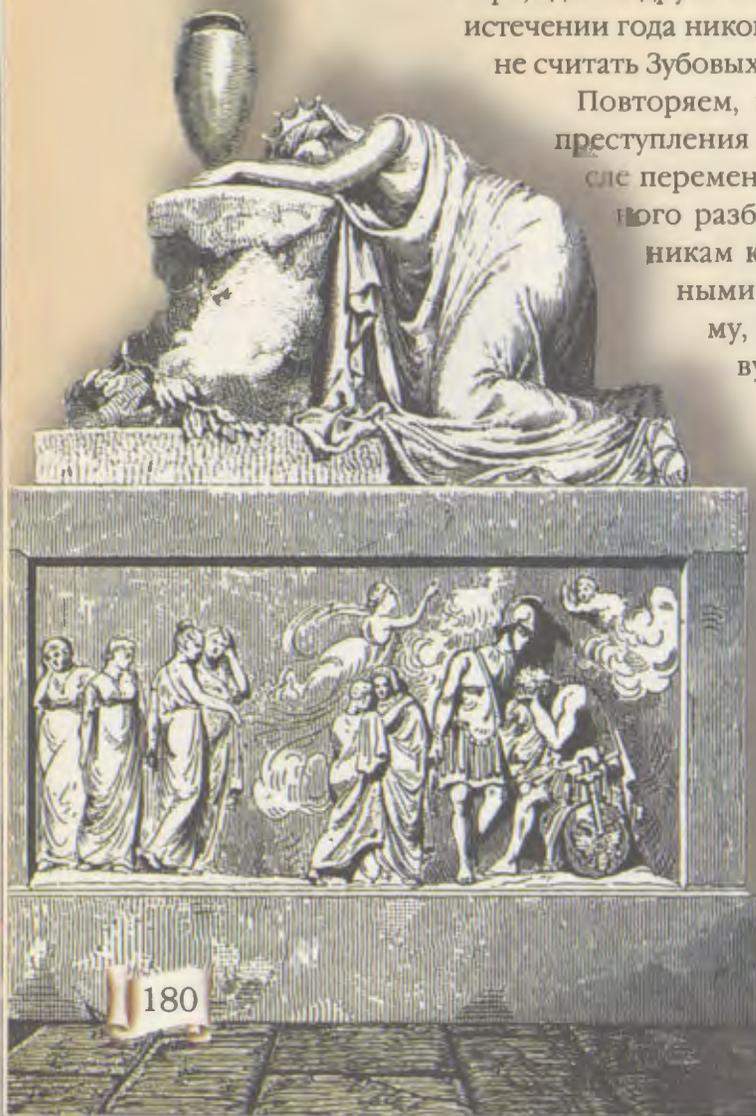
Ланжерон замечает: «Императрица Мария с отвращением относилась ко всем тем, кто принимал участие в убийстве ее супруга. Она преследовала этих людей неустанно, и ей удалось удалить всех, устранить их влияние или положить предел их карьере... Она добилась увольнения Палена... Генерал Беннигсен был предметом страстной ненависти вдовствующей императрицы. Она требовала от своего сына, чтобы он никогда не делал генерала маршалом, хотя никто не был так достоин этого, как Беннигсен; но она не могла помешать тому, чтобы Александр воспользовался им в борьбе с Наполеоном как одним из самых способных полководцев... Гвардейские офицеры, принимавшие участие в заговоре, один за другим попадали в немилость и были удалены, так что по истечении года никого из заговорщиков не осталось в столице, если не считать Зубовых (Валерьяна и Николая)».⁴

Повторяем, что меры против виновников и участников преступления были приняты спустя несколько месяцев после перемены царствования и без малейшего следа судебного разбирательства. Отношения Александра к участникам катастрофы сначала были весьма благоприятными. Лишь впоследствии и медленно, по-видимому, благодаря влиянию на эти отношения вдовствующей императрицы положения Палена, Зубова, Беннигсена изменились.

Еще поразительнее эта перемена по отношению к графу Панину.

Катастрофа произошла 11—12 марта. 12 марта послано было графу Панину в Москву, где он жил, приказание как можно скорее приехать в Петербург. Роджерсон писал Воронцову, что только двое, а именно Панин и Беклешев, были призваны обратно прямым приказанием или собственноручным письмом государя.⁵ По другому толкованию того же письма Роджерсона, графа Панина вызвал в первую же минуту Пален.⁶ Уже 13(25) марта Татищев писал Воронцову о составе иностранного ведом-

Памятник
императору Павлу
в Павловске

ства и как члена этой Коллегии наряду с Куракиным, Паленом, Татищевым и Муравьевым называет Панина. Таким образом, назначение Панина в первый момент нового царствования было делом решенным. Невозможно было раньше принять решение вызвать Панина, чем это произошло. Невозможно было быстрее совершить путешествие, чем это сделал Панин. 21 марта он прибыл в Петербург, и в тот же день последовало его назначение министром иностранных дел.⁷

*Императрица Мария
Федоровна*

Император Александр принял человека, к которому прежде относился с таким доверием, необыкновенно сердечно и благосклонно. Мы уже упоминали выше о том, что при первой встрече Александр сказал Панину, что события, к сожалению, приняли иной оборот, чем они с Паниным ожидали.⁸ Тотчас после первого свидания с императором Панин подробно описал жене, как Александр несколько раз обнял его и как милостиво говорил с ним о самом себе и своих делах.⁹ В других письмах говорится о сердечном отношении к Панину императора и императрицы. Граф ежедневно работал по несколько часов вместе с Александром в его кабинете. Роджерсон писал, что государь в восхищении от графа; Муравьев подчеркивал, что Панин пользуется безграничным доверием Александра.¹⁰

Панин с юности находился в самых дружеских отношениях с императрицей Марией Федоровной. Об этом свидетельствует большое количество писем, которые она написала графу.¹¹ Тем не менее, как говорят, назначение Панина министром в марте 1801 года состоялось не без противодействия с ее стороны. Когда он, заняв новую должность, представлялся вдовствующей императрице, она, как рассказывают, не дала ему поцеловать своей руки до тех пор, пока на ее вопрос, был ли он причастен к катастрофе Павла, не ответил, что в момент кончины государя его не было в Петербурге. Вдовствующая императрица удовлетворилась этим и уверяла графа в своей благосклонности. Целый ряд собственноручных писем вдовствующей императрицы Панину, написанных от апреля до сентября 1801 года, показывают,¹² что она поддерживала с графом самые благожелательные отношения. В июне Панин имел возможность оказать вдовствующей императрице существенную услугу по случаю ее объяснения с императором Александром относительно иконы. 14(26) июня Стединг

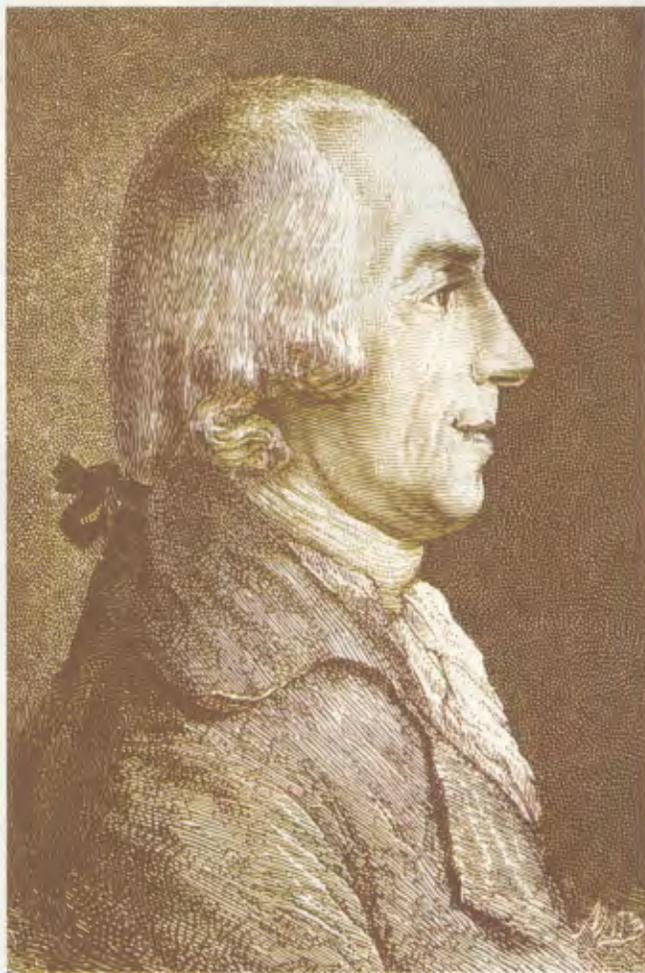
*Петровский
подъездной дворец
в Москве*

сообщает королю Густаву IV: «Так как Пален удалился от дел, то усилились влияние и кредит Панина. Хотя Панин был открытым врагом покойного государя и в значительной мере участвовал в революции, он все-таки сумел сохранить благосклонность вдовствующей императрицы, которая питает непримиримую ненависть к Палену и постоянно уговаривает своего сына удалить всех тех, кто участвовал в заговоре».¹³

Однако благосклонность государя и его матери продолжалась недолго. Уже в мае Воронцов в письме Панину сетовал на то, что последний не пользуется таким доверием, какого заслуживает.¹⁴ Говорили о намерении Александра назначить государственным канцлером графа Воронцова, что неприятно поразило Панина.¹⁵ Во многих вопросах внешней политики взгляды Панина и Александра расходились. Говорят, что государю донесли о некоторых вещах, которые Панин высказывал об Александре. Панин считал влияние Лагарпа вредным и умолял государя не вызывать его в Россию; тем не менее Лагарп был вызван. Но хуже всего было то, что росла антипатия Александра к Панину как следствие усиливавшегося убеждения, что исходным пунктом преступления 11(12) марта был план регентства, составленный Паниным в соглашении с великим князем. Вероятно, уже в конце мая государь высказывался в этом смысле относительно Панина, так как 28 мая Панин среди прочего писал государю: «То, что ваше величество сказали мне вчера вечером относительно события, которое возвело вас на престол, повергло меня в глубокую скорбь. Если ваше величество считает меня причиной акта, который, как вы полагаете, пятнает вашу славу, то мое присутствие должно быть для вас невыносимо; я готов избавить вас от него и покинуть все (кроме жены и детей), чтобы в добровольном изгнании оплакивать утрату доверия со стороны государя, за которого я охотно отдал бы жизнь. Одного слова, одного движения вашего величества было бы достаточно для этого, но я взял бы с собою в могилу убеждение, что я послужил моему отечеству, решившись прежде всех других развернуть перед вами потрясающую картину опасностей, грозивших погубить страну».¹⁶

После этих объяснений между молодым государем и министром последний остался на своем посту, но окончательное падение его являлось лишь вопросом времени. Состояние духа Александра было

Фредерик Сезар де Лагарп. Гравюра конца XVIII в.

Адам Адамович
Чарторьский.
С портрета
Олешкевича

в то время вследствие катастрофы такого рода, что он стал неспособен спокойно взвешивать и справедливо оценивать обстоятельства. Подробности относительно этого мы узнаем из самого лучшего источника — записок друга Александра князя Адама Чарторьского. Последний находился за границей, когда произошла перемена царствования; после нее он тотчас же приехал в Петербург и написал следующее о состоянии, в котором нашел Александра: «Он позвал меня в свой кабинет и сказал мне: “Если бы вы были здесь, то всего этого не случилось бы; если бы я имел вас около себя, то я не позволил бы увлечь себя таким образом”. Затем он рассказал о смерти своего отца, выражая крайнюю степень скорби и самые невыразимые угрызения совести. Это печальное и роковое событие в течение некоторого времени очень часто служило темой наших разговоров, государь желал посвятить меня во все подробности события, несмотря на то что

тяжко страдал при этом». В одном из примечаний к своему рассказу Чарторьский пишет: «То, что сообщает господин Ланжерон о смерти Павла, — правда, но не вся правда; надобно прибавить все те доводы, которые приводились Паниным и Паленом с целью побудить великого князя Александра согласиться на то, чтобы у отца его было вынуждено отречение от престола. Это согласие было вырвано (arraché) у него с величайшим трудом и после самых торжественных обещаний, что императору Павлу не будет причинено никакого зла. Трудно описать крайнее отчаяние Александра, когда он узнал о смерти своего отца. Отчаяние это продолжалось несколько лет и заставляло опасаться, чтобы от него не пострадало здоровье Александра. Угрызения

Н.Н. Новосильцев

П.А. Строганов

совести, преследовавшие его, сделались исходным пунктом его позднейшей склонности к мистицизму. Император Александр никогда не мог простить Панину и Палену, что они увлекли его (*entraîné*) совершить поступок, который он считал несчастьем своей жизни. Оба эти лица были навсегда удалены от двора».¹⁷

«Александр, — замечает Чарторыский в другом месте своих мемуаров, — удалил по очереди всех главарей заговора, которые совсем не были опасны, но вид которых был ему крайне неприятен, тягостен и ненавистен» — и далее: «Император Александр рассказывал мне, что первый, говоривший с ним об этом (то есть о необходимости устранить Павла), был Панин и что Александр никогда не мог простить ему этого».¹⁸

Панин был очень далек от того, чтобы отрицать, что раньше всех говорил с Александром об этом вопросе. Он уверял, что таким образом оказал услугу своему отечеству и имеет право гордиться этим.

*И. Иванов.
Эрмитажный мост
при впадении Мойки
в Неву в Петербурге*

Если же поступок Панина казался императору Александру непростительным преступлением, то следует поставить себе вопрос, как он, тот же самый Александр, мог совершенно иначе судить об образе действий Панина в первое время своего царствования. Призыв Панина в Петербург сразу же после вступления на престол, назначение его министром иностранных дел, благосклонное отношение, которым Панин пользовался сначала со стороны государя, — все это доказывало, что в различное время Александр по-разному относился к Панину, хотя Панин оставался верным себе, и его участие в катастрофе было столь же незначительно до изменения к нему отношения Александра, как и после этой перемены. Знаменательно для этих обстоятельств то, что люди, вовсе не расположенные к Панину, находили отношение к нему государя несправедливым. Кочубей по поводу падения Панина писал графу Воронцову: «Государь, насколько я заметил, имеет что-то против Панина из-за революции, которая возвела его на престол. Правда, Панин, как вам известно, первый говорил с ним о регентстве, но теперь у государя явились угрызения совести, и он считает преступлением то, что он, государь, думал о регентстве. Между тем ни один разумный человек не мог бы дать ему лучшего совета».¹⁹ В таком

же роде содержание письма Николаи Воронцову, где читаем: «Воспоминание о перевороте 12 марта, первоначальный план которого был составлен Паниным вместе с покойным Рибасом, совершенно изменило (терни) хорошее отношение государя к Панину. Конечно, план этот не имел в виду того позорного дела, какое было совершено; но непредвиденные последствия плана регентства сильнее восстановили государя против графа, чем самый план».²⁰ Порицая политику Панина по отношению к Швеции, Стедингк в то же время по поводу несправедливого отношения Александра к Панину обращает внимание короля Густава IV на то, что в свое время Александр сам соглашался на выполнение плана регентства, составленного Паниным.²¹

Впрочем, Александр, по-видимому, не объяснялся с Паниным относительно этого пункта, если не считать намека, сделанного вечером 27 мая 1801 года; гонение на графа производило тем более тягостное впечатление, что последний так и не смог узнать, за что он подвергся такому беспримерно несправедливому отношению. Как увольнение Панина от должности в сентябре 1801 года, так и ссылка его в 1804 году, о которой пойдет речь, не были вызваны планом регентства, но тем не менее находились с ним в тесной связи. Образ действий Александра в этом несчастном случае представляет собой психологическую проблему; в поведении его есть патологическая черта, весьма ценная для характеристики государя.

В издании «Материалов для жизнеописания графа Н.П. Панина» (VI, 612) указаны все моменты недовольства Александра Паниным, объясняющие его удаление. Увольнение министра такого рода, как известно,

*Королевский дворец
в Шарлоттенбурге*

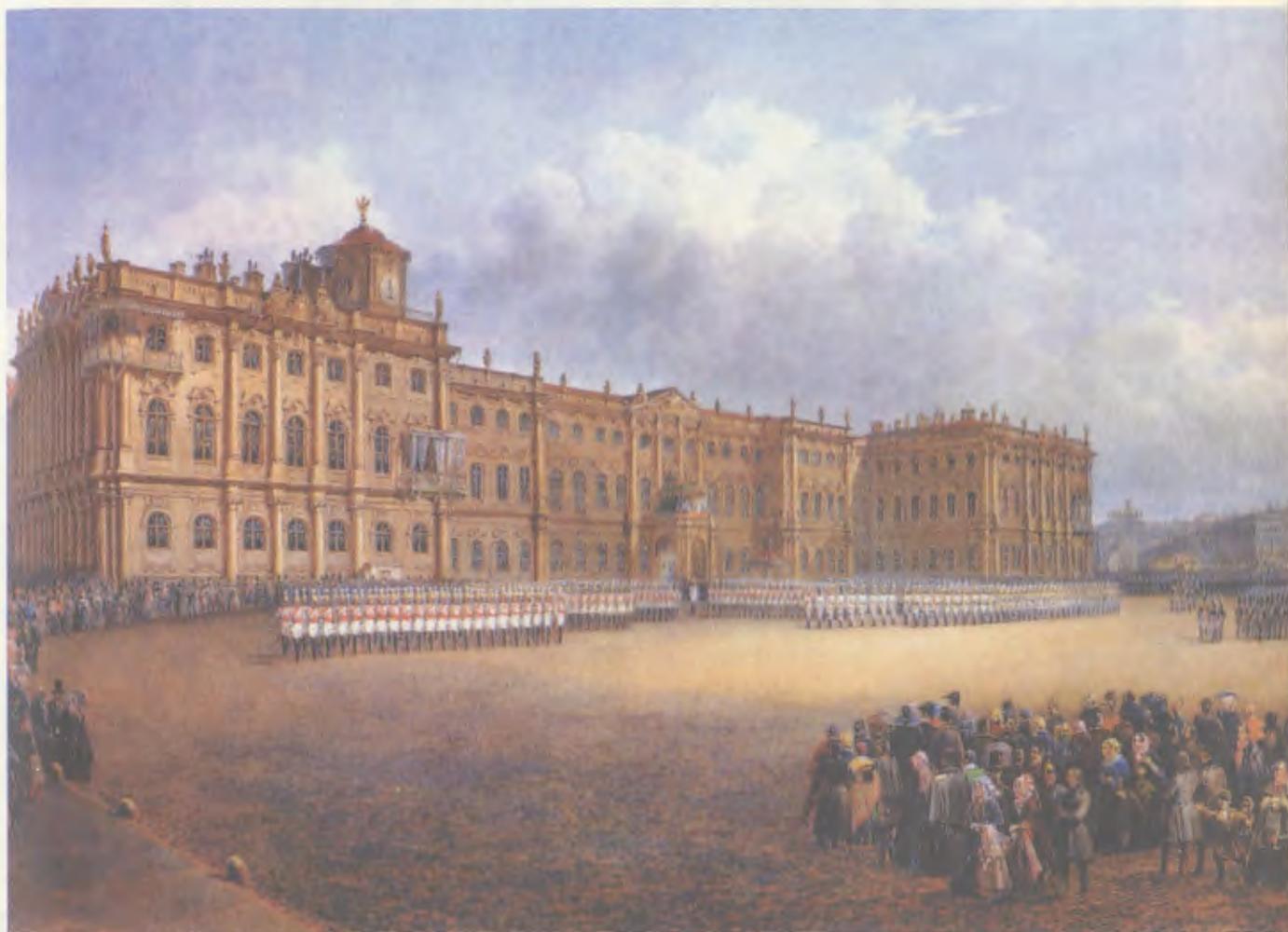
редко может быть объяснено совершенно определенными причинами. Нечего указывать на все эти второстепенные различия мнений и личные столкновения. Полагаем, что некоторые неблагоприятные отзывы об императоре Александре в письме Панина Воронцову последний предательски сообщил государю. Это послужило поводом к тому, что

*Л.Ф. Лагорио.
Вид на Неву
и Петровскую
набережную
с домиком Петра I*

навсегда оказался положен конец политической деятельности Панина (ему был в то время 31 год). В рукописных же заметках Муханова мы находим следующие замечания по поводу объяснения удаления Панина: «Такое неожиданное падение должно было вызвать тысячи предположений относительно причины его, из которых ни одно не было верно. Вдовствующая императрица, не знавшая настоящей причины изменения отношения государя к Панину, делала своему сыну упреки за удаление графа. Она говорила Александру, что так нельзя царствовать, что нельзя проявлять такого жалкого непостоянства, что таким образом ему не удастся никого привязать к своей личности. Она подчеркивала, что Панин несомненно заслуживает больше доверия, чем кто бы то ни было; говорила о необыкновенных способностях Панина, о его преданности, лояльности и особенно напирала на то, что ему нельзя сделать

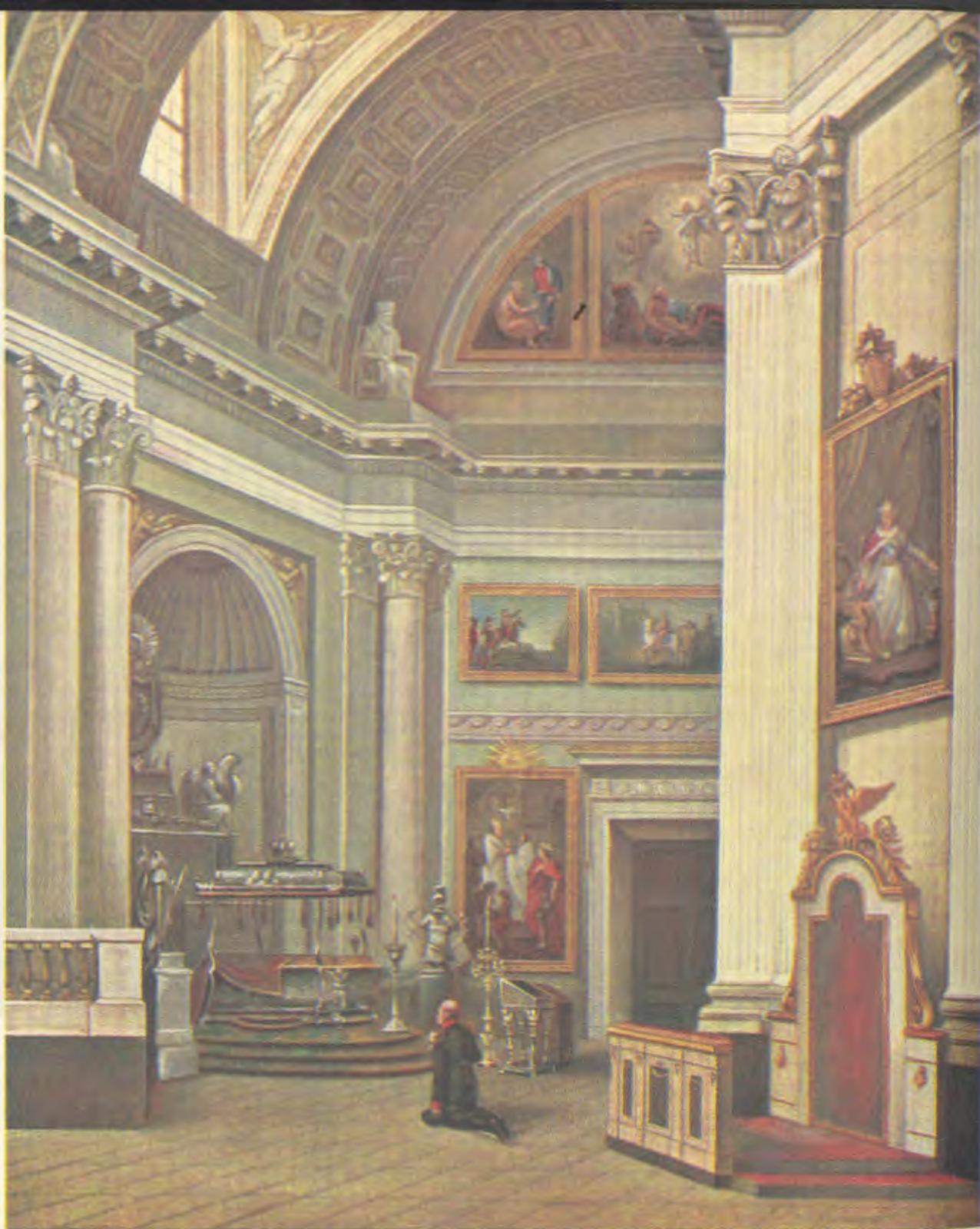
никакого упрека за то, как он держал себя в деле убийства Павла. Это последнее обстоятельство имело особенное значение в глазах вдовствующей императрицы, и она несколько раз возвращалась к нему. Александр не ответил ни слова, но пошел в свой кабинет и написал там записку, в которой сообщил своей матери об участии Панина в заговоре. Начиная

с этого момента Панин бесповоротно погиб во мнении вдовствующей императрицы, обвинила его в вероломстве и во лжи, ненависть ее была тем сильнее, чем более она обманулась в графе». ²²

После этого рассказа, подтверждающего полное изменение отношения к Панину со стороны вдовствующей императрицы, мы можем допустить, что она узнала о составленном им плане регентства лишь по случаю его падения. Когда Мария Федоровна в первые дни царствования Александра спросила у Панина, был ли он сколько-нибудь причастен к убийству Павла, то Панин вполне правдиво мог указать на то, что он, ничего не подозревая, находился на расстоянии в несколько сотен верст от места действия. План регентства, составленный им сообща с Александром, тем менее мог служить предметом разговоров Панина с Марией Федоровной, что план этот относился

*В.С. Садовников.
Развод караула
Кавалергардского
полка у Зимнего
дворца*

*Император
Александр I в соборе
Александро-Невской
лавы 1 сентября
1825 г.*

к более раннему прошлому и составлял тайну не только Панина, но и Александра. Если же затем в записке Александра Панин представлен преступником, то, если бы содержание записки отвечало действительности, Александр должен был бы быть представлен в ней сообщником Панина. Не без причины, однако, Панин после своего падения несколько раз указывал на свою солидарность с великим князем и на

то, что в руках его имеются письменные доказательства участия Александра в плане регентства и его согласия на этот план. Таким образом, мы имеем полное основание предполагать, что мать Александра была недостаточно осведомлена относительно образа действий сына.

Обширный материал источников, который имеется у нас относительно истории увольнения Панина, заставляет предполагать, что между государем и графом не произошло никакого объяснения по поводу главной причины немилости. Подав в отставку, Панин имел полное право утверждать, что сделал это по собственному побуждению. На прошение Панина об отставке Александр ответил выражением надежды, что граф, который, как это обычно делается, ссылался на свое будто бы расстроенное здоровье, вскоре снова будет в состоянии послужить своему отечеству. На этот рескрипт, написанный несколько холодным тоном, но, в сущности, казавшийся благожелательным, Панин впоследствии указывал как на доказательство того, что немилость к нему не была ничем мотивирована и ничем не может быть оправдана.²³

Нет сомнения, что Александр уже тогда решил никогда не призывать на службу Панина и что надежда графа вскоре вернуться к деятельности была так же неосновательна, как и мнение политических друзей Панина, что он в интересах самого государства в скором времени получит назначение.²⁴ В письме Густаву IV Стендингу прямо говорил: «Il n'y a aucune disgrâce dans la démission du comte de Panin» («Нет никакой немилости в увольнении графа Панина»)²⁵

Это было заблуждением. Вскоре все узнали, что положение Панина стало сомнительным и что нечего думать о возвращении графа к делам. Даже более. По рассказу Саблукова, Александр уволил Палена в июле 1801 года, допуская, что он может произвести новый государственный переворот. Нечто подобное могло относиться осенью 1801 года к Панину. Из протоколов «неофициального комитета», в котором принимали участие кроме Александра только Новосильцев, Чарторыйский и Строганов, видно, что Панин и Зубов в то время находились постоянно под надзором тайной полиции, причем сыщики действовали настолько неискусно, что Панин говорил об этом надзоре в кругу знакомых, а Зубов даже жаловался полиции на то, что за ним следят.²⁶

Чарторыйский в своих мемуарах выдает многое, что происходило в «тайном комитете». Он пишет: «Шла речь об увольнении графа Панина. Государь сильно желал избавиться от него; Панин был ему в тягость, был ему ненавистен и возбуждал его подозрения. Государь не знал хорошенько, как удалить его. Дело рассматривалось серьезно и обстоятельно. Наконец было решено заменить Панина графом Ко-

Адам Адамович
Чарторыйский

*Император
Александр I. Гравюра
Бромлея с портрета
работы Итлесона*

чубеем. Все согласились, что пока Панин может оставаться в Петербурге. До последнего момента государь и виду не показал Панину и не мог поступить иначе, так как желал избежать неприятных сцен. Панин покорился своей судьбе и отступил. Все время, пока он еще находился в Петербурге, он был окружен шпионами, которые непрерывно следили за ним. Государь по несколько раз в день получал от тайной полиции сведения о том, что Панин целый день делал, где он был, с кем

говорил на улице, сколько часов провел в том или другом доме, кто посещал его и, если возможно, о чем говорил с ним. Эти сообщения, читавшиеся в «тайном комитете», были составлены тем таинственным стилем, который так любит тайная полиция, чтобы придать важность себе и вызвать интерес к совершенно ничтожным вещам. В сущности, эти сообщения были совершенно бессодержательными; но государь сильно беспокоился, его мучило присутствие Панина, он постоянно предполагал, что Панин составляет изменнические планы, и не знал ни покоя, ни душевного мира, пока Панин не уехал. Так как граф видел, что за ним постоянно наблюдают сыщики, и заметил, что вид его невыносим для государя, то он решил покинуть Петербург».

Этот рассказ характеризует образ мыслей и действий Александра. Прошел год с тех пор, как он сам в ночную пору встречался с Паниным в тайных закоулках, чтобы совещаться с ним о средствах устранения царствовавшего тогда императора. Когда Александр начал царствовать, то считал вероятным, что Панин таит против него подобные же намерения, которые сам он вместе с графом незадолго до этого имел против Павла. Обстоятельства стали совершенно иными, не было ни малейшего повода к такого рода замыслам; императору Александру не грозила никакая опасность; Панин всех менее мог замышлять что-либо против него, но Александр считал его вечным заговорщиком и преследовал его самым беспощадным образом.

*В.Ю. Желваков.
Эрфурт*

*Сигстунские
развалины. Швеция*

к Швеции в бытность его министром иностранных дел. Но король поступил таким образом с Паниным еще и потому, что последний имел отношение к катастрофе Павла. Когда Александр узнал об этом эпизоде, он был особенно неприятно поражен тем, что Панина постигла такая неудача в путешествии потому, что он считался заговорщиком.²⁸

Панин не без основания усмотрел в бесцеремонном отношении к нему в шведской области оскорбление не только для себя, но и для России, международный инцидент. Поэтому, решив вернуться в Петербург, он прибег к вмешательству Александра, к защите ведомств иностранных дел, то есть князя Куракина и графа Кочубея. Как госу-

*Башня во Фрайрберге.
Швеция*

*Император
Александр I*

дарь, так и министры обещали ему свое содействие для получения удовлетворения; но они не сделали ничего или почти ничего, так как Кочубей в разговоре со Стедингом удовольствовался несколькими неодобрительными замечаниями.

Панин, получивший трехлетний отпуск, отправился в Западную Европу другим путем и перед своим отъездом был приглашен к им-

Император
Николай I

ператорскому столу. По этому случаю между государем и бывшим министром не произошло никакого разговора. Государь заметил только, обратившись к графу: «Я обязан шведскому королю удовольствием видеть вас здесь». Александр и Панин встречались тогда в последний раз.

Граф получил отпуск на три года и провел время со своей семьей в Германии, Австрии, Швейцарии и Италии. Так как он хотел немного продолжить свой отпуск, то написал тогдашнему министру иностранных дел князю Адаму Чарторьскому, а также государю. Панин был уверен, что он будет призван на службу государству. В августе 1804 года Александр дал ему знать, что он может продолжить свой отпуск на сколько ему угодно и может жить там, где ему вздумается; государь же оставляет за собой право воспользоваться его услугами, когда это потребуется.

Спустя несколько недель, когда Панин находился уже в России и собирался ехать в Петербург, император Александр устно известил через генерала Ливена сестру Панина госпожу Туттолмину, чтобы граф больше не приезжал в Петербург, так как присутствие его в столице неприятно ему, государю; Панину предлагалось держать это приказание втайне; он, государь, также не будет ни с кем говорить об этом, так что все будут думать, что изгнание Панина добровольное.

Госпожа Туттолмина написала своему брату: «Я понятия не имею, чем вызвана эта суровая мера (*rigueur*); я не могу также ничего узнать об этом, так как не могу ни с кем говорить, не нарушив запрета государя. Поэтому я написала его величеству». В том своем письме Александру сестра Панина указывает среди прочего на противоречие между письмом Чарторьского и приказанием государя. Затем она продолжает: «На нас наложено глубочайшее молчание относительно этого события; но несчастье, поразившее моего брата, не может остаться тайной для публики. Возможно ли, что моему брату отказано будет в том праве, в котором ваше величество не может отказать самому ничтожному из ваших подданных, в праве узнать, в чем его обвиняют, и в праве обратиться к правосудию? Если он невинен и имеет только несчастье не нравиться вашему величеству, то пусть ваше величество взвесит обе эти вещи — с одной стороны, минутную неприятность, которую может причинить вашему величеству присутствие моего брата, с другой — глубокое горе человека, который, будучи убежден в своей невинности, видит себя лишенным благосклонности своего монарха и удаленным от лица справедливого и милостивого государя, в царствование которого еще не было другого примера подобной суровости. Пусть ваше величество сообщит ему, в каком преступлении он обвиняется, и пусть не осуждает моего брата, не выслушав его».

Панин писал своему другу графу Андрею Разумовскому, уведомляя его о случившемся: «Не спрашивайте меня о причине сурового ко мне отношения. Я не знаю ничего, решительно ничего: все старания и усилия моих друзей открыть эту причину остались тщетными... Вы можете себе представить, что я как человек чести чувствую при таком

оскорблении (outrage). С какою бы готовностью мне ни было предложено удовлетворение слишком позднего оправдания, но государь при всей своей власти никогда не сможет заставить меня снова слушать ему; я должен был бы сойти с ума, чтобы опять броситься в эту пучину горя и сожалений. Я достаточно несчастен тем, что, исполняя свой долг отца семейства, должен жить в стране, где напрасно взывают к справедливости», и т.д.²⁹

В наброске письма, которое Панин не отправил Александру, говорится, что граф не имеет никакого понятия, чем он навлек на себя немилость, и что он, сильный сознанием своей невинности, со спокойной совестью ожидает приказания государя. В письмах государю Панин несколько раз требовал рассмотрения своих мнимых преступлений. Все было напрасно, так как в основе всего находился план регентства, и эта тайна, известная Александру, не могла быть обсуждаема на суде. Как в письме вдовствующей императрице от 1804 или 1805 года, так и в письме императору Николаю от 1826 года Панин указывал, что его устные и письменные обращения к великому князю Александру по поводу плана регентства не могут быть поставлены ему в упрек, так как он при этом руководствовался самыми чистыми побуждениями и так как Александр был вполне с ним согласен; он подчеркивал, что ни в коем случае не может быть сделан ответственным за то, что Александр поручил исполнение плана недостойным лицам; что он не может считаться сообщником преступления, во время совершения которого он, ничего не подозревая, находился в Москве, на расстоянии 800 верст и т.д.

Преследования Панина не имели конца. Когда в 1807 году, во время опасности, угрожавшей русской границе, дворянство Смоленской губернии избрало графа Панина начальником организованной тогда милиции, из Петербурга пришло по приказанию государя распоряжение, чтобы Панин немедленно оставил эту должность. В письме графу Толстому от 1810 года Панин жаловался на то, что подвергся «гражданской смерти», что из всех подданных Александра он один не имеет прав и что просит по крайней мере определить границы, внутри которых ему позволено свободно двигаться, и решить, может ли он приезжать в столицы в то время, когда двор там не пребывает. Положение Панина оставалось неизменным. Когда в 1818 году в Петербурге разнесся слух, что Панин хочет приехать в резиденцию, один сановник написал ему, что пребывание его в Петербурге «невозможно». Жена Панина в 1818 году обратилась к императору Александру с просьбой выяснить положение и оказать ее мужу справедливость, но ничего сделано не было. Преследование Панина продолжалось и за гробом. Когда вскоре после вступления на престол императора Николая тесть Панина граф Орлов на коленях просил государя прекратить гонения на Панина, Николай, как рассказывают, сказал, что он должен был обещать матери, вдовствующей императрице, оставить в этом деле все по-старому. Так до конца своей жизни (1837 год)

Представители царственного дома в XVIII в.: 1 ряд — Петр Великий, Екатерина I Алексеевна, Петр Великий (1697 г.); 2 ряд — Павел I, Екатерина II (2 раза), Петр III; 3 ряд — Анна Леопольдовна, Петр II, Анна I Иоанновна; 4 ряд — Елизавета I, Анна Петровна

оставался гонимым и отверженным Панин — инициатор плана, который имел целью установить регентство вследствие душевной болезни императора Павла.³⁰

Панин считал возможным устранение Павла без насилия; другие думали, что для спасения государства они должны совершить преступление. В этом преступлении Панин не был виновен. Трагическая судьба заставила его пострадать из-за несчастного стечения обстоятельств, которые хотя и спасли Россию, но привели к смерти Павла. Жозеф де Мэстр писал в 1805 году своему королю о кончине Павла: «Il fallait que cette mort arrivât, mais malheur à ceux par qui elle est arrivée» («Смерть эта должна была наступить, но горе тем, кто был ее виновниками»)³¹.

Послесловие к первому изданию

Книга об императоре Павле I впервые вышла в свет на немецком языке в 1897 году под инициалами Р.Р. Для читателя-специалиста уже тогда было вполне ясно, что она написана бывшим профессором русской истории А.Г. Брикнером, автором известных сочинений о Петре I, Екатерине II, Потемкине, Посошкове, а также других многочисленных исторических трудов. После смерти Брикнера указания на принадлежность ему этого сочинения появились и в печати.¹ Покойный ученый был прекрасным знатоком русской истории XVII и XVIII столетий; он был хорошо осведомлен о печатных как русских, так и иностранных источниках, но архивными исследованиями мало занимался, что, конечно, в значительной степени лишало его труды интереса фактической новизны; зато он умел сделать их общедоступными по изложению.

Тем же характером отличается и эта книга (названная «Смерть Павла I»),² автор которой не задавался целью создать всеобъемлющее исследование периода царствования Павла, а ставил более узкую задачу. Книга составлена преимущественно по печатным источникам, но эти источники не известны большинству читателей, поэтому произведение представляет и по теме, и по изложению большой интерес. Смерть императора Павла долгое время принадлежала к числу запретных тем, несмотря на то что всем образованным людям было в

общих чертах прекрасно известно, как окончил жизнь этот государь, более четырех лет заставлявший страдать Россию и доведший самодержавный произвол до совершенной бессмыслицы.

Со времени выхода в свет книги Брикнера изучение времени царствования императора Павла и его биографии продвинулось вперед; мы назовем некоторые посвященные этому предмету труды, чтобы читатели могли подробнее ознакомиться с теми условиями, которые вызвали печальную кончину Павла. Сжатый, но весьма интересный и довольно объективный очерк его жизни напечатан Е.С. Шумигорским на основании множества источников, в том числе и неизданных, в «Русском Биографическом Словаре» (1902 г.), издаваемом Императорским Русским Историческим Обществом.³ Ему же принадлежит сочинение «Императрица Мария Федоровна», первый том которого издали еще в 1892 году, но доведенный до времени смерти Екатерины II труд продолжен не был. Тому же автору принадлежит сочинение об известном друге Павла фрейлине Екатерине Ивановне Нелидовой (1898 г.), которое читается с большим интересом. Шумигорским изданы и некоторые важные источники для изучения царствования Павла: записки графини Головиной, переписка Нелидовой с Марией Федоровной и некоторые другие.

Изучению жизни Павла до восшествия на престол еще в 1882 году посвятил историческое исследование Д.Ф. Кобеко («Цесаревич Павел Петрович»), пользующееся вполне заслуженной известностью как внимательной разработкой источников, так и живостью изложения.

Н.К. Шильдер в первом томе своего известного труда «Император Александр I» (1897 г.) отвел значительное место времени Павла, а главное — напечатал в приложении немало новых материалов. В 1901 году Шильдер издал особый труд по этому предмету («Император Павел Первый»), охватывающий всю жизнь этого государя, но автор ставил своей целью, главным образом, биографию Павла и недостаточно подробно останавливался на его правительственной деятельности.

Весьма полезный вклад в литературу, посвященную эпохе Павла I, внес второй том сочинения С.А. Панчулидзева «История кавалергардов» (1901 г.), в котором рассматриваются на основании множества как печатных, так и рукописных источников военные преобразования Павла,⁴ принятие им на себя звания Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского и история заговора против Павла, но сочинение это, во-первых, преследовало известные специальные цели, а во-вторых, издано с исключительной роскошью, оказалось совершенно недоступным для широкой публики.

Сжатый, но интересный очерк событий, связанных со смертью императора Павла, читатели могут найти в одной из глав сочинения известного знатока русской истории профессора Шимана,⁵ а также в сборнике материалов, изданных Шиманом с написанным им введением под заглавием «Убиение Павла I и восшествие на престол Николая I» (Берлин, 1902 г.), где времени Павла посвящено несколько новых и интересных материалов, как, например, статья Лобанова-Ростовского о гра-

На стр. 203:
А. Наумов. Портрет
императора Павла I.
С оригинала
В.Л. Боровиковского

Императрица
Елизавета
Петровна

фе Никите Петровиче Панине, очень важные письма Панина Марии Федоровне и императору Александру I, записки князя Д.Х. Ливена,⁶ рассказ принца Евгения Вюртембергского о его приезде в Петербург, рассказы Беннигсена и Платона Зубова и письмо супруги Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны немедленно после смерти Павла.⁷

Приняв во внимание все сказанное выше, нельзя не считать полезным издание сочинения Брикнера в русском переводе, выполненном известной переводчицей М.В. Чепинской. Правда, автор не воспользовался некоторыми источниками, заключающими интересные сведения о поставленной им задаче и вообще о самом последнем вре-

Великий князь
Павел Петрович
в 1758 г.

мени жизни Павла, как, например, юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского,⁸ записки декабриста М.А. Фонвизина⁹ и Вельяминова-Зернова, рассказ неизвестного, напечатанный в «Историческом сборнике вольной русской типографии»¹⁰, и некоторые другие; не коснулся он и многих правительственных мер Павла, вызывавших общее раздражение против него, но все же произведение Брикнера дает интересные сведения, новые для большинства публики, и в целом правильно излагает и освещает ход событий. Издание его тем более полезно, что в некоторых сочинениях о Павле и его времени стало обнаруживаться стремление к идеализации этого не-

счастливого человека, но совершенно невозможного государя. Вот что пишет, например, профессор Бучинский в своей брошюре «Отзывы о Павле I его современников» (1901 г.): «По отзывам беспристрастных (!) современников, как русских, так и иностранцев, Павел Петрович — этот царь-демократ (!) — был человеком редким в нравственном отношении, глубоко религиозным, прекрасным семьянином, с недюжинным умом, феноменальной памятью, высокообразованным, энергичным и трудолюбивым и наконец мудрым правителем государства (!?) как в делах внешней политики, так и внутренней». Харьковским профессором русской истории отчасти недостаточно знаком с источниками, отчасти слишком тенденциозно пользуется ими. Так, он считает небылицей намерение Павла назначить наследником престола принца Евгения Вюртембергского, между тем как об этом было сообщено на основании вполне достоверных источников в статье об убийстве Павла еще в 1860 году в журнале Зибеля¹¹ и вслед за тем подтверждено рассказом самого принца о намерении Павла усыновить его, о чем государь сказал Дибичу; Павел говорил при этом, что он — господин в своем доме и в своем государстве и что он возведет принца на такую высокую степень, которая всех изумит.¹² Этот план был связан с намерением сослать Марию Федоровну в Холмогоры и заточить великих князей Александра в Шлиссельбургскую, а Константина — в Петропавловскую крепости, о чем государь однажды прямо сказал своей фаворитке княгине Гагариной, добавив: «Пора нанести великий удар».¹³ Есть также известие, что он хотел обручить принца Евгения со своей дочерью Екатериной.¹⁴ Бучинскому кажется совершенно невероятной душевная болезнь Павла. Как плохо он ориентируется среди приводимых им свидетельств, видно из следующих примеров. Так, он говорит, что Павел «не пользовался сам» государственной казной и «не позволял пользоваться другим», «был бережлив до скупости», но в то же время приводит свидетельство Лопухина о «бес-

*Сидо.
Екатерина II,
окруженная
семейством
и ближайшими
придворными.
Гравюра 1784 г.*

предельной щедрости» Павла.¹⁵ Автор считает невозможным допустить тиранический характер правления Павла, однако же приводит, хотя и с тенденциозными пропусками, следующее свидетельство Мертвого, совершенно несомненное, так как он служил под начальством генерал-прокурора Обольянинова: «Государь был на многих в подозрении. Тайная канцелярия была занята делами более вотчинной; знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников, разбирал основание их секты, многих брали в Тайную канцелярию, брили им бороды, били и отправляли на поселение. Словом, ежедневный ужас».¹⁶ Пропустив в приведенной цитате набранные курсивом слова как несоответствующие его предвзятой идее, Буцинский на следующей странице уверяет, что «тирания не зависела от Павла» и что он «даже не знал о ней». Так автор пытается убедить нас, что Павел не только «всегда имел в виду общегосударственное благо», но что будто бы он «даже сделал в этом отношении больше, чем можно было ожидать, имея в виду его слишком непродолжительное царствование». Профессор Брикнер, конечно, совершенно иначе оценивает Павла и справедливо считает его, по крайней мере в конце царствования, душевнобольным человеком, приводя подобные же мнения современников. Буцинский не желает понять, что, отрицая душевную болезнь Павла, он очень дурно защищает его, так как только несомненное существование такой болезни позволяет снисходительнее относиться к Павлу и не ставить его на одну доску с такими злодеями, какими были, например, Аракчеев, его помощник по управлению военными поселениями Клейнмихель и некоторые другие.

*Екатерина II
с семейством
в Царскомельском
саду*

*Алексей Андреевич
Аракчеев*

Для душевной ненормальности Павла было много оснований. Мы не станем искать причины в условиях наследственности, как это делает профессор П.И. Ковалевский,¹⁷ ввиду того, что весьма сомнительно, чтобы Павел был сыном Петра III. Екатерина в своих записках рассказывает о близких отношениях перед рождением Павла с камергером ее мужа Салтыковым, на которые ввиду необходимости иметь наследника русского престола смотрела сквозь пальцы обер-гофмейстерина Чеглокова, получившая от императрицы Елизаветы выговор за то,

что у великого князя нет детей. Правда, были приняты некоторые меры для того, чтобы после девятилетнего бездетного супружества можно было считать Петра Федоровича отцом Павла, но в действительности едва ли это было так. Определенное сходство характеров Петра III и Павла объясняется благоговением того и другого перед Фридрихом II и прусским военным строем. После рождения Павла (20 сентября 1754 года) С. Салтыков был послан за границу и служил там по дипломатической части.¹⁸

Воспитание маленького Павла, немедленно после его рождения взятого от матери императрицей Елизаветой, происходило при весьма вредных для него условиях. Екатерина впервые увидела его через 40 дней после родов и должна была, по ее собственным словам, лишь «украдкой наведываться об его здоровье, ибо просто послать спросить значило бы усомниться в попечениях императрицы и могло быть очень дурно принято». Елизавета «поместила его у себя в комнате и прибегала к нему на каждый его крик; его душили излишними заботами. Он лежал в чрезвычайно жаркой комнате во фланелевых пеленках, в кроватке, обитой мехом черных лисиц, его покрывали одеялом из атласного пике на вате, а сверх того еще одеялом из розового бархата, подбитого мехом черных лисиц. После я сама много раз видела его таким образом укутанного; пот тек с его лица и по всему телу, вследствие чего, когда он вырос,

простужался и заболел от малейшего ветра. Кроме того, к нему приставили множество бестолковых старух и мамушек, которые своим излишним и неуместным усердием причинили ему несравненно больше физического и нравственного зла, нежели добра».¹⁹ Рассказами о домовых и привидениях они так расстроили его нервы еще в раннем детстве, что он прятался под стол, когда сильно хлопали дверьми. Быть может, не без умысла эти женщины так напугали Павла императрицей, что он трясся при одном взгляде на нее, и тогда Елизавета стала весьма редко посещать внука. Слишком рано, уже в четыре года, маленького Павла начали учить грамоте. Мать лишь в конце царствования Елизаветы получила позволение видеть сына раз в неделю. На шестом году Павел был передан, хотя еще и не вполне, в мужские руки, — воспитание его поручили Н.И. Панину.

Позднее, при Екатерине II, воспитатели были недостаточно осторожны в выборе чтения для подрастающего цесаревича и в разговорах при нем. Произведения французской литературы, с которыми его знакомили, иной раз настолько не подходили для его возраста, что великий князь, как это случалось, сам просил прекратить чтение на каком-нибудь неприличном месте. В придворном театре ему также приходилось смотреть пьесы, преимущественно посвященные изображению любви. Все это преждевременно возбуждало фантазию и расстраивало нервы. Уже в 10—11 лет он занят был «нежными мыслями» и «маханием» (то есть ухаживанием) за жившими во дворце фрейлинами, и Панин расспрашивал своего питомца, в кого он влюблен. Павел так же быстро привязывался к людям, как и охладевал к ним, и рано стал проявлять сильную раздражительность. Это побудило Порошина, лучшего из его воспитателей, предсказать своему питомцу, что «при самых наилучших намерениях он возбудит ненависть к себе». Чтение, преподносимое 10—12-летнему мальчику, — сочинения Вольтера, Монтескье, Дидро, Даламбера, Гельвеция — было ему не по силам даже и при объяснениях Порошина. С 14 лет предполагалось начать преподавать Павлу государственные науки, но назначенный для этого Теплов нагнал страшную скуку на своего ученика, начав знакомить его с различными процессами, приносимыми им из Сената.

На девятнадцатом году Павла женили на Вильгельмине, принцессе Гессен-Дармштадт-

*Петр Андреевич
Клейнмихель*

*Прусский император
Фридрих II*

*Неизвестный
художник второй
половины XVIII в.
Портрет великого
князя Павла
Петровича в юности.
Копия с оригинала
Ж.Л. Вуаля*

ской, получившей с принятием православия имя Наталии Алексеевны. В то время он писал графу Андрею Разумовскому, наиболее близкому к нему после жены: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности». Но однажды в поданном ему кушанье Павел нашел несколько осколков стекла. Взяв блюдо, он отправился к матери и заявил ей, что его хотели отравить.

Первый брак Павла не был счастливым: Екатерина указала сыну на то, что граф Андрей Кириллович Разумовский злоупотребляет его благосклонностью, чтобы сблизиться с великой княгиней, но последняя сумела успокоить мужа. Однако когда на третий год супружества Наталия Алексеевна умерла от родов и Павел стал предаваться неумерен-

*На стр. 210:
Великая княгиня
Екатерина
Алексеевна
в 1748 г.*

П.Г. Богомалов.
Натюрморт
с книгами. 1738 г.

вича во время второго его путешествия за границу, опасение быть отравленным никогда не покидало его; кроме того, еще в 1770-х годах во время прогулки по Петербургу у него была галлюцинация. Павлу представилось, что около него появился Петр Великий и сказал ему: «Павел, бедный Павел, бедный князь». Крайне раздражало Павла, что от него удаляли преданных ему людей; это заставило его во время

ной горести, Екатерина быстро его излечила от нее, передав сыну любовные письма Разумовского великой княгине. Такой удар мог, конечно, только еще более увеличить раздражительность и недоверчивость Павла.

Поездка в Берлин в том же 1776 году для сватовства принцессы Вюртембергской Софии-Доротеи имела пагубное влияние на цесаревича в том отношении, что сделала его подобно Петру III слепым поклонником Фридриха II и прусского военного строя. Это поклонение доводило позднее Павла до того, что он делал весьма неуместные разоблачения известных ему шагов русского правительства в иностранных сношениях наследнику прусского престола и прусскому посланнику и таким поведением оправдывал почти совершенное устранение его от государственных дел. Брак Павла с Марией Федоровной можно было бы назвать счастливым в течение многих лет, если бы родительские чувства Павла не оскорбляли тем, что императрица не оставляла в семействе великого князя его новорожденных детей, а брала их на свое попечение. Дурные отношения с матерью и пренебрежение, явно выказываемое ему ее любимцами, также отражались на настроении Павла. По свидетельству одного лица, видевшего цесаря

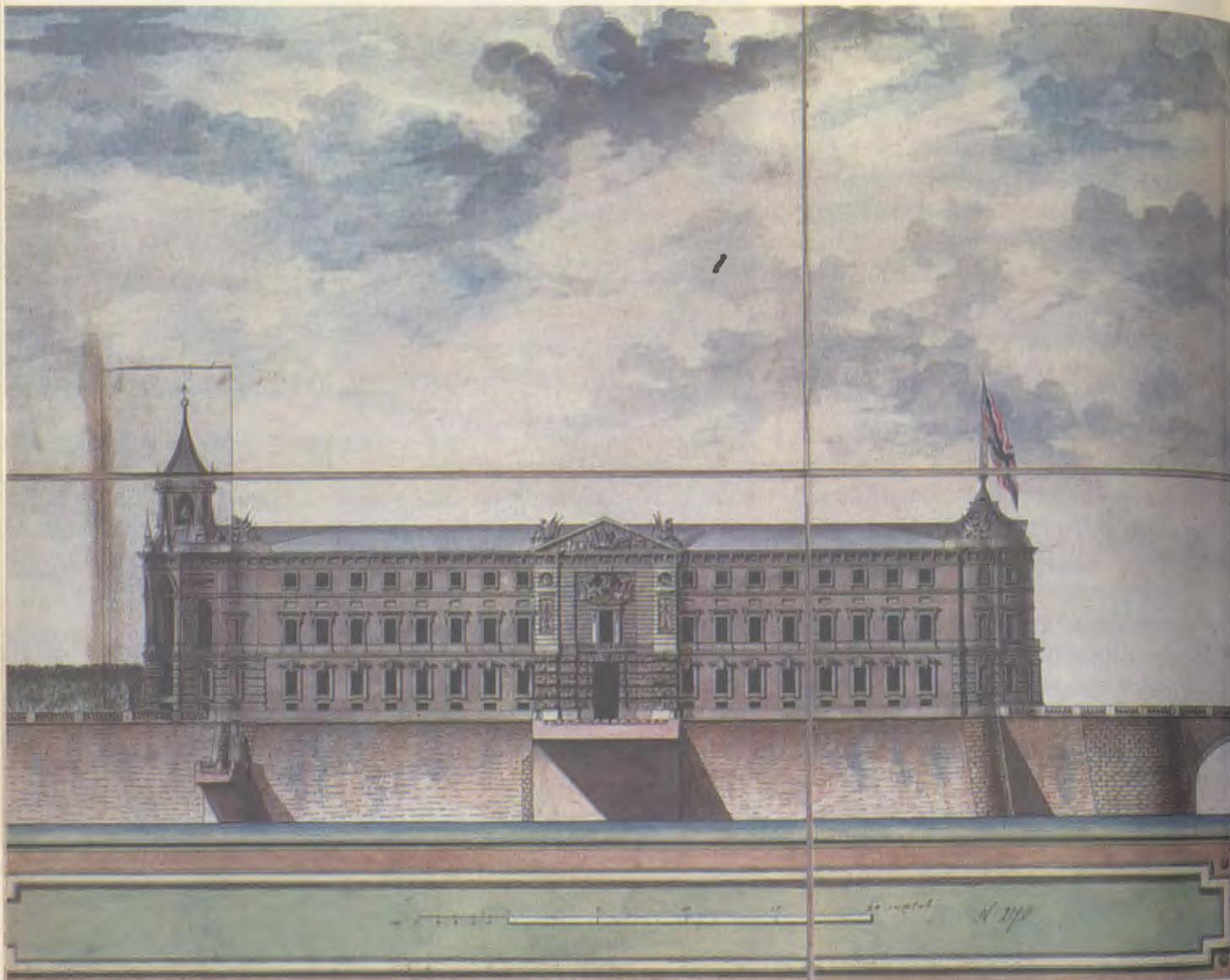
второго путешествия по Европе сказать французскому королю, что если бы в его свите была верная ему собачка, то его мать велела бы немедленно ее утопить.

С 1783 года начинается гатчинский период жизни Павла, в который окончательно сложились его «парадомания», страсть к военной муштровке и склонность к поддержанию в войске дисциплины жестокими наказаниями. В то время он сблизился с офицерами, лишенными всякого образования. Характер Павла все более портился; в минуты гнева он доходил до бешенства.²⁰ Екатерина совершенно не сочувствовала многим взглядам сына, и однажды ей даже пришлось объяснить ему, что «пушки не могут воевать с идеями». Дружба Павла, впрочем, вполне платоническая, с фрейлиной его жены Е.И. Нелидовой значительно нарушила мир в собственной его семье, так что Нелидова пожелала удалиться в Смольный институт, место своего воспитания.

Брикнер говорит, что, «судя по рассказам (А.М.) Тургенева, деспотические замашки Павла уже в первое время его царствования носили характер безумия цезарей, которое затем непомерно усилилось». Приведем также факт, услышанный Вельяминовым-Зерновым от очевидца. Находясь с семейством на балу в Смольном монастыре, где жила Нелидова, Павел в то время, когда она находилась в танцевальном зале, прошел (в сопровождении Кутайсова и еще двух лиц) в комнаты Нелидовой, отдернул занавес ее кровати, с восторгом воскликнул: «Это храм добродетели! Это храм непорочности! Это божество в образе человеческого!» — встал на колени и несколько раз поцеловал ее постель.²¹ Если и нельзя говорить о безумии Павла до последнего года его царствования, то все же временами он несомненно бывал в ненормальном состоянии. Державин в своих записках приводит примеры

*Королева Франции
Мария Антуанетта.
Король Франции
Людовик XVI*

*Проект главного
фасада Гатчинского
дворца*

бессмысленных резолюций Павла в последний год его жизни. Так, на докладе, заключающем в себе несколько различных мнений, он написал: «Быть по сему»; на докладе межевого департамента о споре относительно земли между донскими казаками и частными владельцами Павел на плане во всех спорных местах также написал: «Быть по сему».²²

Принц Евгений Вюртембергский, видевший Павла перед самой его смертью, сообщает немало данных о его состоянии в то время. В наиболее ранней своей записке о поездке в Россию в 1801 году он говорит, что при первом свидании «император не показался мне умышленным, каким я ожидал его найти, но человеком наиболее странным из всех, каких я встречал в жизни, и вид которого заставил меня думать, что слухи, ходившие в обществе, имеют основание». Далее принц добавляет: «Разговор императора был переполнен парадоксами и галиматьей из совершенно непонятных фраз».²³

Подробнее останавливается принц Евгений на душевном состоянии Павла в воспоминаниях о своей поездке в Россию в 1801 году, написанных позднее. Уже при въезде в Россию он услышал от дяди в Риге о душевной болезни императора; он и здесь повторяет, что при первом свидании с Павлом «не было заметно следов болезни, которая тогда овладевала им», но далее делает любопытное признание: «Я колеблюсь в своих вынужденных необходимостью сообщениях о тогдашних отношениях и действительном душевном состоянии императора между возможностью оказаться неблагодарным за оказанное мне благоволение и исторической истиной. Но история уже осудила его, и, может быть, слишком строго, и потому мои наблюдения не могут повредить ему, ибо, с моей точки зрения, все химеры, постепенно затемнившие сознание государя, который первоначально желал добра, и побудившие его нарушать естественные права человечества, происходили от расстроенного воображения. Теперь я не мог бы отнестись отрицательно к общей уверенности в том, что разум императора Павла колебался между светом и тенью, делал его вообще таким больным, для которого благодаря особенно удобным обстоятельствам весь свет являлся свободной ареной для его заблуждений и который, первоначально измыслив всевозможные опасения, затем считал себя вынужденным устранять грозящую опасность насильственными мерами». Принц Евгений признает, что «Павел доказал всем совершенную неспособность царствовать, и его печальное состояние грозило государству очевидной опасностью... Следы его душевного расстройства проявились и во внешних сношениях, так что глас всей Европы и глас его народа слились в одном мнении, что не может долее царствовать сумасшедший, внутри государства приводящий в беспорядок все отрасли управления, а во внешних делах сегодня враждующий с союзниками, которых вчера усердно приветствовал». Принц Евгений слышал и от окружавших его тогда лиц, что «царь сошел с ума», что «так не может долее продолжаться». Княгиня Гагарина, любовница Павла, намекнула принцу Евгению на судьбу детей Эдуарда IV, брошенных Ричардом III в подвалы Тауэра, и он лишь впоследствии вполне понял, какой опасности подвергал его своими планами безумный Павел. Утверждая, что все действия Павла обнаруживали его душевную болезнь, принц Евгений приводит и некоторые отдельные факты. Так, он передает рассказ очевидца, как на смотру государь схватил за воротник юного прапорщика, грубо тряс его и бросил в снег его шляпу и шпагу, а в другой раз велел прогнать с

*В.Л. Боровиковский.
Портрет
Г.Р. Державина.
1795 г.*

В.Ю. Желваков.
Ночные стражи
Дрездена

учений палками целый полк. Принц Евгений был свидетелем того, как после концерта Павел остановился перед императрицей, уставился на нее, скрестив руки, с язвительной насмешкой и беспрестанно тяжело дыша, как это бывало с ним обычно в особенно сильном раздражении. То же он проделал и перед двумя старшими великими князьями, а затем прошептал что-то графу Палену. После обеда он с насмешкой оттолкнул жену и сыновей, когда они по обыкновению хотели поклониться ему, и ушел, не поклонившись им.²⁴

Сцена, описанная Саблуковым, во время которой Павел маршировал перед трепещущим сыном Константином церемониальным маршем, также едва ли могла произойти при нормальном состоянии государя. Еще в марте 1800 года сардинский посланник Бальбо доносил своему правительству о помешательстве Павла («l'Empereur de Russie est fou»); английский посланник Уитворт также доносил незадолго до своего удаления из России, что Павел «в буквальном смысле лишился рассудка». Затем Уитворт пишет в той же депеше, что эта истина признана приближенными Павла уже в течение нескольких лет: «Мне самому неоднократно представлялся случай в этом убедиться». Но с тех пор, как он вступил на престол, психическое расстройство

его стало постепенно усиливаться и в настоящую минуту возбуждает во всех сильнейшее беспокойство. В этом обстоятельстве кроется роковая причина многого, что случилось, и та же причина вызовет новые сумасбродные выходки, которые придется оплакивать».²⁵ Доктор Роджерсон, близкий ко двору человек, писал графу С.Р. Воронцову в 1800 году, что Павел «неспособен отличать добро от зла», что «облако сгущается, бессвязные движения увеличиваются и делаются все заметнее день ото дня».²⁶ Князь Чарторыйский в своих мемуарах говорит: «Все, то есть высшие классы, высшие должностные лица и чиновники, генералы, офицеры,.. были более или менее убеждены, что государь временами был подвержен припадкам сумасшествия. Его царствование сделалось наконец истинным царством террора». По свидетельству Чарторыйского, князь Зубов в речи, произнесенной перед заговорщиками 11 марта, также ссылаясь на необходимость действовать ввиду безумия Павла.²⁷ Приказы императора от 12—13 января 1801 года атаману Донского Войска Орлову, по которым донские казаки выдвигались в поход на Индию в количестве 22 000 человек, причем не было заготовлено продовольствия, не имелось даже карт всего пути, могут свидетельствовать также о ненормальности в то время Павла.²⁸ Недаром современники в разговорах с глазу на глаз называли царствование Павла «затмением свыше».²⁹

Несмотря на связь, уже вовсе не платоническую, с княгиней Гагариной, урожденной Лопухиной, у Павла в конце его царствования были и случайные связи. О его игривом настроении в то время говорит, например, следующее письмо фельдмаршалу графу И.П. Салтыкову в начале января 1801 года: «Пристану я на две ночи в Кремле, а потом в Слободе. Я надеюсь, что, *хотя я и проказлив*, но пустите к себе, хотя бы только полюбоваться на ваших красавиц; но старому не пора о том помышлять».³⁰ Что Павел не ограничивался лишь шутками в эротическом стиле, свидетельствует следующий факт: 21 февраля 1801 года он сообщил вице-канцлеру

Великий князь
Константин
Павлович

князю Куракину, что если у него родятся два сына, то первого пусть назовут Никитой, а второго — Филаретом, если же две дочери, то первую Евдокией, а вторую — Марфой; в том и другом случае дети его примут фамилию Мусиных-Юрьевых.³¹ Больной голове Павла представилось, что у него должны родиться не сын или дочь, а именно два сына или две дочери, но родилась одна дочь. Она получила фамилию Мусиной-Юрьевой, и 1 августа 1801 года, по завещанию отца, император Александр пожаловал ей в потомственное владение 1000 душ из деревень, купленных в Псковской губернии у графа Андрея Разумовского с тем, чтобы собираемые с крестьян оброчные деньги отсылались в опекунский совет воспитательного дома для приращения посредством процентов до совершеннолетия или замужества девицы Мусиной-Юрьевой, когда она и должна была вступить во владение пожалованными ей деревнями.³² От покойного моего брата, имевшего в руках соответствующие документы, я слышал, что этот ребенок был плодом случайных отношений Павла с какой-то финкой, приглянувшейся ему на улице. Нужно заметить, что разрыв Павла с женой и сближение с Лопухиной (вышедшей замуж за князя Гагарина) были результатом наглой интриги придворной камарильи. После рождения великого князя Михаила Павловича 28 января 1798 года берлинский акушер, приглашенный Марией Федоровной, был подкуплен, как полагают, Кутайсовым, желавшим подорвать влияние императрицы и Нелидовой, и объявил государю, что он не отвечает за жизнь императрицы в случае новых родов.³³ Таким образом, в этом, как и во многих других случаях, злонамеренное вмешательство посторонних лиц имело для Павла трагические последствия.

Вопрос о душевной болезни Павла следовало бы вновь рассмотреть психиатрам, так как очерк Ковалевского мы не можем признать удовлетворительным. Мне кажется, что при этом нужно обратить внимание на следующие черты государя: стремление к неограниченному самовластию, требование безусловного и немедленного повиновения под угрозой суровых наказаний, представляющие что-то вроде навязчивой идеи;³⁴ мания преследования, основы для которой могли быть заложены еще в царствование его матери и которые вполне определились в последние месяцы жизни Павла, так что он даже высказал одному из приближенных подозрение, что его хотят задушить. Связь между этими двумя сторонами душевной жизни Павла отметил также Карамзин, сказавший, что Павел «ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился». Еще одним болезненным явлением в душевной жизни Павла мы считаем признаки эротомании.

Брикнер указывает на то, что Павел погиб вследствие отсутствия закона, предусматривающего душевную болезнь государя; при этом автор напоминает, что в Англии во время болезни Георга III управление делами не раз поручалось принцу Уэльскому, а в Дании при Христиане VII с 1784 года регентом был будущий король Фридрих VI.

*На стр. 218:
Ф. Крюгер.
Император
Николай I,
великий князь
Михаил Павлович,
цесаревич Александр
Николаевич,
князь П.М. Волконский
и граф
А.Х. Бенкендорф*

*Н.И. Уткин.
Портрет Николая
Михайловича
Карамзина*

Однако предположения Александра Павловича о заточении его отца в Михайловском замке, построенном самим Павлом, весьма естественно могли казаться Палену неосуществимыми и опасными. Если бы даже и существовал закон о регентстве, то еще неизвестно, удалось ли бы его применить в данном случае без серьезных замешательств: ведь Павел думал же нарушить изданный им самим закон о престолонаследии. Князь Чарторыйский также считает неосуществимым предположение Александра «держать отца под опекой. Если бы император остался жив, полилась бы кровь на эшафотах, Сибирь наполнилась бы ссыльными, и, вероятно, ужасное мщение Павла распространилось бы на многих членов его семейства».

Если император Павел во время своего царствования был человеком в большей или меньшей степени душевнобольным, если Пален совершенно верно подметил в характере Павла то, что последний всегда перескакивал с одного настроения к противоположному и принимал самые противоречивые решения, то уже заранее можно усомниться в возможности для этого государя определенной демократической программы, которую хочет навязать ему Буцинский. Но чтобы более убедиться в этом, мы рассмотрим некоторые мероприятия Павла по внутренним делам.

Дворянство при Павле лишено было свободы от телесных наказаний. 2 января 1797 года Сенат поднес государю доклад об отставном прапорщике Рожнове, который за произнесение «дерзких и к разврату клонящихся слов» о святых иконах и владетельных государях заслуживал, по законам, смертной казни, однако на основании указа императрицы Елизаветы от 1754 года подлежит наказанию кнутом, вырезанию ноздрей, клеймению и ссылке в тяжкую работу. Но так как в Жалованной грамоте дворянству 1785 года сказано: «Телесное наказание да не коснется благородного», то прапорщика Рожнова следует, лишив чинов и дворянского достоинства, заковать в кандалы и послать в тяжкую работу. На этом докладе Павел 3 января 1797 года начертал такую резолюцию: «Коль скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается, почему и впредь поступать». После нескольких случаев наказания дворян и одной дворянки кнутом по приговорам, утвержденным государем (среди прочих подпоручика Федосеева, обвиненного в возмущении помещичьих крестьян, и секретаря, признанного виновным в оскорблении величества), генерал-прокурор князь Александр Куракин в целях пресечения разномыслия в присуждении наказаний по уголовным делам дворян, гильдейских граждан, священников и дьяконов предложил Сенату издать об этом общий указ. 13 апреля 1797 года был обнародован сенатский указ, которым постановлялось

довести до сведения Синода и других учреждений именной указ от 3 января 1797 года и конфирмации государя (Пол. Собр. Зак., XXIV, № 17916). А между тем менее чем за месяц, 9 декабря 1796 года, был издан утвержденный Павлом доклад Синода, который ввиду того, что, по грамотам дворянству и городам, не только дворяне, но и купечество телесно не наказываются, ходатайствовал перед государем об избавлении от телесного наказания священников и дьяконов, судимых за уголовные преступления, и об отсылке их вместо этого при лишении духовного звания в работу навечно или на время в зависимости от

*В.Л. Боровиковский.
Портрет
вице-канцлера князя
А.Б. Куракина. 1799 г.*

важности вины, «ибо чинимое им наказание ввиду самых тех прихожан, кои получали от них спасительные Тайны, располагает народные мысли к презрению священного сана» (П.С.З., № 17624). Мы видим тут пример крайней неустойчивости Павла при решении очень важных государственных дел. Правда, указ от 9 декабря 1796 года относительно духовенства был отменен не именным указом, но Сенат логически применил указ о том, что при снятии дворянского звания за преступления устраняются связанные с ним привилегии, к другим привилегированным относительно телесного наказания сословиям, так как указ от 9 декабря 1796 года был мотивирован грамотами дворянству и городам.³⁵

*И.И. Бельский.
Архиерей во время
служения литургии*

В самом начале царствования Павел принял меры к уничтожению одной из привилегий дворян в военной службе. Прежде вошло в обычай записывать на службу в гвардию грудных младенцев и даже неродившихся детей, получая на них паспорта с оставленными для их имен пустыми местами. Этих детей не только записывали на службу, но жаловали даже в унтер-офицеры или сержанты. Павел потребовал на службу всех гвардейцев, находившихся в домовых отпусках,³⁶ и таким образом при нем запись малолетних сделалась невозможной. Но в то же время Павел предоставил дворянам значительные преимущества в военной службе: в указе от 8 ноября 1796 года, то есть через два дня после восшествия на престол, он относительно унтер-офицеров повелел наблюдать, чтобы «в производство дворяне пред недворянами поступали преимущественно» (П.С.З., № 17534). Вслед за тем в воинском уставе пехотной службы (от 29 ноября 1796 года) для производства в унтер-офицерский чин дворяне должны были служить рядовыми всего три месяца, а недворяне — не менее четырех лет (П.С.З., № 17588, ч. IX, гл. 5). 17 апреля 1798 го-

да было предписано не представлять недворян не только в офицеры, но даже в портупей-прапорщики и подпрапорщики, потому что «в оных званиях одни только дворяне должны состоять» (П.С.З., XXV, № 18486). В этих мерах трудно усмотреть у Павла демократические наклонности.

Однако строгости военной службы заставили дворян в огромном количестве переходить на гражданскую службу. Тогда Павел сделал некоторые шаги к восстановлению обязательности службы. В 1797 году он вновь учредил существовавших до первых лет царствования Екатерины II юнкеров при Сенате и коллегиях (П.С.З., XXIV, №№ 17707, 17733). Но так как многие дворяне поступали в юнкера, уклоняясь от военной

службы, то 14 июня 1799 года было предписано, оставив 50 юнкеров по старшинству их в списке, препроводить остальных в Военную коллегию для размещения с тем, что, если кто из них не пожелает определиться в военную службу, таких вовсе исключать, не определяя впредь ни к какой должности» (П.С.З., XXV, № 19900). Вслед за тем, 5 октября того же года, было предписано: никого из неслужащих и желающих вступить в статскую службу дворян никуда не принимать без доклада государю (П.С.З., № 19136), а 12 апреля 1800 года даже вовсе запрещено было принимать в статскую службу вышедших в отставку из военной, если только они не были назначены на нее государем при самой отставке (П.С.З., XXVI,

*Неизвестный
художник. Портрет
Платона (Петра
Георгиевича
Левшина)*

№ 19376).³⁷ Дворяне, служащие в нижних военных чинах, лишались возможности оставить службу по своему желанию: в октябре 1798 года запрещено было дворянам выходить в отставку до производства в первый офицерский чин (П.С.З., XXV, № 18729), а через год стали не увольнять, а исключать из службы «за лень» тех из них, кто пожелал выйти в отставку, не выслужив года в офицерском звании (П.С.З., № 19140).

15 ноября 1797 года Павел повелел дворян, исключенных из военной службы, не только не избирать и не определять ни в какие должности, но даже не принимать от них голосов и для выбора других (П.С.З.,

XXIV, № 18245; XXV, № 18321). 31 марта 1800 года Сенат по предложению генерал-прокурора Обольянинова применил сенатский указ о предании суду магистратских членов, просрочивших свой отпуск, к дворянам, избранным от дворянства в должности и уклоняющимся от вступления в них (П.С.З., XXVI, № 19356).³⁸ Понятно, как велико было недовольство дворян всеми подобными мерами Павла.

Кроме принуждения к службе, связанной при Павле с постоянной возможностью тяжелой ответственности, были и другие причины для негодования дворянства в конце царствования этого государя. «Дворянство, — свидетельствует декабрист М.А. Фонвизин, — было обеспечено в верном получении доходов своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и проч. Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом».³⁹ Это обстоятельство могло играть некоторую роль в гибели Павла — ведь лица, убившие его, были дворяне-помещики.

Относительно духовенства при Павле были приняты двоякого рода меры: 18 декабря 1797 года он значительно повысил все оклады духовенству, получавшему штатное жалованье с 1765 года (П.С.З., XXIV, № 18273), а прихожанам тех церквей, причт которых не состоял на денежном окладе, сначала повелевали обрабатывать в его пользу церковную пашню, но затем 11 января 1798 года указанные работы заменили взносами хлебом или соответственной денежной суммой (П.С.З., XXV, № 18316). Однако восставление 13 апреля 1797 года телесных наказаний для священников и дьяконов, судимых за уголовные преступления, и суровый разбор духовенства, предписанный 22 декабря 1796 года, должны были очень огорчить членов этого сословия. Относительно духовенства в указе было сказано, что, усмотрев из синодских ведомостей, «сколь великое число состоит священно- и церковнослужительских детей, праздно живущих при отцах своих, и желая устроить состояние их с лучшей выгодой как для общества, так и для них самих», государь повелед, заполнив штатные места при церквях и учительские места в духовных и городских училищах, остальных взять в военную службу, «где они будут употреблены с пользой по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались».⁴⁰ Известный исследователь быта духовенства П.В. Знаменский говорит, что «по своему суровому характеру разбор церковников этого времени... напоминал разборы», происходившие при Бироне, «и надолго сохранился в преданиях духовного сословия; правительство как будто карало этих лишних людей духовного звания за то, что они лишние, а между тем само же заграждало им выход в другие звания кроме солдатства, забирало в солдаты и тех из них, которые успели еще прежде

*Петр Хрисанфович
Обольянинов*

записаться в податное состояние или поступить в канцелярии».⁴¹ Этими мерами Павла, то есть суровым разбором духовенства и восстановлением телесных наказаний, и объясняется, вероятно, широкое участие сельского духовенства в крестьянских волнениях, происходивших в очень многих губерниях России с ноября 1796 года почти до самого 1797 года.⁴² Духовенство, конечно, не могло примириться с Павлом, хотя он стал жаловать ордена как белому духовенству, так и монахам и даже женщинам духовного звания. На своего бывшего наставника митрополита Платона, находившего не совместимым светские награды с духовным саном, Павел все же, несмотря на его возражения, возложил Андреевский орден.⁴³

Стремление харьковского профессора Буцинского во что бы то ни стало идеализировать императора Павла не осталось без влияния по крайней мере на одного из тамошних исследователей. Трифильев в работе, посвященной истории крестьянских волнений при Павле,⁴⁴ пытается идеализировать его в области крестьянского дела и уверяет, что этот государь «близко принимал к сердцу нужды крепостного крестьянства», что он в продолжение всего своего царствования «оставался неизменно благожелательным» по отношению к крепостным. В заметке по поводу этого труда⁴⁵ мы уже указали на односторонность взглядов автора. Действительно, указ 1797 года о трехдневной бар-

*Внутренний
вид церкви
Спасо-Вифанского
монастыря,
построенного
митрополитом
московским
Платоном*

щине, как это заметил еще Радищев, походил скорее на увещание соблюдать установившийся обычай, чем на положительный закон, который к тому же был слишком краток и не разрешал многих вопросов относительно барщинного труда. В Малороссии этот закон мог повлечь за собой даже увеличение объема работ на господина, так как до того была очень распространена в помещичьих имениях двухдневная барщина⁴⁶. Трифильев придает большое значение дозволению от 12 декабря 1796 года подавать жалобы государю с условием, чтобы они были подписаны только одним человеком. Но я указал на упущенный автором случай публичного наказания плетьюми, «сколько похотят сами их помещики», многих дворовых без всякого разбора за просьбу об избавлении от тиранства господ и совершенном освобождении. Наказание это было произведено по личному приказу Павла. После этого неудивительно, что «господских людей» во время пребывания Павла в Казани в 1798 году, подавших ему жалобы на господ, «били палками и в полиции секли».⁴⁷

Дело в том, что если некоторые меры Павла (закон о трехдневной барщине, вынужденный, вероятно, сильными волнениями крепостных крестьян;⁴⁸ запрещение в 1798 году продажи крепостных без земли в Малороссии; правила относительно крепостных, ищущих вольности) обнаруживают добрые намерения несколько ограничить крепостное право, то вместе с ними принимаются меры совершенно иного характера. Так 12 декабря 1796 года, то есть в тот же самый день, когда дозволили приносить жалобы государю, именным указом было установлено в целях водворения порядка и утверждения «в вечную собственность каждого владельца», чтобы в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Области Таврической, а также на Дону и на острове Тамани «каждый из поселян остался в том месте и звании, как он по нынешней ревизии написан будет» (П.С.З., XXIV, № 17538). Это означало окончательное прекращение перехода крестьян и закрепощение в перечисленных губерниях за частными землевладельцами, а на Дону вследствие отсутствия там частного землевладения — за войсковыми старшинами и чиновниками. Нужно заметить, впрочем, что на Дону пришлые черкасы (малороссияне) еще в 1760-х годах записывались в подушный оклад не только за станицами, но и за отдельными войсковыми служащими, и есть указание, что даже в конце 1750-х годов были случаи покупки казаками людей

*Евгений Булгарис,
архиепископ
словенский
и херсонский*

*Амвросий Зертис-
Каменский, архиепископ
московский
и калужский*

в «прок бесповоротно» у великороссийских помещиков. На Дону стал замечен сильный наплыв малороссиян в 1782—1795 годах: это, очевидно, было следствием уничтожения Запорожской Сечи в 1775 году и указа от 3 мая 1783 года о прикреплении крестьян в Малороссии. Во время четвертой ревизии (1782 год) за отдельными владельцами было записано 19 123 человек, а по пятой ревизии (1795 год) их оказалось уже 54 628 душ. Покупка крестьян даже с разлучением семейств для перевода в землю Войска Донского продолжалась до появления запретившего это указа Александра I от 20 февраля 1816 года.⁴⁹

*Наказание плетью
в Тайной канцелярии
в конце XVIII столетия.
С акварели XVIII в.
Гейслера*

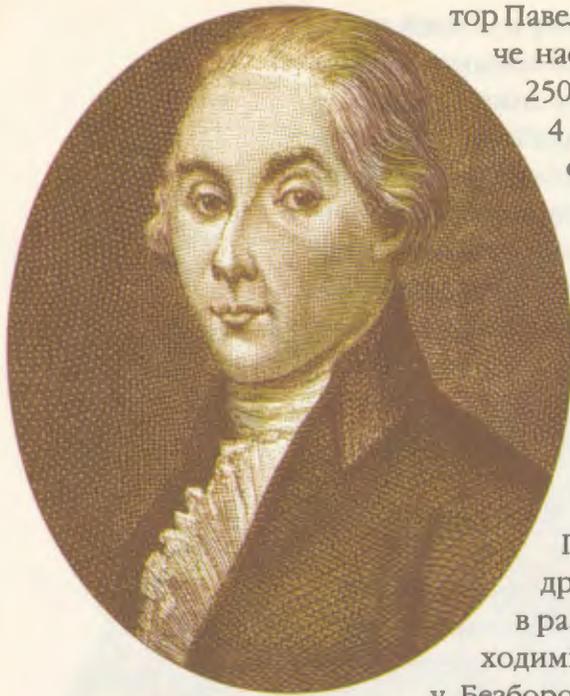
Подобно тому как относительно крепостных крестьян и живущих на частновладельческих землях в мерах Павла не было какого-либо определенного демократического плана, так и относительно других разрядов крестьян принимались меры в совершенно противоположных направлениях. Так, например, относительно государственных крестьян, приписанных к уральским заводам для отработки на них податей и находившихся в весьма тяжелом положении, Павел 9 ноября 1800 года принял сравнительно благоприятные для них предложения, сделанные Соймоновым. Приписных крестьян велено было заменить постоянными

ми мастеровыми, которых они должны были выбрать из своей среды по 58 человек с 1000 душ. Это следовало исполнить в течение четырех лет, начиная с 1802 года, остальные же приписные должны были возвратиться на общее положение государственных крестьян и быть навсегда свободными от заводских работ.⁵⁰ Кроме уральских заводов меру эту Павел велел распространить на олонецкие кронштадтский и луганский заводы (П.С.З., XXVI, № 19641). А несколько ранее, в 1798 году, в интересах фабрикантов и заводчиков была принята мера, весьма неблагоприятная для крестьян: возобновлено разрешение, приостановленное при Петре III, покупать крестьян к фабрикам и заводам, то есть открыта возможность увеличения количества так называемых посессионных крестьян, юридическое положение которых стало несколько благоприятнее, фактическое же — гораздо тяжелее положения помещичьих крестьян, кроме работающих на фабриках и заводах, так как последний труд был самым тяжелым видом барщины.

Вреднее всех других мер для крестьян и интересов государства была безумная раздача населенных имений, которую Шишков называет «расхваткой деревень».⁵¹ Павел, еще будучи наследником престола, задался совершенно неверной мыслью, что положение крепостных крестьян лучше, чем казенных, и уже тогда выражал желание всех казенных крестьян раздать помещикам. К счастью, он не успел осуществить это намерение, однако, считая помещиков своими прирожденными полицмейстерами, он наделил весьма многих крестьян, находившихся в гораздо более благоприятном положении, благодеяниями крепостного права. В истории пожалований имений при Павле особенно памятны три дня: 4 декабря 1796 года 30 человек, окружавших Павла, когда он был наследником, получили более 32 000 душ мужского пола; 5 апреля 1797 года, в день коронации, было пожаловано 109 лицам более 100 000 душ мужского пола, наконец 16 апреля 1797 года офицеры гвардейских полков, прежде служившие в гатчинских и павловских батальонах, поучили около 17 000 душ мужского пола. Таким образом за три дня была роздана половина всего числа душ, пожалованных в царствование Павла. Общий итог пожалований в то время доходит до 600 000 душ обоего пола. Так импера-

*Д.Г. Левицкий.
Портрет
Н.И. Новикова. 1797 г.*

А.Н. Радищев

тор Павел далеко превзошел свою мать в неумеренной раздаче населенных имений, хотя она и раздала крестьян на 250 000 душ более, чем ее преемник, но сделала это не за 4 года, а в течение 35 лет. Следует заметить также, что среди розданных Павлом в частную собственность половина, то есть более 300 000 душ обоего пола, была из дворцовых, или удельных крестьян, положение которых было почти одинаковым с казенными.⁵²

Приведенные факты показывают вполне ясно, что и в крестьянском деле у Павла не было какой-либо определенной демократической программы; приближенные же думали лишь о том, как бы ухватить лишнюю тыщонку душ. Правда, у одного из наиболее высокопоставленных при Павле лиц, хотя он после графа Бобринского⁵³ более других воспользовался безумной щедростью Павла в раздаче населенных имений, был план реформ, необходимых для улучшения быта крепостных крестьян. Когда у Безбородко, знакомого со знаменитой книгой Радищева

«Путешествие из Петербурга в Москву», спросили (по поручению цесаревича Александра Павловича) его мнение о желательных преобразованиях, он указал, что относительно крепостных необходимо принять следующие меры: 1) переселять крепостных крестьян не иначе, как с их согласия; 2) продавать не иначе, как с землей; 3) движимое имущество должно составлять неотъемлемую собственность крестьян, а капиталы их (речь тут, очевидно, идет о крестьянах, разбогатевших торговлей или каким-либо промыслом) не должны быть обложены поборами в пользу помещика более того, что казна получает с купеческих капиталов; 4) необходимы какие-либо меры для изменения быта дворовых: их нужно по истечении известного времени определять на пашню, заменяя другими, или отпускать на волю с тем, чтобы при новой ревизии они могли выбирать для себя службу или состояние. Но если бы Павел и спросил у Безбородко о его программе по крестьянскому вопросу, то, конечно, он не выполнил бы ее именно потому, что у него вовсе не было определенных демократических взглядов. Следует оговориться, впрочем, что (если не считать запрещения при Павле продажи крепостных без земли в Малороссии) программа Безбородко не была осуществлена до уничтожения самого крепостного права.

Брикнер приводит слова Ланжерона о том, что «солдаты-гвардейцы любили Павла. Особенно предан ему был первый батальон Преображенского полка. Взрывы ярости несчастного государя были направлены против офицеров и генералов; солдат же хорошо одевали, хорошо кормили, даже дарили им деньги». Чарторыский также говорит: «Солдаты редко подвергались причудливой суровости императора Павла. К тому же за парад или развод им часто давали хлеб, говядину, водку и рубли». Разумеется, так бывало лишь тогда, когда Павел был

доволен учениями, что вовсе не было явлением обычным. К свидетельствам о том, что солдаты любили Павла, нужно относиться с большой осторожностью. Что им также приходилось быть жертвами крайней требовательности и взбалмошности государя, видно из следующего факта, сообщаемого тем же Ланжероном. Однажды в 1797 году Павел остался недоволен полком, которым командовал Аракчеев. Чтобы отомстить за эту неприятность, Аракчеев велел жестоко высечь трех самых красивых солдат, так что они сразу же после наказания умерли в больнице. Александр Павлович видел несчастных жертв злодея в лазарете, куда нарочно повел его адъютант. Цесаревич вздыхал, но не осмелился сообщить об этом государю, как того ожидали противники Аракчеева.⁵⁴ Шишков в своих записках рассказывает как очевидец, что Аракчеев в присутствии государя за малые ошибки отмечал на спине солдат, сколько палочных ударов следует дать им. По словам Массона, жестокая расправа Аракчеева стоила жизни не одному несчастному солдату даже в присутствии самого Павла.⁵⁵ Другой иностранец, посетивший Петербург в царствование Павла, сообщает, что государь поручил однажды великому князю дать 29 палочных ударов двум гренадерам, которыми он был недоволен. Офицеров Павел иногда собственноручно наказывал палкой,⁵⁶ если же наказание солдат он поручал другим, то все же они прекрасно понимали, кто истинный виновник истязаний, которым их подвергали. Недаром один инвалид

*Ярославская
большая
мануфактура*

Александр Семенович
Шишков

дозволявшую держать голову в чистоте, заменила сложная куафюра с салом, которая вызывала обильное появление паразитов. Обувь солдат стала также неудобной. Чулки со штиблетами и повязками, лакированные башмаки были очень неудобны при переходах по грязным дорогам. Солдатам доставляли истинное мучение штиблеты, штиблетные подтяжки, крючки, башмачные петельки и проч.⁵⁸ Быть может, в некотором отношении материальное положение солдат стало благоприятнее, чем прежде, — недаром граф А.Р. Воронцов, весьма резко отзывающийся о царствовании Павла, говорит, что в отличие от прежнего «положенное для солдат не служило другим в пользу», а доходило до них,⁵⁹ но солдаты при самой строгой дисциплине остаются все же людьми, которых каким-нибудь лишним рублем нельзя заставить забыть о всех их страданиях. Об этом свидетельствует в своих записках Шишков: «Солдаты после учения нередко получали в награду по фунту говядины или по рублю на человека, но и сии царские милости принимались больше с негодованием, нежели с благодарностью; ибо рубль денег или фунт говядины, почитаемый как бы некоторой платой за ежедневные беспокойства и труды, не мог быть достаточным и утешительным за оные вознаграждением. Сверх сего всяк в сих беспрестанных учениях, состоявших в строгом и точном наблюдении самых мелочных и часто переменяемых движений руками, ногами и телом, видел более забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность».⁶⁰ Печальная жизнь делала нижних

(в 1799 или 1800 году), увидев едущего императора, сказал: «Вот наш Пугачев едет!» А когда прятавшийся за забором чиновник заметил ему, как он смеет так называть государя, тот отвечал, что, видно, он и сам так думает, если прячется от него.⁵⁷ Кроме суровых истязаний в жизни гвардейских солдат при Павле были и другие тяжелые стороны. Вместо удобной одежды, введенной по предложению Потемкина, которая была простой и нравилась войскам, приняли форму прусского образца: мундир, узкие панталоны, а также неприятную прическу, неудобную обувь. По словам Саблукова, солдаты в то время «носили букли и толстые косички со множеством пудры и помады, вследствие чего прическа нижних чинов занимала очень долгое время». Так как парикмахеров было мало, «солдаты, когда они готовились к параду, принуждены были не спать всю ночь из-за своей завивки». А потом утомленные солдаты расплачивались спиной за малейшую ошибку на смотре. Таким образом прежнюю прическу,

чинов большими пессимистами; недаром солдат, после того как увидел тело Павла, имевшее следы жестокого насилия, сказал, что теперь он присягнет Александру, «хотя лучше покойного ему, конечно, не быть... А впрочем, все одно: кто ни поп, тот батька».

Выше было приведено свидетельство Мертвого о преследовании сектантов, но им подвергались не все раскольники. К поповцам, жившим в Иргизских монастырях нынешней Саратовской губернии, Павел отнесся очень милостиво. 16 января 1797 года он дал владимирскому губернатору Руничу следующее собственноручное предписание: «Ехать вам в Узени и в прилежащие места, уверить начальствующих о моем к ним благоволении и о желании моем видеть их всегда в спокойствии и удовольствии». Такое посольство Рунича, конечно, должно было иметь очень большое значение для старообрядцев. Указом от 31 августа 1797 года живущие в трех Иргизских монастырях были освобождены от поставки рекрутов. Затем 30 июля 1798 года Павел, узнав, что эти монастыри терпят притеснения от местного начальства, вновь послал Рунича для расследования, поручив ему заявить, что государь вовсе не желает «их тревожить во всем том, что касается до их обрядов и что власти нашей... не противно». После пожара, случившегося в одном из этих монастырей, государь отпустил для возобновления сгоревших церквей и строений 12 000 рублей.⁶¹ В 1798 году единоверцам, то есть старообрядцам, согласившимся принять священников, рукоположенных православными архиереями, но с сохранением старопечатных книг при богослужении, Павел позволил иметь церкви и давать им священников без особого каждый раз разрешения государя. Единоверие было окончательно установлено в 1800 году правилами, составленными митрополитом Платоном и утвержденными императором.⁶² Иначе относился Павел к беспоповцам. В конце 1800 года хозяев домов в Петербурге, где находились

*Вид Красных ворот,
Запасного дворца
и церкви Трех
Спасителей*

беспоповщинские моленные, арестовали, им велено было соединиться с признающими священство, а так как они на это не соглашались, то одного велели обрить и отдать в фурманщики, а другого — посадить в Петербургскую крепость, в которой он был заключен до восшествия на престол Александра I.⁶³

Особенно жестоким преследованиям подвергались духоборцы⁶⁴ в Харьковской, Херсонской, Тверской, Новгородской губерниях и в

Павел I.
Рисунок С. Тончи

Москве. В Новороссийской губернии появились их новые последователи и в 1799 году, как доносил местный губернатор, начали гласно проповедовать, что высшие власти в государстве не нужны. 31 человека сослали на екатеринбургские рудники для самых тяжелых работ, и велено было их держать скованными, «дабы, — как сказано в указе Павла, — сии духоборцы, отвергающие вышнюю власть на земле, пределом Божиим поставленную, восчувствовали чрез сие, как следует, то, что суть на земли власти, Богом определенной на твердую защиту добрых, злодеям же подобным на страх и наказание».⁶⁵ В 1800 году именным указом генерал-прокурору Оболянинову Павел повелел всех нераскаявшихся духоборцев сослать в вечную каторгу и применять это правило ко всем сектантам. Закон не оставался мертвой буквой. По свидетельству известного масона И.В. Лопухина в 1801 году, «никакая секта в новейшие времена не была столь строго пресле-

дуема, как духоборцы... Разными образами истязывали их, целыми семействами ссылали в тяжкие работы, заключали в самые жестокие темницы. Некоторые из них сидели в таких, где ни стоять во весь рост, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мне сказывал, хвалясь своим распоряжением, один из начальников тех мест». По словам того же Лопухина, «всякий генерал-прокурор вследствие губернаторских представлений объявлял именной указ о ссылке их целыми семействами в разные места на поселение и на каторгу, и сослано их таким образом не одно сто».⁶⁶

Известны цензурные свирепства времени Павла.⁶⁷ Они завершились следующим именным указом Сенату от 18 апреля 1800 года: «Так как чрез вывозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, в равной мере и музыку».⁶⁸ На основании этого указа были задержаны даже книги, выписанные из-за границы императрицей Марией Федоровной.

и ей не без труда удалось упросить Павла разрешить получить эти книги. Запрещение, разумеется, не достигло цели, а недозволенные книги находились в обращении и в Петербурге, и в Москве. По свидетельству современника, «так как идти на такой риск стоило лишь для *самых пикантных* вещей, то самая строгость мер была причиной, что из всех литературных произведений привозились в империю только такие, по поводу которых запрещение и было главным образом сделано. Некоторые букинисты (среди них были и эмигранты) занимались этим опасным, но прибыльным промыслом с неслыханной смелостью. Их склады были известны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика».⁶⁹ Обучение в заграничных университетах запретили, а русские подданные были вызваны оттуда. Гонению подвергались не только книги, но даже отдельные слова: так, в 1800 году запрещено было слово «общество», вместо него следовало употреблять «собрание»; вместо слова «гражданин» — «купец» или «мещанин» и проч.⁷⁰

В истории преследования книг якобы дурного направления особенно знаменита история пастора Зейдера. 29 мая 1800 года генерал-прокурор Оболянинов сделал «предложение» Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, в котором сообщал, что государь, узнав о существовании в Лифляндской губернии частных библиотек для чтения, повелел, чтобы «нигде и никаких законопротивных книг не было, если же найдены будут где сомнительные, таковые препровождать в цензуру», о чем и было дано знать лифляндскому генерал-губернатору. Между тем живущий около Дерпта пастор Зейдер не только не представил книг куда следует и не объявил о существовании у него библиотеки для чтения, но и раздавал из нее «сум-

*Великий Новгород.
Вид города
с восточной
стороны*

нительные и уже запрещенные»; поэтому государь повелел книги у пастора Зейдера опечатать и прислать его вместе с ними. Зейдера обвиняли еще в том, что он не предъявил каталогов книг и на требование о представлении их отвечал, что, намереваясь уничтожить библиотеку, порвал их. После прибытия его к генерал-прокурору государь повелел судить его и уже заранее предписал приговор, а именно: Зейдера должно было, «наказав телесно, сослать в Нерчинск в работу». Между тем пастор Зейдер в своей автобиографической записке говорит, что обвинение, возбужденное против него, было ложно и несправедливо потому, что, во-первых, насколько ему известно, список запрещенных книг никогда не был опубликован и сообщен владельцам библиотек в Лифляндии; во-вторых, он никогда не привозил в Россию ни одной книги тайком, а покупал все издания в книжных магазинах.⁷¹ Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел, согласно указу Павла, приговорила Зейдера к лишению духовного звания, наказанию кнутом двадцатью ударами и к отсылке в Нерчинск в работу.⁷²

2 июня 1800 года Зейдер должен был подвергнуться наказанию кнутом. Но, очевидно, в высшей администрации нашлись люди, принимавшие в нем участие, так как офицер-эзекутор подозвал к себе палача и что-то сказал ему. Зейдер разделся, и его выставили к позорному столбу; затем привязали к плахе; с первым ударом он ожидал смерти, но кнут, не касаясь его тела, только скользил по кушаку брюк. Александр I возвратил Зейдера из ссылки и велел вновь посвятить в звание пастора.

Лейтенант Акимов, один из офицеров, отправленных при Екатерине II в Англию для практического изучения морской службы и воз-

*В. Раев.
Гулянье на Лисьей
горе. Вид города
Нижнего Тагила.
1837 г.*

вращенных в Россию по приказанию Павла, видя все происшедшие на родине перемены, написал и начал прикреплять к Исаакиевскому собору, который сначала строили из мрамора, а достраивали из кирпича, следующие стихи: «Се памятник двух царств, обоим столь приличный: основа его мраморна, а верх его кирпичный». Полиция схватила его, донесли императору, а тот приказал Оболянинову и генерал-интенданту флота примерно наказать его. По свидетельству де-Санглена, эти усердные рабы своего повелителя велели отрезать Акимову уши и язык и сослать в Сибирь, не позволив даже проститься с матерью. При Александре I он был возвращен, и тогда узнали все подробности происшествия.⁷³

В 1800 году в городе Старочеркасске, в земле Войска Донского, были наказаны кнутом два канцеляриста «за сочинение критических стихов» и священник, в доме которого были найдены стихи. Вместе с одним сотником обвиненных заклеямили и с вырванными ноздрями сослали в Сибирь; возвращены на Дон они были Александром I.⁷⁴

А.М. Тургенев, бывший в последние два года царствования Павла адъютантом фельдмаршала И. Салтыкова в Москве, рассказывает в своих записках о тогдашних ссылках: «Во все время моего адъютантства при фельдмаршале, разумеется, в течение времени по 12 число марта 1801 года <то есть до восшествия на престол Александра I>, я, смею сказать, ежедневно был соглядатаем бедствия, страдания, несчастья; не проходило дня, в который фельдъегеря не провозили бы кого-либо в ссылку в Сибирь, в заточение в крепость, в каторжную, в крепостную работу, в безызвестные. О *безызвестных* потребно объяснение: безызвестного везли в закрытой кибитке, зашитой рогожами, как тюки товарные обшивают, отправляя на ярмарку; через маленький прорез в рогоже в подвижной тюрьме заключенному подавали фунт хлеба и давали пить раз или два в сутки; утоление жажды несчастного зависело от милосердия и сострадания господина фельдъегеря, его сопровождавшего; в середине кибитки было небольшое отверстие для необходимой естественной надобности. Сопровождавший

Е. Геленковский.
Якутск.
Вид острога и части
города. 1844 г.

фельдъегерь не знал, кого везет, не видел арестанта; ему сдавали его зашитого уже в кибитке. Под смертной казнью фельдъегерю запрещалось говорить с заключенным, равно как отвечать на все его вопросы; Коменданту крепости, в которой было назначено содержать арестанта, предписывали содержать его в секретном номере; инструкцией комендантам крепостей... запрещалось спрашивать таковых арестантов, кто они, было запрещено отвечать на их вопросы; их заключали в мрачный номер каземата, в который свет проходил через маленькое, вершка три в квадрате, окошко сверху. При водворении в сию могилу на живого мертвеца надевали длинную рубашку; пищу и питье для продления его мучений подавали в прорезанное отверстие в двери; пища состояла из двух фунтов хлеба, горшочка щей и кружки с водой... Языка для арестанта в мире не было, все люди для него были немые... Комендант... не смел с ним разговаривать или выслушивать его прошения. Однако же о приключившейся болезни заключенному, равно и о прекращении его жизни, рапортовали по команде, означая несчастного цифрой номера, в котором содержался».⁷⁵

*А. Леруа.
Монастырь в Москве*

Тургенев рассказывает, что, когда он был адъютантом Салтыкова в Москве, были привезены туда в пяти завязанных кибитках 5 человек

со следующим именованным указом: «Доставленных фельдъегерями арестантов наказать в Тайной канцелярии нещадно плетьюми и содержать в тюрьме каждого особо». Тургеневу было приказано сопровождать эти кибитки в Троицкое подворье, где помещалось московское отделение Тайной канцелярии и где жил ее начальник Чередин. Он заставил Тургенева присутствовать при наказании, чтобы последний мог засвидетельствовать, что привезенные были наказаны действительно нещадно. Арестованных привязали за руки и ноги к кольцам, укрепленным винтами в полу, и в течение часа все пятеро были наказаны так жестоко, что ни один не мог стоять на ногах.⁷⁶

Особую известность получило дело братьев Грузиновых в Черкасске. Старший брат Евграф пользовался большим расположением императора Павла. 4 декабря 1796 года ему была пожалована тысяча душ в Московской и Тамбовской губерниях из дворцовых деревень.⁷⁷ Опала началась с младшего брата — Петра: в 1798 году он был арестован, над ним совершен военный суд, который и исключил его из службы с лишением чинов. Затем его отправили с фельдъегерем на житье в Черкасск. Примерно в то же время врагам старшего брата удалось и его удалить туда же. Над братьями учредили особый надзор: они не имели права выходить из дому. В 1800 году они были отданы под суд, младший — неизвестно за что, но дело его не имеет никакой связи с делом старшего

*Эд. Финден.
Вид в Кремле
от площади
для парадов*

На стр. 240:
План Москвы 1796 г.

брата. Петр Грузинов был наказан кнутом; Евграфа Грузинова предали суду в августе 1800 года за бранные слова о государе и за найденные две бумаги, в которых были записаны его мечты. В одной из них говорилось о том, чтобы назваться атаманом, набрать войско не менее 200 000 человек, разбить всех, кто выступит против него, выгнать шпионов, изгнать турок из Стамбула, утвердить там свою столицу и учредить «сенат»; он должен был «премудро» составить «закон для всех под солнцем живущих народов так, чтобы он был всеми принят и содержим». В другой бумаге выражалось желание «населить город разных вер людьми», и именно казаками, татарами, грузинами, греками, калмыками, небольшим количеством израильтян, черкесами, небольшим количеством турок, «между которыми чтоб в рассуждении их вер не было вражды, а чтоб согласие во всех их единодушное; внушить войску казацкому, татарам, грекам, черкесам, чтобы они возвели меня себе в начальники, но чтоб во всем том не обмануться». Грузинов отказался отвечать комиссии. В другой раз он попросил, чтобы ему растолковали, «почему он российского императора подданный», говорил, что «в законе есть много лишнего». Священнику поручено было сделать подсудимому внушение, но Грузинов стал говорить о донском казаке Ермаке Тимофеевиче о том, что и все донские казаки независимы от царского престола и не обязались перед ним вечной присягой, а только временной относительно службы, что он, а также и все казаки нимало не подвластны, а потому и не подданные. Есть показание, что с весны 1800 года он питался только хлебом и водой и все читал какие-то книжки. В одном разговоре он сказал: «Знаете ли, кто Дон заслужил? — Ермак, а теперь отымают, и поселили греков, армян. Вступился было за отечество Пугач», но он про-

Г.Л. Лори.
Вид Моховой и дома
Г. Пашкова
в Москве

ПЛАН
ГОРОДА

СТОЛИЧНОГО
МОСКВЫ

1796 ГОДА

пал. Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, то вся Россия затрясется. Про меня говорят, будто я полоумный; нет я не полоумный!» Дядя Грузинова показал, что считал его за сумасшедшего. Подсудимый признался только в том, что бранил императора.⁷⁸

Еще до окончания следствия участь Грузинова подобно тому, как и участь пастора Зейдера, была решена. 26 августа 1800 года Павел дал такой указ канцелярии Войска Донского: «Исключенного из службы полковника Грузинова 1-го за измену противу нас и государства повелеваем, лишив чинов и дворянства, наказать нещадно кнутом и отправить его к нашему генерал-прокурору, а имение его отписать в казну». 5 сентября Грузинов был засечен кнутом в Черкасске. 27 сентября там же были казнены за недонесение один старшина (дядя Грузинова) и три казака. Старочеркасский прокурор протестовал против приговора, голос его дошел до царя, и Павел послал указ о помиловании, но генерал Репин, присланный из Петербурга следить за ходом дела и торопить с его окончанием и назначенный указом от 15 сентября членом войсковой канцелярии Войска Донского, задержал царское повеление, пока не совершилась казнь. Поэтому 13 октября Павел повелел исключить Репина из службы «за приведение в исполнение сен-тенции смертной казни на Дону вместо заменяющего оную наказания, положенного нашею конфирмациею, и предать суду Сената».⁷⁹

То, что творилось тогда в России, — массовое увольнение лиц, состоящих на службе,⁸⁰ с высылкой их, заточением и даже телесным наказанием, лишение дворянства прав, предоставленных ему в предшествовавшее царствование, преследование русской печати и иностранных книг и тому подобные меры — должно было вызвать мысль о необходимости совершенного низложения Павла или по крайней мере назначения Александра I регентом. Брикнер собрал многие относящиеся к этому предмету данные, но следует обратить внимание на некоторые известия, указывающие на стремление не только заменить

*И. Иванов.
Сенатская площадь
в Петербурге в XIX в.*

одного государя другим, но и ограничить самодержавие или по крайней мере произвести определенные преобразования, что могло бы служить подготовкой к этому ограничению.

Императору Павлу после вступления его на престол был передан, по завещанию графа П.И. Панина, пакет, в котором заключалось написанное Д.И. Фонвизиним под руководством графа Н.И. Панина незадолго до смерти последнего, умершего в 1783 году, рассуждение, доказывающее опасность неограниченной верховной власти и необходимость установления «непременных государственных законов», так как без них «не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». «Где произвол одного есть закон верховный, там прочная общая связь и существовать не может; там есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и обязанностей; одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения, ибо не нрав государя приравнивается к законам, но законы к его нраву... Тут подданные поработаны государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу... Не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чаёт утвердить свое самовластие. Поработанный одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец?»⁸¹

Основная идея данного политического рассуждения не оказалась, как мы видели, никакого влияния на действия Павла; он, напротив, был проникнут стремлением действовать всегда как самый неограни-

*Б. Патерсон.
Дворцовый мост
и набережная
Васильевского
острова*

ченный монарх, а, в сущности, исполнил предсказание Н.И. Панина или Фонвизина, что там, «где произвол одного есть закон верховный», там государь является лишь игрушкой в руках своих любимцев.

Деспотическое, жестокое правление Павла должно было наводить на мысль о необходимости ограничения самодержавия, и ею, естественно, задавался цесаревич Александр Павлович, выразивший еще ранее, весной 1796 года, ненависть к деспотизму, сочувствие республиканскому правлению и считавший наследственность престола «установлением несправедливым и нелепым». Понятно, что во время коронации Павла (5 апреля 1797 года в Москве) князь Чарторыйский составил по его просьбе проект манифеста, в котором указывалось на неудобство существовавшей до того времени в России формы правления, на выгоды той, которую Александр предполагал ей даровать, на благоденствия будущей свободы и введения правосудия и заявлялось о его решении исполнить эту священную для него обязанность — отказаться от власти для того, чтобы признанный наиболее достойным ее носить мог упрочить и усовершенствовать дело, основание которому он положил.⁸²

Чарторыйский старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящих ему обязанностей, и его советы произвели некоторое впечатление, так как в письме Лагарпу от 27 сентября 1797 года, живо изображая тот порядок, когда «существует только неограниченная власть, которая все творит и творит навыворот», считая «невозможным перечислить все безрассудства, которые совершались здесь», указывая на «строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах» его отца, на то, что «выбор исполнителей основан на фаворитизме», что

*А. Мартынов.
Вид на Неву и Летний
дворец Петра I*

«хлебопашец измучен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены», Александр приходит к убеждению, что ему следует отказаться от своих прежних мечтаний об оставлении отечества и что «если когда-либо придет» и его «очередь царствовать», то он должен «поработать над дарованием стране свободы... Мне кажется, — продолжает цесаревич, — что это было бы лучшим видом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих *представителей*... Когда придет моя очередь, нужно будет стараться образовать, само собой разумеется, постепенно народное представительство, которое, надлежащим образом руководимое, составило бы конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы».⁸³

Александр Павлович стремился уяснить для себя некоторые подробности желательных преобразований, поэтому обратился через Кочубея к дяде последнего, князю Безбородко, в особой записке высказывавшегося за необходимость самодержавия, но при определенном участии сословных представителей в подготовке Сенатом проектов законов, в Высшем советном суде, в Генеральном уголовном суде и в сенатских ревизиях, а также считавшего необходимым предоставить Сенату право делать представления о вреде того или иного указа. Безбородко придавал большое значение Сенату, о личном составе которого в то время Александр Павлович имел очень низкое мнение. Видимо, вопрос о привлечении Сената к участию в перевороте обсуждался Паниным, Паленом и Александром Павловичем: Брикнер приводит рассказ Бернгарди о первоначальном проекте Н.П. Панина, предполагавшем, чтобы Сенат помог «принудить государя без вмешательства великого князя в это дело признать Александра своим соправителем».⁸⁴ Однако из рассказа графа

Дж. Доу. Император Александр I. Этюд

Палена Гейкингу видно, что это предположение не осуществилось: «Первой нашей мыслью было воспользоваться для этой цели Сенатом, но большинство сенаторов — болваны, без души, без воодушевления. Они... никогда не имели бы мужества и самоотвержения для довершения доброго дела». Все же некоторые сенаторы, в том числе граф Толстой и Трошинский, были среди важнейших заговорщиков. Беннигсен, называя в числе участвовавших в заговоре сенаторов Николая и Валерьяна Зубовых, прибавляет, что Трошинский от имени Сената составил манифест, в котором говорилось, что «император вследствие своей болезни принял великого князя в соправители», и так как предполагали, что он добровольно на это никогда не согласится, было условлено вынудить его подписать манифест, а в случае надобности — силой отвезти в Шлиссельбург.⁸⁵ В соответствии с этим Саблуков рассказывает, что князь Платон Зубов, когда заговорщики проникли в спальню Павла, держал в руках свиток бумаги, в котором содержалось «соглашение монарха с народом».⁸⁶ Бернгарди же утверждает, будто бы Александр после ужина с отцом, до катастрофы, подписал манифест, которым принимал на себя роль соправителя.

*В.Л. Боровиковский. Портрет великой княжны
Александры Павловны*

*В.Л. Боровиковский. Портрет великой княжны
Елены Павловны*

Однако неужели, думая о низложении Павла, заговорщики несколько не заботились об ограждении России в будущем от возможности повторения произвола при сохранении самодержавия? М.А. Фонвизин не был в Петербурге во время переворота, но приехал в столицу через два года. Он знал лично многих участвовавших в заговоре, неоднократно слышал все подробности «катастрофы, которая тогда была еще свежа в памяти и служила предметом самых живых рассказов в офицерских беседах»; «очевидцы объяснили» ему «на самых местах, как все происходило». Фонвизин дает более подробный, чем кто-либо, список заговорщиков и называет имена 41 человека (считая в том числе и отсутствовавшего Н.П. Панина), добавляя, что в заговоре участвовало еще несколько придворных и гражданских лиц, а также отставных, имен которых он не может припомнить.

Фонвизин говорит следующее: «Воспитанный умным и просвещенным дядей, граф Н.П. Панин усвоил свободный образ мыслей своего воспитателя Н.И. Панина, ненавидел деспотизм и желал не только падения безумного царя, но с этим падением (введения) законно-свободных постановлений, которые бы ограничили царское самовлас-

*Великий князь
Михаил Павлович*

*Великий князь
Николай Павлович*

Петр Александрович
Толстой

Егор Францевич
Канкрин

тие. На этот счет и граф Пален разделял вполне его образ мыслей». Затем, ссылаясь на то, что ему рассказывал граф Петр Александрович Толстой, Фонвизин говорит, что «Панин, Пален и другие вожди заговора хотели... ограничить самодержавие, заставив Александра в первую минуту принять этот конституционный акт и утвердить его своей подписью. Это намерение известно было и генералу Талызину, тогдашнему командиру Преображенского полка, одному из главных участников заговора и человеку искренно преданному Александру. Талызин и предупредил его, что в решительную минуту от него потребуют принятия и утверждения конституционного акта и убеждал его ни под каким видом не давать на то согласия, обещая ему, что гвардия, на которую Талызин имел большое влияние, сохранит верность Александру и поддержит его.

Александр последовал внушениям Талызина и устоял против настоятельных требований Палена и Панина... Большая часть заговорщиков не знала о намерении ограничить самодержавие».⁸⁷ Декабрист Лунин в разборе донесения следственной комиссии также говорит, что Н.П. Панин и Пален «хотели водворить конституцию», и добавляет, что «искавшие прочного (государственного) устройства», а не только «перемены государя, — отдалены на век».⁸⁸ Наконец подобный же рассказ слышал и князь П. Долгоруков, который сообщает следующее: «Великий князь Александр согласился на то, чтобы потребовали отречения у его отца, и обещал, но на словах,⁸⁹ даровать конституцию. Едва Павел был убит, Пален и три брата Зубовых, войдя к Александру, возвестили ему о его восшествии на престол и напомнили о его обещании, но тогда трое из заговорщиков — генерал-лейтенант Уваров, генерал-майор Талызин, командир Преображенского полка, и полковник князь Петр Волконский, адъютант и любимец Александра, этому воспротивились и, угрожая вмешательством Преображенского полка, потребовали и добились провозглашения Александра самодержавным государем».⁹⁰ Талызин скоро умер, но Уваров и Волконский, хотя были в толпе убийц Павла, были осыпаны императорским семейством благодарностями и сделались при Александре I важными государственными сановниками.⁹¹

Приведенные сведения о требовании у Александра I конституции нуждаются в подтверждении ввиду того, что ни Пален, ни Платон Зубов в известных нам рассказах о событиях 11—12 марта 1801 года ничего не со-

общают о нем, во всяком случае, Брикнер не должен был игнорировать этих сообщений. Описанная попытка могла бы также отчасти объяснить преследования, которым подвергся Пален, наряду с теми причинами недовольства им, о которых рассказывал Брикнер. Любопытно, что полковник Бок, посаженный в 1818 году в Шлиссельбург за намерение представить лифляндскому дворянству проект введения в России представительного правления и доведенный десятилетним заключением до сумасшествия, был до ареста в самых дружеских отношениях с графом Паленом.

То, что Мария Федоровна, узнав о смерти мужа, выражала желание царствовать, подтверждается свидетельством князя Чарторыского. По его словам, она несколько раз взывала к солдатам: «Если императора нет более в живых, так как он пал жертвой изменников, я ваша императрица, одна я — ваша законная государыня, защищайте меня, следуйте за мной». Фонвизин в своих записках также говорит, что в сердце императрицы Марии Федоровны «зашевелилось желание царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала без права, и, может быть, рассчитывала на нежную привязанность сына и надеялась, что он уступит ей трон. Приближенные к ней рассказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у нее вырывались слова: “Ich will regieren”». ⁹² В современном дневнике, который, как и рассказ Фонвизина, остался неизвестным Брикнеру, сказано, что Мария Федоровна «имела еще довольно твердости, чтобы оспаривать права свои; она утверждала, что после коронации своего — она настоящая самодержавная императрица, и потому ей должно присягать в верности. Император, найдя ее в этой решимости, обратился к Палену и сказал ему: “Вот новое замешательство, которого мы не ожидали...”. Не без труда уговорили Марию Федоровну отказаться от своих требований». ⁹³ В записке, приводимой князем Евгением Вюртембергским и составленной на основании рассказов Беннигсена и Платона Зубова, указывается на существование партии, состоящей из Куракиных, Лопухина и др., намеревавшейся предложить Марии Федоровне регентство вследствие болезни императора. ⁹⁴ Нельзя не отметить, что в 1825 году, во время междуцарствия, в придворных сферах опять нашлись люди, думавшие о возведении на престол Марии Федоровны: принц Александр Вюртембергский и Канкрин обратились к принцу Евгению Вюртембергскому с вопросом, «что бы он сделал, если бы»

*Федор Петрович
Уваров*

*Петр Михайлович
Волконский*

*Неизвестный
художник. Портрет
императора
Александра I*

Мария Федоровна «была провозглашена самодержавной императрицей?» Однако принц Евгений отвечал, что он как иностранец не имеет и не признает за собой права голоса в подобном деле.⁹⁵

Таким образом после смерти Павла рядом с преобладающей партией, желавшей восшествия на престол Александра, были и сторонники Марии Федоровны. Кроме того, полковник Измайловского полка Бибииков высказал мысль, разделяемую впоследствии очень многими декабристами, что недостаточно устранить одного Павла и что для России было бы гораздо лучше, если бы имелась возможность избавиться от всех членов этого семейства.⁹⁶

Брикнер полагает, что поводом к удалению графа Панина были его дурные отзывы об императоре Александре в письме графу С.Р. Во-

*На стр. 250:
Монье Жан Лоран.
Портрет
императрицы
Елизаветы
Алексеевны*

ронцову. То же утверждает совершенно положительно князь Лобанов-Ростовский. Панин, по его словам, писал Воронцову, что не ожидает от молодого императора «ничего хорошего», что он «легкомыслен, любит танцы и более заботится о том, чтобы нравиться женщинам, чем вникать в государственные дела». Граф Панин отправил это письмо с курьером, но оно стало известным государю.⁹⁷ Однако есть и другое объяснение причин удаления Панина, о котором сообщает Лагарп, приехавший в Россию в августе 1801 года (а Панин был удален в сентябре). Лагарп доказывал, что нужно предать суду лиц,

*Император Николай
Павлович, цесаревич
Александр
Николаевич
и императрица
Александра
Федоровна*

виновных в смерти Павла, но Александр возражал, что это совершенно невозможно при тогдашнем настроении умов, волнуемых слухами о реформах, и ввиду сильной аристократической партии, привыкшей к дворцовым переворотам и опирающейся на гвардию. Лагарп рассказывает, что граф Панин дал всем представителям России за границей инструкции, чтобы они присылали отчеты двоякого рода: одни должны были быть посвящены текущим событиям и доводиться до сведения государя; другие — извещать о происшествиях, планах, предприятиях более конфиденциального свойства и становиться

*Императрица
Мария Федоровна*

*На стр. 255:
В.Л.Боровиковский.
Портрет Павла I
в одеянии
гроссмейстера
Мальтийского ордена*

ской личностью, так и от крайне вредных мероприятий в области социального законодательства? Не творятся ли истязания в настоящее время, как известно обществу из дела М.А. Спиридоновой, истории Московского восстания, сведений из варшавских застенков, усмирений аграрных волнений и карательных экспедиций в Прибалтийском крае и на Кавказе? Разве не ссылаются тысячи людей без всякого суда? Не существуют ли полевые суды, произносящие приговоры к смертной казни без всяких необходимых гарантий от возможности самой грубой ошибки?⁹⁸ Не существуют ли и другие исключительные формы

известными одному Панину. Лагарп уговаривал русского посланника при шведском дворе Будберга показать инструкцию государю. При чтении одной ноты, в которой содержался намек на секретную инструкцию, государь настойчиво ее потребовал, и Панин был удален.⁹⁸

Это небольшое послесловие к книге А.Г. Брикнера не имеет целью подробного изображения царствования Павла и общей характеристики его личности, но все же оно дает некоторое понятие о «преlestях» его правления и подробно объясняет причины насильственной смерти императора. Однако, осуждая то, что творилось при Павле, можем ли мы теперь сказать, что Россия избавилась как от ужасного насилия над человечес-

суда, недостаточно гарантирующие от возможности судебной ошибки и несвободные от давления свыше? Не принимаются ли без согласия Государственной Думы и вопреки действительным интересам всего народа очень важные меры в области аграрного законодательства? Не делаются ли нынешним министерством преступные попытки разрушить общинное землевладение?

Есть, конечно, и существенные различия. Протест крестьян против крепостного права при Павле был подавлен — теперь революционное движение подавить уже нельзя, а можно успокоить народ, лишь удовлетворив его назревшие потребности. Печать тогда, можно сказать, была сведена на нет — теперь, несмотря на суровые преследования писателей, они мужественно борются за свободу слова; а судебные и административные преследования не могут остановить распространения оппозиционных произведений.

Каковы были последствия насильственных действий императора Павла? Сатурналии деспотизма в его царствование привели к мысли о необходимости перемены лица правителя, и вслед за тем, при преемнике Павла, проявились не только конституционные, но в Обществе декабристов и республиканские течения. Теперь нежелание правительства осуществлять назревшие политические и социальные преобразования должно вызывать широкое распространение мысли о действительной необходимости перемены самой формы правления.

В.И. Семевский

Семевский Василий Иванович (1848—1916) — российский историк, доцент Петербургского университета, политический деятель, основатель и редактор журнала «Голос минувшего», автор трудов по истории крестьянства XVIII—XIX веков, по истории декабристов и петрашевцев. В 1894—1896 годах он являлся товарищем Председателя Исторического общества при Петербургском университете.

ПРИЛОЖЕНИЯ

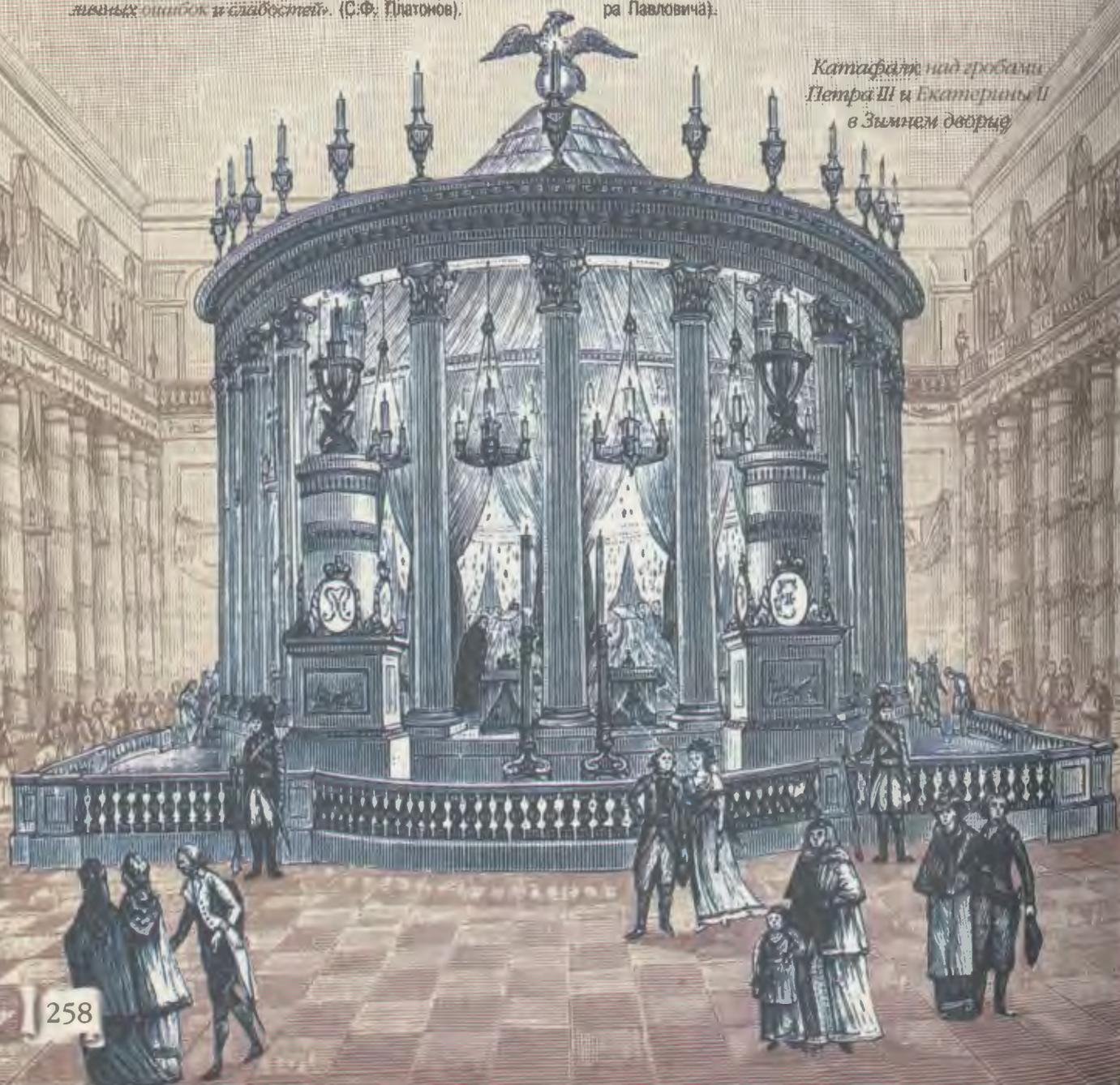

Хроника царствования Павла I

1796 г., 6 ноября – Смерть Екатерины Великой. «Историческое значение Екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что в эту эпоху были подведены итоги предыдущей истории, завершились исторические процессы, раньше развившиеся. Эта способность Екатерины доводить до конца, до полного разрешения те вопросы, какие ей ставила история, заставляет всех признать в ней первостепенного исторического деятеля независимо от ее личных ошибок и слабостей». (С.Ф. Платонов).

1796–1801 гг. – Царствование Павла I Петровича. «Мой отец, вступив на престол, захотел все реформировать. Все сразу же было перевернуто с ног на голову. Это только увеличило беспорядок, и без того в слишком сильной степени царивший в делах. Мое несчастное Отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебонашец обижен, морозом страдает, свобода и личное благосостояние уничтожены». (Из письма великого князя Александра Павловича).

*Катафалк над гробами
Петра III и Екатерины II
в Зимнем дворце*

Император Павел I

1796 г. — Принятие Павлом I Указа о восстановлении старого устройства Балтийских провинций, в которых Екатерина ввела губернские учреждения.

1796—1797 гг. — Война с Персией.

1797 г. — Подписание торгового договора с Англией.

1797 г., 5 апреля — Обнародование «Учреждения об императорской фамилии», устанавливавшего наследование престола по праву первородства в мужском колене. Указ определил взаимные отношения членов императорской семьи и порядок престолонаследия. *«Обидам нашим добровольным и взаимным согласием постановили сей Акт наш обидий, которым по любви к Отечеству избираем наследником, по праву единственному, после смерти моей, Павла, сына нашего большего Александра, а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего мужского поколения наследство переходит в род второго моего сына, где и следовать таму, что сказано о поколении старшего моего сына, и так далее, если бы у меня сыновей было; что и есть первородство».* («Учреждение об императорской фамилии»).

1797 г. — Разработка Павлом I плана учреждения семи министерств — юстиции, финансов, военного, морского, иностранных дел, коммерции и государственного казначейства.

1797 г. — Подписание Указа о переводе части государственных крестьян на содержание членами царской фамилии под наименованием «удельных» крестьян. Преимущественно это были крестьяне, из прежних «дворцовых» имений, соединенных при Екатерине II с прочими казенными.

1797 г. — Преобразование созданных Екатериной II 50 губерний в 41 и создание Области Войска Донского. При этом управление 11 окраинных губерний строилось с учетом национальных традиций и местных особенностей.

1797 г. — Принятие Павлом I Указа по устройству сельского управления. Государственные и удельные крестьяне были разделены на волости, не более 3000 душ в каждой. Для сбора податей, проведения хозяйственных распоряжений и суда за маловажные проступки учредили волостное правление. Оно состояло из членов, выбранных «миром»: волостного головы, старосты главного селения и волостного писаря.

Вид города Дербента

В каждом селении староста и десятские составляли местную полицию.

Ф.Г. Салничев. Крестьянское семейство перед обедом

1797 г., 5 апреля – Опубликование Манифеста о барщине, устанавливавшего трехдневную барщину. В Манифесте предписывалось помещикам использовать барщинный труд крестьян не более трех раз в неделю. Несмотря на отсутствие государственного механизма, способного содействовать претворению в жизнь высочайшей воли, сам факт издания подобного акта свидетельствовал о стремлении власти к законодательному регулированию отношений помещиков и крестьян.

1797 г., 14 декабря – Издание Указа, в котором предписывалось дворянам отбывать военную службу в звании рядового не более трех месяцев.

1798 г., 17 апреля – Запрет производства в офицерские чины унтер-офицеров недворянского происхождения и увольнение из армии всех офицеров-недворян.

1798 г. – Введение запрета на продажу дворовых людей и крестьян «с молотка». Замена хлебной подати умеренным денежным сбором.

1798 г. – Запрет продажи в Малороссии крестьян без земли.

1798 г. – Введение изменений в системе судопроизводства, связанных с отменой верхних земских судов.

1798 г. – Принятие Павлом I под свое покровительство ордена Св. Иоанна Иерусалимского и включение наименования Магистра этого ордена в титул императора; введение в государственный герб мальтийской символики.

1798–1800 гг. – Создание второй антифранцузской коалиции в составе России, Великобритании, Турции и других стран.

- 1799 г. – Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова.
- 1799 г., 11 октября – Выход России из состава антифранцузской коалиции, разрыв русско-австрийского союза.
- 1799 г., ноябрь – Вступление в Грузию русского войска под командованием генерала Лазарева.
- 1799 г. – Дозволение дворянству Балтийского края открыть свой университет в Дерпте и запрет отправлять молодых людей для получения образования за границу.
- 1799 г. – Разрыв дипломатических отношений с Англией из-за оккупации англичанами острова Мальты.

Знак ордена Св. Иоанна Иерусалимского
1-й степени (Мальтийский орден)

- 1800 г. – Начало дипломатического сближения России и Франции.
- 1800 г., 23 августа – Аннулирование права дворянских обществ избирать заседателей в судебные органы. Участие выборных представителей дворянства в судопроизводстве ограничивалось нижним земским судом.
- 1800 г. – Ликвидация губернских магистратов. Основными судебными учреждениями стали бюрократические учреждения – палаты уголовного и гражданского судов.

Б.П. Шереметев на Мальте

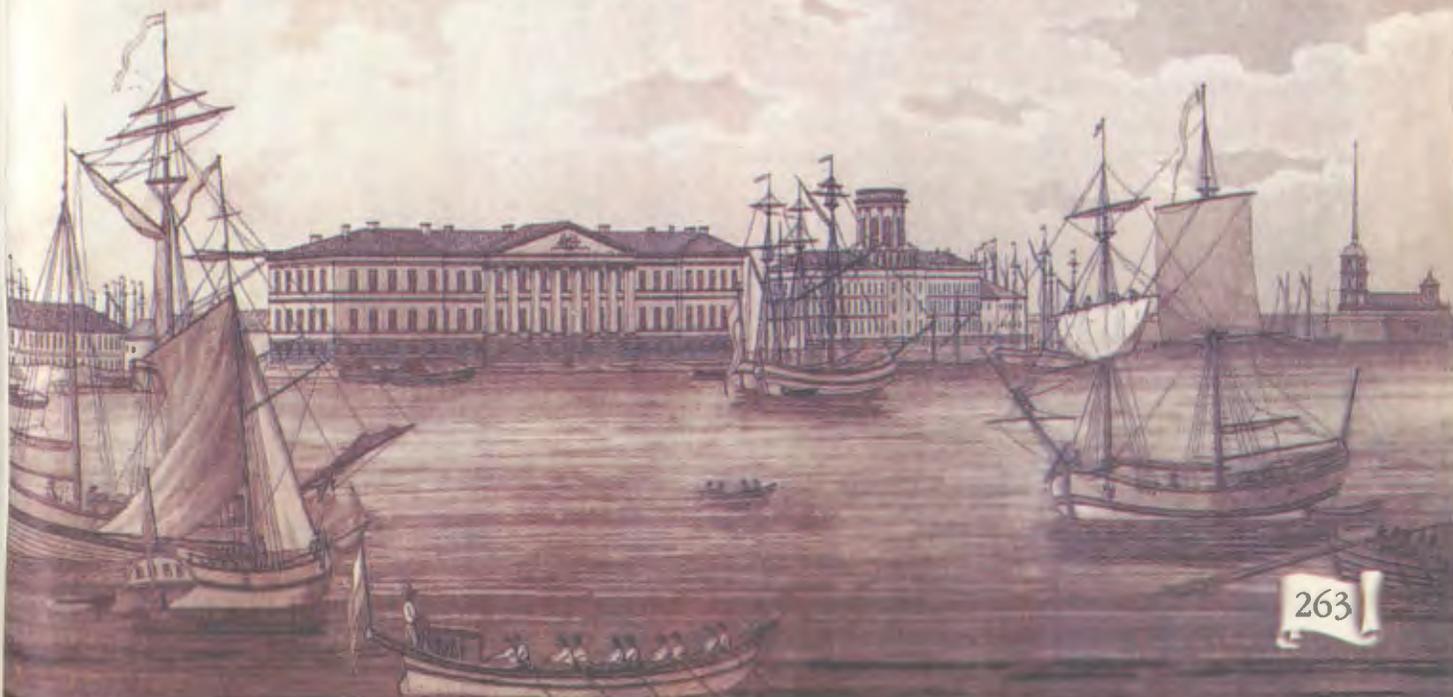
- 1800 г., декабрь – Создание Северной Лиги: подписание Российской, Данией, Швецией и Пруссией Конвенции о вооруженном нейтралитете против Англии.
- 1801 г., январь – Издание Павлом I распоряжения о подготовке похода на Индию. *«Соединенная армия будет перевезена Каспийским морем из Астрахани в Астрабад, где будут учреждены склады всякого рода снабжений, нужных для армии. Поход этот от французских границ до Астрабада рассчитан приблизительно на 80 дней. Потребуется еще 50 дней, чтобы главные силы армии достигли правого берега Инда...»*. (План франко-русского похода на Индию, предложенный Наполеоном).
- 1801 г., 18 января – Присоединение Грузии к России. Издание Манифеста о присоединении Картлийско-Кахетинского царства к России.
- 1801 г., ночь с 11 на 12 марта – Дворцовый переворот: убийство императора Павла I. *«Исполненный самых лучших намерений, он стремился всей душой к благу государства, но отсутствие правительственных навыков мешало ему действовать удачно. Недовольный системой управления, он не мог найти вокруг себя талантливых людей, чтобы заменить ими прежнюю. Желая водворить порядок при дворе и администрации, он громко осуждал и искоренял старое, новое же насаждал с такой строгостью, что оно всем казалось горше старого»*. (С.Ф. Платонов). Резкие колебания во внешнеполитическом курсе Павла I, его сумасбродные поступки восстановили против него общественное мнение. В атмосфере негативного отношения ко всем без исключения поступкам императора возник заговор в придворных и гвардейских

кругах, ставивший целью возведение на престол старшего сына Павла I великого князя Александра Павловича, любимого внука покойной императрицы Екатерины II. В свое время Александр отказался стать наследником престола в обход отца. Павел I знал об этом и до поры до времени ценил лояльность сына. Однако в последний год жизни и царствования у него испортились отношения и с женой, императрицей Марией Федоровной, и с двумя старшими сыновьями – Александром и Константином. Они знали о возникшем у их отца плане назначить своим наследником принца Евгения Вюртембергского и не могли не действовать. Единственным условием Александра Павловича, посвященного в замысел заговорщиков, было сохранение свергнутому императору жизни. Во главе заговора стоял петербургский генерал-губернатор П.А. Пален. Другими видными заговорщиками были братья Платон, Николай и Валерьян Зубовы, генерал Л.Л. Беннигсен и командир Преображенского полка генерал Талызин. переворот свершился в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Перед самым выступлением П.А. Пален сказал своим единомышленникам зловещную фразу: «Помните, господа! Чтобы полакомиться яичницей, надо сначала разбить яйца». Судьба императора была предreshена. Караулы в Михайловском замке – резиденции Павла I – несли в ту ночь части, командиры которых были вовлечены в заговор. Единственный преданный императору караул полковника Саблукова был обманом удален из дворца. Первый отряд заговорщиков, вступивший в Михайловский замок, насчитывал всего 12 человек, но все караулы расступились перед ним. Однако когда будущие цареубийцы ворвались в спальные покои государя, они обнаружили, что там пусто. Все растерялись, лишь генерал Беннигсен сохранил присутствие духа и, подойдя к постели Павла I, пощупал ее. Оказалось, что она еще хранит тепло

*Император
Александр Павлович*

*П. Хирн. Императорская Академия наук
в Петербурге*

человеческого тела, и генерал нашел императора, спрятавшегося за камином. Павлу I предложили подписать заготовленное заранее отречение. Он отказался, и тогда свершилось цареубийство. Первым нанес удар государю Николай Zubov, зять А.В. Суворова, физически очень сильный человек. Он был одним из тех, кто держал императора. Когда Павел попытался вырваться и толкнул Zubova рукой, тот ударил его золотой табакеркой в висок. Царственный пленник упал, и тогда на него обрушился целый град ударов. Затем уже чуть живого Павла генерал Чичерин и князь Яшвилл задушили гвардейским шарфом, снятым с офицера Скарятинна. Узнав о смерти отца, Александр Павлович заплакал, но Пален, сообщивший ему о случившемся, прикрикнул на нового государя: «Довольно ребячиться, ступайте царствовать и покажитесь гвардии...». Мрачная эпоха Павла закончилась, начиналась блестящая эпоха Александра Благословенного, который прежде всего вернул всех сосланных своим отцом. Таких оказалось 12 тысяч человек.

Коалиционные войны с Францией 1798—1800 гг.

Революция 1789 года во Франции и свержение власти короля Людовика XVI спровоцировали стремление европейских монархов уничтожить якобинскую опасность, организовать военную интервенцию Франции. На границах были сосредоточены войска и отряды французских дворян-роялистов. В ответ на эту очевидную подготовку к вторжению Франция в 1792 г. объявила войну Австрии. Тогда-то и родился знаменитый, потрясший старую феодальную Европу лозунг «Мир хижинам, война дворцам». В борьбу с перешагнувшими границы Франции революционными армиями оказались втянуты войска Пруссии, Сардинского королевства, Англии, Голландии, Испании и других союзных с ними государств. В боях с силами антифранцузских коалиций, которые образовывались с завидным постоянством на протяжении почти двадцати лет, мужали и крепили революционные армии – Рейнская, Итальянская, Пиренейская, учились военной науке молодые генералы – вчерашние конюхи, плотники, простые солдаты, ставшие впоследствии прославленными наполеоновскими маршалами. Все яростнее полыхало над Европой зарево Великой войны, в ходе которой рушились старые границы и государства, создавались новые республики и королевства, а вершиной стала Первая империя, протянувшаяся от границ чудом устоявшей Португалии до рубежей России. Во многих военных событиях той эпохи непосредственное участие принимала русская армия. Сюда относятся Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова, Средиземноморский поход эскадры Ф.Ф. Ушакова, некоторые эпизоды русско-австро-французской войны 1805 года (Аустерлиц), русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов (сражения под Прейсиш-Эйлау и Фридландом), Отечественная война 1812 года,

изгнание остатков наполеоновской армии из России и наконец освободительные походы русских войск 1813–1814 годов.

1798 г., 15 (26) июля – Обращение турецкого правительства к России и Великобритании с просьбой о военной помощи против Франции после начала Египетской экспедиции генерала Наполеона Бонапарта.

1798 г., 13 (24) августа – Выход из Севастополя эскадры Черноморского флота под флагом вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова. В ее состав входили шесть линейных кораблей, семь фрегатов и несколько вспомогательных судов.

Наполеон Бонапарт

Александр Васильевич Суворов

*М. Иванов. Флот
под командованием Ф.Ф. Ушакова
Адмирал Федор Федорович Ушаков*

- 1798 г., 24 августа (4 сентября)** – Прибытие эскадры Ф.Ф. Ушакова в Стамбул. В проливе Дарданеллы к ней присоединилась турецкая эскадра адмирала Кадыр-бея (четыре линейных корабля, 6 фрегатов, четыре корвета, 14 канонерских лодок). Союзный флот взял курс на занятие французами Ионические острова.

- 1798 г., 28 сентября (8 октября)** – Начало высадки русских десантов на остров Китиру (Цериго), расположенную у южных берегов Мореи.

- 1798 г., 1 (12) октября** – Капитуляция гарнизона крепости Капсалион на Китире.

- 1798 г., 14 (25) октября** – Освобождение от французской оккупации острова Закинтос, самого южного из Ионических островов.

- 1798 г., 17 (28) октября** – Занятие десантом, высаженным с русских и турецких кораблей, острова Кефалинии.

- 1798 г., 18 (29) октября** – Начало блокады занятой французами сильно укрепленной крепости Св. Мавры на острове Лефкас (Св. Мавры).

- 1798 г., 24 октября (4 ноября)** – Начало блокады французских укреплений на острове Корфу. Через шесть лет после окончания русско-турецкой войны русский император Павел I в союзе с другими монархами Европы начал войну с революционной Францией, войска которой одну за другой громили выступившие против них неприятельские армии. По просьбе союзников в Италию был отправлен непобедимый А.В. Суворов, а к берегам Греции – эскадра Ф.Ф. Ушакова, которой предстояло освободить захваченные французами

Ионические острова. Ключом обороны этого небольшого архипелага у западного побережья Балканского полуострова был остров Керкира (Корфу), овладеть которым и предстояло русским морякам. Союзником России в этой кампании выступила Турция, на непродолжительное время превратившаяся из врага в партнера, однако очень ненадежного, по антифранцузской коалиции. На Керкире были сосредоточены значительные силы противника. Командовал французскими войсками на Ионических островах генерал Шабо. Под его началом находились четыре тысячи солдат и небольшая эскадра – два линейных корабля, три фрегата и несколько вспомогательных судов. Шабо укрепил оборону главной крепости на Корфу, прикрыв передовой форт на острове Видо пятью береговыми батареями, но допустил роковую ошибку, рассредоточив вверенные ему силы и по другим островам архипелага. Тем не менее только на Керкире французы располагали 650 артиллерийскими орудиями, способными серьезно затруднить действия нападающих. Русско-турецкие эскадры под командованием Ушакова и Кадыр-бея, сосредоточенные у Корфу, насчитывали 12 линейных кораблей, 11 фрегатов и два корвета. Экипажи этих кораблей составляли 13 500 человек. Штурм начался **18 февраля 1799 года**. После бомбардировки Видо на этот небольшой остров был высажен десант (около двух тысяч человек), овладевший французскими укреплениями «в исходе первого часа пополудни». Во время штурма союзники потеряли 17 человек убитыми и 35 ранеными, французы – 200 человек убитыми (большая часть во время начатой турками, но прекращенной по приказу русского адмирала резни). Сразу же после захвата Видо началась решительная атака Корфу. Бой за хорошо укрепленную крепость закончился лишь утром **19 февраля**, когда генерал Шабо вынужден был согласиться на почетную капитуляцию всех французских гарнизонов на Ионических

островах. В ходе битвы за Корфу были убиты 80 и ранены более 100 русских и турецких моряков, а в гавани захвачены три линейных корабля (один из них – ранее отвоеванный французами у англичан 54-пушечный «Леандр»), три фрегата и несколько вспомогательных судов, частью получивших значительные повреждения во время бомбардировки острова.

*Прусский король Фридрих Вильгельм III.
Гравюра 1799 г.*

*Русская эскадра в Буюкдере в 1798 г.
Гравюра по рисунку С. Щедрина*

План Швейцарского похода А.В. Суворова

А.Е. Коцебу. Переход русских войск через Паникс в Альпах

1798 г., 3 (14) ноября – Капитуляция французского гарнизона крепости Св. Мавры.

1799 г., 4 (15) апреля – Прибытие в город Валеджо генерал-фельдмаршала А.В. Суворова, назначенного главнокомандующим русско-австрийскими войсками в Северной Италии. В ожидании подхода главных армейских сил из Рос-

сии новый командующий начал обучать австрийские части азам своей победоносной тактики – совершать ночные марши, действовать преимущественно холодным оружием и атаковать неприятеля колоннами.

1799 г., 8 (19) апреля – Начало Итальянского похода русско-австрийской армии под командованием А.В. Суворова.

А.Д. Кившенко. Переход Суворова через Чертов мост. 1799 г.

1799 г., 10 (21) апреля – Взятие союзными войсками крепости Брешиа.

1799 г., 14 (25) апреля – Выход главных сил армии А.В. Суворова к реке Адде, на западном берегу которой была сосредоточена французская армия генерала Ж. Моро (28 тысяч человек).

1799 г., 15–17 (26–28) апреля – Сражение на реке Адде (левом притоке реки По в Северной Италии). Союзные войска (36 500 австрийцев, 12 тысяч русских) атаковали французскую армию и нанесли ей поражение, вынудив отступить. Французы потеряли убитыми и ранеными 2500 человек. В плен были взяты около 5000 французских солдат и офицеров. Русско-австрийские войска потеряли убитыми и ранеными около 2500 человек.

1799 г., 9 (20) мая – Захват русским десантом итальянского порта Манфредония. Отряд моряков под командованием капитан-лейтенанта Г.Г. Белли (570 человек) начал наступление на Неаполь.

1799 г., 1 (12) июня – Контрнаступление французской армии генерала Макдональда, в ходе которого у города Модены были разбиты австрийские войска. Далее французская армия двинулась на Парму, вскоре овладев этой крепостью.

1799 г., 3 (14) июня – Взятие Неаполя отрядом русских моряков под командованием Г.Г. Белли и присоединившимися к нему неаполитанскими королевскими войсками.

1799 г., 6–8 (17–19) июня – Сражение французской и русско-австрийской армий на реке Треббии. Несмотря на некоторое численное превосходство противника (у Макдональда – 35 тысяч человек, у Суворова – 30 тысяч) войска союзников разбили французскую армию и вынудили ее отступить к Парме.

1799 г., 4 (15) августа – Победа А.В. Суворова в сражении при Нови. Русско-австрийские войска (65 тысяч человек) разбили французскую армию генерала Б.К. Жубера (38 тысяч человек), погибшего в самом начале сражения. Чтобы из-

А.Е. Коцебу. Бой у Чертова моста 14 сентября 1799 г.

А. Попов. Переход Суворова через Альпы

бежать окружения и окончательного разгрома, принявший командование французской армией генерал Ж. Моро успешно отвел свои части к Генуе.

1799 г., середина августа – Получение А.В. Суворовым предписания австрийского императора Франца II, подтвержденного российским императором Павлом I, о передислокации русских войск из Северной Италии в Швейцарию. Там армия А.В. Суворова должна была соединиться с русским корпусом генерала А.М. Римского-Корсакова и французским эмигрантским корпусом принца Л.Ж. Конде и начать вторжение непосредственно на территорию Франции.

1799 г., 31 августа (11 сентября) – Выступление в Швейцарский поход войск А.В. Суворова, насчитывавших 21 500 человек (в том числе 4500 австрийцев).

1799 г., 13 (24) сентября – Овладение перевалом Сен-Готард авангардом русской армии под командованием генерала П.И. Баграциона.

1799 г., 14 (25) сентября – Переход с боем войск А.В. Суворова через Чертов мост (над горной рекой Рейс).

1799 г., 14–15 (25–26) сентября – Цюрихское сражение между русским корпусом генерала А.М. Римского-Корсакова (24 тысячи человек) и французской армией генерала А. Массены, атаковавшей российские части после получения изве-

стия об отходе из Швейцарии австрийской армии эрцгерцога Карла. Потеряв около 15 тысяч человек, Римский-Корсаков приказал своим войскам отступать за Рейн.

1799 г., 16 (27) сентября – Получение А.В. Суворовым известия о разгроме корпуса А.М. Римского-Корсакова. Суворов, армия которого оказалась в окружении, принял решение прорываться к австрийской границе через перевал Прагель.

1799 г., 19 (30) – 20 сентября (1 октября) – Выход русских войск, с боями пробившихся через перевал Прагель, к городу Гларус.

1799 г., 27 сентября (8 октября) – Выход продолжавшей отступление русской армии к австрийской границе. Знаменитый Швейцарский поход на этом закончился. В его ходе армия А.В. Суворова потеряла четыре тысячи человек убитыми и ранеными.

1799 г., 31 декабря (1800 г., 11 января) – Получение командующим русской эскадрой Ф.Ф. Ушаковым приказа императора Павла I вернуться в Россию.

1800 г., октябрь – Возвращение эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова в Севастополь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ «И если он окажет малейшее сопротивление, без пощады покончить с ним». Manstein, «Nachrichten von Russland», Leipzig, 1774, S. 365.
- ² Сообщение Нолькена в стокгольмском архиве.
- ³ Когда поручик Мирович в 1764 г. предпринял попытку освободить из Шлиссельбургской тюрьмы бывшего императора Ивана и свергнуть Екатерину II, то солдаты, исполнившие его приказание, были наказаны шпицрутенами и каторгой, хотя они вряд ли отдавали себе отчет, в чем было дело.
- ⁴ См. A. Brückner, «Die Thronbesteigung der Kaiserin Anna im Jahre 1730 nach Korssakows Monographie», «Russische Revue», Bd. XX, S. 36.
- ⁵ Herrmann, «Geschichte des russischen Staats», IV, S. 685.
- ⁶ См. А. Брикнер, «Екатерина II», стр. 121.
- ⁷ См. такие же эпизоды у А. Брикнера, «Екатерина II», стр. 195.
- ⁸ Ланжерон пишет в 1826 г., вспоминая эти события: «Föster, Miloradowitch et moi, nous sommes peut-être en Russie les seuls individus, qui aient siucèrement pleuré». Парижский архив.
- ⁹ См. соч. Иды фон Штеумбург-Барфельде «Wer war der Dieb?» в журнале «Ueber Land und Meer», 1875, № 23, и замечания к нему Семевского в «Русской Старине», 1876, II, 385 ff.
- ¹⁰ Fr. Bienemann, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», Leipzig, 1886.
- ¹¹ Меньший интерес представляют «Anekdoten aus dem Leben Katharinas und Pauls», Hamburg, 1797; памфлет «Charakteristik von Russlands und Englands despotischer Regierungsverfassung unter dem eisernen Scepter Pauls und Pitts» (1798); «Mémoires secrets sur la Russie» par Masson (1801); «Notice sur la mort de Paul I» (Paris, 1810); Neilly, «Morts royales» (Paris, 1867) и др.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

- ¹ «Elle vent tout conduire à sa guise».
- ² «Que les volontés sont des volontés et que les caprices sont toujours caprices».
- ³ См. изданное А. Брикнером на французском языке сочинение Васильчикова «Семейство Разумовских» («Les Razoumowski»), Halle, 1893, II, 1 отдел, стр. 14. Русский подлинник был издан в Петербурге в 1882 г. (тт. III и IV).
- ⁴ Подробности см. у А. Брикнера, «Екатерина II», стр. 699.
- ⁵ См. записки Ростопчина о вступлении на престол Павла в «Архиве князя Воронцова», т. VIII, стр. 164.
- ⁶ Мемуары Розенцвейга в «Aus allen Zeiten und Landen», 1882, октябрь, стр. 3.
- ⁷ Arneht, «Joseph II und Leopold von Toskana. Ihr Briefwechsel», I, 120.
- ⁸ «J'ai eu des chagrins 34 ans». Клингспор в письме Густаву IV. Стокгольмский архив.
- ⁹ Письмо Стедингга Густаву IV от 30 апреля (11 мая) 1800 г. Стокгольмский архив.
- ¹⁰ См. «Les Razoumowski», II, 1, стр. 8, 9 и 16.
- ¹¹ Известно, что Павел отличался удивительно некрасивой внешностью.

- ¹² «Fraser's Magazine», а. а. О., стр. 304, 305.
- ¹³ Например Ростопчина, преданного государю. «Архив князя Воронцова», VIII, 76. «Ce qu'il y a de singulier, c'est qu'il ne répare jamais sa faute et continue à se fâcher contre celui à qui il a manqué». Письмо Ростопчина князю Воронцову, написанное в 1793 г.
- ¹⁴ «Архив князя Воронцова», VIII, 67 и 76.
- ¹⁵ См., например, «Архив князя Воронцова», VIII, 83—84, 104—105; XXIV, 257.
- ¹⁶ «Tout le monde était prêt à tomber en terre». — «Архив князя Воронцова», XXX, 68.
- ¹⁷ «Архив князя Воронцова», VIII, 145.
- ¹⁸ Родственника знаменитого писателя. Эти мемуары напечатаны в «Русской Старине». См. статью «Zur Geschichte der Regierung des Kaisers Paul I» в журнале «Vom Fels zum Meer», 1887, № 2, стр. 446 ff.
- ¹⁹ Подробности см. в «Fraser's Magazine», а. а. О., 230.
- ²⁰ «Il me paraissait n'avoir rien de la contrainte, qui lui donnait un air de singularité autrefois».
- ²¹ «L'empereur met à profit chaque instant de son règne pour quelque acte de justice, d'ordre et de bienfaisance».
- ²² «On est devenu extrêmement matineux ici depuis le nouveau règne».
- ²³ Так, например, в депеше Стедингга от 2 января 1797 г. читаем: «Les événements du nouveau règne sont presque tous de nature de faire le plus grand honneur à l'empereur». Все эти записи хранятся в стокгольмском архиве. — Но не были ли эти благоприятные отзывы рассчитаны на то, что подобного рода депеши вскрывались на почте или, как выражались тогда, подвергались перлюстрации?
- ²⁴ «Архив князя Воронцова», XVIII, 126.
- ²⁵ Там же, XXII, 490.
- ²⁶ Так, например, Grimm. «Архив кн. Воронцова», XX, 351.
- ²⁷ Стедингг неосновательно хвалил государя за то, что при нем исчезают любимцы. Безумная раздача имен и крестьян лицам, пользовавшимся особым расположением Павла, поглотила баснословные суммы. Бородин посвятил этому безобразию статью в «Историческом Вестнике».
- ²⁸ Розенцвейг в журнале «Aus allen Zeiten und Landen», S. а. а. О., стр. 3.
- ²⁹ Депеша Стедингга от 13(24) декабря 1796 г. в стокгольмском архиве.
- ³⁰ Секретарь шведского посольства Иеннингс рассказывает историю о том, как в числе других эмигрант Шуазель получил в дар 2000 крестьян в Литве. См. депешу от 8(19) июня 1797 г. в стокгольмском архиве.
- ³¹ См. депеши Стедингга от 25 июня (6 июля) и 2(13) июля 1798 г.
- ³² См. «Памятники новой истории России», Кашпирева, СПб., 1871, I, 102—111.
- ³³ «Архив князя Воронцова», XXX, 97.
- ³⁴ Там же, XVIII, 131 и 142.
- ³⁵ См. «Les Razoumowski», II, 1, 314. «Il s'est établi une manière de voir les choses si nouvelle, si extraordinaire, qu'il faut avoir passé quelque temps ici pour en avoir une idée juste».
- ³⁶ «Архив князя Воронцова», XXX, 16.
- ³⁷ Стокгольмский архив.
- ³⁸ Письмо Стедингга от 18(29) марта 1799 г. в стокгольмском архиве.

- ⁴⁰ «Ces évènements sont devenus si fréquents qu'ils ne produisent que peu de sensation». Письмо Стединга от 18 февраля (1 марта) 1800 г. в стокгольмском архиве.
- ⁴¹ См. крайне интересный рассказ сына Саблукова в «Fraser's Magazine», а. а. О., стр. 238—239. Ни Пален, ни полицмейстер не смели сказать государю о болезни Саблукова. Впоследствии Павел по этому случаю раскаялся в своей опрометчивости.
- ⁴² «Архив князя Воронцова», X, 56.
- ⁴³ Там же, XXXII, 273.
- ⁴⁴ Там же, XXII, 105.
- ⁴⁵ Там же, XIX, 27—30. Письмо Чичагова.
- ⁴⁶ «Les Razoumowski», III, 119—120.
- ⁴⁷ Письмо Бутурлина в «Архиве князя Воронцова», XXXII, 255—278.
- ⁴⁸ «Архив князя Воронцова», VIII, 276.
- ⁴⁹ См. сильные выражения Семена Воронцова в его письмах Панину в «Материалах к биографии графа Н.П. Панина», IV, стр. 299—304.
- ⁵⁰ «Архив князя Воронцова», XIV, 266.
- ⁵¹ См. «Материалы для жизнеописания Панина», V, 160.
- ⁵² См. там же, V, 170.
- ⁵³ См. там же, 190—191.
- ⁵⁴ Записки Панина в «Материалах...», V, 582.
- ⁵⁵ Mémoires du prince Adam Czartoryski, Paris, 1887, I, 312.
- ⁵⁶ «Архив князя Воронцова», VIII, 287.
- ⁵⁷ См. «Матер. для жизнеописания Панина», V, 282 и 424.
- ⁵⁸ «On ne sait plus que faire de sa figure et de son temps».
- ⁵⁹ «Архив князя Воронцова», XIX, 27; XXVII, 27; XXX, 114—121.
- ⁶⁰ «Les Razoumowski», II, 1, 389. В другой раз граф писал химическими чернилами; сначала он уже отправил точные инструкции, как графине следует поступить, чтобы прочесть письмо, и умолял ее обойтись при этом без посторонней помощи. Там же, стр. 400.
- ⁶¹ «Архив князя Воронцова», XXII, 107.
- ⁶² Там же, XXX, 122.

Глава II

- ¹ Рукопись от 1796 г. с добавлениями, сделанными в 1824 г., находится в парижском архиве.
- ² «Архив князя Воронцова», VIII, 76.
- ³ Тут мы видим точное повторение тех же явлений, какие происходили и во время краткого царствования Петра III.
- ⁴ Парижский архив.
- ⁵ «Vom Fels zum Meer», а. а. О., стр. 450.
- ⁶ Парижский архив.
- ⁷ Он закричал: «Дураков вон».
- ⁸ По случаю одного столкновения с Ростопчиным в 1814 г. Н.П. Панин говорит: «Le fatal jour du 6 Novembre 1796 vint plonger dans le deuil et dans la consternation tous les hommes de bien et fit tout à coup paraître autour du trône cet essaim de parvenus désignés sous le sobriquet de *Gatchinois*». Ростопчин взялся исполнять «Le métier de bourgeois» и т.д. «Материалы к биографии Панина», VII, стр. 180—181.
- ⁹ Стокгольмский архив.
- ¹⁰ Саблуков в «Fraser's Magazine», а. а. О., 226, 237. «This system kept the families to which officers belonged in a state of perpetual fear and anxiety, and one may almost say that St. Petersburg, Moscow and indeed all Russia were in a state of constant mourning».

- ¹¹ «Fraser's Magazine», а. а. О., 306, 310. Очень ценны сведения, сообщаемые Саблуковым о том, как дурно обходился великий князь Константин с полком, в котором служил Саблуков.
- ¹² «This kind of treatment made officers very nervous and uncomfortable».
- ¹³ См. «Vom Fels zum Meer», а. а. О., стр. 456.

Глава III

- ¹ Николай родился лишь в 1796 г., Михаил был еще моложе.
- ² См. в высшей степени интересный рассказ Панина в его письме Воронцову, содержащем автобиографию, в «Материалах для жизнеописания Панина», I, стр. 106. Там о событиях 1791 г. говорится среди прочего следующее: «La Nélidow, régnait déjà; la grande-duchesse, aujourd' hui Impératrice, était abandonnée, maltraitée, méprisée par tous ceux qui voulaient faire la cour. Je ne suivais pas cet exemple. Ma conduite devait déplaire. Le grand-duc employa d'abord les caresses, ensuite la froideur, puis les menaces pour me mettre dans le nombre des adorateurs de son idole» и т.д.
- ³ См. письмо Ростопчина Воронцову от 1793 г. в «Архиве князя Воронцова», XXIV, 257.
- ⁴ «Архив князя Воронцова», VIII, 67.
- ⁵ Там же, XV, 83.
- ⁶ Так, например, Стединг писал 20(31) августа 1798 г.: «La disgrâce qui avait frappé plusieurs individus de la cour et en place, la plupart attachés à l'impératrice ou protégés par elle, se manifeste encore fréquemment par le renvoi et le déplacement de personnes, que l'on croyait les plus avancées dans la faveur du souverain. L'impératrice en doit être fort malheureuse, d'autant plus que la cause en est attribuée assez généralement à la jalousie de cette princesse d'une jeune mademoiselle, fille du procureur, à laquelle l'empereur a témoigné des préférences et qui a reçu le chiffre malgré ce que l'impératrice a pu faire au contraire». И далее в другой депеше от 1(12) октября 1798 г.: «Tant que l'impératrice avait quelque crédit sur l'esprit de l'empereur et quelque influence dans les affaires, elle s'occupait à éloigner les dangers de sa famille et de l'état. Les ministres et employés choisis parmi ses amis ou ses protégés partageaient ces sentiments, et l'intérêt de leur repos et leur fortune incompatibles avec la dépense et les embarras qu'entraînent les grandes affaires était la règle de leur conduite; mais ces temps sont passés; chaque jour voit éclore une nouvelle disgrâce, qui tombe sur quelques personnes, connus par leur attachement à l'impératrice ou placés par son crédit. L'esprit de l'empereur esta igri contre elle et contre tout ce qui lui appartient en quelque manière. Dans cette disgrâce sont compris les amis communs de l'empereur et de l'impératrice; mademoiselle Nélidow, les Buxhöwden, les Kurakin, Nic. Roumjantzew, e prince Reprin et bien d'autres sont exilés ou éloignés de la cour. De nouveaux acteurs ont amené un changement de scène, et le bon accord étant rompu dans le ministerè (?) l'empereur cherche des distractions et devient plus susceptible à des influences étrangères. Le résultat de ce changement n'est pas aisé à prévoir; mais les sentiments de vertu et de religion étant profondément gravés dans le coeur de l'empereur et de sa famille on peut espérer un retour, qui tirera de l'état d'anxiété ou tant de disgrâces imprévues et l'inquiétude que chacun a pour son propre sort, ont plongé tout le monde». Стокгольмский архив.

⁷ Письмо Стедингга от 18(29) марта 1799 г.: «On dit qu'il n'y a rien de sensuel dans cette liaison, et je serais tenté de le croire, puisqu'il est très religieux et qu'il vit toujours avec l'impératrice». По словам Стедингга, Кутайсов сильно содействовал этой любовной истории, о которой шведский посланник далее рассказывает следующее: «L'impératrice en a été fort affligée dans les commencements et a fait des efforts inutiles pour s'y opposer. Elle a fini par s'y accoutumer, et présentement elle caresse beaucoup sa rivale, ce qui lui attire de grandes attentions de son époux. Si elle avait tenu cette conduite plus tôt, ses amis seraient encore en place».

⁸ См. статью Андрианова о княгине Гагариной, урожденной Лопухиной, в «Историческом Вестнике» (1895, январь, стр. 182); это целый ряд рассказов, в которых среди прочего изображается сильное влияние Гагариной на личные судьбы высоких сановников.

⁹ Стедингг замечает в своем письме от 18 февраля (1 марта) 1800 г., где идет речь о браке Лопухиной, что эта свадьба доказывает, «que le goût de l'empereur pour la princesse a été aussi pur qu'irréprochable». При этом шведский дипломат рассказывает о щедрости государя по этому случаю: молодая женщина получила 100 000 рублей наличными деньгами, великолепно устроенный дом, который оценивался в 300 000 рублей; отец Лопухиной получил 100 000 рублей. Кроме того, ей было дано огромное количество бриллиантов, серебра и т.д. Также отец Лопухиной получил 7000 крестьян с тем условием, что половину отдаст дочери и т.д. В день свадьбы императрица Мария Федоровна причесала невесту, как того требовал обычай относительно фрейлин, выходящих замуж. Стокгольмский архив.

¹⁰ Саблуков, а. а. О., 308, рассказывает, как завязались интимные отношения между ними; он говорит, что Кутайсов и отец Лопухиной довели до этого дело и что этому способствовал также Гагарин. Павел купил три дома, велел их соединить и устроить для своей «maîtresse en titre». Рядом с ней жил Кутайсов с актрисой Шевалье. Саблуков рассказывает: «I have frequently seen the Emperor leave him there and fetch him away again on his return from his own mistress».

¹¹ См. только что упомянутую статью Андрианова. Даже граф Панин, будучи изгнан, прибег к посредничеству Гагариной. См. «Материалы для жизнеописания Панина», V, 622, 633—634. Воронцов писал Панину в июне 1801 г., бичуя безнравственность русского общества: «Nous avons vu un père assez infâme que de prostituer sa propre fille». Без сомнения, здесь подразумевался Лопухин. См. «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 476—477. Розенцвейг (а. а. О., стр. 11) упоминает о том, что Михайловский дворец, где Павел поселился незадолго до своей смерти, выкрашен был розовой краской по цвету перчаток Гагариной: «Дворец носил название архангела, а цвет — любовницы». Об этом упоминает также Коцебу в соч. «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

¹² См. слова Коцебу в «Архиве князя Воронцова», XVIII, 149—150.

¹³ Вместо последних слов в издании «Архива князя Воронцова» (XXIV, 274) стоит многоточие. Быть может, это объясняется цензурными условиями, хотя контекст не оставляет сомнения в том, что речь идет о Марии Федоровне.

¹⁴ Вероятно, страсть к популярности.

¹⁵ Не имеется ли здесь в виду Нелидова?

¹⁶ От Панина, Палена и их сообщников.

¹⁷ Об отношении Куракиных к императрице есть ценные сведения в часто упоминавшихся «Материалах к биографии Панина».

¹⁸ То есть значит свергнуть Павла, как Екатерина свергла своего супруга?

¹⁹ «Historische Zeitschrift», III, 149.

²⁰ «Aus allen Zeiten und Landen», а. а. О., стр. 12.

²¹ «Revue Britannique», а. а. О., стр. 74. Elle accourut bientôt, la porte avait «été ouverte, on ne sait par qui ni comment». Примечание Ланжерона, относящееся к тому же: «Il est à présumer que Bennigsen l'avait fait ouvrir car elle n'était fermée que du côté de l'empereur; mais il ne m'a rien dit, et j'ai oublié de le lui demander».

²² «Historische Zeitschrift», III, 159.

²³ «The door с (см. план), leading to the Empress's bedroom, was also locked on the side of the cabinet». — «Fraser's Magazine», 1865, September, стр. 318.

²⁴ В Холмогорах, находящихся верстах в 70 от Архангельска, в течение десятилетий находились в заточении брауншвейгцы, родственники бывшего императора Ивана Антоновича.

²⁵ По некоторым данным, говорит Бернгарди, можно было предположить, что Павел хочет женить герцога Евгения Вюртембергского на своей дочери Екатерине. Павел всячески отличал его и осыпал почестями, орденами и т.д. Дело дошло до того, что однажды на параде Павел сам отдал ему честь и лично провел перед ним парадующий батальон — честь, которой Павел никому еще не оказывал. «Historische Zeitschrift», III, 152—153.

²⁶ «Historische Zeitschrift», III, 153.

²⁷ На решительное действие против государя.

²⁸ Бернгарди говорит: «Угроза Павла была тотчас же сообщена графу Палену — кем? — прежним ли слугой, которого Павел как друга возвысил до ступеней трона (Кутайсов), или его возлюбленной — этого мы определить не можем; вряд ли это мог сделать кто-нибудь кроме этих двух лиц». Объяснение Розенцвейга кажется весьма вероятным.

²⁹ Николай родился в 1796 г., значит, ему было четыре года, когда был убит отец.

³⁰ «Aus allen Zeiten und Landen», а. а. О., стр. 8.

³¹ Мы изучили источник, но этого места найти не смогли.

³² «Revue Britannique», 1895, июль, 77.

³³ «Fraser's Magazine», 1865, август, стр. 324.

³⁴ Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 310.

³⁵ Александр рассказал Саблукову в 8 часов вечера 11 марта, то есть за несколько часов до катастрофы: «We are both under arrest... We have been both of us brought up by Obolianinow to the chapel, to take an oath of allegiance». — «Fraser's Magazine», стр. 314.

³⁶ «Архив князя Воронцова», XXIV, 277.

Глава IV

¹ «Aus allen Zeiten und Landen», а. а. О., стр. 4.

² «La démence allant toujours *crescendo* aurait fini par devenir sanguinaire et l'était même déjà».

³ «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 63.

⁴ Bienemann, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», 228.

⁵ «Архив князя Воронцова», VIII, 338.

⁶ «Архив князя Воронцова», XXIX, 279.

⁷ В таком же роде Стедингк писал 18 февраля (1 марта) 1800 г.: «La société diminue tous les jours (вследствие ссылок); le peu de maisons, qui restent encore, sont fermées hermétiquement surtout aux étrangers, de crainte, dit-on, de s'exposer à des soupçons qui pourraient avoir des suites fâcheuses». Стокгольмский архив.

⁸ Кочубей и позднее не был посвящен в планы Панина и Палена. Впрочем, в апреле 1799 г., когда писал Кочубей, никакого заговора еще не было.

⁹ «Архив князя Воронцова», XVIII, 202—205.

¹⁰ Там же, XIX, 63.

¹¹ Там же, XVIII, 235, 241.

¹² Там же, XX, 386—387. Точно так же Николай замечает, что все время пришлось проводить в ужасном страхе и т.п. Там же, XXII, 108.

¹³ «Архив князя Воронцова», XXXII, 325, 360, 364, 368.

¹⁴ «Материалы к биографии Панина», VI, 434.

¹⁵ «Архив князя Воронцова», XVII, 69, 106.

¹⁶ «La faux dévastatrice de Paul».

¹⁷ «Архив князя Воронцова», X, 152, 157.

¹⁸ Там же, XVII, 297.

¹⁹ Там же, XIX, 283; XVII, 29.

²⁰ Там же, VIII, 288; X, 132.

²¹ Там же, X, 280. То, что это было написано для сына Павла, придает запискам тем большее значение.

²² «Архив князя Воронцова», XXIX, 460—461.

²³ См. письмо Воронцова Николаю, «Архив...», XXII, 531.

²⁴ «Архив князя Воронцова», XX, 108.

²⁵ Там же, XXII, 532.

²⁶ Там же, X, 110.

²⁷ Там же, X, 280. Роджерсон говорил, что Павел свихнулся, не может отличить хорошего от дурного, что он соображает неправильно и т.д.

²⁸ Вероятно, это следует понимать так, что от тирании Павла, как от пара, произошла стихийная сила, подданные же его играли лишь страдательную роль и терпели все.

²⁹ «Архив князя Воронцова», XI, 380—381.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

¹ «Une révolution en Russie ne peut être qu'un changement de Souverain, et elle connaît trop bien la carte du palais de l'empereur et les dispositions naturelles et acquises de tous les individus de la famille impériale pour avoir la moindre appréhension à cet égard». Стокгольмский архив. Густав осенью 1796 г. был в Петербурге и в течение недель почти ежедневно пребывал в Зимнем дворце. В Михайловский дворец Павел переехал позднее.

² L'empereur, s'il fait quelques mécontents par sa sévérité et sa promptitude à punir, ne laisse pas de gagner le coeur de beaucoup de ses sujets, de quelques uns par sa libéralité et du grand nombre par son amour de l'ordre et de la justice, qui, inspirant de la crainte à tous, met le peuple à l'abri des vexations, sous lesquelles il gémissait, précédemment.

³ «Архив князя Воронцова», XIII, 365 ff. Вскоре после этого Безбородко умер.

⁴ Интересно в этом отношении следующее: Павел купил три дома, чтобы поселить там княгиню Гагарину. Но при переезде в Михайловский дворец любовница

государя поселилась под спальней Павла. См. план Саблукова, а. а. О., 316. «A staircase, which led to the apartments of the princess Gagarin and also to those of count Kutaizoff».

⁵ Ланжерон так начинает эти заметки, написанные после рассказа второго сына Павла: «Dans les notes que j'ai ajoutées au récit de la conversation que j'ai eue en 1826 à Varsovie avec monseigneur le grand duc Constantin, j'ai avancé une assertion, que je suis même peut être affligé de penser, mais qui ne paraît que trop vraie». J'ai dit: «Il est des positions qui imposent des obligations bien pénibles des devoirs même affreux à des particuliers, à plus forte raison à un prince né sur les marches d'un trône. Alexandre s'est trouvé entre la nécessité de détrôner son père et la certitude de lui voir bientôt opérer la ruine de son empire par l'extravagance de ses projets et par l'inconscience de ses actions. La folie de ce malheureux prince (car on ne peut se dissimuler qu'il avait l'esprit égaré) était parvenue à un tel degré qu'il n'y avait plus moyen de le souffrir et qu'on devait le sacrifier au bonheur de quarante millions d'hommes» («Revue Britannique», 1895, июль, 61). — В разговоре с Гейкингом Пален упоминал о двадцати миллионах, которым необходимо было устранение Павла; но правильная последняя цифра в 40 млн. Народная перепись в 1796 г. в России дала в общем результате 36 млн. жителей.

⁶ Саблуков, а. а. О., 236: «Ribas first laid the foundations of the conspiracy». Ланжерон в «Revue Britannique», стр. 62, говорит: «Ribas avait opiné pour le poison» (!?). То, что Панин дружил с Рибасом, о чем свидетельствуют «Материалы к биографии Панина», сильно говорит в пользу Рибаса.

⁷ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 6.

⁸ Bienemann, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», 228.

⁹ «Revue Britannique», 1985, июль, стр. 63—64.

¹⁰ «Historische Zeitschrift», 146—147. Bernhardi, «Geschichte Russlands», II, 2, 423.

¹¹ «Geschichte Russlands», II, 2, 424—425. Бернгарди не принимает во внимание то важное обстоятельство, что за три—четыре месяца до катастрофы Панин был выслан из Петербурга и уже по этой причине не мог иметь влияния на события.

¹² «Архив князя Воронцова», XVIII, 245—246.

¹³ То есть, вероятно, без согласия Александра.

¹⁴ Czartoryski, «Mémoires», 233—236, 242.

¹⁵ Там же, 261—262.

¹⁶ Действительно, в Дании король Христиан VII во время регентства своего сына Фридриха принимал посланников в торжественной аудиенции. Так, например, об аудиенции французского посланника Макдональда в июле 1801 г. см. сообщение Лисакевича в «Материалах к биографии Панина», VI, 145.

¹⁷ Стокгольмский архив. О сердечном приеме Панина Александром тотчас после переворота см. «Материалы к биографии Панина», VI, 3 V.

¹⁸ В журнале «Aus allen Zeiten und Landen», в котором произведены мемуары Розенцвейга, этот случай отсутствует. Приводимый далее рассказ о том, как Пален чуть было не был раскрыт Павлом, помещен в «Geheime Geschichten» также в качестве сообщения Панина. Эпизод со встречей в подвале рассказан по

этому же источнику у Крузеншольпе, «Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I» (Hamburg, 1856, III, 343). По устному преданию, сохранившемуся в семье Паниных, граф Панин, думая, что его преследует шпион, вдруг обернулся и только тогда узнал великого князя, когда последний смертельно испугался его движения, производившего такое впечатление, будто граф вынимает шпагу. Говорят, что Панин, рассказывая об этом эпизоде, склонен был предполагать, что возникшая впоследствии неприязнь Александра к нему, быть может, основывалась на тяжелом впечатлении, оставленном этой сценой.

¹⁹ «Revue Britannique», 1895, июль, 62—63.

²⁰ Мемуары Гейкинга «Aus den Tagen Pauls», стр. 187.

²¹ «Материалы к биографии Панина», VI, 463 и 483.

²² Александра.

²³ Тотчас после переворота.

²⁴ См. «Материалы к биографии Панина», VII, стр. 231—232. Панин заблуждался. Хотя взгляды и планы Панина пользовались полным сочувствием Александра, последний относился к нему неприязненно из-за плана регентства, как мы покажем ниже.

Глава II

¹ Подробности см. в письме Муравьева-Апостола Воронцову от 17 февраля 1801 г. в «Архиве князя Воронцова», XI, 161—167.

² См. письмо Павла московскому генерал-губернатору графу Салтыкову в «Материалах к биографии Панина», V, 650.

³ См. там же.

⁴ Панин говорил о своей тетке — полагали, что он имеет в виду государя. «Благодеяния» тетки, полагали, означают не что иное, как «преследования» Павла и т.п.

⁵ См. письмо Муравьева Панину от 18 февраля 1801 г. в «Материалах к биографии Панина», V, 673.

⁶ Бернгарди говорит в «Historische Zeitschrift», III, 144, об интриге Кутайсова, направленной против Ростопчина. О ней нам мало известно. Биограф Ростопчина Ségur («Vie du comte de Rostoptchine», Paris, 1870, стр. 80) заявляет, что причина ссылки ему неизвестна. Об истории с письмами Панина и о клевете на него очень подробно рассказывается в опровержении сочинения Масона, написанном Коцебу, см. «Материалы к биографии Панина», V, 646—648. Павел, говорят, в негодовании воскликнул: «Ростопчин чудовище; он заплатит за свои подвохи» и т.д.

⁷ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 4 и 10. По материалам Бернгарди, в последний момент также грозило прибытие Аракчеева и Линденера. См. «Historische Zeitschrift», III, 153.

⁸ «Revue Britannique», 1895, июль, 65—67.

⁹ Ланжерон дает подобную же характеристику этим людям. Пален говорил об «énergie» и «courage»: «Pahlen avait raison pour Bennigsen et pour Valérien Zoubow. Nicolas était un taureau qui pouvait avoir de l'audace, lorsqu'il était ivre, et non autrement. Pour Platon Zoubow, c'était le plus lâche et le plus vil des hommes». — «Revue Britannique», 1895, июль, 64.

¹⁰ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 7.

¹¹ «Revue Britannique», стр. 69.

¹² «Historische Zeitschrift», III, 154.

¹³ Там же, III, 148.

Глава III

¹ Несколько наивно Ланжерон добавляет: «Ce qu'on ne pouvait lui laisser espérer si on lui eût parlé d'un empiroterement».

² «Sous le grand-duc Alexandre». Саблуков говорит (а. а. О., стр. 236): «He was joint Military Governor of St. Petersburg with the Grand-Duke Alexander».

³ «Revue Britannique», стр. 62—63.

⁴ Вот слова Палена: «Je n'étais pas assez dépourvu de sens pour m'engager à une chose impossible, mais il fallait calmer les scrupules de mon futur souverain, et je flattai ses intentions, bien assuré qu'elles ne seraient pas remplies». Ланжерон пишет, ужасаясь цинизма Палена: «Что за человек! Таким нужно быть, чтобы произвести революцию, но всякий честный человек с содроганием отказался бы от такого обещания».

⁵ Ланжерон в одной из заметок безусловно соглашается с этим мнением Палена: он также полагал, что заключение Павла, если оно вообще возможно, наверное, привело бы к новой революции, к его восстановлению на престоле и к страшным проявлениям мести.

⁶ «Je le sais et suis du complot».

⁷ Ланжерон замечает по поводу этих слов: «Палену удалось внушить государю подозрение к императрице».

⁸ «Il ne faut pas s'endormir».

⁹ «Revue Britannique», 1895, июль, 62—69.

¹⁰ Ségur, «Rostoptchine», стр. 86.

¹¹ Ланжерон, а. а. О., 68—69. Там упоминается также о письме, полученном будто бы Кутайсовым или князем Гагариным вечером накануне катастрофы, но из-за беспечности не прочитанном. Оно, как говорят, заключало в себе предостережение. Ливен, генерал-адъютант Павла и впоследствии посланник в Лондоне, рассказывал Ланжерону, что он действительно писал тогда Гагарину и что последний не прочел его письма; но в письме этом ничего не говорилось о заговоре, так как Ливен ничего не знал о нем, а заключался вопрос о частном деле. Так возник слух о том, что предостережение насчет заговора осталось безуспешным. История о разговоре Павла с Паленом и о смелости и присутствии духа последнего рассказывался не раз. См. также Розенвейга, а. а. О. («Aus allen Zeiten und Landen», стр. 9—10). У Бернгарди, стр. 150, этот случай передается в другой форме: Пален будто бы имел при себе список заговорщиков, а Павел шутя запустил руку в его карман. Очевидно, тут произошло смешение с историей, рассказанной Паленом, о записке Александра, которую чуть было государь не нашел у Палена. Саблуков в «Fraser's Magazine», а. а. О., стр. 322, опять-таки рассказывает о событии иначе; по его словам, Павел получил анонимное письмо со списком заговорщиков, а Пален ответил государю так, как он сам говорит об этом. Ниже мы вернемся к рассказу Саблукова по поводу одного важного обстоятельства.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

¹ Бернгарди, а. а. О., III, 149, называет первый батальон. Пален говорил о третьем; см. у Ланжерона, а. а. О., стр. 68.

² Бернгарди, а. а. О., III, 149—150.

³ Там же, а. а. О., 148.

⁴ Саблуков, а. а. О., 309.

⁵ Саблуков, а. а. О., 234.

⁶ «I particularly remarked, that there was no general conversation, but everywhere *des apartes* of people, who immediately dispersed if any one came near fo them».

⁷ «Jean f... qui parle et brave homme qui agit».

⁸ «That something was in the wind».

⁹ Это был неаполитанец, философ, поэт и художник, которому Саблуков был многим обязан.

¹⁰ Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, 312.

¹¹ Саблуков, а. а. О., 311.

¹² Там же, стр. 323.

¹³ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 8.

¹⁴ «Historische Zeitschrift», III, стр. 156. Очевидно, это заимствовано из устного предания высшего петербургского общества.

¹⁵ Повторяем, что эти сведения находятся только у Бернгарди, но что он ссылается на весьма важные источники.

¹⁶ «Historische Zeitschrift», III, 155—157.

¹⁷ Там же, III, 156.

¹⁸ Там же, III, 157.

¹⁹ Ланжерон называет в примечании внизу страницы кроме упомянутых выше Яшвиля, Татаринова и Аргамкова еще князя Вяземского из Семеновского полка, Скарятина из Измайловского, Волконского и др.

²⁰ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 16.

²¹ Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 318.

²² «Historische Zeitschrift», III, 157—158.

Глава II

¹ Стокгольмский архив. Депеша Стедингга от 25 января (6 февраля) 1801 г. Быть может, Стедингг писал так потому, что депеши его прочитывали и в России.

² «Historische Zeitschrift», III, 155.

³ Crusenstolpe, «Der russische Hof», III, 349—350.

⁴ См. сочинение Коцебу (русское издание) «Самый замечательный год моей жизни», СПб., 1879, II, стр. 137—138.

⁵ «Revue Britannique», 77—78.

⁶ «Fraser's Magazine», 312—313. Муханов рассказывал об этом случае в тот же день, когда он произошел.

⁷ Sneaking along like a «frightened hare».

⁸ «Like a lamplighter», то есть так быстро, как будто ему нужно было зажигать лампы.

⁹ «Alexander sneaked again towards us like a crouching pointer».

¹⁰ Тут Саблуков узнал, что оба великие князя находились под арестом и что они в тот день должны были возобновить свою присягу в верности.

¹¹ Саблуков не говорит, что подобные слова указывают на то, что Рудковский знал о заговоре.

¹² «Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment».

¹³ «Making silly faces». Мы не знаем, тот ли это самый генерал-адъютант Уваров, который принимал участие в заговоре. Но это весьма вероятно. В таком случае глупое лицо объясняется смущением, волнением. Генерал-адъютант знал, что в ближайшие часы должна наступить развязка.

¹⁴ «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 311—317.

¹⁵ Константин рассказывал графу Ланжерону в 1826 г.: «Je ne me doutai de rien et je dormais comme on dort à vingt ans». Ланжерон замечает по этому поводу: «L'empereur Alexandre n'avait pas voulu mettre son frère dans la confidence de ce qui se tramait. Il redoutait son indiscretion

et peut être, sa loyauté et sa franchise. Pahlen lui avait fait craindre aussi que, si le grand duc était instruit du projet de détrôner son père, il pourrait le lui découvrir, dans l'espoir de perdre son frère aîné et de le remplacer. Assurément, Constantin était fort éloigné d'un pareil calcul, mais il est probable, qu'il eût combattu longtemps, fortement et peut être efficacement la détermination de son frère; Pahlen y avait songé: il ne manquait à rien». — «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 73.

¹⁶ Пален: «Je vous ai plus craint que toute la garnison». Саблуков: «Et vous avez eu raison». Пален: «Aussi, j'ai eu soin de vous faire renvoyer». — «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 322.

Глава III

¹ «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 70. У Саблукова (стр. 319) говорится, что их было 180.

² Розенцвейг в «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 11.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Розенцвейг в «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 12. Ланжерон рассказывает следующую историю: «Все офицеры и солдаты, стоявшие на часах в Михайловском дворце, были посвящены в тайну заговора, за исключением одного только командира. Это был очень глупый и ничтожный немец по имени Пейкер. Когда один из гайдуков бросился бежать из прихожей государя, Пейкер побежал к караулу, стал звать на помощь и закричал, что государя хотят убить. Если бы на часах стояли не семеновцы, а солдаты из другого полка, и если бы начальник был более решительный, то, быть может, это и могло бы помешать убийству. Солдаты, хотя и знавшие о заговоре, вероятно, все-таки повиновались бы своему начальнику. Но Пейкер не знал, что ему делать; он просил совета у других офицеров. Эти же последние хотели только выиграть время и посоветовали Пейкеру написать бумагу командиру полка генералу Депредратовичу, что Пейкер по глупости и сделал самым добросовестным образом». — «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 75.

⁵ Ланжерон, 71. Это согласуется с рассказом Беннигсена: «Nous arrivâmes à la porte de l'empereur, et un de nous la fit ouvrir, sous le prétexte d'avoir lui parler». В таком же роде рассказано об этом у Бернгарди в «Historische Zeitschrift», стр. 158.

⁶ Ланжерон на стр. 71 говорит, что гайдук потом выздоровел от своей раны. Его звали Кирилов, и он впоследствии служил у императрицы Марии Федоровны.

⁷ «Il y a quatre ans que vous nous martyrisez!»

⁸ «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 71—72.

⁹ Очевидно, Татаринов.

¹⁰ Очевидно, Скарятин.

¹¹ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 13.

¹² «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 73.

¹³ В примечании внизу страницы рассказана, быть может, Саблуковым, а быть может, редакцией английского журнала, история о табакерке, которая была будто бы у Павла в руках и из которой пьяный Зубов хотел понюхать табаку; тогда Павел будто бы ударил Зубова, а Зубов вырвал у него табакерку и т.д.

¹⁴ Издатель мемуаров Саблукова добавляет, что, по достоверным свидетельствам, французский посланник во время дефилирования членов дипломатического корпуса перед телом перегнулся через перила и при-

поднял на трупе галстук, причем увидел красную полосу, оставленную шарфом.

¹⁵ «Fraser's Magazine», 1865, июль, стр. 319 и 320.

¹⁶ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 13—14.

¹⁷ «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 323. — В семье Ростовичных в устном предании сохранились следующие невероятные подробности события. Когда государя нашли за ширмами, то он снова обрел свое достоинство и в течение нескольких минут с таким царственным величием и так трогательно говорил с заговорщиками, что многие из них, тронутые до слез, готовы были броситься к его ногам и просить у него прощения. Другие же сказали, что уже поздно, что Павел должен отречься и т.д. Павел будто бы решительно отказался подписать акт отречения. Один из заговорщиков ударил его рукояткой шпаги по лицу, раздробил ему лобную носовую кость, а другой хотел пронзить ему шпагой живот, но Павел схватил шпагу, причем потерял три пальца и т.д. Ségur, «Ros-tortchine», стр. 84—85.

¹⁸ Розенцвейг в «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 12.

¹⁹ «Historische Zeitschrift», III, стр. 165.

²⁰ «Fraser's Magazine», стр. 321: «Pahlen had not lost sight of Alexander, who was young and timid. Pahlen never went up himself with the conspirators to attack Paul; he remained on the floor below with Alexander».

²¹ «Historische Zeitschrift», III, стр. 161.

²² Саблуков, 321—322.

Глава IV

¹ У Бернгарди Пален вместе с Уваровым и солдатами появляется на сцене только в этот момент. Вряд ли можно допустить, чтобы он так долго оставался на улице. Вероятнее рассказ Саблукова, что Пален находился у Александра.

² Бернгарди в «Historische Zeitschrift», III, 161.

³ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 14. Говорят, что Валерьян Зубов вместе с Александром горько оплакивал трагическую развязку. Саблуков ничего не говорит о том, как принял известие Александр.

⁴ Супруга Александра.

⁵ «Mon Dieu, encore se surcroît d'embarras». Мы далее увидим, что Мария Федоровна имела намерение захватить бразды правления в свои руки.

⁶ «La raisonner». Значит, Пален был тогда у Александра.

⁷ «A pretty mess» — так переводит Саблуков русское выражение «хорошая каша».

⁸ «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 323 и 325. Брак Александра был бездетным, и Константин тогда уже мог считаться наследником престола. Известно, что в 1825 г. он отказался вступить на престол.

⁹ Ланжерон, стр. 75. Саблуков, стр. 321. Розенцвейг рассказывает, очевидно, не в соответствии с действительностью, что императрица услышала шум во дворце и знала, что что-то затевается против государя, ее супруга; она пыталась проникнуть к нему и т.д. «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 14.

¹⁰ «The plastering, painting, repairing and dressing, together with the embalming».

¹¹ Саблуков, 322.

¹² Эта форма редакции Бернгарди заставляет предполагать, что он пользовался в данном случае мемуарами Беннигсена.

¹³ См. выше.

¹⁴ Можно сомневаться в том, что Пален появился перед вдовствующей императрицей вторично. Известие о кончине Павла было передано графине Ливен.

¹⁵ «Historische Zeitschrift», III, 161—184. Розенцвейг (стр. 15) рассказывает о том же самом несколько иначе. Беннигсен отказывался вести ее в комнату усопшего, ссылаясь на то, что он не уполномочен на это императором Александром. Мария Федоровна спросила: «Александр, кто сделал его императором?» — «Народ, сударыня (Madame), гвардейцы провозгласили его императором». — «Но кто же заговорщики?» — «Люди из всех слоев общества, статские, военные, придворные». — «Пустите меня к императору Александру». — «Нет, государыня, это мне запрещено; вы не оставите этой комнаты» и т.д. Наконец Беннигсен разрешил ей увидеть Александра, но при двух условиях: во-первых, чтобы она по пути нигде не останавливалась, и, во-вторых, чтобы ни с кем не заговаривала и т.д.

¹⁶ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 15.

¹⁷ Pahlen le prend rudement par le bras et lui dit: «C'est assez faire l'enfant; allez régner, venez vous montrer aux gardes».

¹⁸ «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 76—77.

¹⁹ Беннигсен: «Mais c'est impossible; il est abimé, fracassé, on est actuellement à le peindre et à l'arranger» — и затем: «Ah, ma foi, s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'à le voir».

²⁰ Иванов, как говорят, прибавил, что, конечно, Александр будет не лучше. Саблуков пишет: «Although he shall be not better, for after all, whoever is priest, is also father» («Кто ни поп, тот и батька» — русская поговорка).

²¹ Ланжерон, стр. 77.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I

¹ В своей депеше Густаву IV Стедингк замечает, что только Куракин очень грустен. Он прибавляет: «Ces regrets sont partagés par peu de personnes, et la joie du changement parait être générale et éclate d'une manière peu décente». Бернгарди говорит об общей радости («Historische Zeitschrift», III, 164), очевидно, придерживаясь сообщений Беннигсена.

² Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 322.

³ «Архив князя Воронцова», XVIII, 351.

⁴ Там же, XXX, 132.

⁵ Там же, XXII, 107.

⁶ Там же, XII, 264.

⁷ Там же, XIX, 38.

⁸ Там же, XIV, 388—389.

⁹ Там же, XXXII, 296.

¹⁰ Там же, XIV, 270.

¹¹ Там же, XVII, 29—31.

¹² Там же, XVIII, 236.

¹³ Там же, XX, 466—468.

¹⁴ Там же, XIX, 394.

¹⁵ Там же, XXIX, 394.

¹⁶ Там же, X, 97.

¹⁷ Там же, XI, 395.

¹⁸ Там же, XIV, 149.

¹⁹ Bienemann, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», стр. 227.

²⁰ «Historische Zeitschrift», III, 164. Совершенно ложно известие, сообщаемое Бернгарди там же, будто Куракин

был выслан из столицы. Из «Материалов для жизнеописания Панина» ясно, наоборот, что Куракин оставался в Петербурге и что Александр относился к нему с особым вниманием.

- ²¹ Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 309.
- ²² Обе эти истории рассказаны Ланжероном в «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 74 и 79.
- ²³ См. письмо Стедингга Густаву IV (из стокгольмского архива) в «Материалах к биографии Панина», VII, стр. 31.
- ²⁴ «Some of the leaders of the plot and principal actors in the murder looked rather cast down». — «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 323.
- ²⁵ Рассказ Саблукова в «Fraser's Magazine», а. а. О., стр. 325.
- ²⁶ О подробностях отношений, завязавшихся уже давно, см. в «Материалах гр. Панина», VI, стр. 38—58, где напечатана переписка.
- ²⁷ Blum, «Ein russischer Staatsmann», Leipzig und Heidelberg, 1858, IV, 556—557. Письмо напечатано полностью на стр. 664.
- ²⁸ «Historische Zeitschrift», III, стр. 165. Бернгарди слышал об этом, очевидно, от своих родственников.
- ²⁹ «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 327.
- ³⁰ Ланжерон в «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 78, где мы находим выражение «La catastrophe dont elle paraissait si tardivement touchée».
- ³¹ Ланжерон рассказывает: «Pahlen abusa trop et trop vite de son influence: il continua trop longtemps à traiter son souverain comme un enfant» и т.д., стр. 78.
- ³² Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 326, где это место из Библии указано не совсем верно: вместо ст. 31 там приводится ст. 13. Эта цитата — предположение издателя мемуаров Саблукова.
- ³³ «Aus den Tagen Kaiser Pauls», стр. 232—238.
- ³⁴ «Pahlen alluded to his power of placing and displacing sovereigns» и что составлен «perhaps a plan to pass the sceptre to a female» и т.д.
- ³⁵ «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 326.
- ³⁶ «Материалы для жизнеописания Панина», VI, стр. 403.

Глава II

- ¹ Бернгарди замечает («Historische Zeitschrift», стр. 165), что Пален в противоположность взглядам Александра стоял за союз с Францией, между тем как Зубов высказывался за союз с Англией. Он добавляет: «Но не политическими причинами объясняется удаление Палена». Беннигсен говорит нам иное, что его (Палена) «двусмысленное непоявление в решительный момент в ту роковую ночь было объяснено не в его пользу». Бернгарди, очевидно, ничего не знал об истории с иконой.
- ² Бернгарди полагает («Historische Zeitschrift», стр. 166), что Зубов не был сослан, а уехал по собственному желанию. Ланжерон же замечает: «Le prince Platon Su-bow fut forcé, au bout de quelque temps, d'aller vivre en Courlande».
- ³ Очень смелым кажется нам предположение Бернгарди: «Можно подумать, что ему ставилось в большую заслугу его поведение относительно императрицы Марии, словно он доказал таким образом, что достоин доверия». — «Historische Zeitschrift», III, стр. 166.
- ⁴ «Revue Britannique», 1895, июль, стр. 79.
- ⁵ «Архив князя Воронцова», XXX, 133—134. «Par ordre exp-rès ou lettre de l'empereur».

⁶ «Pahlen l'a fait venir dans le premier instant». Сообщение Чарторьского, будто Панин отправился в Петербург по собственному желанию, опровергается письмом Роджерсона.

- ⁷ «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 2.
- ⁸ «Hélas! Les choses n'ont point tourné comme nous l'avons cru». Деша Стедингга от 13 июля 1801 г. в стокгольмском архиве.
- ⁹ «Je me suis jeté à Ses genoux pour Lui baiser la main, mais l'Empereur me relevant m'embrassa à plusieurs reprises avec une bonté, pour laquelle je ne trouve point d'expressions. Il entama tout de suite une conversation pleine de confiance et relative à la propre personne», то есть, вероятно, о перевороте. — «Материалы к биографии Панина», VI, 5.
- ¹⁰ «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 13 и 14.
- ¹¹ См. номера документов в «Материалах для жизнеописания Панина», I, 63, 77, 106, 116, 117, 119, 120, 124; II, 290, 292, 293.
- ¹² Там же, VI, номера 294—302.
- ¹³ Стокгольмский архив.
- ¹⁴ «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 380.
- ¹⁵ См. письмо Панина Александру об этом слухе в «Материалах для жизнеописания Панина», VI, 380.
- ¹⁶ «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 383.
- ¹⁷ Czartoryski, «Mémoires», стр. 261—262.
- ¹⁸ Там же, 229 и 231.
- ¹⁹ «Архив князя Воронцова», XVIII, 245—246.
- ²⁰ Там же, XXII, 119.
- ²¹ Стокгольмский архив.
- ²² См. «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 625—626. В них далее сообщены подробности, касающиеся недоразумений между Паниным и Куракиным, который пользовался особым расположением вдовствующей императрицы.
- ²³ См. «Материалы для жизнеописания Панина», VI, 641.
- ²⁴ Там же, 684 и след.
- ²⁵ Стокгольмский архив.
- ²⁶ Богданович, «История царствования Александра I», СПб., 1869, том I, приложения, стр. 63—64.
- ²⁷ Czartoryski, «Mémoires», I, стр. 277—278.
- ²⁸ См. обстоятельное изложение этого события по семейным документам и по депешам Стедингга и Иеннингса (в стокгольмском архиве) в «Материалах для жизнеописания Панина», VII, стр. 1—52.
- ²⁹ См. эти три письма в издании «Les Razoumowski», Halle, 1894, II, четвертая часть, стр. 111 и след.
- ³⁰ Этому времени жизни Панина (1802—1837 гг.) посвящен седьмой том «Материалов для жизнеописания Панина». Там помещены документы и указания относительно немилости к нему.
- ³¹ Joseph de Maistre, «Mémoires politiques et correspondance diplomatique», Paris, 1858, стр. 367.

Послесловие к первому изданию В.И. Семевского

- ¹ См., например, свидетельство профессора Шимана в «Historische Vierteljahrschrift», 1901, 1 Heft, 57.
- ² Впрочем, при ее составлении автор пользовался неизданными депешами шведского посланника Стедингга в стокгольмском архиве.
- ³ К сожалению, цена этого тома словаря так непомерно высока (10 рублей за 711 стр. без рисунков), что нельзя

- рассчитывать на широкое распространение статьи Шумигорского; впрочем, автор предполагает сделать общедоступное издание своего очерка. Кроме того, он готовит к печати обширный труд об императоре Павле.
- ⁴ О них см. еще *Петрушевский*, «Генералиссимус князь Суворов», т. II (1884), и ст. *Лебедева* в «Русской Старине», 1877, т. XVIII.
- ⁵ «Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit», Berlin, 1904.
- ⁶ Они переведены в «Историческом Вестнике», 1906, № 5, стр. 416—432.
- ⁷ Записки Вельяминова-Зернова были уже ранее напечатаны, хотя и без имени автора, в «Историческом сборнике вольной русской типографии», Лондон, 1861, II, 23—24.
- ⁸ Напечатаны бароном *Helldorff* в книге «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg», I Theil, Berlin, 1801, S. 73—160. Переведены, но с большими исключениями, в «Русском Архиве», 1878, т. I, 43—75.
- ⁹ Напечатаны с некоторыми исключениями в издании М.В. Пирожкова «Общественные движения в России в первой половине XIX века», т. II.
- ¹⁰ Л., 1859 г., кн. I, 46—61.
- ¹¹ «Historische Zeitschrift», III Bd., 152. Статья эта принадлежит перу известного историка России Бернгарди. См. его «Geschichte Russlands», II Theil, 2 Abteilung, Leipzig, 1875, 421.
- ¹² *Helldorff*, «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg», 1861, т. I, 115, 132, 152. Материалы Шимана, стр. 68.
- ¹³ «Исторический Сборник», I, 50. *Helldorff*, I, 132, 133, 138, 139. Материалы, изд. Шиманом, стр. 75.
- ¹⁴ «Убиение Павла», изд. Шимана, стр. 71, ср. стр. 40.
- ¹⁵ О том, как мало Павел соотносился с состоянием средств казны, см. «Сочинения Державина», т. VI, изд. 1871 г., стр. 752.
- ¹⁶ «Русский Архив», 1867, прил., стр. 118.
- ¹⁷ Он говорит: «Император Павел I, сын Петра III., унаследовал натуру отца, значительно смягченную духовными качествами матери». Ввиду влияния природы матери Ковалевский особенно настаивает на своем выводе, что «в лице Павла мы видим — возрождение, а не вырождение» («Император Павел I. Историко-психиатрический очерк», «Всемирный Вестник», 1905, № 12, стр. 1, 33).
- ¹⁸ «Записки императрицы Екатерины II», Л., 1859, стр. 124—132, 134—136, 147—148, 156, 162, 165, 166, 174. *Вильбасов*, «История Екатерины II», Берлин, 266—277, ср. 500—510. *Castéra*, «Histoire de Catherine II», P., 1809, т. I, 162—181. *Брикнер*, «Жизнь Петра III до вступления на престол», «Русский Вестник», 1883, № 2, стр. 750. Биографические сведения о Салтыкове см. в «Русском Биографическом Словаре», изд. Императорским Русским Историческим Обществом, 1904.
- ¹⁹ «Записки императрицы Екатерины II», Л., 1859, стр. 160. Уход за ребенком был настолько небрежен, что однажды ночью он даже выпал из колыбели.
- ²⁰ См. у Брикнера показания Ростопчина от 1793 г. (на стр. 22).
- ²¹ Материалы, изданные Шиманом, стр. 273—274, или «Исторический Сборник», II, 29—30. А.М. Тургенев говорит, что в 1796 г. (в царствование Павла) сам читал приказ петербургского обер-полицмейстера Рыльева следующего содержания: «Объявить всем хозяевам домов с подпиской, чтобы они заблаговременно, и именно за три дня, извещали полицию, у кого в доме имеет быть пожар» («Русская Старина», 1887, № 1, стр. 100). Приказ был, конечно, отдан по воле Павла. Шишков в своих записках (I, 41) сообщает о бессмысленном повелении Павла, чтобы он, Шишков, в Павловске ходил на маленький дворик и смотрел в какое-то отверстие в земле. Причина этого странного приказа ни разу не была.
- ²² «Сочинения Державина», т. VI, 1871, стр. 727, 743—744.
- ²³ Материалы, изданные Шиманом, стр. 65, 66, 85.
- ²⁴ *Helldorff*, I, 93, 96—97, 103—104, 110, 125, 126, 128, 133, 137, 143—145; ср. *Брикнер*, «Смерть Павла I», 97.
- ²⁵ *Шильдер*, «Павел I», 462—463. Так как Павлу удалось получить сведения о тех депешах Уитворта, в которых он рисовал мрачными красками душевное состояние императора, то 1 февраля 1800 г. государь потребовал отъезда его из Петербурга, «желая избежать неприятных последствий, какие могут произойти от дальнейшего пребывания лживых министров». *Александренко*, «Император Павел I и англичане. Извлечение из донесений Уитворта», «Русская Старина», 1898, № 10, стр. 99—100. Ср. приводимое Брикнером свидетельство саксонского резидента Розенвейга о том, что Павел страдал «припадками бешенства, которые делали его совершенно сумасшедшим» (на стр. 82).
- ²⁶ «Архив князя Воронцова», т. XXX, 116, 121, 124.
- ²⁷ Mémoires du prince Adam Czartoryski, Paris, 1887, I, 243.
- ²⁸ *Шильдер*, «Император Павел», 417—420.
- ²⁹ «Русский Архив», 1872, т. 144. Де-Санглен в своих записках полагает, что Павел «впал в род временного сумасшествия» («Русская Старина», 1882, № 12, стр. 494—495). Ланжерон также считает Павла сумасшедшим («Revue Britannique», 1895, т. IV, 61).
- ³⁰ *Шильдер*, «Император Александр I», I, 309.
- ³¹ *Лопарев*, «Описание рукописей Общества любителей древней письменности», т. I, 138.
- ³² «В тот же день девица Мусина-Юрьева, согласно завещанию Павла, была возведена в дворянское достоинство Гр. А. Бобринской». — «Дворянские роды», 1890, II, 596.
- ³³ «Записки гр. Головиной», перевод с франц. рукописи Е.С. Шумигорского, С.-Петербург, 1900, стр. 126. У Павла и Марии Федоровны было 10 детей: 4 сына и 6 дочерей.
- ³⁴ О кухарке-немке, готовившей кушанья для государя в особой кухне, см. рассказ Коцебу «Достопамятный год моей жизни», II, 123—124. Гейкинг упоминает о кухарке-англичанке. «Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen eines Kurländischen Edelmanns», herausg. von T. Fr. Bienemann, Leipzig, 1886, S. 212.
- ³⁵ Один петербургский сенатор рассказывал И.В. Лопухину, как он с великим прискорбием вынужден был подписать приговор к ссылке и телесному наказанию кнутом сыну своего близкого знакомого, почти невинному. При этом он пояснил, что сенаторы «боялись не строго приговаривать и самыми крутыми приговорами старались угождать Павлу». — «Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1860, т. II, 72.
- ³⁶ *Болотов*, «Памятник протекших времен», М., 1875, II, 62—68; «Записки графини Головиной», СПб., 1900, стр. 96. «Малолетние за неявкою исключены вовсе из полков», — говорит Вигель («Записки», М., 1891, I, 79).

- ³¹ Указом от 1 мая того же года это право было сохранено лишь за теми, кто оставил военную службу до вступления Павла на престол (П. С. З., № 19408).
- ³² 9 августа 1800 г. Павел повелел «отставленных» от службы после его вступления на престол и до указа от 1 мая 1796 г. (см. выше), бывших при должностях по выбору дворянства, впредь в должностях не утверждать и не определять без повеления государя (П. С. З., № 19508). Об ограничениях корпоративных прав дворянства при Павле см. *Романович-Славятинский*, «Дворянство в России от начала 18 века до отмены крепостного права», 1870, стр. 425, 428, 457, 466, 469.
- ³³ «Общественные движения... в первой половине XIX века», т. 1, 134. Безумие Павла дошло до того, что в последний день его жизни был объявлен из Коммерц-коллегии указ вследствие именного, «чтобы из российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо никуда не было без особого высочайшего повеления» (П. С. З., XXVI, № 19775).
- ³⁴ П. Знаменский, «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра», Каз., 1873, стр. 310—317.
- ³⁵ Об участии духовенства в этих волнениях см. книгу Трифильева «Очерки из истории крепостного права в России. Царствование имп. Павла I», Харьков, 1904.
- ³⁶ П. С. З., XXIV, № 17675. 24 августа 1797 г. было разъяснено сенатским указом, что не следует брать в военную службу церковников моложе 15 лет, больных и старых (50—60 лет), П. С. З., № 18109.
- ³⁷ Ив. Знаменский, «Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I», 1880, стр. 152—157.
- ³⁸ Подробный и весьма убедительный разбор этого труда сделан Н.П. Павловым-Сильванским в «Журнале Народного Просвещения», 1905, № 2. Ответ Трифильева см. *ibid*, в № 10, и возражение Павлова-Сильванского — в № 12.
- ³⁹ «Русская Мысль», 1905, № 5.
- ⁴⁰ См. мою книгу «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I. изд. 2, стр. 96—98.
- ⁴¹ «Восемнадцатый век», изд. Бартенева, т. IV, 469.
- ⁴² В первый год царствования Павла было около 280 волнений в 32 губерниях Европейской России. Половина этих волнений произошла в январе 1797 г. — Трифильев, 287—288.
- ⁴³ П. С. З., т. XXXIII, № 26164; «Сборник Императорского Исторического Общества», т. 121, стр. 393—397, 421, 435—437; ср. «Труды Донского Войскового Статистического Комитета», т. I. Карасев, «Донские крестьяне».
- ⁴⁴ Эта важная реформа была осуществлена на Урале в царствование Александра I в 1807 г.
- ⁴⁵ «Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова», т. I, Берлин, 1870, стр. 22.
- ⁴⁶ Ср. мои статьи «Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России» («Журнал для всех», 1906, №№ 1 и 2) и «Пожалования населенных имений при императоре Павле» («Русская Мысль», 1882, № 12). Статья так называемого Бородин, упоминаемая Брикнером на стр. 26, есть статья А.К. Бороздина «К характеристике императора Павла» («Исторический Вестник», 1882, № 6, стр. 641—658). Брикнер упоминает (на стр. 27) о пожаловании эмигранту Шуазёлю 2000 душ. Действительно, графу Шуазель-Гуфье, тайному советнику, было указом от 3 августа 1797 г. пожаловано близкое к этому количество крестьян, а именно 1966 душ мужского пола в Тельшевском уезде Литовской губернии — одно староство и два ключа из столовых имений бывшего виленского епископа в Виленском уезде («Сенатский Архив», I, 266). Очень важно указание Брикнера, заимствованное из депеш Стедингга, о количестве душ, дарованных отцу фаворитки Павла, Лопухину (на стр. 44), так как до сих пор было известно только, что ему пожаловали купленное в казну староство Корсунь Киевской губернии («Сенатский Архив», I, 486), но количество душ в нем известно не было. Относительно пожалования имения Палену мы знаем только, что данные ему при Екатерине в 1789 г. 500 душ крестьян (в 1798 г. их числилось уже 596), было повелено 20 октября 1798 г. обменять на мызу Гофцумберген в Курляндской губернии («Сенатский Архив», I, 450).
- ⁴⁷ Сын Екатерины II и Г.Г. Орлова, которому Павел пожаловал в собственность 25 000 душ, назначенных для его содержания Екатериной II.
- ⁴⁸ Брикнер, «Записки гр. Ланжерона о русском войске», «Русская Мысль», 1896, № 9, стр. 33.
- ⁴⁹ «Mémoires secrets», ed. 1859, p. 417.
- ⁵⁰ Шумигорский, «Записки баварца о России времен императора Павла», «Русская Старина», 1899, № 9, стр. 544.
- ⁵¹ «Воспоминания Полетики», «Русский Архив», 1885, т. III, 320. В Казани в 1798 г. солдаты, жаловавшиеся Павлу на командиров, были наказаны шпицрутенами («Восемнадцатый век» Бартенева, т. IV, 469). Бывали, впрочем, случаи наказания начальников за жестокое обращение с нижними чинами: см. Пачулидзе, «История кавалергардов», II, 226, но это вызывалось обычно или особенно многочисленными побегам, или смертью наказанного, если о ней стало известно государю.
- ⁵² Петрушевский, «Генералиссимус князь Суворов», т. II, 320.
- ⁵³ «Архив князя Воронцова», XXIX, 465.
- ⁵⁴ «Записки Шишкова», I, 18. О ропоте солдат, несмотря на раздачу водки и рублей, говорит и Массон, «Mémoires secrets», 1859, p. 130, 154.
- ⁵⁵ Н. Соколов. «Раскол в Саратовском крае», т. I, Саратов, 1888, стр. 164—168.
- ⁵⁶ П. С. З., XXV, № 18428; XXVI, № 19621. «Собрание постановлений по части раскола», 1860 г., стр. 757—760, 766—768.
- ⁵⁷ «Русская Старина», 1879, т. XXII, 176.
- ⁵⁸ Духоборцы отвергали церковную иерархию, таинства, храмы, иконы, посты и мощи; екатеринославские духоборцы считали ненужной правительственную власть для последователей своего учения.
- ⁵⁹ П. С. З., XXV, № 19097, указ от 28 августа 1799 г. Духоборцев сылали также в Ригу, Финляндию, Сибирь, иногда с наказанием кнутом и вырезанием ноздрей.
- ⁶⁰ «Записки Лопухина», «Чтен. Об. Ист. Древ. Рос.», 1860, III, 93, 109—110. Новицкий, «Духоборцы, их история и вероучение», Киев, 1882, изд. 2. Е.Р., «Русские рационалисты», «Вестник Евр.», 1881, № 2, стр. 675.
- ⁶¹ См. «Архив Государственного Совета», т. II, 1888, стр. 425—514; Скабичевский, «Очерки истории русской цензуры», 1892; Ситовский, «Из прошлого русской цензуры», 1899, №№ 4 и 5.
- ⁶² П. С. З., XXVI, № 19387.
- ⁶³ Storch, «Russland unter Alexander dem Ersten», I, 130.

- ⁷⁰ «Русская Старина», 1872, № 7, стр. 98.
- ⁷¹ Там же, 1882 г., т. XXXIII, 206—207; 1878 г., т. XXII, 128. Перевод печатной книжки пастора Зейдера см. в «Русской Старине», 1878, т. XXI, 463—490.
- ⁷² «Русская Старина», 1879, т. XXIV, 148—149.
- ⁷³ Там же, 1882 г., т. XXXVI, 490—491. По словам Шишкова, Акимов пропал без вести и не был отыскан (I, 21).
- ⁷⁴ «Русская Старина», т. VII, стр. 575. См. еще указ Павла от 14 февраля 1801 г. о наказании кнутом бежавшего унтер-офицера Мишкова, когда он будет пойман, «не производя над ним никакого следствия», и о ссылке на каторгу в Нерчинск с вырезанием ноздрей. — «Русская Старина», 1876, т. XVI, 194.
- ⁷⁵ «Русская Старина», 1885, т. 48, стр. 256—257. Ссылка неизвестных существовала и при Александре I, который в 1824 г. сам нашел в Оренбурге одного полковника, содержавшегося как неизвестный и сосланного Аракчеевым («Русская Старина», *ibid*, стр. 257—259). Дело в том, что Александр I выдал Аракчееву бланки со своими подписями, которые давали тому возможность по личному усмотрению сослать и заключать людей без суда.
- ⁷⁶ «Русская Старина», 1885, т. 48, стр. 479.
- ⁷⁷ «Сенатский Архив», I, 22, 75.
- ⁷⁸ «Евграф и Петр Грузиновы. Военно-судное дело в Черкасске» в «Русской Старине», 1878, т. XXIII. Рассказ об этом деле в записках декабриста Штейнгеля, со слов В.Н. Горчакова, весьма неточен и противоречит именному указу Павла («Общественные движения в России...», т. II, 381—382).
- ⁷⁹ «Сенатский Архив», I, 649, 652, 659. «Русская Старина», 1873, т. VII, 573—575; 1878 г., т. XXIII, 262—263.
- ⁸⁰ Брикнер (на стр. 41) приводит показание Тургенева («Русская Старина», 1885, № 11, стр. 266) о 12 000 офицеров и чиновников, заточенных и сосланных на житье и в каторжные работы по воле государя. До специального расследования этого вопроса трудно сказать, насколько эта цифра близка к действительной, заметим только, что автор особого исследования о военных преобразованиях при Павле утверждает, «что не во все его царствование, а в течение почти трех лет были уволены от службы 7 фельдмаршалов, 333 генерала и 2261 офицер», но автор добавляет, что большая часть их была вновь принята на службу «спустя год и менее» («Русская Старина», 1877, № 2, стр. 247).
- ⁸¹ «Общественные движения...», т. I, стр. 11. В находившихся в том же пакете предположениях графа Петра Ивановича Панина не заключалось никаких мер для ограничения власти государя. Ср. мою статью о декабристе М.А. Фонвизине, *ibid*, стр. 7—13.
- ⁸² Mémoires du prince Adam Czartoryski, I, 150—151. Перевод записок Чарторыского печатался в «Русской Старине», 1906, начиная с № 6.
- ⁸³ Шильдер, «Александр I», т. I, 162—164.
- ⁸⁴ Рассказ Бернгарди основан на свидетельстве Беннигсена. См. материалы, издан. Шиманом, стр. 75; *Helldorff*, I, 136, 144. По словам Беннигсена в его письме Фоку, Панин в переговорах с Александром Павловичем «обещал, что император будет арестован и ему (Александр) будет предложено от имени нации (de la part de la nation) бразды правления». — «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1901, 1 Heft, 60.
- ⁸⁵ Материалы, изд. Шиманом, 78; *Helldorff*, I, 140.
- ⁸⁶ Записки Саблукова вновь напечатаны в «Историческом Вестнике», 1906, №№ 1—3. Генералу фон Гагерну расказывали впоследствии в России, что Павла перед самым моментом убийства заставили подписать отречение. — *Heinrich v. Gagern*, «Das Leben des General Fr. v. Gagern», III, 1856, S. 422.
- ⁸⁷ «Общественные движ...», I, 132—133, 135, 142—143. Рассказ Фонвизина о том, что Пален в отместку Талызину отравил его, кажется нам невероятным.
- ⁸⁸ «Тайное общество и 14 декабря 1825 г.», Лейпц., стр. 229.
- ⁸⁹ Курсив автора.
- ⁹⁰ Фонвизин называет в числе заговорщиков Уварова и Волконского. Правда, князь Долгоруков ссылается на записки Фонвизина, но, очевидно, у него были и другие источники, так как Фонвизин о присутствии при этой сцене Зубовых и Уварова ничего не говорит.
- ⁹¹ *Pr. Pierre Dolgoroukoff*, «La vérité sur la Russie», P., 1860, p. 214—215.
- ⁹² «Общественные движения...», I, 142.
- ⁹³ «Исторический Сборник», I, Л., 1859, стр. 59, 60. Срав. слова Беннигсена в материалах, изд. Шиманом, стр. 86. Едва ли случайно Мария Федоровна велела остаться лейб-медику Беку в Михайловском дворце в ночь с 11 на 12 марта. «Denkwürdigkeiten des Graf v. Toll», Leipzig., 1856, I, 97.
- ⁹⁴ *Helldorff*, I, 136, ср. 131, 145, 146.
- ⁹⁵ *Th. Bernhardi*, «Unter Nikolaus I und Friedrich Wilhelm IV», Leipzig, 1893, S. 307. Ср. «Русский Архив», 1878, т. 1, 337, 341.
- ⁹⁶ Весьма сомнительный слух о намерении некоторых лиц погубить всю императорскую фамилию передавал принцу Евгению Вюртембергскому сын Дибича. *Helldorff*, I, 131.
- ⁹⁷ Материалы, изд. Шиманом, 265—266.
- ⁹⁸ *Сухомлинов*, «Исследования и статьи», II, 121. Есть указание на конституционные стремления в то время графа Никиты Панина: какой-то консерватор в сделанной надписи на проекте Державина о правах Сената называет в числе трех, ходивших «тогда с конституциями в кармане», Н.П. Панина и говорит, что он переделал «на русские нравы и обычаи» английскую конституцию. «Сочинения Державина», т. VII, 1872, стр. 341.
- ⁹⁹ Пример такой судебной ошибки см. в телеграмме из Лодзи в «Товарище», 1908, № 100, 29 октября.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Акимов**, лейтенант, сосланный в Сибирь 237
Александр I, сын Павла I, российский император 7, 15—17, 20—22, 32, 44, 46, 48, 50, 53, 54, 56, 60—63, 70, 71, 75, 80—88, 90—97, 103, 107, 108, 110, 111, 113—115, 124—126, 131, 132, 134, 140, 146—149, 151—153, 155—159, 162, 164—167, 170—172, 174—180, 182—195, 197, 198, 202, 204, 206, 220, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 237, 242, 244—246, 249, 251—253, 263, 264
Александр Вюртембергский, принц 251
Александра, дочь Павла I и Марии Федоровны, великая княгиня, супруга палатина венгерского Иосифа 152
Алексей, сын Петра I Великого, царевич 9
Андреевский, корнет, часовой в Михайловском замке 133
Анна Иоанновна, дочь Ивана V Алексеевича, супруга герцога курляндского Фридриха Вильгельма, российская императрица 6, 11
Анна Леопольдовна, жена принца Антона Ульриха Брауншвейгского, дочь мекленбург-шверинского герцога и Екатерины (дочери Ивана V Алексеевича), при Иване VI — правительница России 11, 14
Антон Ульрих, принц Брауншвейгский, отец императора Ивана VI, генералиссимус 11
Апраксин, генерал 48
Аракчеев Алексей Андреевич, генерал от артиллерии, руководитель реакционных преобразований в армии 30, 35, 46, 48, 50, 100—103, 113, 114, 147, 207, 231
Аргамаков, генерал-адъютант Павла 118, 139

Б

- Багратион** Петр Иванович, князь, русский генерал 272
Бальбо, сардинский посланник 216
Батурни, офицер (заговорщик в пользу Петра III) 15
Безбородко Александр Андреевич, светлейший князь, государственный деятель 29, 42, 71, 80, 230, 245
Бек, лейб-медик императрицы Марии Федоровны 153
Беклешев (вместе с Паниным призван на службу Александром I после его вступления на престол) 180
Белли Г.Г., капитан-лейтенант 270
Белозерская, княгиня из «большого света» 124
Бенкендорф, генерал, приятель Марии Федоровны 172
Беннингсен Леонтий Леонтьевич, с 1773 г. на русской службе, генерал от кавалерии (участник переворота 11 марта 1801 г.) 17—19, 21, 22, 58, 83, 86, 100, 103, 104, 106, 107, 114, 125—127, 138, 141—143, 146, 148, 149, 152, 153, 155, 156, 159, 169, 176, 178, 180, 204, 246, 249, 263
фон Беригарди Теодор, немецкий историк, экономист и дипломат 18, 21, 56, 58—60, 83, 86, 87, 107, 124—126, 128, 141, 143, 146, 148, 152, 169, 180, 245, 247
Бибииков, полковник Измайловского полка 126, 143, 251
Бинемани, немецкий издатель 20
Бирон Эрнст Иоган, граф, фаворит Анны Иоанновны, регент России при Иване VI Антоновиче 6, 7, 9, 10, 14
Бобринский Алексей Григорьевич, внебрачный сын Г.Г. Орлова и Екатерины II (род. в 1762 г.), граф 230
Бок, полковник 249
Бороздин Николай, полковник 149
Брауншвейг-Люнебургские, принцы и принцессы, братья и сестры императора Ивана VI Антоновича (см. также Антон Ульрих и Анна Леопольдовна) 7, 14
Бренна Викентий (Винченцо) Францевич (итальянец), архитектор, работал в России в 1783—1802 гг., строил по проекту В.И. Баженова Михайловский дворец 57

- Брикнер** Александр Густавович, историк, профессор 20, 201, 202, 204, 207, 213, 219, 230, 243, 245, 249, 252, 254
Будберг, русский посланник в Стокгольме 41, 254
Бутурлин, генерал, поддерживавший А. Меншикова 11
Бутурлин, племянник Воронцова 23, 39, 70, 166
Буцинский, профессор, историк 206, 207, 220, 226

В

- Вельгорский** 174
Вельямнов-Зернов 205, 213
Волконский Петр Михайлович, князь, полковник (участник переворота 11 марта 1801 г.) 49, 248
Вольтер Франсуа Мари, французский писатель и энциклопедист 209
Воронцовы, графы 72
— Александр Романович, русский государственный деятель и дипломат 41, 43, 71, 232
— Семен Романович, русский государственный деятель, полномочный посол в Лондоне 22, 23, 29, 31, 34, 39—42, 56, 63, 68—73, 75, 80, 88, 96, 164—168, 180, 183, 186—188, 217, 252
Вяземский, князь 166

Г

- Гагарин**, князь, муж Лопухиной 56
Гагарина, княгиня (урожденная Лопухина) 55, 56, 60, 61, 124, 140, 206, 215, 217, 219
Гайльс, английский дипломат в Стокгольме 41
Гейкинг, барон, автор мемуаров 20, 66, 85, 169, 172, 174
Гельвеций Клод Адриан, французский философ 209
Генрих III, французский король (с 1574 г.) 169
Георг III, король Англии, затем и Ганновера 81, 179, 219
Гессен-Рейнфельский, принц 39
Гиз, герцог, убитый Генрихом III, королем Франции 169
Голицын, князь, генерал (посвященный в тайну заговора против Павла I) 118
Головина В.Н., графиня, автор «Записок» 202
Горголи, майор 147
Гриве, лейб-медик, доктор 126
Гримм Фридрих-Мельхиор, барон 23, 69
Грузиновы: 239
— Евграф, полковник, старший брат Петра 239, 240, 242
— Петр, младший брат 239, 240
— старшина, дядя Евграфа и Петра 239
де-Груши, виконт 18
Гудович Иван Васильевич, граф 41
Густав IV, шведский король 38, 50, 78, 93, 169, 183, 187, 191, 194

Д

- Даламбер** (д'Аламбер) Жан Лерон, знаменитый французский математик и энциклопедист 209
Дашкова Екатерина Романовна, княгиня, урожденная Воронцова, президент Российской академии 39
Депредавич, командир Семеновского гвардейского полка 118, 121, 126
Державин Гаврила Романович, русский поэт 213
Дибич Иоганн, генерал, прусский офицер, перешедший в 1798 г. на русскую службу, доверенный принца Евгения Вюртембергского 125, 206
Дидро Дени, французский энциклопедист 209
Долгорукие (Долгоруковы), представители русского княжеского рода 6, 9
Долгоруков П., князь 248
Дятлев, адъютант великого князя Александра 48

Е

- Евгений Вюртембергский**, принц 59, 124, 204, 205, 206, 214, 215, 216, 249, 251, 263
- Екатерина**, дочь Павла I и Марии Федоровны 206
- Екатерина I Алексеевна** (Марта Скавронская, дочь литовского крестьянина, жена Петра I), российская императрица 6, 11, 15
- Екатерина II Алексеевна**, урожденная Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, жена Петра III, российская императрица 7, 12—15, 22, 28, 30, 32, 33, 35, 37, 44, 47, 52, 56, 57, 78, 80, 162, 164, 166, 201, 202, 208, 209, 211—213, 222, 237, 249, 258, 260, 263
- Елизавета Алексеевна** (Луиза Мария Августа, дочь баденского маркграфа), супруга Александра I, императрица 151—153, 157, 204
- Елизавета Петровна**, дочь Петра I, российская императрица 7, 11, 12, 14, 15, 22, 57, 208, 209, 220
- Ермак Тимофеевич**, казачий атаман, предводитель похода в Сибирь 240, 242

Ж

- Жеребцова**, сестра Зубовых 16, 104, 121
- Жубер** Бартеlemi Катрин, французский генерал 270

З

- Завадовский** Петр Васильевич, граф, русский государственный деятель 23, 165
- Загряжская**, высланная из Петербурга за неучтивость с княгиней Лопухиной 40
- Загряжский**, камергер, из «большого света» в Петербурге 124
- Зейдер**, пастор, живший около Дерпта 235, 236, 242
- фон Зибель** Генрих, немецкий историк и политический деятель, основатель журнала «Historische Zeitschrift» 18, 206
- Знаменский** П.В., исследователь быта духовенства 225
- Зубовы**, братья (участники дворцового переворота 11 марта 1801 г.) 11, 20, 22, 92, 100, 103, 104, 114, 119, 121, 124, 126, 148, 158, 169, 248, 263
- Валерьян (Валериан) Александрович, граф, сенатор 104, 107, 120, 124, 139, 149, 180, 246, 263
- Николай Александрович, граф, сенатор, зять А.В. Суворова 104, 107, 139, 143, 144, 146, 176, 180, 246, 263, 264
- Платон Александрович, князь, русский государственный деятель 104, 107, 124, 126, 134, 135, 137, 139, 140, 141, 144, 146, 148, 149, 151, 169, 170, 175, 176, 178—180, 191, 204, 217, 246, 249, 263

И

- Иван IV Васильевич Грозный**, первый русский царь 37
- Иван VI Антонович**, сын Анны Леопольдовны (племянницы императрицы Анны Иоанновны) и герцога Антона Ульриха Брауншвейгского, российский император 6, 7, 9
- Иванов**, флигельман, служивший у Н. Саблукова 159
- Измайлов** (наряду с Ростопчиным и другими сановниками пользовался доверием Павла I) 34
- Иосиф**, венгерский палатин, муж дочери Павла I Александры 152

К

- Кадыр-бей**, турецкий адмирал 266, 267
- Канкрин** Егор Францевич (выходец из Германии, на русской службе с 1797 г.), граф, государственный деятель 249

- Карамзин** Николай Михайлович, русский писатель, публицист и историк 219
- Карл** Австрийский Иоганн, эрцгерцог, австрийский полководец 272
- Кастельчикала**, принц, неаполитанский посланник в Лондоне 168
- Клейнмихель**, бывший лакей генерала Апраксина 48
- Клейнмихель** Петр Андреевич, адъютант А.А. Аракчеева, начальник штаба военных поселений 207
- Клинггер** Фридрих Максимилиан, немецкий писатель, начальник первого кадетского корпуса 125
- Клингспор**, граф, чрезвычайный дипломат в Петербурге 29, 33
- Кнорринг**, генерал, приятель Марии Федоровны 172
- Кобеко** Д.Ф., историк, автор исследования «Цесаревич Павел Петрович» (1882 г.) 202
- Ковалевский** П.И., профессор 208, 219
- Кологривов**, генерал, начальник гусарского полка 147
- Конде** Л.Ж., французский принц 272
- Константин Павлович**, сын Марии Федоровны и Павла I, великий князь 18, 19, 54, 56, 60, 63, 80, 119, 124, 130, 132, 134, 135, 137, 143, 149, 151, 156, 157, 169, 170, 206, 216, 263
- Коцебу**, писатель (ему Павел I поручил сделать описание Михайловского дворца), автор сочинения «Самый замечательный год моей жизни» 39, 40, 61, 130
- Кочубей** Виктор Павлович, граф, русский дипломат и государственный деятель (друг Александра I) 23, 34, 38, 68, 69, 88, 167, 168, 186, 191, 194, 195, 245
- Крюденер**, барон, русский посланник в Берлине 42, 125, 127
- Куракины** 56, 155, 249
- Александр Борисович, князь, русский государственный деятель, дипломат 217, 220
- Кутайсов Иван Павлович**, граф 34, 35, 40, 60, 71, 130, 147, 213, 219
- Кутузов** Михаил Илларионович, генерал-майор, русский полководец 61, 130, 147

Л

- де Лагарп** Фредерик Сезар, воспитатель великих князей Александра и Константина 183, 244, 252—254
- Лазарев**, генерал 262
- Ланжерон** Александр Федорович, граф, французский эмигрант на русской службе 17, 18, 20, 21, 44, 46—48, 58, 61, 64, 66, 67, 80, 83, 85, 94—96, 103, 106—108, 110, 113, 114, 124—126, 130, 134, 139, 143, 149, 151, 158, 159, 180, 184, 230, 231
- Ланской**, приятель И.П. Кутайсова 147
- Лафермьер**, библиотекарь и чтец Марии Федоровны 55
- Леопольд Тосканский**, герцог 29
- Ливен**, графиня, обер-гофмейстерина великих княжен 151, 152, 157
- Ливен** Д.Х., князь, генерал-адъютант Павла, впоследствии посланник в Лондоне 197, 204
- Линденер**, любимец Павла I гатчинских времен 46, 113
- Лобанов-Ростовский** Алексей Борисович, князь, русский дипломат, сотрудничал в журналах «Русская Старина» и «Русский Архив» 202, 252
- Лопухин**, обер-прокурор (отец любовницы Павла I) 55, 206, 249
- Лопухин** Иван Владимирович, русский государственный деятель, публицист, масон 234
- Лопухина**, княгиня (мать любовницы Павла I) 40, 60, 118
- Лопухина**, фрейлина, дочь обер-прокурора, любовница Павла I (см. Гагарина)

Лузи, прусский посланник 100
Лунин Михаил Сергеевич, декабрист 248
Любомирский, князь 151
Людовик XVI, король Франции из династии Бурбонов 264

М

Макдональд Жак Этьенн Жозеф Александр, генерал французской армии, маршал Франции (с 1809 г.) 270
Мансуров, генерал (участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.) 118, 146
Манштейн, полковник 10
Марин, поручик Преображенского полка 124, 131, 139
Мария Федоровна (София-Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская), вторая супруга Павла Петровича, императрица 15, 39, 54—58, 82, 96, 149, 151—153, 155—159, 171—175, 180—183, 188, 189, 191, 202, 204, 206, 212, 219, 235, 249, 251, 263
Массена Андре, генерал французской армии 272
Массон, автор записок о России 231
Меншиков Александр Данилович, князь 6, 9, 11
Мертвый (служил под начальством генерал-прокурора Оболянинова) 207, 233
Мещерская, княгиня, внучка Н.П. Панина 21
Миних Бурхард Христофор, граф, русский генерал-фельдмаршал 9—11, 14
Мирович Василий Яковлевич, подпоручик, пытавшийся освободить Ивана VI из Шлиссельбургской крепости 14
Михаил Павлович, сын Павла I и Марии Федоровны, великий князь 61, 219
Монтескье (Монтескё) Шарль де Секонда, барон де Ла Бред, французский адвокат, автор сочинений по философии права 209
Морков Аркадий, граф 41, 166
Моро Жан Виктор, французский военачальник 270, 272
Муравьев (входил в состав иностранного ведомства после вступления на престол Александра I) 181, 182
Мусина-Юрьева, дочь Павла I и финки 219
Муханов, обер-штальмейстер 130, 151, 152, 157, 188
де Мэстр Жозеф 200

Н

Наполеон I (Бонапарт), первый консул Французской республики, император французов 17, 180, 264
Нарышкин Лев Александрович, обер-штальмейстер 35
Наталья Алексеевна (Августа Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадтская), первая супруга великого князя Павла Петровича 209, 211, 212
Нелидова Екатерина Ивановна, фрейлина 54, 55, 172, 202, 213, 219
Николаи, секретарь императрицы Марии Федоровны, председатель Академии наук 23, 39, 41, 43, 72, 165, 187
Николай I, сын Павла I и Марии Федоровны, император Всероссийский 61, 82, 96, 198, 202
Новосильцев Николай Николаевич, русский государственный деятель 73, 75, 191

О

Оболянинов, генерал-прокурор, обер-прокурор Сената 35, 63, 118, 119, 121, 207, 224, 234, 235, 237
Орловы:
— Алексей Григорьевич, граф, русский военный и государственный деятель 23, 166
— атаман Войска Донского 217
— граф, сенатор, тесть Н.П. Панина 43, 118, 198
— Григорий Григорьевич, граф, русский военный и государственный деятель 14

Остерман Андрей Иванович, русский государственный деятель, дипломат, граф 9, 11

П

Пален Петр Алексеевич, граф, петербургский генерал-губернатор (один из главных организаторов заговора против Павла I) 15—22, 30, 44, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 83, 85—88, 90—96, 100—104, 106—108, 110, 111, 113—115, 119, 120, 125—127, 137—141, 145, 146, 149, 151, 153, 155, 158, 168—172, 174—176, 178—181, 183—185, 191, 216, 220, 245, 246, 248, 249, 263, 264
Панины, графы:
— Никита Иванович, дипломат, обер-гофмейстер, наставник великого князя Павла Петровича 244, 248
— Никита Петрович, вице-канцлер (один из организаторов заговора против Павла I) 15, 16, 20—23, 38, 54, 41, 42, 44, 50, 55, 63, 70—73, 81—88, 90—97, 100, 101, 103, 104, 108, 115, 171, 175, 176, 178—195, 197, 198, 200, 204, 245—248, 252, 253, 254
— Петр Иванович, брат Никиты Ивановича и отец Никиты Петровича, генерал-аншеф 209, 243
Панчулидзева С.А., военный историк, автор «Истории кавалергардов» (1901 г.) 202
Перекатов, гренадер 152
Петр I Алексеевич Великий, русский царь, первый российский император 6, 9, 11, 201, 212
Петр II Алексеевич, сын царевича Алексея Петровича и принцессы Софии Шарлотты Вольфенбюттельской, российский император 6, 15
Петр III Федорович (Карл Петр Ульрих, сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I Анны), российский император 7, 9, 11, 13—15, 54, 208, 212, 229
Пецольт, саксонский посланник 12, 14
Платон (Левшин), законоучитель Павла Петровича, митрополит московский 226, 233
Платонов Сергей Федорович, русский историк 202
Полторацкий Константин, офицер 152
Порошин Семен Андреевич, воспитатель великого князя Павла Петровича 209
Посошков Иван Тихонович, русский экономист 201
Потемкин Григорий Александрович, светлейший князь Таврический, русский государственный и военный деятель 29, 44, 201, 232
Приклонский (вскрытое письмо которого послужило одной из причин опалы Н.П. Панина) 101
Пугачев Емельян Иванович 240, 241
Р
Радищев Александр Николаевич, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» 227, 230
Разумовские, графы:
— Алексей Кириллович, сын Г.К. Разумовского, русский государственный деятель 23
— Андрей Кириллович, сын Г.К. Разумовского, дипломат, князь 26, 30, 38, 197, 211, 212, 219
Репин, генерал, посланный Павлом I в Старочеркасск следить за делом Грузиновых 242
Репнин Николай Васильевич, князь, русский военачальник и дипломат, генерал-фельдмаршал 101
Рибас Осип Михайлович (родом с острова Мальты, на русской службе с 1772 г.), адмирал, участник основания Одессы (один из главных организаторов заговора против Павла I) 83, 86, 103, 108, 187
Римский-Корсаков А.М., русский генерал 272
Ричард III, английский король (с 1461 г.) 215

Роджерсон, лейб-медик Екатерины II, доктор 23, 31, 38, 42, 43, 52, 59, 165, 180, 182, 217
Рожнов, отставной прапорщик 220
Розенберг, графиня 29
Розенцвейг Карл Фридрих, саксонский резидент 16, 21, 35, 57, 60, 64, 84, 85, 93, 102, 104, 124, 126, 138, 139, 143, 145, 149, 156
Росси, сардинский посланник 37
Ростопчин Федор Васильевич, граф, русский государственный деятель 28, 30, 31, 32, 34, 35, 38, 40—42, 46, 55, 56, 59, 63, 68, 69, 71, 82, 100, 101, 114
Рудковский, лакей в Михайловском дворце 132
Рунич, владимирский губернатор 233

С

Саблуков, отец Н.А. Саблукова, вице-директор комиссариатского департамента 39, 119
Саблуков Н.А., генерал, автор исторических записок 19, 30, 33, 39, 47, 51, 52, 59, 62, 80, 118—121, 126, 130—132, 134, 135, 137, 139, 144—146, 151, 152, 157, 159, 170, 172, 175, 191, 216, 232, 246, 263
Салтыковы:
— Иван Петрович, граф, фельдмаршал 53, 217, 237, 238
— С., камергер Петра III 208
де-Санглен 237
Семевский Василий Иванович, историк, доцент Петербургского университета 256
Сиверс Яков Иоанн, граф 171
Скарятин, офицер Измайловского полка (участник переворота 11 марта 1801 г.) 143—145, 264
Смирнов, священник при русском посольстве в Лондоне 167
Соймонов (сделал благоприятные предложения для приписных крестьян) 228
Спирidonова Мария Александровна, один из лидеров партии левых эсеров 254
Стединг, шведский посланник в Петербурге 16, 29, 33, 37, 38, 50, 55, 56, 78, 80, 93, 128, 182, 187, 191, 195
Строганов Павел Александрович, граф, русский государственный и военный деятель 191
Суворов (Суворов-Рымникский) Александр Васильевич, граф, князь Итальянский, русский полководец, генералиссимус 30, 42, 262, 264, 266, 269, 270, 272

Т

Талбанов, начальник батальона Преображенского гвардейского полка 124, 138
Талызин, генерал, командир Преображенского полка 83, 118—121, 125, 126, 138, 158, 248, 263
Таротинов, майор (вероятно, Татаринов) 142
Татаринов, сенатор (участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.) 118, 144, 146
Татищев, племянник С.Р. Воронцова, русский государственный деятель 23, 164, 180, 181
Теплов Григорий Николаевич, сенатор (преподавал государственные науки Павлу Петровичу) 209
Толстой Петр Александрович, русский военный деятель, дипломат, граф 118, 198, 246, 248
Тончи (неаполитанец), философ, поэт и художник 121
Тормасов Александр Петрович, граф, русский военачальник, генерал от кавалерии 134, 159
фон **Требра**, прусский ротмистр, младший гувернер принца Евгения Вюртембергского 125
Трифилев, автор исторических исследований 226, 227
Трощинский, сенатор (один из важнейших заговорщиков против Павла I) 118, 126, 127, 246

Тургенев А.М., адъютант фельдмаршала И.П. Салтыкова в Москве 32, 33, 35, 47, 49, 50, 52, 53, 213, 237, 239
Тутолмина, сестра Н.П. Панина 197
Тьер Адольф, французский государственный деятель, историк 17, 18

У

Уваров Федор Петрович, генерал от кавалерии, командир Кавалергардского полка (участник переворота 11 марта 1801 г.) 60, 61, 118, 126, 133, 134, 146, 149, 151, 152, 169, 248
Унтворт, английский посланник в Петербурге 16, 41, 124, 168, 216
Ушаковы:
— братья (причастные к заговору против Павла I) 121
— генерал, один из братьев, служивший в Кавалергардском полку 126, 132
— Федор Федорович, русский флотоводец, адмирал 264, 266, 267, 272
Уэльский, принц, регент при английском короле Георге III (с 1820 г. — король Георг IV) 81, 219

Ф

Федосеев, подпоручик 220
Филатьев, солдат Кавалергардского полка 159
Фолькерсберг, капитан из свиты принца Евгения Вюртембергского 125
Фонвизин Денис Иванович, русский писатель 243, 244
Фонвизин Михаил Александрович, декабрист, генерал-майор 205, 225, 247—249
Франц II, австрийский император 272
Фридрих II, прусский король 208, 212
Фридрих VI (регент Дании при Христиане VII) 81, 219

Х

Хитров, адъютант великого князя Константина 121, 126
Христиан (Кристиан) VII, король Дании 81, 179, 219

Ч

Чарторьский Адам Адамович, князь 21, 22, 42, 88, 92, 93, 115, 184, 185, 191, 197, 217, 220, 230, 244, 249
Чеголокова (Чоглокова), обер-гофмейстерина, приставленная для наблюдения за великим князем Петром Федоровичем и Екатериной Алексеевной 208
Чепинская М.В., переводчица 204
Чередин, начальник московского отделения Тайной канцелярии 239
Чичагов Василий Яковлевич, адмирал 43, 69, 166, 169
Чичерин, генерал, сенатор (участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.) 118, 146, 264

Ш

Шабо, французский генерал 267
Шевалье, актриса, любовница И.П. Кутайсова 147
Шильдер Николай Карлович, русский историк 202
Шинман, профессор, знаток русской истории 202
Шишков Александр Семенович, русский государственный деятель, писатель 229, 231, 232
Шумигорский Е.С., историк 202

Э

Эдуард IV, английский король (с 1461 г.) 215

Я

Яшвиль, князь (участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.) 118, 142—144, 146, 176, 264

УДК 94(47) (092)
ББК 63.3(2)46-8
Б87

Научно-популярное издание

Брикнер Александр Густавович

ИСТОРИЯ ПАВЛА I

Перевод М. Чепинской

Ответственный редактор Т.Ю. Пинталь
Подбор иллюстраций Г.В. Аксенова
Художественная обработка иллюстраций Е.Н. Букварева, А.А. Букварева
Дизайн-макет Т.Ю. Пинталь
Дизайн обложки И.Г. Сальникова
Подготовка иллюстраций А.Н. Самусевич
Редактор Н.И. Боярченкова
Корректор Н.В. Филиппова
Технический редактор М.Н. Курочкина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература научная и производственная
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Подписано в печать 21.07.2004 г. Формат 84×108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 5000 экз. Заказ № 1305.

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: www.ast.ru, e-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР»
170040, г. Тверь, пр. 50-летия Октября, 46.

По вопросам оптовой закупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
129085, Москва, Звездный б-р, 21 (7-й этаж), (м. Алексеевская)
Телефоны только для оптовых покупателей:
(095) 215-01-01, 215-43-38, факс: (095) 215-51-10

ISBN 5-17-026448-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09939-3 (ООО «Издательство Астрель»)

© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2004

А. Г. Брикнер

ИСТОРИЯ
ПАВЛА I

Книга «История Павла I», написанная профессором русской истории Дерптского университета, автором известных сочинений (о Петре I, Екатерине Великой, Потемкине, Паскевиче и др.)

А. Г. Брикнером, впервые увидела свет в 1897 г. и стала первым историческим исследованием на заранее запретную тему.

Убийство императора завершило трагическую цепь дворцовых переворотов и насильственных устранения претендентов на российский престол. Проследив жизненный путь Павла I, автор приходит к выводу, что гибель Павла – вполне закономерный итог правления сына Екатерины Великой.

Насилие, которым положен был конец царствованию императора Павла, – явление в истории России не единичное.

Событие это представляет собой скорее завершение целого ряда переворотов, происходивших в течение XVIII столетия и имеющих много сходного между собой.

Брикнер История Павла I (1897)

ДВУХ КТ
КОД 194759
ЕД. ШТ. 9 785170 264483
ЦЕНА
579.00

9 785170 264483 П

